

УРОДИНА

* [VK.COM/KN_BOOKS](https://vk.com/KN_BOOKS) *

Что ранит глубже: кулаки или слова?

Автор бестселлеров по версии New York Times

Маргарет МакХейзер

Если бы я была мертва, то не была бы способна видеть. Если бы я была мертва, то не была бы способна чувствовать. Если бы я была мертва, он никогда бы снова не поднял на меня руку. Если бы я была мертва, его слова не ранили бы так глубоко, как они ранят. Если бы я была мертва, то была бы красива и не была бы столь... уродлива. Я не мертва... но мне хочется умереть. Это темный, не серийный роман. Содержит сцены насилия.

УРОДИНА

Автор: Маргарет МакХейзер

Жанр: Современный любовный роман, Темный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Вне серий

Главы: Пролог+41 глава+Эпилог

Переводчик: Дарья Н.

Редакторы: Дарья Х, Алена Ф.

Вычитка и оформление: Екатерина Л.

Обложка: Таня П.

*Прошлое формирует нас,
настоящее направляет нас,
будущее ожидает нас.*

***

Для каждого выжившего и жертв семейного насилия

В такие дни, как сегодня, мне хочется быть мертвой.

— Лили Андерсон, тащи сюда свою уродливую задницу прямо сейчас. Не заставляй меня идти за тобой, — кричит отец.

Он так зол. Еще в тот момент, когда я услышала, что он пришел с работы, я знала, что меня ждут неприятности. Я была в своей комнате и, лежа на полу, пыталась сделать домашнее задание по математике. Он хлопнул дверью так сильно, что окна в моей комнате задрожали.

Именно тогда я поняла, что у меня неприятности.

— Лили Андерсон! — кричит он снова.

Как только я слышу его крик, сразу бегу в свое укрытие. В шкафу в прихожей я зажимаюсь так далеко в угол, как только могу. Передо мной висит старое мамино пальто, и я все еще могу чувствовать слабый запах духов, которыми она пользовалась.

— Лили Андерсон! — кричит он. Я слышу гнев в его голосе и уже могу почувствовать боль, которую он собирается причинить мне, когда откроет дверь шкафа. Я знаю, что будет дальше. Плотно закрываю глаза, сжимая их так, чтобы свет не смог просочиться, и закрываю уши руками так, что не могу его слышать.

— Клянусь Богом, если мне придется искать тебя, ты не сможешь сидеть в течение месяца.

Прижимая колени к груди, я пытаюсь стать маленькой и невидимой, чтобы он забыл, что я здесь. Я укачиваю себя, пытаюсь заблокировать слова, которые он произносит.

В школе безопасно. В школе безопасно. В школе безопасно.

Я продолжаю повторять это как мантру, потому что через несколько часов я вернусь в школу. Может быть, завтра я смогу пойти в библиотеку после школы и оставаться там, пока она не закроется, а затем проникнуть сюда после того, как отец вырубится, потому что он слишком много выпил.

Раньше все было по-другому.

Мне двенадцать лет, и я помню, как папа, мама и я, все мы были счастливы. Но это было много лет назад. Уже очень долго в этом доме нет никакого счастья.

Ну, до того, как мама умерла, и ни дня после.

Мама умерла, когда мне было девять лет. Я не многое помню о ней, только то, как она говорила мне, насколько я некрасива. Насколько жизнь была бы лучше, если бы меня у них забрали. Что я никогда ничего не достигну, потому что я тупая и уродливая.

Иногда я мечтаю о приятных вещах. Как мы все собираемся на пикник: я, мама, папа и маленький светловолосый мальчик. Солнце светит на нас с высоты, и мы играем на улице и смеемся. Мы бы ели вкусные бутерброды, которые мама сделала для нас, и пили домашний лимонад. Мы бы проводили долгие часы на улице, смеясь и разговаривая, и просто получая удовольствие. Мама бы сказала мне, какая я милая и как сильно она меня любит. Она бы играла с моими волосами, заплела их, а потом мы бы пошли собирать яркие цветы, чтобы взять их домой и поставить в вазу. Папа бы улыбался и звал нас «своими девочками», целуя маму и обнимая меня. Папа посадил бы маленького мальчика себе на плечи и бегал бы по парку, пытаясь поймать облака.

Я люблю эти мечты и держусь за них, желая, чтобы они были реальными. Но у меня никогда не было такой мамы, а мой папа не говорит много, если только с помощью кулаков, или чтобы сказать мне, как я некрасива и бесполезна.

Я чувствую, как он ходит по дому. Половицы скрипят, и вибрации от его шагов проходят через пол прямо подо мной. Я крепче закрываю глаза и пытаюсь дышать так тихо, как только могу.

Пожалуйста, папочка, уходи. Пожалуйста, уходи.

Мое сердце бьется так быстро. Руки дрожат, и я действительно очень пытаюсь не думать о том, что произойдет в ту минуту, как он откроет дверь шкафа.

Тсссс... тут так тихо. Единственный звук — биение моего сердца в ушах. Ничего больше. Ни шепота, ни треска... ничего.

Может быть, папа ушел. Может быть, он пошел в бар немного выпить. Может быть, просто может быть, он ушел... навсегда.

Я делаю глубокий вдох и просто расслабляюсь на мгновение. Мои плечи опускаются, и я, наконец, перестаю качаться.

Медленно убираю руки от ушей, и я так счастлива, потому что не слышу, как он орет на меня. Я не слышу его вообще.

Я пытаюсь разлепить сомкнутые глаза, которые до этого плотно зажмурила. Что-то не так. Свет просачивается через шкаф.

Я даже не успеваю полностью открыть глаза до того, как он протягивает руку внутрь, грубо хватая меня за хвостик и тянет.

— Я говорил тебе, что будет только хуже, если мне придется искать тебя, — говорит папа, когда тащит меня за волосы из шкафа.

Я отчаянно пытаюсь держать голову так, чтобы он не вырвал волосы. Мои ноги волочатся по грязным половицам.

— Пожалуйста, папа. Пожалуйста. Ты делаешь мне больно, — я начинаю рыдать, умоляя его.

— Тогда твоя уродливая задница должна была прийти, когда я звал тебя, ты, глупая сука. Ты чертовски бесполезна, ты глупая идиотка, — говорит он. Но сейчас его голос спокоен и он продолжает тащить меня в гостиную.

Вот когда он страшнее всего. Когда его голос спокойный, а глаза наполнены ненавистью. Он бросает меня в сторону дивана и отходит на шаг назад, чтобы посмотреть на меня.

Я смотрю вверх и вижу, что он злее, чем я когда-либо видела.

— Ты тупой, уродливый кусок дерьма, — говорит он, расхаживая взад и вперед передо мной.

— Прости, папа. Что бы я ни сделала, мне так жаль, — я сжимаюсь, пытаюсь стать еще меньше.

— Ты чертовски глупа, не так ли? — он плюет в мою сторону, а затем подносит руку к своему подбородку.

— Я сожалею, — снова говорю я. Горячие слезы быстро катятся по моим щекам. Голова болит там, где он тянул меня за волосы, но я не решаюсь попробовать потереть то место.

— Ты долбаная уродина, — выплевывает он и пинает ботинком мою ногу.

Боль наступает мгновенно, и я, кажется, чувствую, что нога сломана.

— Пожалуйста, папа, — снова прошу я, закрывая лицо руками.

Но мольбы никогда не срабатывали.

Ничего не срабатывало.

Я просто должна принять побои, потому что это именно то, что делают глупые, уродливые девочки.

Директор школы вызвал меня сегодня в свой кабинет. Он сообщил мне результаты экзаменов, ради которых я так усердно училась. Я оканчиваю школу со средним баллом 3.9. Также он спросил меня, что я хочу изучать в колледже и куда собираюсь поступать.

Но я знаю, что папа не заплатит за мое обучение в колледже. Он всегда говорит мне о том, насколько я глупа. Его слова всегда звучат в моей голове, готовые стереть любую крупинку уверенности, которую я могу почувствовать.

— Ради Бога, Лили, ты, возможно, одна из самых уродливых и глупых девушек, которых я знаю, — часто говорит он. Обычно это сопровождается еще более нечленораздельно произнесенными оскорблениями.

Я слышала их столько, сколько себя помню. Теперь мне семнадцать, и это продолжается уже очень долго. Он прав насчет одного — я, определенно, уродлива. У меня светлые волосы, которые безвольно лежат на моих плечах, и глаза, скорее зеленые, чем карие, но они унылые и невзрачные. Как и я. Я даже не знаю, с чего бы кто-нибудь захотел бы поговорить со мной или стать моим другом.

У меня нет друзей в школе. Я даже ни на кого не могу посмотреть, потому что если сделаю это, они могут увидеть ушибы. Не те ушибы, что на моей коже, нет, их легко скрыть. Я имею в виду ушибы, скрывающиеся в глубине моей души. Боль и печаль со мной с момента, как я просыпаюсь, и до тех пор, пока не усну.

Никто не говорит со мной, потому что, ну, в общем, я уродлива. У уродливых девушек нет друзей. Мы просто скрываемся и пытаемся раствориться везде, где можем, изо всех сил пытаясь быть тенью, поэтому никто не смотрит на нас и не приближается к нам.

На прошлой неделе я шла домой со школы, и там был парень, который ежедневно после обеда стоит на автобусной остановке в ожидании автобуса. Он улыбнулся мне. Сначала я подумала, что он улыбался человеку, вышедшему из автобуса позади меня, и я отвела взгляд, потому что, ей-Богу, кто будет улыбаться мне?

На следующий день он улыбнулся снова, и я оглянулась, чтобы посмотреть, кому он улыбался. Девушка, которая шла за мной, была одной из самых популярных девушек в школе, и я знала, что улыбка была предназначена ей, а не мне. Я не симпатичная, и, определенно, не популярна.

Даже учителя не знают моего имени. Большинство из них должны посмотреть в свой журнал, чтобы проверить. Учителя математики и английского знают мое имя, а остальные нет. Даже несмотря на то, что я всегда лучшая в классе, я все еще остаюсь незаметной. Это как раз то, что мне нравится.

На третий день, когда я вышла из автобуса, парень встал передо мной и поздоровался. Ну, серьезно, зачем ему говорить со мной? Я опустила глаза, прижала сумку к груди и поспешила домой. Должно быть, он хочет, чтобы я сделала его домашнюю работу. Но я не видела его в школе, возможно, он учится в другой и хочет, чтобы я сделала его работу за него.

На четвертый день он встал передо мной снова и сказал:

— Привет, я — Трент, как дела? — он протянул мне руку для рукопожатия и нетерпеливо ждал. Но я снова отвела взгляд, опустила ниже голову и поспешила домой.

Это была одна из тех ночей, когда папа пришел домой пьяным, вошел, спотыкаясь, в мою комнату и стащил меня с кровати. Он схватил меня за футболку и бросил меня в стену.

— Это все твоя вина! — кричал он в своей оскорбительной манере.

В такие моменты я знаю, что нужно молчать и не плакать. Слезы никогда не помогают, так же, как и мольбы. Я просто должна принять это.

— Ты уродливый кусок дерьма. Ты так же глупа, как и уродлива. Тебе пора начинать сосать член, потому что это единственное, в чем ты когда-либо будешь хороша. Это все твоя вина! — снова кричал он.

Все, что я могла сделать, это съежиться. Я обхватила руками голову, сжалась в такой маленький комок, какой только смогла, и защищала свою голову от ударов, пинков и пощечин.

В конечном счете, папа устал и, спотыкаясь, пошел вниз, в свою спальню. Я бы захлопнула свою дверь, если бы могла, но папа убрал ее, когда я еще была маленькой.

Я не уверена, как он отреагирует, когда я скажу ему, что Трент пытался проводить меня домой сегодня. Когда я вышла из автобуса, Трент ждал меня. В руке он держал цветок и широко и мило улыбался мне.

— Знаешь, однажды ты все-таки скажешь мне свое имя, — сказал он, идя со мной к моему дому.

Я посмотрела на него искоса, стараясь избегать его глаз, но они настолько большие и карие, что я не могла сопротивляться им.

— Что ты делаешь? — спросила я, осматриваясь вокруг, пытаюсь убедиться, что папа не увидел его.

— Я просто хочу узнать твое имя, — он попытался вручить мне цветок, но я покачала головой и прижала сумку ближе к своей груди. — Я действительно хочу отдать этот цветок тебе. Он симпатичный, так же, как и ты.

Это заявление заставило меня громко рассмеяться. Я знаю, Трент сказал бы что угодно, ведь он хотел использовать меня.

— Да, хорошо, — мой голос звучал не громче шепота.

— Это правда. Я действительно думаю, что ты симпатичная, — повторил он.

Но к этому моменту я уже отключилась от его попыток использовать меня.

— Мне нужно вернуться домой, — сказала я и пробежала оставшуюся часть пути. Когда я обернулась, я почти ожидала увидеть Трента, следующего за мной, но он просто стоял на углу, наклонив голову набок, наблюдая за мной.

Теперь я сижу в своей комнате, вся моя домашняя работа сделана, и я просто читаю. Моя любимая книга — пьеса под названием «Суровое испытание». *(Примеч. «Суровое испытание» — пьеса американского драматурга Артура Миллера, основанная на реальных событиях — судебном процессе над Салемскими ведьмами).* Я читала ее так много раз, что корешок книги скреплен клейкой лентой, а страницы поблекшие и хрупкие.

Мой живот урчит от голода. Я пытаюсь игнорировать тот факт, что я съела только кусочек хлеба на завтрак. Папа не часто приносит домой продукты. Только когда обнаруживает, что ему самому нечего есть, он покупает несколько пакетов еды.

Однажды я сказала ему, что холодильник и шкафы пусты, и он ударил меня тыльной стороной ладони и сказал, что это потому, что я жадная, уродливая сука, которая объедает его.

Я встаю со своей кровати и иду на кухню, надеюсь найти что-нибудь, что можно съесть.

Что угодно, даже крекер был бы лучше, чем вообще ничего.

Я открываю все шкафы и ничего не нахожу. В холодильнике есть апельсин, но он мягкий и уже начал плесневеть с одной стороны. Я вынимаю его из холодильника, подношу к раковине, отрезаю заплесневелую часть и вижу, что он оранжевый внутри. По крайней мере, хоть что-то будет в моем животе.

Я откладываю заплесневелую часть, потому что, если папа увидит ее в мусоре, он разозлится, что я не съела ее, и скажет, что я впустую трачу еду. Когда я съем половину, которая, кажется, в порядке, я закопаю испорченную половину на заднем дворе.

Поднеся апельсин к губам, я высовываю язык, чтобы убедиться, что это можно есть. Апельсин хорошо пахнет, поэтому я откусываю маленький кусочек. Это не нормальная еда, но хотя бы что-то.

Когда я доедаю, иду на задний двор и быстро рою яму голыми руками, чтобы закопать доказательства до того момента, как папа вернется с работы.

Как только захожу внутрь, я тщательно отмываю руки, убеждаясь, что нет никаких доказательств того, что я сделала. Я уже делала так несколько раз в прошлом и знаю, как съесть, закопать и вымыть руки так, что папа даже не поймет.

Я возвращаюсь в свою комнату, сажусь на кровать и беру свою книгу.

Мой разум перемещается во времена, когда женщин считали опасными, потому что они были ведьмами. Если бы я жила в те времена, меня бы считали опасной или оставили бы в покое, потому что я глупа и уродлива?

— Лили! — я слышу, как орет мой отец, когда закрывается входная дверь.

— Я здесь, пап, — говорю я и выхожу из своей спальни, упираясь взглядом в пальцы моих ног.

— Сделай мне что-нибудь поесть, — говорит он с легким пренебрежением в голосе. — Я голоден.

— У нас ничего нет. Я уже смотрела чуть раньше, — говорю я тихим голосом.

Я смотрю вниз, отказываясь встречать его пристальный взгляд, я уверена, что он будет орать на меня. Секунды тикают, я так напугана, что задерживаю дыхание. Я готовлюсь к тому, что произойдет дальше. Он ненавидит, когда ему говорят, что еды нет, и он ненавидит это еще больше, когда это говорю ему я.

— Ты жирная, уродливая сука. Ты съела все, что я купил? — я стою неподвижно, не шелохнувшись, не желая быть финальной причиной папиного гнева. — Ты во всем бесполезна. Испорченная сука, — выплевывает он, прежде чем я слышу, как захлопывается дверь.

Я выпускаю вдох, который задержала, и мое сердце начинает успокаиваться и возвращается к обычному ритму. Никаких оскорблений сегодня, и кулаков тоже. Я возвращаюсь в свою комнату и сажусь на кровать, беру свою потрепанную копию «Сурового испытания» и теряюсь в ней.

Когда начинает темнеть, температура спадает и прохлада целует мою щеку, я знаю, папа скоро вернется, и мне бы лучше уже спать. В такие ночи, как сегодня, я знаю, что ушибы появятся также и снаружи.

Я надеваю свою старую пижаму, которая слишком мала мне, и забираюсь на свою кровать под тонкое одеяло. Прижимаю книгу к груди, закрываю глаза и молюсь, чтобы папа оставил меня в покое сегодня вечером.

Мои мысли начинают уплывать, и темнота сумерек находит свой путь в мой разум.

Безжалостное жало охлажденного ночного воздуха держит меня парящей между жизнью и смертью.

Смерть... такое приятное, успокаивающее слово. Смерть заставляет заснуть и покоится, и обреченные больше не подвержены пыткам.

Мои глаза закрыты, разум дрейфует в мире теней, я чувствую, как книга выскользывает из моих пальцев. Я резко просыпаюсь и вижу сердитый, пьяный взгляд своего отца.

— Папа, — я вздрагиваю и пытаюсь ухватиться за свою книгу.

Он вырывает книгу из моих рук и начинает просматривать ее.

— Это то, чем ты забиваешь свою голову? Мусором? — он продолжает медленно переворачивать страницы, качаясь из стороны в сторону.

— Что я тебе сделала, чтобы обращаться со мной так ужасно? — спрашиваю я. Об этом я спрашиваю время от времени и никогда не получаю в ответ ничего, кроме невнятного из-за алкоголя бормотания.

Отец медленно поднимает свои глаза — злая, ненормальная улыбка постепенно растягивает уголки его губ. Он перемещает мою книгу и теперь держит ее двумя руками и неожиданно разрывает пополам.

— НЕТ! — кричу я, когда выпрыгиваю из кровати и бросаюсь на него. — Пожалуйста, — прошу я. Мой пропитанный болью голос умоляет его не уничтожать единственную вещь, позволяющую мне сбежать из этого адского дома, с этой адской улицы, где никто ничего не слышит и все всё игнорируют.

Папа смотрит на меня, его глаза и лицо пугающе холодны. Он делает вдох и с полной ясностью говорит:

— Это должна была быть ты, — его слова пропитаны злобой, а тон угрожающий, уничижительный.

— Да что же я сделала? — плачу я и падаю к его ногам. Порванные страницы небрежно усыпают весь пол.

— Слушай сюда, сука. Это ты должна была умереть вместо них.

«Них?». Я поднимаю взгляд на папу. Я даже не знаю, о чем он говорит. Я понятия не имею, кто эти «они».

— Прости меня, папа. Прости за все, что я сделала. Я не хотела этого. Я так сожалею, — рыдаю я, сжимая свои волосы, и упираюсь головой в свои колени.

— Ты и должна.

Папа просто выходит из моей комнаты, оставляя меня с настолько глубокой болью в душе, и я не думаю, что когда-либо снова смогу чувствовать себя нормально.

Когда я выхожу из автобуса, Трент снова меня ждет, держа другой цветок, предназначенный для меня. На этот раз это лилия. На его правой щеке появляется милая ямочка, когда он улыбается. Я не могу не улыбнуться, когда вижу, что он меня ждет.

— Привет, — говорит он и делает шаг в мою сторону.

Я смотрю вниз, сосредоточившись на его обуви.

— Привет, — тихо говорю я.

Я начинаю идти в сторону дома, прижимая свою сумку к груди так, как я всегда это делаю.

Он протягивает мне цветок, но я качаю головой. Он смотрит на мою сумку, затем отворачивается и рассматривает пешеходную дорожку, по которой мы идем.

— Я могу понести ее за тебя? — спрашивает он.

— Нет, спасибо.

Мы идем в тишине около пятидесяти метров, когда Трент начинает петь. Это нежная песня, но я не могу ее узнать, ведь у меня нет радио или чего-либо другого, чтобы слушать музыку. Папин телевизор стоит в его комнате, и он держит ее закрытой, когда его нет дома. Я действительно не знаю никаких артистов или групп.

Мы продолжаем идти к моему дому под пение Трента, он не говорит со мной.

— Так ты собираешь сказать мне свое имя? — наконец спрашивает он, когда мы подходим к первому повороту.

Я делаю глубокий вдох, словно проглатывая мяч для гольфа, забившийся в мое горло.

— Лили, — наконец отвечаю я после долгой тишины.

Посмотрев на него, я вижу, как Трент усмехается, покачивая головой.

— Что смешного?

— Я думаю, тебе и мне предназначено быть друзьями, Лили, — говорит он и протягивает мне цветок. — Этот цветок гораздо красивее того, что был вчера. Как только я увидел его, он сразу напомнил мне о тебе, и я должен был купить его, — он снова протягивает цветок, пытаясь вручить его мне.

Мы проходим еще немного, прежде чем я беру цветок и подношу его к носу, чтобы почувствовать аромат. Он пахнет сладко и тонко, ничего подавляющего.

— Спасибо, — шепчу я. Пока мы продолжаем идти, я не спускаю глаз с тротуара.

— Могу я пригласить тебя в кино? — спрашивает Трент. Его тон спокойный, но настойчивый. Я украдкой бросаю взгляд на него через правое плечо, его светло-каштановые волосы развеваются вокруг лица.

— В кино? — переспрашиваю я.

Раньше я никогда не была в кино. Я не знаю, на что это похоже. Интересно, страшно ли это. Я слышала, как ребята разговаривали об этом в школе, и поскольку я там никогда не была, я даже не знаю, чего ожидать.

— Да, ну знаешь, большой экран, общий попкорн, просмотр фильма? — говорит он так, как будто я должна знать, на что похожи походы в кино.

— Попкорн?

Я слышала об этом, даже видела, как некоторые дети его ели. Но я никогда не

пробовала и не знаю, понравится ли он мне.

— Попкорн. Из кукурузы. Поджаривается с кучей масла и соли, — я просто пожимаю плечами и слегка качаю головой. — Подожди, ты раньше никогда не ела попкорн? — я снова качаю головой. — Вообще? — спрашивает он, останавливаясь, и мягко беря меня за руку.

— Нет, — тихо говорю я. Я поднимаю голову, смотрю на него и теперь точно знаю — он думает, что я глупая. Что ж... еще глупее, чем обычно.

— Действительно? — он нахмуривает брови. — Ты же была в кино, верно? — голос Трента срывается от удивления, когда он спрашивает.

— Нет, никогда.

— Ничего себе, — он усмехается и поворачивается, чтобы продолжить путь. — Я должен исправить это. Завтра вечером я веду тебя в кино, — уверенно говорит он.

— Я должна спросить у папы. Я не уверена, что мне разрешат.

— Ты должна спросить у папы? — повторяет он за мной. Я киваю и продолжаю идти, опустив голову и не глядя на него. Я могу только представить, что он думает обо мне. Это глупая, уродливая девочка, которая должна спросить разрешение у папы. Зачем ему напрягаться, когда он может найти себе милую девушку, которая не вызовет у него столько проблем. — Ты знаешь, это круто. Я уважаю это. Могу я взять твой номер и позвонить тебе сегодня вечером?

— Мой номер?

— Ну да, твой номер телефона.

— У меня нет телефона, — говорю я.

— Ладно. Тогда я добавлю тебя на Фейсбуке.

— У меня нет компьютера, соответственно и Фейсбука тоже нет.

— У тебя нет компьютера и телефона? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и вижу удивление на его лице. — Тогда я просто встречу тебя на автобусной остановке завтра. Скажем, в пять? Мы пообедаем сначала.

Я плотно сжимаю губы. Не знаю, что ему ответить. У меня нет денег, чтобы заплатить за себя.

— Гм... — говорю я, пытаюсь не сказать ему «нет». Я хочу пойти, потому что он кажется хорошим парнем, но у меня нет денег, чтобы заплатить за что-либо.

Он, должно быть, ощутил мой трепет и мою абсолютную неловкость от всей этой ситуации.

— Я имею в виду, каким бы я был джентльменом, если бы пригласил леди на обед и в кино, и ожидал бы, что она сама за себя заплатит? Я буду ждать тебя на остановке в пять. И если ты не придешь через десять минут, я пойму, что ты не смогла прийти.

Я останавливаюсь, когда мы доходим до последнего поворота перед моим домом.

— Ладно, — говорю я глядя в его добрые карие глаза. — Я буду там в пять, — я смотрю на свои туфли, когда отхожу от Трента.

— Тогда увидимся завтра, — Трент улыбается, когда поворачивается, чтобы уйти. — Надеюсь, ты сможешь прийти.

Я иду домой и впервые за все эти годы чувствую, что что-то происходит со мной. Даже мое лицо ощущается по-другому. Внезапно я чувствую, как лучи солнца касаются моей кожи, согревая меня и направляя к новым возможностям.

Как только я подхожу ближе к дому, то вижу, что папиной машины нет на подъездной

дорожке, а это значит, что сейчас он еще на работе. Он работает на фабрике по производству матрасов, на поточной линии. Он ненавидит свою работу, но быть рядом со мной он ненавидит еще больше.

Когда я открываю входную дверь, меня встречает та же холодная, гнетущая тишина, к которой я так привыкла. Во всем этом доме нет жизни. Все лишено воздуха, необходимого для поддержания жизни, все просто мертво. Как и я обычно... но не сегодня. Сегодня меня пригласили на свидание, и я действительно чувствую, как тепло разливается внутри меня.

Мой живот урчит и внезапно я вспоминаю, насколько голодна. Кроме половины апельсина, что я съела вчера, у меня не было ничего, чтобы поесть. Сегодня один из учеников оставил свой наполовину съеденный сэндвич на столе в кафетерии, и если бы вокруг не было столько людей, я бы съела его. Но кто-то взял и выкинул его в мусор, поэтому пришлось обойтись.

Я иду в свою комнату и бросаю старую сумку на кровать. Как только я сбрасываю ее с плеча, ремень рвется, и книги летят через всю комнату. Мои плечи опускаются, я знаю, что до конца учебного года осталось еще пара месяцев. Эта сумка была со мной со второго класса средней школы, и я знаю, что папа не купит мне другую.

Но прямо сейчас живот важнее, чем сумка. Он урчит так громко, что, я уверена, люди в конце улицы могут слышать его. Я захожу на кухню и смотрю в пустой холодильник. Я проверяю шкафы на случай, если папа принес что-нибудь из еды, но он не сделал этого.

Зайдя в гостиную, я убираю с дивана все подушки, и роюсь рукой, вдруг там затерялась какая-нибудь мелочь. Я нахожу четвертак, и когда думаю, что ничего не смогу на него купить, нахожу смятую двадцатидолларовую купюру.

Я чувствую, как округляются мои глаза, и осматриваюсь вокруг, крепко сжимая двадцатку в прижатой к груди руке. Я сижу, не двигаясь, в течение нескольких минут и убеждаюсь, что это не уловка. Я снова тихо осматриваюсь, чтобы убедиться, что никто не увидел, как я украла деньги.

Когда я убеждаюсь, что это не шутка и я в безопасности, то подпрыгиваю и выбегаю в парадную дверь и бегу вниз по улице к небольшому магазинчику через три квартала на углу.

Я бегу так быстро, как только мои ноги способны нести меня, зная, что скоро в моем животе что-нибудь будет. Достигая двери магазинчика, я тяну ее и захожу. Магазин небольшой, но там есть несколько основных продуктов, а также свежие овощи и фрукты. На двадцать долларов я покупаю три банана, три яблока, буханку хлеба и немного охлажденного молока. Я спрячу продукты и буду есть их, когда очень проголодаюсь, и не покажу их папе. Он разозлился бы на меня за то, что они у меня есть, но он разозлился бы еще сильнее за то, что я не отдала их ему. Я знаю, эти деньги его и я практически их украла, но я так голодна.

По пути домой я съедаю банан и открываю один из пакетов молока. Сначала я пью его очень быстро, но знаю, что должна остановиться, иначе у меня заболит живот.

Занеся пакеты внутрь, я прячу фрукты и молоко в своей комнате. У меня есть шкаф, в котором лежит та немногая одежда, что у меня есть, и дополнительное одеяло, если зимой станет по-настоящему холодно. У папы есть обогреватель в комнате. У меня есть два одеяла. Когда идет снег, здесь подмораживает. В прошлую зиму мне пришлось пойти в магазин подержанных товаров и попросить у них пару носков. Леди были очень добры ко мне и поняли, что мне нужна помощь. Они отдали мне пальто, пару ботинок, три пары носков и теплый свитер. Папа разозлился на меня и сказал, что это выставляет его плохим родителем.

Может, так оно и есть.

Я носила эту одежду той зимой и надеюсь, что смогу носить ее и следующей тоже. Я прячу еду в карманах пальто, а молоко сую в пару ботинок и закрываю дверь шкафа. У меня еще осталось несколько долларов, и я прячу их в другом ботинке, на случай, если опять проголодаюсь.

Я сижу на своей кровати и делаю домашнюю работу, когда слышу, как хлопает парадная дверь. Я задерживаю дыхание и жду, что папа войдет в мою комнату. Надеюсь, он в хорошем настроении, хотя это и происходит не часто в последнее время.

Я сижу на кровати и смотрю на дверь.

Пожалуйста, пусть он будет в хорошем настроении. Пожалуйста, пусть он будет в хорошем настроении.

Папа просовывает свою плешивую голову в мою комнату. Он смотрит на меня, сидящую на кровати, и рычит на меня:

— Я ухожу, — говорит он со злостью в голосе.

— Хорошо, — отвечаю я, не способная сказать ему еще что-либо.

Звук его тяжелых шагов затихает, и я выпускаю дыхание, которое задерживала. Я смотрю в учебник по математике — я сделала больше, чем требовалось. Захлопнутая дверь папиной комнаты вырывает меня из вычислений, в которых я затерялась. Тяжелые шаги снова слышатся в прихожей.

Он останавливается у моей двери, одетый в джинсы и футболку. Он просто смотрит на меня, и я вижу, как меняются его эмоции. Мне кажется, он хочет что-то сказать. И надеюсь, он будет просить меня простить его. Потому что я бы простила за один удар сердца. Он — единственный папа, который у меня есть, и где-то глубоко под гневом в душе этого жесткого человека он тот, кто любит меня. Я уверена в этом.

— Я не вернусь до понедельника, — говорит он, растаптывая любую мечту о хорошем отце, которая у меня была.

Сегодня пятница, а это значит, что я должна буду прожить без еды все выходные. Ему свойственно уйти и оставить меня без еды в доме. Леди в магазине подержанных товаров сказали, чтобы я приходила к ним, если мне когда-нибудь что-нибудь понадобится и, к счастью, они накормили меня пару раз. Но я уверена, что исчерпала гостеприимство в магазине. Я счастлива, что нашла двадцатку и купила немного еды, чтобы прожить все выходные.

— Хорошо, — отвечаю я папе. Я ничего не могу сказать. По крайней мере, когда он не здесь, он не может орать на меня и говорить, насколько я глупа и ужасна.

Папа делает шаг в мою комнату, и я готовлюсь к тому, с чем мне придется столкнуться.

— Вот, — говорит он, вынимая кошелек из своего кармана. Красивый кожаный кошелек, толстый от купюр, находящихся там. Я продолжаю смотреть на него. — Купи что-нибудь поесть. У меня не было возможности сходить за покупками, — он вручает мне пятьдесят долларов и продолжает смотреть на меня.

Я что-то пропустила? Это что, шутка? Сейчас он отнимет у меня деньги и заорет «попалась»?

Я продолжаю смотреть на него, не обращая внимания на банкноту, потому что уверена, какая-то часть его зла на меня.

— Вот, — говорит он, подталкивая деньги ближе ко мне. — Ты знаешь, — начинает говорить он, и я прекращаю дышать, ожидая удара. — Тебе действительно нужно научиться

сосать член, потому что ты на самом деле уродлива и глупа, и ты не сможешь сделать ничего в этом мире без какого-нибудь безголового ебаря, который позаботится о тебе.

Вот оно, началось. Оскорбления и унижения — безошибочный способ держать меня так глубоко внизу, чтобы я никогда не увидела свет снова.

— Да, папа, — отвечаю я.

— Когда ты окончишь школу, я хочу, чтобы ты убралась из этого дома. Я не хочу кормить тебя больше, или одевать тебя и даже волноваться о тебе, — говорит папа.

Волноваться обо мне? Это так он показывает, что «волнуется» обо мне?

Мои плечи опускаются, и я чувствую себя грязью на подошве его ботинок, которую он не может соскоблить достаточно быстро.

— Да, папа, — бормочу я, падая на колени и начиная плакать.

Учебный год в школе почти закончен.

Что, черт возьми, я собираюсь делать? Я так напугана. Мне так страшно, я не уверена, что когда-нибудь смогу устроиться на работу. Кто захочет нанять кого-то столь же глупого, как я?

— Привет, — говорит Трент, когда я подхожу к автобусной остановке. — Прекрасно выглядишь, — добавляет он, оглядывая меня с головы до ног. На моих джинсах дыра, обувь старая, а блузку я нашла в магазине подержанных товаров этим утром. Она пахнет нафталиновыми шариками, но я купила дезодорант на сдачу с двадцатки и побрызгалась им, чтобы блузка пахла не так уж плохо.

— Спасибо, — говорю я, хотя и хочу рассмеяться над его словами. Я, должно быть, действительно глупа. Потому что на долю секунды, когда он улыбается мне, я верю ему, верю, что выгляжу красиво. Какая я, должно быть, дура, если думаю, что я нечто большее, чем есть на самом деле.

— Я тут подумал, возле кинотеатра есть хорошая пиццерия. Что скажешь? — спрашивает он.

Я пожимаю плечами и киваю. Раньше я пробовала пиццу. Ее подавали в школе на обед. Однажды я нашла несколько монет за диваном — этого было достаточно, чтобы купить кусок пиццы в столовой. Боже, это было потрясающе вкусно. Мне кажется, что в детстве я тоже ее ела, но не уверена.

— Звучит замечательно, — отвечаю я Тренту, взволнованная походом в пиццерию.

— Тогда будет пицца. А какие фильмы ты любишь? Сейчас показывают несколько новых фильмов. Ты любишь фантастику, комедию или, может быть, драму?

— Я не уверена. Возможно, то, что заставит меня смеяться.

Мы вместе сидим и ждем автобус. Он придвигается ближе ко мне, и я автоматически реагирую, отшатываясь от него. Он улавливает мой резкий рывок, и я вижу периферийным зрением, как он хмурит брови.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, Лили.

Я киваю, понимая его слова, хотя моя защитная реакция остается на высоком уровне, на случай, если вдруг он попытается мне навредить.

— Я учусь в частной школе для мальчиков на той стороне города. А ты в какой учишься?

— В общественной школе, — отвечаю я, наблюдая за приближением автобуса.

— А когда ты выпускаешься со школы? Я в этом году, и меня уже приняли в колледж, буду изучать бухгалтерский учет.

— Я тоже в этом году. Но не уверена, смогу ли учиться в колледже. Думаю, что должна буду найти работу. Завтра я собираюсь пойти в супермаркет и узнать, нужен ли им сотрудник.

Трент снова хмурит брови, и на его лице читается вопрос.

— Почему?

— Я должна буду скоро съехать, и мне нужны деньги.

— Ты должна съехать? — спрашивает он, его голос полон вопросов. — Я не понимаю, почему ты должна съехать. Твои родители переживают трудные времена?

— Моя мама умерла, — говорю я без эмоций в голосе. Или даже в теле.

— Разве ты не живешь с отцом?

— Можем мы просто не говорить о моем папе или о чем-нибудь в этом роде? Расскажи

мне лучше о своей семье. У тебя есть братья или сестры?

Подъезжает автобус, и мы с Трентом собираемся сесть в него. Его рука на моей поясице и он ведет меня к автобусу. Он такой джентльмен, что пропускает меня вперед.

— Два, пожалуйста, — говорит он, вручая водителю автобуса деньги за наш проезд. — Никаких братьев или сестер, но мой папа родом из большой семьи и говорит, что никогда не хотел больше, чем одного ребенка, потому что не желал, чтобы я с кем-нибудь дрался, — я смотрю на него и киваю, ожидая, когда он займет нам места.

Всю поездку в автобусе Трент сидит рядом со мной, а я смотрю в окно. Мы затихли, потому что в автобусе столько народу, что все попытки заговорить будут только заглушены веселой болтовней окружающих.

— Нам нужно выходить, — говорит Трент, мягко отрывая меня от созерцания зданий, мимо которых мы проезжаем.

— Хорошо, — поднимаясь, говорю я, и мы продвигаемся вперед, чтобы выйти из автобуса на нашей остановке.

— Лили, не возражаешь, если я возьму тебя за руку? — ласково спрашивает он. Меня никто еще не держал за руку. Не когда я бодрствую. Иногда, в моих снах, мама держит меня за руку, и мы идем через поле высоких ярко-желтых цветов. Папа держит мою другую руку, и они считают до трех и поднимают меня в воздух. Маленький мальчик всегда бежит впереди нас, оглядываясь назад и хихикая.

— Я бы хотела этого, — говорю я Тренту. Когда его пальцы переплетаются с моими, я чувствую себя по-другому. Он такой теплый. Его кожа касается моей, она посылает маленькие разряды в мой позвоночник, и я чувствую, как улыбка подрагивает на моих губах.

Это так дети чувствуют себя, когда родители дотрагиваются до них? Улыбаются ли они, потому что знают, что родители хотят поддержать их, обнимать и защищать? Действительно ли это то чувство, которого я была лишена все эти годы?

— Мы пришли, — говорит Трент и открывает дверь небольшой пиццерии. Запахи, доносящиеся изнутри, изумительны. Я не думаю, что когда-нибудь ощущала настолько восхитительно пикантный аромат, как тот, что исходит из печей.

— Привет, столик на двоих, — говорит Трент официанту.

Место небольшое, четырнадцать кабинок и несколько столов в центре. Официант проводит нас к кабинке, и я сажусь, когда Трент проскальзывает на сидение напротив меня.

Я озираюсь вокруг: стены окрашены синими и красными цветами и на них развешаны фотографии Италии, одну из стен украшает огромный рисунок итальянского флага, и еще множество безделушек размещены на полках по всему помещению пиццерии.

— Я никогда не бывала здесь раньше, — говорю я, оценивая причудливое окружение.

— Никогда? Это место открылось уже давно. Раньше, когда я был ребенком, то приходил сюда с родителями. И моя мама приходила сюда, когда была моложе. Она говорит, что здесь ничего не изменилось. Все то же самое. Тут есть дама, которая делает соус для пиццы, мама сказала, ей около восьмидесяти лет. Она все еще готовит его, но теперь ее дети управляют бизнесом.

— Правда? — говорю я. Поставив локоть на стол и подперев ладонью голову, я гляжу на Трента.

— Если моя мама сказала, значит, это должно быть правдой, — смеется он, и я улыбаюсь в ответ.

Я беру меню и начинаю изучать его. Оно незнакомо мне и я не знаю, что мне

понравится, а что нет.

Чувствую, что кто-то стоит рядом, но мое внимание сосредоточено на меню в руках.

— Почему бы вам не сделать копию получше — так оно прослужит дольше, — говорит Трент сердитым тоном.

Мои плечи тут же напрягаются, и я застываю. Холодное прикосновение испуга окутывает мою кожу, и я узнаю этот холодный, сердитый тон. Я откидываюсь на спинку стула и опускаю голову.

— Прошу прощения, — слышу, как кто-то говорит.

Украдкой, я выглядываю поверх меню, чтобы увидеть Трента, гневно смотрящего на официанта, который стоит рядом со мной.

— Да, ты и должен, засранец.

— Трент, — шепчу я слишком напуганная, чтобы посмотреть ему в глаза.

Боковым зрением я вижу, как лицо Трента расслабляется, его челюсть смягчается, а плечи опускаются, когда он делает глубокий вдох.

— Мы будем большую «Пепперони» и две «Кока-колы», — заказывает Трент, не спрашивая меня.

— Принесу через минуту, — говорит официант, а затем уходит.

Между нами образовывается неприятная тишина. Я не знаю, что сказать. Он разозлился на того официанта без причины, и затем сделал заказ за меня. Хорошо, что он сделал заказ, потому что я понятия не имею, что хочу.

— Ты злишься на меня? — наконец он прерывает гробовую тишину.

Я качаю головой. Мне хочется спросить, почему он сказал то, что сказал, но я решаю оставаться тихой и ничего не говорить.

— Он смотрел на тебя, — отвечает Трент на мой невысказанный вопрос. — И мне это не понравилось.

— Я сожалею, — немедленно отвечаю я.

— Не беспокойся об этом, давай просто съедим нашу пиццу и насладимся фильмом, — я киваю и смотрю на Трента. Внешне он спокоен и теперь похож на того милого парня, которого я встретила на остановке по дороге домой.

— Какое кино мы будем смотреть? — спрашиваю я, пытаюсь завести разговор, чтобы отвлечь его внимание от официанта, смотрящего на меня. Я знаю, мы уже говорили о фильмах, и, к счастью, он знает, что идет в кинотеатрах, потому что я понятия не имею об этом.

— Это комедия. Я видел трейлер к фильму, и он был действительно забавен. Все нормально? — он протягивает ко мне руку, чтобы взять мою ладонь, и я медленно поднимаю ее, вкладывая в его ладонь. — Это чувствуется так хорошо, — добавляет он с улыбкой.

— Да? — украдкой смотрю на Трента из-под ресниц.

— Я испытываю приятные ощущения. Мне нравится держать тебя за руку. Разве тебе это не нравится?

Тот же самый официант возвращается и ставит перед нами два высоких стакана с «Кока-колой». Я потягиваю его через трубочку — игристый, шипучий напиток забавно ощущается на моем языке. Я хихикаю, когда делаю большой глоток, и Трент смотрит на меня, слегка наклонив голову.

— Щекотно, — говорю я и отпиваю еще немного содовой.

Он хмурит свои брови и спрашивает:

— Ты раньше никогда не пила содовой?

— Я думаю, что пила. Но не помню этого. Она необычна на вкус. Но щекотная.

— Щекотная? — спрашивает он, широко улыбаясь. Я киваю и делаю еще глоток. — Не пей слишком много, ты можешь почувствовать себя не очень хорошо, — большим пальцем он поглаживает вверх-вниз мою руку.

Это отличается. Не вкус напитка, мои вкусовые рецепторы привыкли к нему. А то, что кто-то говорит то, что заставляет чувствовать себя больше, чем просто глупым и уродливым человеком, которым я и являюсь.

— Это ощущается прекрасно. Мне нравится держать тебя за руку. А тебе нравится? — снова ласково спрашивает Трент.

Его улыбка вспыхивает, неудержимо освещая лицо. Я чувствую несвойственный мне вихрь эмоций, кружащийся внутри.

— Да, мне нравится, — спокойно говорю я.

Внезапно мое сердце начинает колотиться, и я чувствую, как тепло разливается по моим щекам. Улыбка в карих глазах Трента, как и теплота его прикосновений, достигает той части меня, о существовании которой я даже не подозревала.

— Ваша пицца, — говорит официант, когда ставит большой круглый поднос и две тарелки перед нами.

— Ничего себе, — говорю я и беру большой кусок. Он огромный. Я не помню, когда в последний раз видела так много еды на столе. Ну, не то чтобы меня приглашали за такой стол.

— Тут действительно очень вкусная еда, — говорит Трент и кладет кусок пиццы на мою тарелку.

Один только запах опьяняет. Я не могу дождаться, чтобы попробовать пиццу. Я беру кусок, и лишний сыр капает мне на руку. Тепло жжет кончики моих пальцев, но я не могу дождаться, чтобы полакомиться им.

Мой желудок издает тихий урчащий звук, и я молюсь, чтобы никто не услышал, насколько я голодна.

— Это здорово, правда? — спрашивает Трент с набитым ртом.

— Ммммм... очень, — я беру еще один кусок и по-настоящему наслаждаюсь вкусом пиццы.

Я не могу поверить, что съела целых три куска. Не думаю, что когда-либо столько ела. Мои джинсы натянулись на животе, и предполагаю, что придется расстегнуть верхнюю пуговицу.

— Готова к десерту? — спрашивает Трент.

— Десерт? Сомневаюсь, что смогу уместить еще что-то в своем животе.

Трент смеется и берет стакан, чтобы сделать глоток содовой.

— Хорошо, никакого десерта, но ты должна будешь съесть немного попкорна в кино.

Я улыбаюсь.

Не могу дождаться, чтобы попробовать его.

— Готова идти? — спрашивает Трент, вставая.

— Да, спасибо, — когда я встаю, Трент переплетает наши пальцы. Мы идем к кассе, где ожидает официант, который обслуживал нас.

— Как вам еда? — спрашивает он меня.

— Ты говоришь не с ней, ты спрашиваешь меня, — Трент почти кричит, делая шаг вперед, отталкивая меня к себе за спину.

— Как вам еда? — с сарказмом спрашивает Трента официант.

— Следи за своим чертовым ртом. Я — клиент, и если ты не будешь любезен со мной и моей девушкой, я заставлю их тебя уволить.

Его девушка? Я не его девушка. Я просто Лили. Глупая, уродливая Лили.

— С вас двадцать пять долларов, — говорит официант, теперь его тон кажется скучающим и презрительным.

Трент берет свой кошелек, и я вижу, что он достает точно нужную сумму.

— Я бы дал тебе чаевые, но ты трахал глазами не ту девушку.

Он поворачивается и почти выталкивает меня на улицу.

— Как скажешь, чувак, — слышу, как говорит официант вслед нашим удаляющимся спинам.

— Ублюдок. Я вернусь и преподам ему урок, — Трент сжимает мою руку, сдавливая ее до легкой боли.

— Давай просто пойдем в кино и насладимся нашим вечером, — успокаиваю я его, и делаю шаг в сторону кинотеатра, пытаюсь увести его прочь.

— Да, хорошо, — он кивает, но оглядывается через плечо в сторону пиццерии.

Мы идем рука об руку к кинотеатру, и я чувствую, как Трент расслабляется. Он ослабляет хватку на моей руке, и его шаги замедляются.

— Спасибо, что пригласил меня, — говорю я.

— Ты мне нравишься, Лили. Я думаю, что ты очень симпатичная, действительно милая и с тобой легко говорить.

Я улыбаюсь, ведь я говорила не так много.

— Мы пришли, — говорит Трент и открывает для меня дверь, прежде чем войти самому.

Мы поднимаемся по эскалатору, чтобы купить билеты. Трент опять покупает две содовые и огромную коробку с попкорном. Когда мы проходим в зал и находим наши места, Трент поднимает подлокотник, разделяющий нас, и кладет свою руку на спинку моего сидения.

Я улыбаюсь сама себе, потому что впервые я на самом деле чувствую себя желанной.

Фильм был забавным, я съела слишком много попкорна и выпила всю содовую. Когда мы с Трентом выходим из кинотеатра, реальность очень быстро настигает на меня.

— Все хорошо? — спрашивает Трент, когда мы выходим из автобуса и идем к моему дому.

Я просто киваю, но Трент понимает, что что-то не так, потому что он молчит и каждые несколько минут поворачивается, чтобы посмотреть в мою сторону.

— Я знаю, ты не в порядке. В чем дело? Я могу помочь?

— Все в порядке, действительно, — не хочу говорить ему о моем папе, как я живу или что иду в темный и пустой дом. Не хочу говорить ему, что как только я переступаю порог своего дома, меня переполняет страх, потому что все, что меня окружает, чувствуется таким же безнадежным, как и моя душа. — Мы можем попрощаться, я буду в порядке. Не нужно провожать меня до самого дома.

— Уже темно, и это действительно не самый лучший район. Мне будет спокойнее, когда я буду знать, что ты добралась до дома в целостности и сохранности.

— Нет ничего плохого в моем районе, — сердито протестую я.

— Я не говорю, что он плохой, просто не самый лучший.

— Все хорошо, честно. Я прожила тут всю свою жизнь и ничего плохого не случилось.

Трент отпускает мою руку и склоняет голову набок, приподнимая брови. Его взгляд заставляет меня смеяться.

— Я не принимаю этот ответ, — говорит он, даря мне ласковый взгляд.

Мои плечи опускаются. Я знаю, он не успокоится, пока не проводит меня домой.

— Хорошо, — наконец я сдаюсь. — Я имею в виду, что плохого может произойти?

Пока идем домой, мы разговариваем о фильме, и я говорю Тренту, что фильм мне действительно понравился. Для меня это был определенный опыт пребывания в неосвященном помещении с таким количеством людей вокруг. Как только мы поворачиваем за угол и подходим ближе к моему дому, я вижу папину машину на подъездной дорожке.

Черт, он не должен был быть дома сегодня вечером. Почему он дома?

Ноги внезапно становятся свинцовыми, и мне трудно сделать оставшиеся шаги к дому. Мое сердцебиение учащается, и я чувствую, как бисеринки пота выступают на лбу.

Нет, нет, нет. Пожалуйста, спи. Пожалуйста, спи.

— Ты в порядке? Ты вся дрожишь, — говорит Трент, беря меня за руку.

Я только киваю, но мои глаза прикованы к двери дома. Когда мы с Трентом находимся в двух зданиях от моего дома, папа открывает входную дверь и выходит на маленькое крыльцо. Он смотрит вниз на улицу, а затем прямо в мою сторону.

Сначала его взгляд направлен далеко позади меня, он проводит рукой по лицу и волосам. Через секунду его взгляд резко возвращается ко мне и, наконец, он замечает, что я иду домой вместе с парнем. Я тут же отпускаю руку Трента и опускаю голову вниз.

— Что, черт возьми, происходит? — шепчет Трент, пытаясь не привлечь ко мне внимания.

— Ничего, просто уходи, — в панике умоляю я.

— Черта с два, Лили. Скажи мне, что происходит.

— Где ты была? — кричит мне отец.

— Просто уходи, — шепчу я Тренту. Я обхватываю себя руками, и, не оборачиваясь, подхожу к дому, оставляя Трента позади.

— Лили, — зовет он, но я игнорирую его.

Я захожу в дом и делаю первый дрожащий шаг, но папа преграждает мне дорогу.

— Представь мое удивление, когда я вернулся домой и увидел, что одной маленькой, уродливой суки нет, — говорит он, заплетаящимся языком. Я знаю, он пил, а это значит, что я влипла.

— Извини, — бормочу я с опущенной головой, не смея посмотреть в его сердитые глаза.

— Зайди внутрь, — выплевывает он и кладет свои руки на бедра. Я все еще не могу посмотреть на него, но боковым зрением вижу, как он двигается. Одна только поза говорит мне о том, как он зол, а его слова подтверждают это.

Я буду наказана.

Уроки сегодня тянутся долго. Стрелки часов, кажется, не двигаются совсем. Каждый раз, когда я смотрю на них, стрелка застревает на пяти минутах третьего. Она не двигается вообще.

Я смотрю вниз в свой учебник по математике, и когда поднимаю глаза, то стрелка на пяти минутах третьего. Мистер Дэниелс, мой учитель математики, объясняет сложную задачу, как разобрать ее и решить, и когда я смотрю на часы в очередной раз, стрелка все еще на пяти минутах третьего.

Почему стрелка не двигается? Почему время остановилось?

Я стучу карандашом по книге и смотрю в окно. Лучи солнца падают на мой стол, и болтовня других студентов превращается в белый шум. Я действительно не могу дождаться, когда увижу Трента сегодня.

Все выходные я могла думать только о Тренте. Что он делал и, в основном, думал ли обо мне, как я надеялась. Я молилась, чтобы он не подумал, что я глупа и уродлива из-за того, как ушла от него.

Наконец я слышу последний на сегодня звонок и иду к автобусу так быстро, как только могу. Сидя впереди, я пытаюсь не выделяться, и меня никто не замечает. Никто никогда не замечает, но было время, когда хорошо одевающиеся, симпатичные девочки смотрели на меня и хихикали между собой.

Автобус быстро заполняется, а мне кажется, что я просидела тут три часа в ожидании водителя, но на самом деле прошло не больше пары минут.

Как только автобус выезжает на дорогу, что-то необычное происходит со мной. Я чувствую бабочек, безумно порхающих крыльями в моем животе. И я чувствую, как расцветает и расплывается улыбка на лице, ведь автобус с каждой остановкой приближает меня к моей.

Мой желудок делает сальто, предвидя, что через несколько минут я увижу Трента. Я встаю и подхожу к двери, когда автобус начинает замедляться, приближаясь к остановке.

Наконец, автобус подъезжает к остановке, и я вижу, что Трент стоит под навесом, его школьная сумка висит на плече, а руки скрещены на груди. Светло-каштановые волосы развеваются на ветру, должно быть, он ждет меня. Что ж, я надеюсь, он ждет меня.

— Привет, — говорит он, когда я выхожу из автобуса. — Как школа?

— Было скучновато сегодня, никак не могла сосредоточиться, — я смотрю вниз и улыбаюсь, пока мы идем к моему дому.

— Почему это? — дразнит меня Трент и подталкивает плечом.

— Я просто хорошо провела время в кино на выходных, и вроде как надеялась, что ты тоже.

— Я прекрасно провел время, — говорит он, и я улыбаюсь. — Позволь мне, — Трент берет мой рюкзак и продолжает идти. — Есть кое-что, что беспокоит меня, — *о, черт*, — что происходит между тобой и твоим отцом? Как только ты увидела его, все краски сошли с твоего лица, и я понял, что что-то не так.

Пожимая плечами, я избегаю его интенсивного и пристального взгляда.

— Ничего серьезного.

Трент останавливается и хватается за плечо.

— Он домогается тебя? — его голос переполнен гневом и глаза сверкают яростью.

— Нет, — отвечаю я, хотя это не полная правда. Но я знаю, о чем спрашивает Трент, и папа никогда не прикасался ко мне в сексуальном плане.

— Черт возьми, не ври мне, Лили. Если он только пытался...

— Нет, он не делал этого, — прерываю я его прежде, чем он скажет эти отвратительные слова. — Все совсем не так, — добавляю я и блокирую любые мысли о папе, делающим со мной «это».

— Тогда в чем дело? Скажи мне, чтобы я смог понять, что происходит с тобой.

— Ты не поймешь, никто не поймет. Просто так обстоят дела...

— Я могу помочь, Лили. Если все так плохо, я могу помочь.

— Ты можешь помочь мне? Никто не может мне помочь. Все в порядке, правда. Не волнуйся об этом, — я качаю головой и продолжаю идти к своему дому.

— Подожди, — выдыхает Трент и подбегает, чтобы догнать меня. — Вот, возьми это, — он кладет телефон в мою руку. — Мой номер уже вбит в контакты, и если я когда-нибудь понадобится тебе, просто позвони.

Останавливаюсь и смотрю на крошечный телефон в руке.

— Я даже не знаю, как им пользоваться, — говорю я, рассматривая его. — Спасибо за этот жест.

Я возвращаю ему телефон.

— Я не возьму его обратно, ни за что. Вот зарядное устройство, номер телефона написан на обратной стороне, — переворачиваю его, чтобы увидеть номер телефона, написанный там. — Он прост в использовании, вот, — он берет телефон и показывает, что я должна сделать, чтобы позвонить ему. — Я взял этот номер для тебя, поэтому только ты и я знаем его. Никто больше. И не давай его никому.

— Хорошо, — говорю я и кладу телефон в карман. Трент запикивает зарядник в мою сумку.

— Каждый раз, когда я буду нужен тебе, ты звонишь мне. Ты, возможно, недостаточно доверяешь мне, чтобы сказать, что происходит у тебя дома, но однажды, и я надеюсь очень скоро, ты скажешь мне, в чем дело.

Я опускаю глаза и продолжаю идти.

— Спасибо. Если ты будешь мне нужен, я позвоню.

— Отлично. В среду вечером я тренируюсь в хоккейной команде, и я бы действительно хотел, чтобы ты пришла посмотреть на это.

— Ты бы хотел?

— Да, определенно да.

Я улыбаюсь, и мы поворачиваем за угол, на мою улицу.

— Я посмотрю, смогу ли я, но не могу ничего обещать.

— Отлично, — Трент расслабляется и ведет меня к крыльцу дома. Папиной машины нет, и я знаю, что я в безопасности на некоторое время.

— Гм, это мой дом.

— Ааа... гм... гм... могу ли я поцеловать тебя, Лили? — застенчиво спрашивает Трент.

Я чувствую, как мое лицо становится ярко-красным, тепло немедленно приливает к моим щекам. Никто никогда не целовал меня прежде. Никогда. У меня никогда не было даже поцелуев от мамы и папы. У меня нет бабушек и дедушек, тетусек или дядей. Поэтому

у меня нет никакого опыта в поцелуях. И теперь мальчик хочет поцеловать меня.

— Гм... — говорю я, не уверенная, действительно ли хочу, чтобы он поцеловал меня.

— Только в щеку, больше никуда.

Я считаю до десяти про себя, позволяя нервозности отступить, прежде чем киваю головой. Хорошо, в щеку, но я никак не готова к поцелую в губы. Это уже слишком. И я не хочу, чтобы он подумал, что я похожа на тех девочек в школе. Я слышала, какие вещи они делали, и с каким количеством парней это было. Я не похожа на них, я другая.

Трент подходит ближе, и я инстинктивно делаю шаг назад.

— Я не обижу тебя, Лили, — говорит он, когда его правая рука сверху донизу поглаживает мою левую руку.

— Все хорошо, — вроде как говорю я себе.

Трент подходит ближе, и на этот раз я не двигаюсь. Закрываю глаза и просто жду, когда смогу почувствовать его губы на своей щеке. Его прикосновение невероятно мягкое, легкое, теплое дыхание ощущается возле моей покрасневшей кожи. Его губы задерживаются на моей щеке не дольше, чем удар сердца.

— Спасибо, — шепчет он. Я выдыхаю и делаю глубокий вдох. — Это было не так уж и плохо, не так ли? — спрашивает он, усмехаясь.

— Нет, это было приятно.

Он держит меня за руку еще какое-то время, прежде чем отдать мой рюкзак.

— Увидимся завтра после школы? — спрашивает он.

— Конечно, — отвечаю я и направляюсь к дому. Трент остается стоять на тротуаре и наблюдает за мной, пока я иду к двери.

— Увидимся завтра, прекрасная Лили, — говорит он.

Я улыбаюсь, входя в дом, чтобы заняться домашней работой, но что я действительно буду делать, так это думать о том удивительном поцелуе и надеяться, что в следующий раз я буду достаточно смелой, чтобы поцеловать Трента в губы.

***

Лежа в кровати, я позволяю глазам, наконец, закрыться. Абсолютная, холодная тишина окутывает каждый уголок этого дома. Я поворачиваюсь и смотрю в окно сквозь изношенные шторы. Через них проникает яркое сияние луны.

Подложив руку под голову и прижав колени к животу, я наблюдаю ночь. Мои веки тяжелеют, и разум уплывает к счастью. В то место, где я красива, умна и могу каждый день прожить без асфиксии и страха. *(Примеч. Асфиксия — резкое расстройство дыхания из-за недостатка кислорода и избытка углекислого газа в крови и тканях; удушье).*

Меня будит громко хлопнувшая дверь и неясный вопль отца.

— Тебе лучше быть в своей комнате, ты, чертовски уродливая, безмозглая сука.

— Ктоооо здееесь? — я слышу высокий женский голос. Ее речь так же невнятна, как и папина, и я понимаю, что они оба пьяны.

Папа никогда никого не приводил домой, и одна мысль о ком-то еще в доме пугает меня.

— Никто. Глупая, уродливая неудачница, которая живет со мной. Я хочу, чтобы она свалила.

— Давай, Стэнли. Не думай о ней, пойдём в твою комнату, — пьяно говорит она.

— Где ты, сука? — орёт он громче.

Я накрываюсь одеялом и прячусь под ним. Я знаю, что это глупо, оно не спасет меня, но я не могу спрятаться в шкафу в прихожей, он увидит меня. Возможно, если я буду тихой, если буду молчать, он забудет обо мне.

— Где ты, блядь? — он кричит ещё громче.

— Я здесь, — говорю я так тихо, как только могу. Надеюсь, он услышит меня, и этого будет достаточно, чтобы он оставил меня в покое.

Мое сердце бьется с такой скоростью, что я могу слышать его в своих ушах. Мое тело начинает дрожать, и я чувствую тяжелый комок ужаса, застрявший в моем желудке. *Пожалуйста, папа, просто оставь меня в покое.* Но я чувствую, что сегодня будет все по-другому.

— Сука! Где ты?!!!

Потихонечку я встаю с кровати. Мои ноги трясутся, и холод проходит сквозь тело. Медленно, на цыпочках, я иду к папе и его спутнице. Он сидит в своем кресле, а женщина расположилась на коленях перед ним.

Папа поворачивается, чтобы посмотреть на меня. В его лице проступает что-то дьявольское и глаза наполнены злобой.

— Видишь это? — говорит он и скользит пальцами по волосам брюнетки. — Это единственное, в чем ты будешь хороша. Лучше бы ты занялась этим в ближайшее время, чтобы заработать немного денег, потому что ты — безмозглая, уродливая сука.

От движений его бедер я сразу же чувствую, как тошнота подступает к горлу.

Поворачиваясь, я возвращаюсь в свою комнату; не хочу видеть то, что он делает с этой женщиной.

Как только я укрываюсь, слышу его тяжелые шаги, приближающиеся к моей спальне.

— Встать! — кричит он, врываясь в мою комнату.

Я натягиваю одеяло на голову и молюсь. Молюсь Богу, чтобы Он прекратил мои страдания сейчас, чтобы остановил мое дыхание. Я не выдержу больше. Это не то, для чего я родилась. Это не та жизнь, которая должна была быть. Правда?!!!

— Ты, маленькая, грязная шлюха, пойдешь туда и будешь смотреть, как это нужно делать! — он вырывает одеяло из моих рук и, хватая за волосы, вытаскивает из кровати. — Это ты должна была умереть!!! Это ты, блядь, виновата!!! — кричит он и продолжает тащить меня в гостиную.

— Ты делаешь мне больно, пожалуйста, остановись, — плачу я и хватаю его руки, пытаюсь оттолкнуться от пола ногами, чтобы ослабить боль.

— Ты — глупая сука! Ты не заслуживаешь того, чтобы жить! Они — да, но не ты! — он бросает меня в стену.

— Папа, пожалуйста, остановись, — прошу я. Моя голова болит после удара о стену.

— Посмотри, что ты натворила, — он указывает на стену. Стоя на коленях, я поворачиваюсь и вижу небольшую вмятину в стене.

— Я сожалею, я так сожалею, — молю его, надеясь, что он не собирается продолжать бить меня.

— Ты пожалеешь.

Он расстегивает ремень и вырывает его из петель, удерживающих его в штанах.

Защищаясь, я сворачиваюсь в клубок и закрываю лицо. Первый удар мучительно болезнен. Он бьет с такой силой, что я чувствую, как горит кожа на моих руках. Второй удар хуже, чем первый. Он бьет в то же место, и я пытаюсь ту же завернуться в маленький клубок. Третий и четвертый удары наполнены ничем иным, как ненавистью.

— Пожалуйста, — кричу я сквозь горькие слезы. Я задерживаю дыхание и желаю, чтобы это все закончилось. Чтобы, наконец, это закончилось.

После, как будто бы, прошедшей вечности удары прекращаются. Я осторожно убираю руки от головы и пытаюсь выглянуть, чтобы увидеть, где папа и что он делает.

Женщина, пришедшая с ним, теперь стоит около него, она хмурится и смотрит на меня. Папа тоже смотрит на меня, его лицо искажено в оскале.

— Она ничего не сделала, — говорит женщина.

— Заткнись! — отвечает папа, все еще глядя на меня.

Он проводит тыльной стороной руки по лбу, его озлобленные глаза все еще приклеены ко мне. Папа сплевывает на пол и выпрямляет спину.

— Ты навела чертов беспорядок. У тебя кровь, — говорит и указывает подбородком на меня.

Сквозь слезы я пытаюсь сфокусироваться на ранах на моих руках и ногах. Некоторые порезы кровоточат, некоторые — просто царапины, из других просачивается немного крови.

— Мне так жаль, — заикаюсь я, тяжело дыша.

— Тебе и должно быть жаль... — он подходит ближе ко мне и замахивается кулаком.

Это похоже на вечность. Мое лицо горит, когда удары продолжаются. Пожалуйста, Господи, забери мою жизнь.

Внезапно я перестаю чувствовать. Никакой боли, никакого давления, никакой печали. Просто красивая завеса черного, которая окутывает меня. Я падаю в нее и начинаю находить приют в покое, которым, наконец, наделена.

Так ощущается смерть? Мне нравится.

Глаза невыносимо болят, когда я пытаюсь их открыть. Пульсация в голове не позволяет даже немного приоткрыть, но я прилагаю усилие и делаю это. Несколько раз моргаю, пробую сфокусировать взгляд и увидеть, где я.

Я лежу на полу в гостиной, на том же месте, где отец начал избивать меня.

Громкий гул стоит в ушах, мощно пульсируя, сжимая все в моей голове. Моргаю, и мне удается сосредоточиться на вмятине в стене и медленно отвести от нее взгляд.

Где-то рядом я слышу страстные вздохи. Звук непрерывного и возбужденного безумия и женский голос, стонущий в ритм с поскрипыванием пружин.

— Ты ощущаешься так хорошо, Стэнли, — говорит она, прерывисто, выдыхая.

Пытаясь быть настолько тихой, насколько возможно, я двигаю руками и ногами, пробуя найти равновесие. Толчки продолжают, я слышу возбужденные стоны своего отца, занимающегося сексом с женщиной, которую он привел домой.

На нетвердых ногах мне удается медленно дойти до своей комнаты. Звуки, доносящиеся из гостиной, не утихают, пока они продолжают свой секс марафон.

— Ты должна использовать свою дырку, чтобы заработать себе немного денег, ты, уродливый кусок дерьма, — пыхтит отец, продолжая входить в женщину.

— Оставь ее в покое, — говорит женщина, — просто сосредоточься на мне.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на них, пока затаскиваю свое разбитое и изувеченное тело в спальню. Женщина смотрит на меня, и в этот момент, в один единственный миг, она *видит* меня.

Наши взгляды встречаются. Приподняв бровь, она подмигивает мне, а затем отворачивается, поднимает руку и кладет ладонь на лицо отца, фактически загораживая ему вид на меня.

— Не смотри на нее, она — умственно отсталая. Она заслуживает все, что получает, — говорит он, прежде чем обрушить на нее свой рот.

Я продолжаю ползти и прячусь в шкафу. Путь сюда был очень болезненным, каждое движение пропитано болью, которая отзывается прямо в моих костях. Каждый вдох причиняет настолько сильную боль, что мне кажется, я никогда больше не смогу нормально дышать.

Я вспоминаю о телефоне, который дал мне Трент, нащупываю его в кармане, в котором спрятала его, и, наконец, хватаю его. Мои руки сильно дрожат, и я не могу даже включить телефон. Я даже не уверена, смогу ли набрать номер, даже если мне удастся включить его.

Я моргаю, пытаюсь перестать трястись, чтобы мои окровавленные руки смогли нормально заработать. Биение сердца начинает успокаиваться, а пульс замедляется, пока мое тело не возвращается к нормальному состоянию.

Включив телефон, я смотрю вниз на подсветку и сосредотачиваюсь на маленьком экране. Острый запах железа заполняет мой нос, и я отмахиваюсь от него, пытаюсь прогнать подальше. Мои руки покрыты липкой ярко-красной кровью, и маленькие капли падают на джинсы.

Изо всех сил стараюсь вспомнить, что Трент показывал мне, я, наконец, набираю его номер.

— Лили, — практически сразу отвечает он.

— Мне нужна помощь, — говорю я грубым, охрипшим голосом.

— Где ты? — я слышу звук заводящегося двигателя машины.

— Я в шкафу. Я не очень хорошо себя чувствую. Думаю, что заболеваю.

Мой желудок сжимается. Он продолжает сокращаться, и рвота быстро подступает к горлу. Она встает комом, как будто апельсин застрял у меня в горле и не двигается ни в каком направлении.

— Ты больна? — спрашивает он более мягким голосом.

— Папа, он... — я чувствую, как медленно подходит рвота. Она подступает, но приостанавливается, еще не готовая вырваться. — Он... он... ударил, — и желчь прорывается, пачкая мою одежду. — Прости, мне так жаль, — я начинаю плакать. Я не хочу, чтобы Трент тоже разозлился на меня.

— Лили! — кричит он в телефон, в то время, пока мой желудок продолжает бурлить и сокращаться короткими спазмами. — Держись, Лили. Я приеду через несколько минут.

Мягкий покров темноты возвращается. Не так быстро, как прежде, он, словно занавес, закрывающийся на заключительном акте в театре, начинает опускаться.

— Я не чувствую... — и снова умиротворяющая темнота поет мне песню о любви, насыщенную редкой красотой мира и чем-то еще, чего я никогда не чувствовала. Любовью.

***

— Лили. Лили. Где ты? — это не папин голос, он звучит ласково. Кто-то, кто зовет меня не для того, чтобы причинить боль, а чтобы помочь. — ЛИЛИ! — такая отчаянная мольба в голосе, пытающегося разыскать меня.

— Здесь, — пробую прокричать я. Но мой голос всего лишь тихий звук, легкий шепот, слетающий с губ.

Темнота так отчаянно пытается затянуть меня обратно. Она проходит через мои вены, стараясь задушить те малые силы, которые у меня еще оставались.

Но мне только семнадцать лет, и я больше не хочу жить в страхе. Возможно, я не заслуживаю чего-то лучшего, и могу никогда не заслужить, но я не могу продолжать жить, угнетенная ненавистью.

— Я здесь, — кричу я, найдя в себе силы, которые вряд ли когда-либо у меня были. — Я здесь, Трент.

— Милая, что, черт возьми, произошло? — говорит Трент, падая на пол и ласково прикасаясь к моему лицу. Он гладит мои волосы и убирает их с лица.

— П-п-папа, — мне удастся только хныкать, — он, он, и-избил меня, — говорю я сквозь тяжелое дыхание.

— Давай, ты идешь со мной. Где твой чемодан, чтобы я упаковал твою одежду? — он встает с колен, на которых сидел рядом со мной, и осматривает мою комнату. — Иисус, Лили, как, черт возьми, ты живешь в этом?

Я полностью напугана и смущена тем, как я живу. Моя пустая комната — физическое олицетворение моей жизни. Настолько пустая и лишенная всего, что могло сделать меня

человеком, позволить мне найти свою собственную индивидуальность.

— У меня не так много чего есть, — говорю я сквозь угрожающие прорваться слезы.

— Тебе ничего и не нужно, просто возьми мою руку и пойдем со мной, — говорит он, поворачиваясь и протягивая мне руку.

Это мой выбор, возможно, мой последний шанс выбраться отсюда живой и, наконец, я смогу дышать свободно, без страха. Я нерешительно поднимаю руку и медленно кладу в теплую ладонь Трента. Он наклоняется, обвивает рукой мою талию и поднимает меня.

— Аааа... — кричу я от боли.

— Где болит? — он ослабляет свою хватку на мне и стоит рядом, поддерживая мой вес.

— Ноги и руки, — я смотрю на Трента, и его брови хмурятся, когда он осматривает меня. Его карие глаза изучают мое лицо, воспринимая все, что сделал папа. — Лили, — вздыхая, говорит он, и мне кажется, что он чувствует ко мне отвращение.

— Извини, — я пытаюсь поправить волосы так, чтобы он не видел моего лица полностью, но вздрагиваю от боли, когда поднимаю руку, чтобы уложить пряди.

— Не надо, — говорит он и уводит нас из моей комнаты.

Я осматриваю гостиную, отец с той женщиной ушли, но запах секса витает в воздухе. Нахожу взглядом вмятину в стене, и рвота немедленно подступает к горлу, угрожая вырваться наружу.

— Пожалуйста, заведи меня отсюда.

Трент смотрит на меня и кивает. Все понятно без слов. Он видел самую худшую часть меня, темную тень, под которой я живу, предел моего ежедневного кошмара.

Он принимает на себя большую часть моего веса, выводя на улицу. Ночь темная и тихая. Холод пробирает меня до костей, ужас заполняет каждую клеточку моего разума. Или, возможно, это не ужас поглощает меня. Возможно, это что-то еще.

Вкус свободы.

Я, наконец, покидаю дом, где была закована в цепи всю свою жизнь. Мое единственное укрытие никогда не было безопасным. Ко мне никогда не чувствовали ничего, кроме ненависти и негодования, все время, пока я жила здесь. Я никогда не могла глотнуть чистого воздуха и чувствовать, как он проходит через меня, ласкает и окружает меня. Я никогда не чувствовала гостеприимства или принадлежности этому дому.

— Осторожней с головой, Лили, — говорит Трент, помогая мне сесть в машину.

Я откидываюсь назад на пассажирском сиденье и смотрю на дом, где прожила всю свою жизнь. В нем нет никаких признаков жизни. Невысокая трава на газоне перед домом коричневая и мертвая. Выцветшая синяя обшивка дома выглядит так, словно скоро отвалится. Если бы вы проезжали мимо моего дома, то подумали бы, что здесь временно живут переселенцы, но никак не семья.

Трент сдает назад по подъездной дорожке. Он медленно выезжает, и часть меня, наконец, может свободно дышать.

— Ты в порядке? — спрашивает Трент.

Я киваю и улыбаюсь ему, затем поворачиваю голову и смотрю, как дом, который высосал всю мою душу, медленно исчезает из поля зрения.

Трент кладет руку на мое бедро и мягко сжимает его, возвращая мое внимание к себе.

— Все будет хорошо, Лили. Я позабочусь о тебе.

Неуверенность формируется в комок и застревает в горле. Туча вопросов нависает над моей головой. Но также я чувствую вес всего мира, опускающегося на мои плечи, когда

Трент уезжает все дальше от дома моего отца.

Поездка до дома Трента проходит в тишине. Кроме легкого сжатия его руки на моем бедре, ничего больше не сказано. Я просто сижу, ошеломленная; я никогда не вернусь туда снова, возможно, я буду в безопасности.

Через пятнадцать минут Трент поворачивает на улицу, усеянную пышными зелеными газонами. Лунный свет только намекает на реальную насыщенность цвета, и я не могу дождаться, когда завтра увижу все при свете дня. Дома стоят близко друг к другу, и по внешнему виду заметно, что о них хорошо заботятся. На многих домах гордо развевается флаг Соединенных Штатов.

Здесь мирно и безмятежно. Я уже люблю это место.

— Мы на месте, — говорит Трент, подъезжая к тщательно ухоженному красивому белому дому. — Пойдем, родители уже ждут, — он выходит из машины и обходит ее, открывая мою дверь и помогая мне выйти.

Оборачивая руку вокруг его шеи, я позволяю Тренту ввести меня внутрь.

Мои ноги болят, и все мое тело протестует против боли. Голова пульсирует с каждым шагом, который я делаю, и все, чего я хочу, это лечь и позволить сегодняшним событиям исчезнуть.

— Мама, папа, — зовет Трент.

Я слышу шаги наверху, и леди в халате спускается по деревянной лестнице в сопровождении более взрослой версии Трента. У мужчины густые волосы с проседью и строгое, угрюмое выражение лица.

— Добро пожаловать, Лили, — говорит его мама, когда подходит ближе, чтобы обнять меня.

Я даже не знаю, как ее называть.

— Спасибо, мэм, — благодарю я и вздрагиваю от боли в ноге.

— Зови меня миссис Хэкли, — говорит она, обнимая меня за плечи. — Пойдем, дорогая, давай приведем тебя в порядок.

Она ведет меня в другой конец дома, и внезапно мое сознание уплывает. Я проснулась в параллельной Вселенной? С людьми, которые не говорят мне, как я глупа и ужасна?

Я оборачиваюсь, пытаюсь найти Трента.

— Мама позаботится о тебе, — говорит он, пока она продолжает вести меня по коридору.

— Зачем ты привел ее сюда? — слышу, как спрашивает отец Трента.

— Я не мог оставить ее там. Разве ты не видишь? — шепчет Трент, но я все еще могу слышать.

— Почему бы тебе не рассказать мне о себе, Лили? У тебя есть семья? — спрашивает миссис Хэкли. Я уверена, она пытается не дать мне подслушать разговор Трента с его отцом.

— Нет, мэм. Только я и мой отец. Но после сегодняшней ночи не думаю, что могу вернуться туда.

Она приводит меня в ванную и сажает на закрытую крышку унитаза.

— Давай осмотрим тебя, — миссис Хэкли отступает на шаг назад и смотрит на меня, поднимает руку и проводит ею по своему лицу. Ее длинные каштановые волосы собраны в идеальный конский хвост и это кажется мне странным, потому что сейчас поздняя ночь, а ее волосы безупречны. — Я думаю, у меня есть кое-что, чтобы помочь тебе с твоими ранами, но тебе нужно снять всю одежду, хорошо? — спрашивает она и делает осторожный шаг ко

мне.

— Гм, — я не знаю, что сказать. Она предлагает мне помощь, которую никто никогда не предлагал раньше. — Хорошо.

Она делает еще один шаг ко мне, и я замечаю макияж на ее лице. Все, что я слышала и видела на девочках в школе. Карандаш для глаз, тени для век, тональная основа и даже легкая помада. Я не могу не смотреть на нее и не задаваться вопросом, почему она почти идеальна и готова к выходу, как будто ее куда-то пригласили.

Миссис Хэкли помогает мне встать и снять мою истрепанную одежду.

— У меня есть здесь немного вещей, которые тебе подойдут, — она мягко и заботливо улыбается мне. — Все в порядке, Лили. Я не причиню тебе боли, — успокаивает она меня.

В течение доли секунды то, что она не сказала «мы не причиним тебе боли», проигрывается в моей голове. Мой подозрительный и чрезмерно осторожный ум говорит мне, что что-то тут не так. Почему она не сказала «мы», а только «я».

Пока я все еще стою в ванной без одежды, миссис Хэкли приносит большой пластиковый контейнер, наполненный различными ванными принадлежностями. Она ставит его рядом со сливным бачком и открывает крышку.

Разглядывая его, я вижу, что в нем есть различные виды пластыря, мази и другие медицинские принадлежности, которые только смогли там поместиться.

Миссис Хэкли достает несколько мазей и пластырь и кладет их на маленькую полку. Она поворачивается, чтобы посмотреть на меня, ее глаза осматривают меня, отмечая все повреждения.

— Глубокая рана выше глаза выглядит хуже всего, но и на руке и ноге выглядят ничуть не лучше этой. Я могу позаботиться о них, нет никакой надобности ехать в больницу. Они будут задавать много вопросов, чтобы узнать, что произошло, а ты ведь этого не хочешь, не так ли? — спрашивает она с сочувствием в голосе.

Я качаю головой, обхватывая себя руками и опуская глаза. Я не хочу, чтобы они задавали вопросы, потому что они подумают, что я глупая, раз оставалась там и не уезжала. Но, на самом деле, куда я могла пойти? У меня никого нет. Ни одна живая душа не захотела бы взять меня к себе и заботиться обо мне... до сих пор.

Миссис Хэкли собирается промыть и обработать мои раны. С мягким бормотанием и добрыми словами она заботится обо мне. Когда она заканчивает ухаживать за моими ранами, она отступает и улыбается, довольная собой.

— У меня есть футболка и спортивные брюки, которые ты можешь надеть. Я поговорю с мистером Хэкли, и мы посмотрим, сможем ли купить тебе какую-нибудь одежду завтра.

— У меня есть кое-какая подержанная одежда, которую мне дали в секонд-хэнде, она осталась в... — я делаю паузу и указываю на дверь. *Осталась где? Дома? В аду? Как мне это называть?*

— Все хорошо, дорогая. Мы посмотрим, что можем сделать, хорошо? — она сладко улыбается мне.

Я киваю и снова смотрю вниз на плитку пола. Холодный поток проходит сквозь меня. Ледяной холод захватывает каждую частичку меня, и я дрожу. Я чувствую, как бегут мурашки по моей коже.

Миссис Хэкли видит, как я дрожу, и водит своими руками вверх-вниз по моим рукам, успокаивая меня.

— Я принесу тебе одежду. Я не задержусь, — и она уходит, мягко закрывая за собой

дверь.

Я остаюсь стоять голой в ванной и жду ее возвращения. Я осматриваю комнату и вижу, как все блестит в безупречной чистоте. Здесь есть три полотенца, и все они висят одинаково. Ни одно полотенце не висит ниже другого. Все этикетки шампуней и кондиционеров в душе повернуты лицевой стороной. Все здесь прекрасно, как на картинке.

Дверь открывается, и миссис Хэкли возвращается в комнату, держа в руках серую футболку с длинными рукавами и черные спортивные штаны.

— Вот, держи, Лили. Почему бы тебе не переодеться, я подожду тебя снаружи.

— Спасибо, — немедленно отвечаю я.

Когда я добираюсь до двери и открываю ее, миссис Хэкли стоит снаружи, нетерпеливо ожидая меня.

— Ты уже выглядишь лучше. Пойдем, я сделаю тебе что-нибудь поесть и попить.

— Настоящая еда? — говорю я, прежде чем подумать.

— Конечно. У нас есть тушеное мясо, и как насчет стакана теплого молока?

— Свежее молоко? — звучит так, как будто у меня потекли слюнки, по правде говоря, так оно и есть.

Она ведет нас на кухню, где Трент и мистер Хэкли стоят возле кухонного стола и разговаривают. Как только мы входим, разговор прекращается, и Трент подходит, чтобы встать рядом со мной.

— Ты в порядке?

— Да, спасибо, — отвечаю я и отвожу глаза под напряженным, пристальным взглядом мистера Хэкли.

— Вот, присядь, Лили. Мама приготовит тебе напиток, — говорит Трент и выдвигает стул для меня.

— Да, сынок, — отвечает она, вынимая молоко из холодильника. Она разливает его по кружкам и нагревает в микроволновой печи.

Я сижу на стуле, который Трент выдвинул для меня, а он сидит рядом со мной. В комнате угнетающе тихо, и мы все ждем, что что-то произойдет. Мое сердце стучит в груди, и я чувствую три пары глаз на себе, но один взгляд более твердый и интенсивный.

— Расскажи нам о себе, Лили, — резкий тон мистера Хэкли прорывается через мок кожу, как горячий нож проникает в масло.

— Гм... я Лили, и, гм... мне семнадцать лет. Я, гм... — мои нервы сдают, и я начинаю рыдать.

— Папа, — говорит Трент и поглаживает рукой мою спину. — Мы говорили об этом, просто оставь ее в покое сегодня.

Я смотрю вверх на огонь, пылающий в глазах мистера Хэкли.

— Мы действительно говорили об этом. И Трент уже рассказал нам все, что он знает о тебе и твоём отце... — он делает паузу и наклоняет голову, указывая на побои и пластырь на моем лице. — Но, если ты собираешься жить здесь, то я должен знать, с чем тебе приходилось иметь дело, — говорит он. — Не сегодня, потому что я вижу, как ты расстроена. Но к выходным...

Миссис Хэкли возвращается со стаканом теплого молока для меня и тарелкой тушеного мяса с овощами и соусом. Еда пахнет фантастически и очень аппетитно. Я даже не могу вспомнить, когда в последний раз ела что-то домашнее.

Она останавливается по другую сторону стола и ждет. Чего именно, я не уверена.

Может, чтобы посмотреть, понравилась ли мне еда или узнать, нужно ли мне что-нибудь еще. Я никогда не испытывала ничего такого прежде.

— Ты можешь спать в гостевой комнате внизу, рядом с ванной. Лина, сядь, — говорит мистер Хэкли.

— Спасибо, сэр, — говорю я, предлагая единственную вещь, которая у меня есть, это слова благодарности, чтобы выразить свою признательность.

Мистер Хэкли и Трент тихо разговаривают между собой. Миссис Хэкли молча слушает их, а я ем самую восхитительную еду, которую когда-либо пробовала. Эти двое мужчин говорят обо мне, строят планы относительно меня и даже планируют отвезти в торговый центр, чтобы купить новую одежду.

В этот момент меня посещает мимолетная мысль. Я видела здоровые семейные отношения в школе и на улице, отношения в счастливых семьях, но в действительности я никогда их не понимала. Я всегда была зрителем с прижатым к стеклу носом, отчаянно пытаюсь прорваться. А теперь, я думаю, возможно, пришла моя очередь оказаться в семье.

Глава 6

Я живу с Трентом и его родителями уже десять дней и даже недавно начала посещать школу. Я вернулась, когда смогла скрыть все ушибы, и носила большие солнцезащитные очки, которые мама Трента одолжила мне. Никто ничего не заметил и не задал никаких вопросов. Я все еще пытаюсь понять, как именно мне вписаться. Через два дня пребывания в их доме мистер Хэкли усадил меня и начал расспрашивать о жизни с отцом. Он просто сидел и слушал, кивая головой. Ни разу он не встретился со мной взглядом, ни разу не сказал ничего плохого. Но как только я закончила рассказывать ему о своей жизни, на его лице появилась едва заметная улыбка, и он поблагодарил меня за то, что я доверяла ему достаточно, чтобы рассказать все.

На самом деле, это не доверие. Я полагала, что задолжала ему объяснение, ведь он был настолько любезен, что открыл для меня двери своего дома и позволил остаться.

За то недолгое время, которое провела в этой семье, я заметила, что мама Трента не очень много разговаривает. Она садится за обеденный стол только после того, как сядут муж и сын, и не приступает к еде, пока мистер Хэкли не возьмет свою вилку. Она всегда последняя ложится спать и каждое утро встает самая первая. У меня было десять дней полноценных завтраков и горячих ужинов.

По утрам мистер Хэкли заходит на кухню уже одетый в деловой костюм, берет чашку кофе, приготовленную миссис Хэкли специально для него, садится во главе стола и ест свой завтрак. Когда он заканчивает, то встает и уезжает. Мы же направляемся на остановку и садимся в наши автобусы до школы.

И хотя семья Хэкли выглядит нормальной, по какой-то причине в них есть что-то еще, что не совсем правильно. Отношения между мистером Хэкли, Трентом и его мамой кажутся немного странными.

Трент и я сблизилась, что удивительно, ведь я никогда не думала, что откроюсь кому-либо. Он часто говорит мне, насколько я красива. Когда мистер Хэкли находится с нами в одной комнате, я неоднократно замечаю, как он смотрит на меня. Его пристальный взгляд очень заметен, и он даже не пытается скрыть это. В принципе, от этого я не должна чувствовать себя неловко, потому что он никогда не говорит и не делает ничего неподобающего. Но, по какой-то причине, я просто чувствую себя отвратительно, когда ловлю его пристальный взгляд.

***

— Учебный год почти закончился. Как вы себя чувствуете, мисс Зубрилла? Я действительно горжусь тобой, Лили. Даже папа сказал, что он впечатлен твоими 3,9 баллами. Особенно учитывая то, что произошло.

Я иду рука об руку с Трентом и греюсь в лучах великолепного солнца. Лето наступит прежде, чем я успею заметить, а это означает окончание школы.

— Да, я довольна. Хотя это не так много значит, ведь я не смогу поступить в колледж.

— Если бы у тебя была возможность пойти и сделать что-то, что ты действительно хочешь, чтобы ты сделала? — спрашивает Трент, покачивая нашими переплетенными руками, он поднимает их, чтобы поцеловать кончики моих пальцев.

Я смотрю на него и улыбаюсь, я счастлива в этот момент.

— Я бы хотела преподавать английский язык в средней школе, но это просто самообман. У нас есть еще пара недель школы в запасе, но я знаю, что должна буду найти работу. Я не могу ждать, что твои родители будут содержать меня.

— А как насчет стипендии?

Директор Мерфи сказал, что мои результаты должны заинтересовать кого-нибудь, чтобы мне дали стипендию, но мы приближаемся к концу учебного года, а я так и не получила предложений. Это означает, что меня никто не заметил.

Это неплохо — быть незаметным. Иногда это лучший путь. Трудно объяснить людям, почему я мало говорю и не отрываю взгляда от земли. Мне становится лучше, но я не уверена, что когда-нибудь смогу быть нормальной.

Я качаю головой, тихо говоря Тренту, что не было никаких предложений.

— В это трудно поверить. Мне предложили частичную стипендию, хотя мой средний балл 3.5, поэтому я не понимаю, почему тебе не предложили ничего, хотя бы частичную.

— Я не знаю, что тебе сказать, — я пожимаю плечами, опуская глаза, и мы продолжаем идти к автобусной остановке.

Мы подходим туда на несколько минут раньше, и Трент обнимает меня. Это первый раз, когда он публично нежен со мной, и мне это кажется странным. Я ерзаю в кольце его объятий, чувствуя себя неловко. Наверно, люди смотрят на нас и думают: «Что этот милый парень делает с такой уродливой и глупой девушкой?».

— Эй, куда ты пропала? — он поглаживает мои волосы своей большой рукой. — Я потерял тебя, а я не хочу, чтобы это происходило, — он наклоняется и целует меня в нос.

— Просто задумалась, — я смотрю вниз на новые кроссовки, которые миссис Хэкли мне купила, затем поднимаю взгляд на Трента.

Глубоко вздыхая, Трент смотрит налево, наблюдая за приближающимся транспортом.

— Твой автобус уже приехал. Увидимся сегодня днем. Я буду ждать тебя прямо здесь, — говорит он, целуя меня в щеку и отпуская мою руку.

Я захожу в автобус и сажусь спереди, на одно из мест у окна. Когда автобус отъезжает, я оглядываюсь назад к Тренту, он поднимает свою руку и машет мне.

***

— Лили Андерсон, в кабинет директора. Лили Андерсон, в кабинет директора, — разносится из громкоговорителя во время урока английского.

Миссис Ричардс поднимает взгляд от стола и говорит:

— Лили, вы можете собрать свои вещи и идти.

Когда добираюсь туда, сажусь и жду сотрудников офиса, чтобы они сообщили мистеру Мерфи о моем приходе. Я не знаю, почему меня вызывают, я не сделала ничего плохого.

— Лили, — возвышаясь надо мной, зовет мистер Мерфи, — зайди в мой кабинет, — и я присаживаюсь, ожидая услышать то, что он должен мне сказать. — Ты почти окончила среднюю школу, какие у тебя планы на лето?

— Я должна найти работу, но ни для чего не пригодна. Поэтому я узнаю, смогу ли получить работу в супермаркете.

— Замечательно, это чтобы накопить немного денег перед колледжем?

Он соединяет пальцы, как будто молится, и кладет руки на старый стол с обшарпанными краями.

— Я не пойду в колледж, — говорю я и сжимаю губы вместе, не желая объяснить, почему так.

— Почему? Ум, как у тебя, не должен быть потрачен впустую в супермаркете. Не пойми меня превратно, я впечатлен, что ты хочешь получить работу вместо того, чтобы зависать с друзьями на пляже все лето, но ты не можешь просто устроиться на работу и остаться там. Супермаркет — это не для тебя. Ты должна быть в колледже, изучать то, что будет иметь значение.

Я смотрю вниз на свою обувь. Я не могу сказать ему настоящую причину, почему не могу пойти. Он подумает, что я глупа.

— Лили? — спрашивает он. Когда я смотрю вверх, его густые седые брови напряженно сведены, и он обеспокоенно ожидает моего ответа. — Почему ты не можешь пойти? Это из-за денег?

Я киваю головой и снова смотрю вниз.

— А что относительно стипендий, которые были тебе предложены? Беркли, Браун, Университет Пенсильвании, даже Принстон. Они все хотят тебя на полной стипендии.

Я снова поднимаю глаза и вижу, как тепло мистер Мерфи улыбается мне, ясно давая понять, что это не какая-то шутка.

— Нет, сэр, никто не делал мне предложений. У меня не было ни собеседований, ни каких-либо писем, ничего. Вы, должно быть, приняли меня за кого-то другого.

Я глупая. Это не могу быть я.

— Понятно, — говорит он, откинувшись на спинку стула и передвигая руки на колени. — Что ж, тогда у нас есть проблема, — он снова двигается, открывает свою тумбочку справа и достает стопку бумаг. — Видишь ли, Лили, когда первый университет связался со мной и хотел узнать, почему ты не ответила, я подумал, что, может быть, одно из предложений не добралось до тебя. Затем два дня спустя из другого ВУЗа позвонили, чтобы сообщить, что ты не ответила. Потом третий и четвертый.

Что это значит? Несколько лучших университетов Америки приняли меня? Это так? Я смотрю через плечо на дверь, затем поворачиваюсь, чтобы посмотреть через другое плечо. Я просто хочу убедиться, что никто не выскочит из-за горшка с цветком с криками «Попалась!», подшутив надо мной.

— Я подумал, что это действительно странно, что все эти колледжи приняли тебя, а ты не была достаточно учтивая, чтобы ответить им. Но чем больше они звонили мне, тем больше я понимал, что это не похоже на тебя, — я смотрю на мистера Мерфи и не знаю, что сказать. — Ты никогда не получала предложений, не так ли, Лили?

Черт, черт, черт.

— Нет, сэр, — говорю я после нескольких секунд молчания. — Мой папа, должно быть, выбросил их.

— Я так и думал. Я поговорил с каждым из них и убедил их дать тебе время до конца недели, чтобы принять решение.

— Это завтра, — говорю я и смотрю в добрые и ласковые глаза мистера Мерфи.

— Да, это так. Вот эти четыре университета предлагают тебе полные стипендии, — он указывает на небольшую стопку. — Вот эти предлагают частичные стипендии, — он указывает на вторую, большую стопку. — В этой стопке, есть один из лучших университетов в Америке, — указывает он на те, что предлагают полные стипендии. — А в этой — университет, находящийся далеко отсюда, в случае, если расстояние является определяющим фактором. — По мере того, как он заканчивает говорить, его тон понижается, и я понимаю, что мистер Мерфи кое о чем догадывается.

Он может не понимать всего, но он очень близко подобрался кое к чему.

— Спасибо, сэр, — благодарю я, чувствуя, как глаза наливаются слезами.

— Ты должна была прийти ко мне, Лили. Независимо от того, что происходит у тебя дома, чтобы ни случилось, я помогу.

— Да, сэр, — говорю я, успокаивая его, чтобы он не чувствовал никакой ответственности за то, как мой отец обращался со мной.

Но, по правде говоря, как кто-то смог бы помочь мне с адской бездной, которая была моим домом?

— Возьми их и просмотри. Завтра утром первым делом зайди ко мне в кабинет, и мы позвоним им вместе, — говорит он, предлагая мне пачку с полными стипендиями. Я знаю, что без полной стипендии я не смогу учиться в университете.

Я кладу их в новую сумку, которую миссис Хэкли купила мне, и выхожу из кабинета мистера Мерфи.

Впервые за то время, сколько себя помню, я могу дышать. Я могу идти вперед к завтрашнему дню и знать, что сегодняшней вечер не будет заполнен словами ненависти ко мне.

***

— Привет, любимая. Как прошел твой день? — Трент приветствует меня на автобусной остановке.

— Хорошо, на самом деле, очень хорошо, — отвечаю я с энтузиазмом.

Трент оборачивает свою руку вокруг меня и целует меня в щеку.

— Действительно хорошо, да? Расскажи мне об этом, — мы начинаем идти к его дому.

— Я получила предложения о полной стипендии от четырех университетов. Вообще-то мне предложили больше университетов, но только эти четыре — полные стипендии.

— Что? Это фантастика. Подожди... — он прекращает говорить и становится тихим, пока мы идем домой. — Ты не оставишь меня, Лили, — его тон меняется и он кажется сердитым. — Если ни один из этих университетов не совпадет с тем, в который иду я, то тебе не разрешено туда идти.

— Не разрешено туда идти? Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

Трент отпускает мою руку и отходит. Он останавливается через несколько метров и

кладет руки на бедра.

Он действительно зол на меня.

— Ты не идешь, если я не иду с тобой. Конец чертовой истории, Лили.

— Что? — я все еще не знаю, что сделала не так.

— Я не собираюсь позволять тебе бегать где-то далеко и сосать член другого парня, когда ты должна быть со мной.

Подождите... Что он сказал?

— Я никогда не делала этого, — говорю я и подхожу ближе к нему. Он отступает на шаг от меня, и мой взгляд опускается на его руки. Я вижу, что они сжаты в кулаки, и мое сердце начинает биться быстрее.

Я делаю осторожный шаг назад, точно осознавая, как отреагирует тело Трента. Это то, что сделал бы отец перед тем, как начать оскорблять меня, иногда сопровождая все ударами кулаков.

— Только не думай, что когда-нибудь оставишь меня, — говорит он уже более спокойным тоном. — Я никогда не позволю тебе уйти, Лили, никогда, — он расслабляет руки и делает шаг ко мне.

Я делаю еще один шаг назад, напуганная, что он может причинить мне боль.

— Не убегай от меня. Я обещаю, что не сделаю тебе больно. Ты нравишься мне слишком сильно, чтобы я смог навредить тебе, — шепчет он и делает шаг ко мне, преодолевая расстояние между нами. — Прости, если напугал тебя, мне нужно, чтобы ты была рядом со мной, ты понимаешь? Мне нужно охранять тебя, чтобы я знал, что никто не сможет причинить тебе боль.

Когда мы заходим домой, миссис Хэкли заканчивает мыть посуду.

— Здравствуйте, нужна помощь? — спрашиваю я, когда она складывает чьи-то темные шорты.

— Нет, дорогая. Как насчет того, детки, что я сделаю для вас что-нибудь поесть? Вы, должно быть, голодные, — она заканчивает сворачивать шорты, кладет их в кучу и уходит на кухню до того, как я или Трент можем что-нибудь ей сказать.

— Эй, давай поднимемся в мою комнату и взглянем на университет, в который ты собираешься пойти.

— Но твоя мама готовит еду для нас.

— Не волнуйся об этом, мы поедем на ужине, пошли, — он начинает тащить меня вверх по лестнице.

— Позволь мне предупредить твою маму, чтобы она не тратила зря время.

— Не волнуйся о ней, она поймет.

— Трент, пожалуйста, — прошу я, глядя на него.

Он делает глубокий вдох, закатывает глаза и слегка кивает мне.

— Поспешите, — инструктирует он сварливым тоном.

Я бегу на кухню, только чтобы дать знать миссис Хэкли, что Трент и я будем наверху, в его комнате, рассматривать заявки в университет. Ее плечи резко опускаются, и она с печальной улыбкой кивает, отвлекаясь на меня от того, что делала.

— Поторопись, — кричит Трент.

— Вы в порядке? — спрашиваю я, когда делаю шаг к ней.

— Все хорошо, дорогая. Иди. Я должна закончить складывать выстиранную одежду и заняться ужином, — она снова улыбается, но теплота не достигает ее глаз.

Я только киваю и возвращаюсь к Тренту, который ждет меня на лестнице.

Когда мы добираемся до его комнаты, он закрывает дверь и садится на свою кровать.

— Лили, я хочу спросить тебя кое о чем.

— О чем? — я сижу на полу возле кровати и вынимаю из сумки университетские заявки.

— Ты станешь моей девушкой?

Я перестаю делать то, что делала, и смотрю на него.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Я хочу, чтобы ты была моей девушкой. Встречаться. Так хорошо?

Я не знаю, что ответить. Иметь парня — это не то, что я когда-либо ожидала. Я имею в виду, я некрасивая, и у меня нет хорошей одежды или хорошего... ничего. Почему он хочет быть моим парнем, когда вокруг толпы симпатичных девушек?

— Гм, — говорю я, не уверенная, что ответить.

— Что не так? — он соскальзывает с кровати и становится на колени рядом со мной. Трент обхватывает ладонями мое лицо и смотрит прямо в глаза. — Ты такая красивая, Лили. Ты должна знать это. И, если ты согласишься стать моей девушкой, я обещаю, что буду заботиться о тебе и никогда не отпущу тебя. Ты слишком много для меня значишь, чтобы позволить чему-либо с тобой случиться.

Я не могу выдержать его пристальный взгляд, которым он смотрит на меня.

— Хорошо, — наконец отвечаю я. Я не уверена до конца, что значит быть чьей-то девушкой, но, думаю, что Трент объяснит мне.

— Спасибо, — он наклоняется и целует меня сначала в правую щеку, затем в левую. Но потом он не отдаляет свое лицо от меня, и я наблюдаю, как быстро вздымается и опускается его грудь. Он часто дышит, и я замечаю выпуклость в его штанах. — Спасибо, — шепчет он. Трент наклоняется и мягко целует мои губы, легкими поглаживаниями он проводит языком по моим губам, нежно пробуя открыть мой рот.

Его поцелуй становится лихорадочным. Он придвигается ближе ко мне, опуская свои руки от моего лица, скользит вдоль моих рук к талии.

Он поднимает меня и усаживает сверху на себя, и я чувствую его эрекцию, прижимающуюся ко мне.

— Трент, — вздыхаю я.

Я не могу заняться с ним сексом. Это не то, чего я хочу. Еще слишком рано для этого.

Но Трент продолжает целовать меня, его тело прижимается к моему.

— Трент, пожалуйста, — прошу я и толкаю его в грудь.

— Ты теперь моя девушка, Лили. Это то, что мы делаем, чтобы показать друг другу, какова сила нашей любви.

Любовь? Любовь? Что?

— Трент, — я прилагаю больше усилий, чтобы отодвинуться, но он намного сильнее меня. — Пожалуйста, я не готова.

— Давай. Я люблю тебя. Разве ты не любишь меня? — он продолжает целовать меня. Его рот опускается на мою шею. Он сосет, облизывает и покусывает обнаженную кожу, левой рукой он отпускает бедро и начинает ласкать мою грудь.

— Трент, пожалуйста, — прошу я. Но это больше похоже на хныканье. — Не надо.

Он прекращает целовать меня и отталкивает от себя. Я падаю назад и смотрю на Трента, который уже возвышается надо мной.

— Прекрасно, — жестко говорит он, делая шаг назад и усаживаясь на свою кровать. Он поднимает университетские предложения, смотрит на их названия и бросает два из них ко мне на пол.

— Это тот, в который я поступаю, значит, ты поступаешь туда же, — он показывает мне название. — Тебе лучше пойти помочь маме с ужином, я слышал, как она звала тебя. — Трент встает, поворачивается ко мне спиной и идет в противоположную сторону комнаты.

— Ты злишься на меня? — я поднимаюсь на ноги и делаю шаг к нему.

— Нет.

— Тогда почему ты так резок со мной?

— Ты дразнилка, Лили. Ты хлопаешь глазами, целуешь меня, умоляя взять тебя. А когда я хочу трахнуть тебя, ты отступаешь.

Что?

— Когда я сделала это?

— Сейчас. Но не волнуйся об этом, просто иди и помоги маме.

Я стою около двери и продолжаю смотреть на него. *Это то, что я сделала? Я показывала, что хочу секса?*

Я опускаю глаза в пол, не уверенная, как же сделала это.

— Просто уходи, — говорит он, все еще не поворачиваясь ко мне.

— Я не хочу, чтобы ты сердился на меня. Я не знала, что делала это, — говорю просительно и делаю несколько шагов в его сторону.

— Неважно, — выплевывает он, стоя спиной ко мне, — просто уходи.

— Я не могу уйти, зная, что ты рассержен на меня, — я подхожу к нему и кладу руки ему на спину.

Трент поворачивается и смотрит на меня, мой взгляд сразу же опускается к выпуклости на его штанах.

— Да, это то, что ты сделала, и теперь ты хочешь уйти. А я теперь должен пойти в ванную и подрочить, в то время как ты, спускаясь вниз, будешь смеяться и думать, как это весело — сделать меня твердым и уйти.

— Я не такая. Я не знаю, почему ты говоришь мне это, — слезы начинают застилать глаза, я чувствую себя настолько ужасной.

— Ты моя девушка, Лили. И если ты не собираешься позволить мне трахнуть тебя, то наименьшее, что ты можешь сделать, это подрочить мне или отсосать, — я стою и смотрю на Трента. — Это всего лишь минет. Все девушки делают это. Все мои друзья занимаются сексом со своими подружками. Ты должна мне, по крайней мере, минет.

Я не знаю, что делать. И не хочу делать этого. А что, если он станет безумным, если я не сделаю этого? Я даже не знаю, как сделать то, чего он хочет.

— Я не уверена, — наконец говорю я, отводя от него взгляд.

— Просто встань на колени, а я сделаю все остальное, — он стоит передо мной, поглаживая себя через джинсы. Его эрекция действительно большая, и я не хочу делать этого, но он сказал, что все девушки делают даже большее со своими парнями.

Я медленно опускаюсь на колени, и Трент вынимает свой член из штанов. Чувствую, как слезы скапливаются в глазах. Я не хочу делать этого, но если не сделаю, он будет зол на меня. Я крепко закрываю глаза.

— Открой рот, любимая.

Я открываю рот и делаю то, что Трент хочет, чтобы я сделала.

Прошло три дня с тех пор, как я сделала то, что хотел Трент. Теперь он заставляет меня делать *это* каждый день. Мне не нравится делать *это*, но я ненавижу, когда Трент сердится на меня. Вчера вечером он сказал, что я, возможно, глупа, раз не делаю *этого*, ведь все умные девушки делают.

— Доброе утро, дорогая, — говорит миссис Хэкли, когда я вхожу в кухню.

— Доброе утро, мэм. Вам помочь с завтраком? — я всегда спрашиваю, но она, как обычно, отказывается. Иногда, лежа с открытыми глазами, я слышу, как мама Трента продолжает делать что-то по дому. Я хочу спросить у нее, нужна ли ей помощь, но она всегда отвечает «нет».

— Нет, завтрак готов. Садись, я принесу тебе.

У меня есть непреодолимое желание обнять ее. Она — первая женщина в моей жизни, которая действует как женщина, подходящая на роль матери для меня. Я обнимаю ее, но миссис Хэкли вскрикивает, как будто я сжала руки слишком сильно, и ей больно.

— Извините, — говорю я, немедленно убрав свои руки, и отступаю, чтобы взглянуть, где причинила ей боль.

— О нет, это не из-за тебя, дорогая. Вчера вечером, когда складывала выстиранные вещи мистера Хэкли, я оступилась, и ручка двери ударила меня по ребрам, — говорит она, быстро ставя тарелку с блинами на стол.

— Вы в порядке? — спрашиваю я и касаюсь места, где причинила ей боль.

— Да, — она улыбается мне, хотя ее глаза говорят нечто другое. Или, может быть, не говорят ни о чем. Возможно, они просто лишены каких-либо эмоций. Миссис Хэкли выглядит взволнованно и немного неловко. — Как насчет того, чтобы помочь мне приготовить барбекю на выходных? — говорит она, направляясь, чтобы загрузить посудомоечную машину.

— На самом деле, я не знаю, как готовить, но если вы согласны показать мне, то я бы с удовольствием научилась.

— Я более чем рада научить тебя, — она смотрит на меня через плечо и улыбается.

Трент и мистер Хэкли входят в кухню.

— Доброе утро, — говорю я им обоим. Трент подходит ближе и наклоняется, чтобы глубоко меня поцеловать. Это первое утро, когда он такой страстный со мной перед родителями. Я отступаю, не особо желая, чтобы они видели это. Потому что, если его родители увидят, что он целует меня вот так, они могут догадаться о том, что еще мы сделали.

— Детка, — говорит Трент и садится рядом со мной, кладя свою руку на мое бедро. — Надеюсь, ты хорошо спала, потому что я — да, — подмигивая, говорит он и смотрит через мое плечо на своего отца. Когда я оборачиваюсь, то вижу, как его папа ухмыляется ему.

Я чувствую себя так отвратительно. Грязной и использованной девушкой. Судя по реакции мистера Хэкли, я точно могу сказать, что Трент рассказал ему. Я так унижена и смущена. Я опускаю голову и смотрю в свою тарелку, желая, чтобы мир разверзся и поглотил меня целиком.

— Мама сказала тебе про семейное барбекю в субботу? — спрашивает Трент и сжимает

мое бедро. Я киваю, слишком боясь сказать что-либо, в случае, если сломаюсь и начну плакать. — Детка, все хорошо?

Я снова тихо киваю.

— Все в порядке, Лили? — спрашивает миссис Хэкли.

— Оставь ее, — рывкает на нее мистер Хэкли, и боковым зрением я вижу, как она отступает назад и продолжает загружать посудомоечную машину.

— Возьми, детка. Ты должна поесть. Тебе нужно набраться сил, — Трент кладет блин на мою тарелку, его тон почти комичен.

— Спасибо, — отвечаю я, все еще слишком смущенная этой ситуацией.

— Трент сказал мне, что ты хочешь устроиться на работу, — говорит мистер Хэкли. Я смотрю, с каким удовольствием он ест свои блины.

— Да, сэр. Я бы хотела поработать до того, как мы с Трентом уедем в колледж. Накопить немного денег на случай, если мне что-нибудь понадобится.

— Это прекрасная идея, Лили. Я могу устроить тебе собеседование в продуктовом магазине. Я знаю менеджера, она хорошая женщина, — говорит он и смотрит на меня, приподнимая брови.

— Спасибо. Я ценю это.

— Хорошо, считай, что все уже сделано, — он продолжает есть, а когда заканчивает и встает, чтобы уйти, миссис Хэкли быстро убирает его тарелку.

— Хорошего дня, — говорит он всем нам, когда выходит. — Я не приду домой к ужину.

Я оборачиваюсь и смотрю на миссис Хэкли, замечая, как слегка опадают ее плечи.

— Хорошо, — говорит она, не задавая вопросов.

Мы с Трентом заканчиваем завтрак, и я отправляюсь чистить зубы. Когда я заканчиваю, то встречаюсь с Трентом у парадной двери, чтобы пойти вместе на автобусную остановку.

— А по какому случаю барбекю? — спрашиваю я Трента. Он идет рядом со мной и держит меня за руку.

— Это день рождения дяди Джона. Каждый год мы идем к нему на обед. Мама обычно готовит несколько блюд, и мы хорошо проводим день. У него есть бассейн, и мы прохлаждаемся в нем весь день.

— Я не умею плавать.

— Ты будешь помогать женщинам на кухне.

— Я?

— Да, это то, что делают женщины. После того, как мы все поедим, женщины уходят убирать кухню и готовить десерт.

— О, — говорю я. Это кажется таким старомодным, как будто из 50-х.

Но что я понимаю? Я никогда не была рядом с настоящими семьями раньше. Возможно, это нормально.

— Ты как-то сказал, что твой папа родом из большой семьи. Насколько она большая?

— У папы есть четыре брата и две сестры. Но мы общаемся только с дядей Джоном и дядей Мартином. Папа поссорился со всеми остальными, и мы не общаемся.

— А твоя мама?

— Она не видится ни с кем из своей семьи, я даже не знаю почему.

— У нее есть друзья?

Трент громко смеется.

— Ни в коем случае. У нее нет времени на друзей.

Мы продолжаем идти рука об руку к автобусной остановке. Унижение этого утра намертво впечаталось в мой разум.

— Трент, могу я спросить тебя кое о чем?

— Да.

— Почему ты смутил меня этим утром?

— Смутил тебя? Как?

Жар проходит через мое тело, и я стораю от стыда из-за того, что Трент разболтал сегодня утром.

— Ну, ты знаешь, о том, что ты сказал за завтраком.

— Папа знает, — небрежно говорит он.

— Что? — шепчу я. — Пожалуйста, не говори этого. Мне так стыдно.

— Он спросил, не занимались ли мы с тобой сексом, и велел мне надевать презерватив, чтобы ты не забеременела. Я сказал ему, что ты слишком холодна для этого. Он ответил, что теперь, когда ты моя девушка, то я просто должен взять то, что является моим.

— Что? — мямлю я. Теперь я совсем в ужасе.

— Ну, теперь ты моя девушка, и, как я сказал, все другие девчонки делают это. Некоторые даже позволяют своим бойфрендам засунуть член в задницу. Я еще не просил тебя об этом, но думаю, что был достаточно терпелив с тобой. Но, если ты не дашь мне этого скоро, то, возможно, придется пойти к кому-нибудь другому, чтобы получить это.

— Но... — я больше ничего не говорю, потому что ничего не понимаю.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, Лили, но действительно не могу ждать вечно, прежде чем ты решишься лишиться своей девственности, — он прекращает идти и тянет меня к остановке. — Ты ведь девственница, верно?

— Да.

— Хорошо, потому что если нет, то я должен буду вышвырнуть тебя и бросить, — он наклоняется и целует меня, начиная двигаться снова.

— О, гм... хорошо.

Автобус подъезжает, когда мы добираемся до автобусной остановки. Трент целует меня и шепчет:

— Не могу дождаться, когда мой член окажется глубоко в тебе.

Без слов я отхожу и сажусь в автобус. Я чувствую отвращение ко всей этой ситуации. Если Трент пойдет к другой девушке, чтобы получить то, что ему нужно, возможно, он бросит меня. *А я недостаточно симпатична и умна, чтобы справиться самостоятельно.* Мой папа сказал, что мне лучше научиться сосать член, потому что я никогда не буду способна ни на что другое.

Возможно, он был прав.

***

Мой телефон вибрировал в кармане на протяжении всего урока английского языка. Но у миссис Ричардс есть правило: если вы заговорите по телефону в ее классе, то лишитесь его. До недавнего времени я никогда даже не волновалась об этом. Но с тех пор, как Трент дал

мне телефон, он постоянно присылает сообщения. И иногда он злится, если я сразу же не отвечаю на них.

Он не прекращал вибрировать у моей ноги, и я знаю, что это, должно быть, Трент. Я не хочу, чтобы он злился на меня, поэтому отпрашиваюсь в уборную.

Когда выхожу из аудитории, я смотрю на экран и вижу, что у меня двадцать пропущенных звонков от Трента и его отца. Когда он перевез меня к ним домой, мистер Хэкли записал свой номер в мой телефон и сказал, что я могу звонить ему, если мне что-нибудь понадобится.

Телефон начинает звонить снова, и на этот раз это мистер Хэкли.

— Алло, — спокойно отвечаю я.

— Когда я или мой сын звоним тебе, я ожидаю, что ты быстро ответишь на звонок. Поняла?

— Да, сэр, но у меня урок.

— Мне плевать. Я договорился о собеседовании для тебя в продуктовом магазине, сегодня после обеда. Менеджера зовут Стейси, и она ждет тебя сегодня к четырем. Тебя нужно подбросить туда? Я могу приехать и забрать тебя, — говорит он.

Волоски на моих руках встают дыбом, и я непреднамеренно морщусь нос.

— Все в порядке, спасибо. Я доеду на автобусе.

— Ты знаешь, какой это магазин, верно? Я могу приехать и забрать тебя, — говорит он немедленно.

Ледяные мурашки проходят по моей спине. Чем раньше я смогу накопить немного денег, тем лучше. Я не неблагодарная, совсем нет. Я просто думаю, что было бы намного лучше, если бы я самостоятельно снимала однокомнатную квартиру.

— Спасибо, все нормально, — я запрокидываю несколько прядей за ухо, поскольку они спадают мне на лицо.

— Убедись, что ты презентабельно выглядишь. Она мой хороший друг, и я сказал ей, что ты хороший ребенок. Не разочаруй меня, Лили.

— Нет, сэр, не разочарую.

Он вешает трубку, не говоря ни слова, и я возвращаюсь в свой класс английского.

За обедом я сижу в столовой в одиночестве и ем сэндвич, который миссис Хэкли приготовила для меня. Когда я просматриваю свою домашнюю работу по математике, Одри, одна из популярных девушек, подходит и становится передо мной.

— Эй, — говорит она, чтобы привлечь мое внимание. Я поднимаю глаза от учебника и улыбаюсь ей. — Ты встречаешься с Трентом Хэкли? — спрашивает она. Они вчетвером стоят рядом в своих дизайнерских одеждах, с прекрасными волосами, безупречным макияжем и невероятно скупым словарным запасом.

— Да, — говорю я, пристально разглядывая каждую из этих девушек.

Триша и Кэнди смеются, в то время как Одри посылает им опасный и угрюмый взгляд. Четвертая сдерживает смех, хотя выражение лица выдает ее.

— Он встречается с тобой? — спрашивает она снисходительно.

— Да, — повторяю я, но мой голос очень тихий.

— Наверное, ловко поймала, — фыркает Одри другим трем девчонкам, когда поворачивается спиной и уходит.

Что за противный человек. Но что она имела в виду? Я знаю, что не симпатичная и не выгляжу, как те девушки, но что она имела в виду?

Я спокойно сижу и ем свой обед, но меня сбила с толку Одри и то, что она сказала. Она не хороший человек. Она ужасна и агрессивна. И однажды это возвратится к ней и укусит ее за задницу, но ее фраза прошла прямо через меня.

Все эти годы я была невидима — тень, просто идущая позади всех остальных. Никто не знал меня. И мне нравилось это, потому что никого не было рядом со мной. Если у меня не было ни с кем эмоциональной связи, никто не мог задавать мне вопросы. Они не могли видеть, кем я была. Я была просто девочкой, которую все игнорировали.

Но сейчас я привлекла чье-то внимание. Я не хочу этого. Я не хочу быть замеченной, не хочу смеха, общения или пристальных взглядов, что придут вместе с девочками-подростками, которые, безусловно, не слишком приятны.

***

— Привет, я Лили Андерсон. Я здесь, чтобы встретиться с управляющей магазином Стейси, — говорю я одной из девушек, работающей за прилавком магазина.

Девушка смотрит на меня и с улыбкой отвечает:

— Я сейчас позвоню ей.

На ее бейдже написано «Шейн», и она кажется дружелюбной. И красивой. Ее волосы длинные, цвета красного дерева, и у нее самые большие карие глаза, которые я когда-либо видела.

— Спасибо, — говорю я и делаю шаг назад, поправляя школьную сумку на плече.

Шейн звонит Стейси и обращается ко мне:

— Ты здесь для собеседования? — спрашивает она.

— Да.

Она оглядывается через плечо и шепчет:

— Ей нравятся трудолюбивые люди, — затем она подмигивает мне.

Я улыбаюсь ей и уже чувствую себя комфортно. Странно, потому что я не чувствовала себя так ни с кем. За исключением миссис Хэкли. Она мне нравится. Даже Трент не позволяет мне полностью расслабиться. Есть в нем что-то, что ускользает от меня.

— Ты, должно быть, Лили Андерсон. Крис много рассказывал о тебе, — говорит яркая белокурая женщина, которая подходит ко мне.

— Рада знакомству, мэм, — я протягиваю ей руку, она принимает ее и пожимает.

— Пойдем наверх, поболтаем, — она поворачивается и быстро удаляется. Мой взгляд немедленно приклеивается к ее сексуальной фигуре в форме песочных часов. Ее шаги наполнены такой уверенностью и силой. При виде этих качеств в женщине я становлюсь завистливой.

— Сюда, — говорит она и ведет меня наверх по узкой лестнице.

Наверху она открывает дверь справа и заходит внутрь, не закрывая ее, садится за обычный белый стол. Я украдкой обвожу взглядом комнату и замечаю, что все находится на своих местах. Ее стол безукоризненно чистый, бумаги сложены аккуратно и все ручки в органайзере стоят стержнем вниз.

— Расскажи мне о себе, Лили. Крис сказал, ты живешь с ними? — ее щеки слегка

порозовели, и когда она говорит слово «с ними», похоже, что она выплевывает его с отвращением.

— Мне семнадцать лет, я заканчиваю школу с отличием, мой средний бал 3,9. Я живу с мистером и миссис Хэкли уже почти три недели.

— Мистер Хэкли... — она делает паузу, прочищая горло, — ...сказал мне, что ты из неблагополучной семьи.

Я чувствую, как съеживаюсь и отступаю в полном унижении. Почему он сказал это? Зачем ему рассказывать об этом кому-то? Скольким людям он еще рассказал? Чувствую себя посмешищем.

— Гм... — бормочу я, пытаюсь отдышаться.

У меня кружится голова, и я не могу остановить слезы, которые начинают бежать из глаз, как бы я ни старалась сдержать их.

— Не плачь. Мне просто нужно знать, что ты будешь упорно работать для меня, — Стейси смотрит на меня, ее глаза хоть и симпатичные, но холодные.

— Я буду, мэм, — мне удается сказать это через ком в горле и болезненное рыдание.

— Да, думаю, будешь. Лето почти наступило и мне нужны экспресс-кассиры. Работа твоя, если ты хочешь. Я доверяю Крису, когда он говорит, что ты хороший ребенок, — она встает, обходит меня и облакачивается на свой стол.

— Вот, — она берет несколько бумаг, которые лежат у нее на столе, — заполни их и принеси в субботу. Как только у меня появится униформа, я обучу тебя, и ты приступишь к работе.

Я смотрю на нее, будучи уверенная, что я в полном беспорядке со стекающими по щекам слезам и красными глазами, но улыбаюсь.

— Спасибо, — говорю я.

— Скажи Крису, что я все еще жду того омара, которого он обещал мне. Ты можешь сказать ему сегодня вечером во время ужина.

— Да, мэм, — говорю я, когда встаю и беру свой рюкзак.

Когда выхожу из кабинета, то благодарю Стейси снова и обещаю, что приложу все усилия для нее. Я кладу бумаги в свой рюкзак и иду вниз, мимо Шейн.

— Эй, — говорит она, и я останавливаюсь у ее прилавка.

— Ты получила работу?

— Получила.

Она улыбается мне.

— Превосходно. Я — Шейн, и думаю, мы станем с тобой отличными друзьями, — бодро говорит она.

— Я — Лили, и я, правда, на это надеюсь.

Друг. Настоящий друг. Кто-то, с кем я могу быть просто сама собой. Я надеюсь, что она станет моей подругой. Мне действительно нужен друг.

— Дядя Мартин, это моя девушка, Лили. Лили, это мой дядя Мартин, — говорит Трент когда представляет меня.

— Привет, — здороваюсь я, протягивая руку облысевшему мужчине средних лет, который стоит передо мной. Его дядя совсем не похож на мистера Хэкли. Он невысокий, с редующими волосами и большим животом. Когда он улыбается, видно, что половина его зубов гнилые.

— Что это, юная леди? Там, откуда я родом, мы все семья, и мы приветствуем друг друга вот так, — весело говорит он и подходит ко мне вплотную, обхватывая, крепко обнимая и поднимая меня над землей.

Затем ставит меня на пол и усмехается.

— Рада познакомиться, сэр, — говорю я, задыхаясь в его медвежьих объятиях.

— Сэр? Ты можешь звать меня дядей Мартином, или просто стариком Марти. А ты, — он смотрит на Трента, — ты уже слишком взрослый, чтобы называть меня дядей, можешь называть меня Марти, — я улыбаюсь Марти, потому что он милый.

— Пойдем, я должен представить тебя дяде Джону, — говорит Трент, а Марти возвращается к переворачиванию бургеров на барбекю.

Мы идем к джентльмену, сидящему около бассейна. Он пьет пиво и наблюдает за несколькими детишками в бассейне. Выглядит он точно так же, как мистер Хэкли, только старше и с сединой в волосах.

— Дядя Джон, я хочу представить вам свою девушку, Лили.

Он встает с того места, на котором сидел, и направляет взгляд своих зеленых глаз прямо на меня. Автоматически я чувствую себя неловко. Он опускает взгляд с моего лица на грудь, затем ниже. Тяжелый большой узел формируется в моем животе, когда я беру его протянутую руку и пожимаю ее.

— Ты Лили? — спрашивает он. Вопрос звучит как-то неестественно. Как будто он ожидал увидеть кого-то красивого и потрясен, насколько я ужасна.

— Да, сэр, — отвечаю я.

— Она, определенно, симпатичная, Трент, — говорит он Тренту, искоса глядя на меня.

— Она такая, — отвечает Трент и оборачивает руку вокруг меня, прижимая к себе. — Иди внутрь и помоги маме с едой.

Я выдавливаю улыбку и поворачиваюсь, чтобы войти внутрь, когда слышу, как дядя Трента говорит:

— Уже трахнул ее?

Я ускоряюсь и ухожу, потому что вся покрылась мурашками из-за него и не хочу находиться рядом.

Когда я захожу на кухню, вижу, как работает миссис Хэкли, а две другие женщины сидят за столом, смеются и пьют прозрачную жидкость из высоких стаканов. От того, как они смотрят на маму Трента и как себя ведут, я сомневаюсь, что эта жидкость вода.

— Мэм, вам нужна помощь? — спрашиваю я, когда захожу внутрь и становлюсь около нее возле кухонного островка.

— Да, спасибо, дорогая. Ты можешь почистить этот картофель? — спрашивает она,

когда выгружает сумку в раковину.

— Конечно, могу.

Я беру нож и начинаю чистить картошку, и слышу, как две женщины за столом шепчутся и хихикают, как школьницы.

— Кто это, Лина? — спрашивает одна из женщин снисходительным тоном.

Миссис Хэкли перестает резать салат и искоса смотрит на меня, что, как я понимаю, значит «прости за них», затем она «надевает» на лицо фальшивую улыбку.

— Это девушка Трента. Ее зовут Лили, — говорит она сладким голосом.

— Подойди сюда, девочка, — говорит мне пожилая женщина, когда я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться им. Я вытираю руки о кухонное полотенце и направляюсь к более взрослой даме, которая протягивает мне руку.

Я подхожу и беру ее руку в свою.

— Рада знакомству, мэм, — говорю я так мило, как только могу.

Она выглядит очень старой, с глубокими морщинами вокруг глаз и рта. У нее массивная корона из волос и некрасивые серые корни, которые нужно бы окрасить в тон отросших волос цвета темной соломы.

— Ты не очень симпатичная, — говорит она мне.

Я приподнимаю брови и сдерживаю хихиканье.

— Честно говоря, мэм, вы не первый человек, который говорит мне это.

Горшок над котлом смеется, а оба черны. (*Примеч.: английская поговорка. В русском языке звучит, как «В чужом глазу соринку заметишь, а в своем бревна не замечаешь» или «Чья бы корова мычала, а твоя молчала»*).

— Я — Терри, а это Лаура. Можешь называть меня миссис Терри, а ее — миссис Лаура, — говорит она, указывая на более стройную женщину помоложе, сидящую около нее.

— Я просто Лаура. Не обращай внимания на слова старой брюзги. Я замужем за Марти а Терри замужем за Джоном.

Я улыбаюсь ей и чувствую себя более непринужденно.

— Я лучше вернусь к картофелю.

— Итаааак, — тянет Терри, гневно дыша, — ты встречаешься с Трентом, не так ли?

Я вижу, как напрягаются плечи миссис Хэкли, и она глубоко вздыхает.

— Да, мэм, — отвечаю я.

— Действительно? И ты думаешь, что такой красивый мальчик, как он, будет счастлив с такой девочкой, как ты?

— Терри, — шипит Лаура, — прекрати, оставь девочку в покое.

— На самом деле, Лаура, Трент красивый мальчик. Он может заполучить любую, какую только захочет, и, возможно, он уже получил. Так почему же он выбрал кого-то столь простого, как она?

— Перестань быть сукой.

— Лина, ты довольна этой девушкой? — спрашивает Терри, как будто я заразное больное животное.

— Лили очень хорошая девушка, — отвечает миссис Хэкли, защищая меня.

Терри что-то бормочет, но больше ничего не говорит.

Миссис Хэкли и я проводим оставшееся время на кухне, готовя еду. Вообще-то миссис Хэкли готовит, а я делаю то, что она скажет.

Когда еда готова, мы выносим все на улицу на задний двор и зовем всех обедать.

Трент немедленно оказывается около меня, обняв рукой за талию. Он притягивает меня ближе к себе, когда разговаривает со своим отцом.

Миссис Хэкли ждет, пока все усядутся, прежде чем сесть напротив меня. Трент сидит с одной стороны от меня, а Джон с другой. В основном разговор проходит между братьями, детьми и Терри. Миссис Хэкли, Лаура и я сидим тихо, по большей части помалкивая.

По мере того, как разговор продолжается, я замечаю реакцию Марти на некоторые вещи. Он, кажется, слегка отстаёт от большинства шуток, которыми перекидываются братья поверх его головы, как будто не понимает их.

— Хочешь еще немного картофельного салата? — спрашивает Трент.

Когда я поворачиваю голову направо, чтобы посмотреть на него, рука ложится на мое левое бедро и сжимает его. Автоматически я отскакиваю назад и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Джона. Он убирает свою руку, но только после того как усмехается мне.

— Ты в порядке? — спрашивает Трент.

— Все хорошо, мне просто нужно в ванную, — говорю я, отодвигая свой стул назад, и быстро выхожу из-за стола.

— Все хорошо, дорогая? — я слышу, как миссис Хэкли спрашивает меня заинтересованным тоном. Я оборачиваюсь и смотрю на нее через плечо, изображая улыбку.

Как только я захожу в двойные стеклянные двери, бегу в ванную и запираюсь изнутри. Я плохо себя чувствую, и меня тошнит. Я помню момент, когда его плотоядный взгляд заставил меня чувствовать себя плохо, и теперь мысль о его руке на моем бедре посылает ужасающую дрожь по всему телу. Что-то бурлит в глубине моего живота, и с такой скоростью подбирается к моему горлу, что я не уверена, что смогу добраться до раковины.

Как только спазмы рвоты прекращаются, нервы начинают успокаиваться. Я достаточно глубоко дышу через нос и выдыхаю через рот, чтобы тошнота прошла.

— Что это было? — спрашиваю я сама себя, когда смотрю в зеркало. Мои глаза налиты кровью, лицо покрылось красными пятнами.

Стоя возле раковины, я плещу водой в лицо и позволяю холодным струям стекать по нему. Я стою и смотрю на свое уродливое отражение в зеркале, пока, наконец, собираюсь с силами, чтобы выйти и вернуться к барбекю. Я не уверена, должна ли говорить Тренту, или мне лучше оставить это при себе. Если скажу ему, это станет причиной конфликта, если он расскажет своему отцу, а не говорить ему будет нечестно.

Я делаю еще несколько глубоких вдохов и собираюсь открыть дверь. Поворачиваю замок и нажимаю ручку вниз, но дверь резко распаивается, и Джон несется на меня, заталкивая обратно в ванную. Его выпад такой сильный, что я спотыкаюсь, отступая назад, и падаю на задницу.

Он спокойно закрывает дверь и запирает ее. Я стремглав отстраняюсь назад, пока не чувствую холодную стену через футболку.

— Ты такая хорошая девочка, ждешь меня, — говорит он, приближаясь ко мне.

— Пожалуйста, не надо, — говорю я и готовлюсь к тому, что должно произойти.

— Шшшш, не нужно ничего говорить, сладкая. Я позабочусь о тебе, — он расстегивает молнию на своих джинсах и начинает спускать их по бедрам. Он хватает меня за плечи и легко поднимает: — А теперь будь хорошей маленькой девочкой и снимии шортики.

От его слов мне становится плохо. Сердце в груди бьется очень быстро, и тошнотворное чувство возвращается, но теперь все гораздо хуже.

— Нет, — кричу я, когда его руки шарят по моему телу. — Нет, — кричу еще громче.

— Ты дерзкая. Мне нравится, когда женщина сопротивляется. Это сексуально, — он наклоняется и облизывает мою шею, пока продолжает тискать мою грудь.

Со всей своей силой я отталкиваю его и бегу к двери, открываю ее и удираю во двор, где все сидят за столом и наслаждаются своим обедом.

Я сажусь рядом с Трентом, и он сразу же замечает, что меня трясет.

— Что случилось? — спрашивает он, когда кладет свою вилку и обнимает меня.

Я дышу сквозь комки в горле и пытаюсь сформулировать предложение. Но нет никаких слов, чтобы сформировать что-то внятное.

— Она упала, и это напугало ее. Я был там, чтобы помочь ей, — говорит Джон, уверенно проходя к своему месту и садясь рядом со мной. Ядвигаю свой стул ближе к Тренту, подальше от Джона. — Повезло, что я был там, на самом деле, она могла споткнуться о тот стеклянный кофейный столик. Это было бы ужасно, не так ли, сладкая? — говорит он. Но его тон предупреждает меня: заткнуться и ничего не говорить, иначе в следующий раз мне будет больно.

Я сижу рядом с Трентом, в его объятиях, дрожу и ничего не могу сказать.

— Слава Богу, ты был там, — говорит Трент Джону и гладит меня вверх-вниз по спине. — Так ведь, Лили? — он целует меня в лоб. Я ничего не могу сделать. Я не могу не согласиться и не могу сказать ни слова. Не сейчас, когда все здесь. — Бедняжка, она действительно напугана, — он снова целует меня в лоб.

Я остаюсь, погруженная в объятия Трента, не желая смотреть на Джона. Но могу чувствовать злом взгляд Джона, сверлящий мою спину.

— Разве ты не голодна, сладкая? — спрашивает Джон. Его простые слова посылают новую волну дрожи по моей спине.

Я качаю головой и пытаюсь придвинуться ближе к Тренту.

— Ты должна поесть, — говорит Трент. Я едва могу сформировать предложение, не говоря уже о том, чтобы взглянуть на еду. Но я должна создавать впечатление, что все хорошо. Потому что если я этого не сделаю, то все узнают. А я хороша в том, чтобы скрывать все от окружающих.

Джон уже убедил всех в том, что спас меня, хотя именно от него меня и нужно спасать. Ядвигаю свой стул назад так, чтобы быть подальше от края стола, на случай, если Джон снова попытается меня схватить, то Трент сможет увидеть это сам. Беря свою вилку, я накручиваю на нее еду и откусываю понемногу. Еда оседает в моем желудке, готовая в любой момент вырваться на поверхность, если Джон снова меня тронет.

Когда обед закончен, миссис Хэкли встает и начинает собирать все грязные тарелки. Я тоже встаю и решаю держаться рядом с ней. Таким образом Джон не сможет подойти ко мне.

Мы уносим тарелки на кухню. Все остальные остаются снаружи, смеясь и разговаривая. Я выбрасываю оставшуюся еду в мусорную корзину и качаю головой. Несколько недель назад я бы умоляла за такую еду, как эта. А сейчас я не смогла съесть то, что было у меня на тарелке из-за случившегося с Джоном. Мне так стыдно, что позволила пропасть еде зря, я не лучше, чем люди, игнорирующие тех, кто голодает.

— Он трогал тебя, не так ли? — шепчет миссис Хэкли.

Каждый волосок на моих руках и шее встает дыбом. Озноб проносится по моим венам, касаясь каждого удаленного участка тела. Медленно я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее. Она ополаскивает тарелки в воде, ее голова опущена. Я вижу слезы,

медленно катящиеся по ее щекам, капающие одна за другой в грязную воду из-под посуды.

— Как вы узнали? — спрашиваю я и изо всех сил стараюсь сохранить свой голос спокойным. Ее слезы усиливаются, и она смотрит на меня. Сам взгляд кричит тысячу слов, рассказывая мне ужасную главу в ее жизни, которую она так отчаянно пытается не позволить кому-нибудь увидеть.

— О, мой Бог, — говорю я, откладывая тарелку в сторону, чтобы обнять ее.

Миссис Хэкли качает головой и говорит сквозь слезы:

— Не нужно, пожалуйста.

Я отступаю и даю ей пространство. Беру тарелку и тихо продолжаю выбрасывать впустую потраченную еду. Лаура приходит несколько секунд спустя. Я вижу, как она смотрит и оценивает нас.

— Ты в порядке, Лина? Лили расстроила тебя?

— Нет, дорогая. Я в порядке. Просто думаю, как же быстро вырос мой мальчик, — говорит она, быстро оправляясь от правды.

Это заставляет меня задуматься, от какого большого количества вещей она оправляется так быстро? Как много вопросов она избегает с помощью лжи? Она сделала это для меня?

— Я принесу все остальное. Тебе нужна помощь с десертом?

— Мы с Лили уже глазировали его, спасибо.

Лаура в несколько заходов заносит все внутрь, пока мы с миссис Хэкли продолжаем тихо работать. Единственные слова — это ее инструкции мне, что делать. Когда заканчиваем, мы достаем с холодильника десерты, и я замечаю, что Джон встал из-за стола и находится в бассейне. Я делаю успокаивающий вдох, что его нет около меня или мамы Трента.

— Вода прекрасная, кто зайдет? — кричит он из бассейна.

Я чувствую, как дрожу и стараюсь не смотреть на него.

— Ты взяла свой купальник? — спрашивает меня Трент, когда встает из-за стола.

— Он в моей сумке, но я нехорошо себя чувствую. Я бы могла просто посидеть в сторонке.

— Хорошо, — Трент наклоняется, целует меня и затем бежит к бассейну.

— Что насчет тебя, сладкая, ты идешь? — спрашивает меня Джон.

Мне страшно, что он хочет, чтобы я была там с ним. Он пугает меня.

— Она нехорошо себя чувствует. Она посидит в сторонке, — объясняет Трент.

— Дорогая, зайди внутрь, подальше от солнца. Я сделаю тебе что-нибудь прохладное попить, — говорит миссис Хэкли, прежде чем Джон сможет что-то ответить. Она уловила смысл того, что он хочет сделать, и помогает мне. И более чем вероятно, помогает себе тоже.

Миссис Хэкли подходит и, поскольку я стою, берет меня под руку. Она слегка подмигивает мне, и я вполне уверена, что это подмигивание обозначает две вещи. Во-первых, *я не позволю ему быть рядом с тобой*, и, во-вторых, *ты спасаешь меня тоже*.

Мы заходим внутрь, и я сажусь за кухонный стол.

— Я понимаю, — говорит она, делая мне прохладный напиток, — поверь мне, я понимаю.

Пока мы сидим на кухне, разговариваем, но ни о чем особенно важном. День проходит, и скоро нам пора идти домой. Я убеждаюсь, что Трент рядом со мной, прежде чем попрощаться с Джоном, и как только я ухожу оттуда, делаю глубокий вдох.

— Ты чувствуешь себя лучше? — спрашивает Трент, и мистер Хэкли оборачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Ей лучше не быть беременной, — говорит мистер Хэкли с водительского сиденья.

— Что? — я тихо хныкаю. Я не хочу детей, никогда. Этот мир не предназначен для детей. Этот мир слишком жесток, чтобы подвергнуть ребенка этому.

— Мы еще не занимались сексом, папа, но, когда мы сделаем это, я надену резинку. Я оскорблена. Полностью смущена.

— Лучше все-таки своди ее к доктору за противозачаточными таблетками, — говорит мистер Хэкли Тренту.

Я чувствую, как мое лицо горит, и мне хочется заплакать. Разговор крутится вокруг меня, и я чувствую себя так, будто не существую.

— Я буду использовать презерватив, папа, — говорит Трент снова.

— Проблема в том, сын, что такие девушки, как она, пытаются залететь, потому что рассчитывают на хорошую жизнь с людьми вроде нас.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно, совершенно подавленная. За все эти годы с отцом, то, как он говорил со мной, то, каким он был, я всегда была готова к этому. Независимо от колебаний его настроения, того, что он сказал бы или сделал, я всегда была на страже.

Но мистер Хэкли говорит обо мне, как будто я мусор. Не что иное, как заноза в его боку, *еще один рот, который надо кормить*. Из-за этого я чувствую себя ничтожной. Я даже не могу скрыть это от Трента, потому что он находится в машине, в то время как его отец продолжает принижать меня и уменьшать до чего-то еще более никчемного, чем я уже себя чувствую.

— Ладно, папа, — говорит Трент, кладя руку мне на бедро и сжимая его. — Завтра я отвезу ее к доктору.

— У меня завтра первая смена в магазине, — говорю я.

Я отнесла документы до того, как мы уехали на барбекю, и Стейси сказала мне выходить завтра, чтобы кто-нибудь был там и начал обучать меня как работать с кассовым аппаратом.

— Видишь, сынок? Девушки, как она, всегда найдут оправдание.

Слезы текут по моему лицу, и мне хочется выпрыгнуть из машины и покончить с этим. Эти унижения должны прекратиться. Я не уверена, что могу продолжать жить вот так.

— Она должна работать, папа. Я отвезу ее после работы.

— Хм, она, вероятно, просто придумает другое оправдание, — говорит папа Трента.

— Я заберу ее и отвезу. Заканчивай с этим, — отвечает папе Трент. — Ты в порядке? — шепчет он мне. Я не поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Трента, вместо этого таращусь на невзрачные пейзажи, которые мы проезжаем, и концентрируюсь на том, чтобы сдерживать рыдания.

Оставшееся время поездки в машине тихо. Никто не говорит ни слова. Как что-нибудь может быть сказано? Мистер Хэкли предельно ясно объяснил, что он думает обо мне, и я действительно не настроена что-либо говорить ему. Я должна быть благодарна, что кто-то меня кормит и заботится обо мне. Но если вы называете заботой то, как папа Трента относится ко мне, то я действительно должна съехать.

Я сделаю это, как только смогу.

К тому моменту, как мы возвращаемся домой, уже почти стемнело. Я направляюсь в свою комнату, беру пижаму и иду в душ. Когда я выхожу, все сидят в гостиной с включенным

телевизором, но, кажется, будто его никто не смотрит. Волны чистого холода проходят через комнату, и внезапно я чувствую себя чужой. Незванным гостем, когда три пары глаз, уставившись, смотрят на меня.

— Доброй ночи, — говорю я и быстро поворачиваюсь.

Я бегу в свою комнату, закрываю дверь и накрываюсь одеялом. Это моя крепость, мое безопасное место, где никто не сможет тронуть меня.

Я лежу с открытыми глазами и прислушиваюсь к звукам. Приглушенный разговор, папа Трента повышает голос, а Трент кричит в ответ. Кажется, будто это продолжается часами, но я смотрю на часы и сердитые красные цифры говорят мне, что прошло меньше, чем полчаса. Я слышу шаги и задерживаю дыхание. Но шаги направляются вверх. Там говорят громче, и теперь я знаю, что это только Трент, его папа остался внизу. Потом ни звука. Никаких слов, никаких шагов, ничего.

Я отчаянно дышу и жду. Я не уверена, чего именно жду, но что-то должно произойти. Я чувствую это. Эта напряженность, и все вращается вокруг меня.

Внезапно дверь резко открывается, и я хнычу, когда ручка двери врезается в стену.

— Что ты сделала, Лили? — сердито спрашивает Трент. — Что, черт возьми, ты сделала?

— Ничего! Я ничего не сделала, — умоляю я. Я не уверена, почему умоляю. Возможно, чтобы заставить его поверить мне? Я не знаю.

— Дядя Джон сказал, что ты поцеловала его.

— Что? Нет! — кричу я. — Нет, ничего подобного. Я ничего не сделала. Он вошел в ванную и начал лапать меня.

— Он сказал, что ты сказала ему, что хочешь трахнуть его.

— Нет, я не говорила. Я не хочу заниматься сексом. Я определенно не хочу его. Он пугает меня.

— Он сказал папе, что ты скажешь это.

— Это правда.

— Тогда почему ты не сказала мне, когда это произошло?

— Я не знаю. Я не думала, что ты согласишься мне, и не думала, что было правильным сказать тебе, когда мы были вместе со всеми остальными. Я не хотела создавать проблему.

— Я не знаю, чему верить, Лили, — он запускает руки в свои волосы и вышагивает по моей спальне. — Я не имею чертового понятия.

— Он положил руку на мое бедро, и вот тогда я убежала в ванную, потому что это напугало меня. Затем он подождал меня возле ванной, толкнул дверь, когда я открыла ее, и... — я замолкаю и прикрываю глаза.

— Это не то, что он сказал.

— Но так все было. Я сожалею о том, что не сказала тебе, но...

— В этом уравнении нет проклятого «но». Если бы ты рассказала мне тогда, что произошло, я бы поверил тебе. Но видеть, как ты говоришь мне теперь, после того, как дядя Джон сказал папе, что ж, теперь я чертовски зол.

Проклятые слезы быстро образуются в моих глазах, и я абсолютно ошеломлена его словами. Он не верит мне.

— Извини, — говорю я так громко, как только могу, но ком в моем горле не позволяет выходить никаким звукам, кроме звуков удушья.

— Недостаточно хорошо! — кричит он и разворачивается, чтобы покинуть комнату.

Прежде чем уйти, он бьет кулаком в гипсокартонную стену, и я отпрыгиваю назад от взрыва его гнева. Трент уходит, хлопая дверью.

Я слышу его сердитые тяжелые шаги, когда он вышагивает наверх. Я лежу с открытыми глазами и опускаюсь глубже в теплоту и безопасность моего одеяла, просто хватая мертвый ночной воздух.

Дом абсолютно тих. Невозможно услышать ни звука. Это место пустынно, холодно и полностью изолированно.

Я поворачиваюсь посмотреть на мигающие огни будильника около кровати. Я не могу сказать «мой будильник» или «моя кровать». Это все может быть вырвано у меня в мгновение ока. Я даже не тешу себя иллюзией, что владею одеждой, в которой сплю. За все заплатили Хэкли. За все. Каждый кусочек еды, каждая ниточка. Они владеют всем.

Глаза начинают закрываться, когда сон медленно затягивает меня. Возможно, когда я проснусь завтра, это окажется просто плохим сном. Возможно, моя жизнь — это просто дурной сон. Постоянный кошмар, и я просто жду, чтобы проснуться от него. Темнота сна уносит меня, и я, наконец, попадаю в забытье.

БАМ!

Я вскакиваю с кровати и быстро проверяю комнату, в которой сплю, но все, кажется, на своих местах. Мое сердце бешено стучит в груди, а дыхание быстрое и короткое. Я стою неподвижно, прислушиваясь к шуму, который разбудил меня, но ничего не слышу.

Глубоко вздохнув, я возвращаюсь в постель. Часы около меня неумолимы, время продолжает нестись. Прошел только час с тех пор, как я заснула. Лежа в кровати, я позволяю естественным звукам уносить меня вперед, снова ко сну. Я не позволяю этому грохоту взволновать меня, потому что мистер Хэкли или Трент пришли бы и проверили, если бы это было что-то серьезное.

Вероятно, это была летучая мышь, влетевшая в стену дома. Это не может быть ничем иным. *Правда. Правда?*

Утро воскресенья в доме Хэкли выдается невероятно странным. До того, как уехать на работу, я не вижу миссис Хэкли вообще, а мистер Хэкли и Трент холодны со мной.

— Ты готова? — спрашивает Трент, когда хватается за ключи со стола в прихожей и останавливается у двери. Это сигнал мне, чтобы я поспешила. Мистер Хэкли даже не отводит взгляда от своего планшета, на котором читает новости.

Поездка до работы оказывается такой же ледяной, как и обстановка в доме Хэкли. Трент набивает большими пальцами на руле песню, которая даже не играет.

Я не спрашиваю у него, в порядке ли он, потому что уже знаю ответ. Жизнь с родителем-алкоголиком научила меня никогда не задавать вопрос, ответ на который я и так уже знаю. Для своего самосохранения я в любом случае не должна говорить много.

Трент высаживает меня у продуктового магазина и говорит решительным тоном:

— Сегодня ты отдашься мне. После работы я отвезу тебя к доктору, чтобы удостовериться, что ты не забеременеешь.

Это не вопрос, он не спрашивает. Он ставит меня в известность.

***

Шейн учит меня всему, что нужно делать на работе. Сейчас близится время моего перерыва. Стейси поставила меня одну за кассу, а Шейн находится за кассой позади меня, поэтому я могу задавать ей вопросы, если мне требуется помощь. Когда клиенты подходят со своими наполненными тележками, я сканирую каждый товар. Но все, о чем я могу думать, это сегодняшний вечер. Я отдамся ему, это неизбежно, я знаю. Но надеюсь, что это произойдет, когда я буду больше готова.

Я слышу, как кто-то задает мне вопрос, и это возвращает меня в настоящее, а не к тому, что произойдет сегодня вечером.

— Извините? — говорю я пожилой леди, стоящей передо мной с небольшим количеством продуктов.

— Я сказала, что вы очень красивая девушка, — говорит она, тепло мне улыбаясь.

— Спасибо, — отвечаю я со слабой улыбкой. Хотя в глубине души я знаю, что она, должно быть, говорит о Шейн. Шейн красива. И такая жизнерадостная и превосходная. Как кто-то может не сказать, что она красивая?

Пожилая леди смотрит на мой бейдж, прищуриваясь, чтобы прочесть его.

— О, вы на обучении, не так ли? — спрашивает она, когда присматривается, поправляя очки на переносице.

— Да, мэм. Это мой первый день, — отвечаю я и сканирую один из последних товаров на ленточном конвейере.

— Первый день? — взвизгивает она, а затем добавляет: — О, мой Бог, ты будешь управлять этим местом прежде, чем поймешь это, — она снова улыбается мне.

Впервые за долгое время я чувствую нечто иное, чем осуждение. Совершенно незнакомый человек, случайная пожилая леди не смотрит на меня, как на мусор. Ее слова предназначены для того, чтобы дать мне силу и уверенность, и я знаю, что эти слова, хоть они и могут быть несущественными для многих, будут жить со мной на протяжении всей жизни.

— Спасибо, — говорю я, чувствуя, как мое лицо проясняется, а губы изгибаются в неподдельной улыбке. Я сканирую последние ее товары, она расплачивается за них, а я желаю ей фантастического дня. Она никогда не узнает о воздействии доброты, которую показала мне всего одним простым предложением.

Я начинаю сканировать товары следующего покупателя, и Люк, менеджер кассиров, подходит ко мне и говорит выключить питание. Мы с Шейн заканчиваем в одно и то же время, и я отхожу от кассы, собираясь пойти в комнату для персонала.

— Эй, пойдём, пообедаем вместе, — радостно говорит она.

Черт, я ничего не принесла с собой, и у меня нет денег.

— Я не очень голодна, — отвечаю я, хотя, по правде говоря, мой живот урчит, к счастью, недостаточно громко для нее, чтобы услышать. Но достаточно громко, чтобы напомнить мне, как я хочу есть.

— Моя очередь платить, давай, пойдём. У нас есть только полчаса, — Шейн берет меня за руку и тянет на улицу. Рядом с продуктовым магазином есть гастроном, и мы идем туда.

— Они делают лучшую пастрому на ржаном хлебе. Ты ведь любишь пастрому, верно?

Я могу с уверенностью сказать, что да, потому что миссис Хэкли делала ее для меня.

— Да, особенно с горчицей.

— Два ржаных сэндвича с пастромой и оба с горчицей. Я возьму бутылку воды и... — Шейн поворачивается ко мне и спрашивает глазами, какой напиток я хочу.

— Тоже воду, пожалуйста.

Леди обслуживает нас, и Шейн платит за наш обед. Она первой выходит на улицу и идет вниз по улице, в небольшой парк, в котором есть три стола и множество качелей. Один из столов занят мамой, которая наблюдает за своей дочерью на качелях.

— Итак, расскажи мне о себе, — говорит Шейн, когда садится, разворачивает свой сэндвич и кусает его.

— Особо нечего рассказывать. Мне семнадцать лет, и я оканчиваю среднюю школу. А ты?

— Я? Ну, я отчасти застряла в этом городе. Но я хочу быть актрисой. Мне просто нужно накопить достаточно денег, чтобы купить билет отсюда. Я работаю в магазине уже два года и продолжаю копить, но... — она пожимает плечами и делает еще один укус.

— Но что?

— Трудно накопить хоть что-то, работая за восемь долларов в час. Я живу одна, и самой приходится платить за свою медицинскую страховку. Это трудно, знаешь ли. Я надеюсь, что однажды меня повысят, и тогда они будут хотя бы платить за мою медицинскую страховку.

— Почему ты живешь одна? — я кусаю свой восхитительный сэндвич.

— Мать сбежала, а отец умер. Она нашла себе нового парня, который не хотел ребенка, бродящего вокруг, поэтому в прошлом году она сказала мне, что у меня есть два месяца, чтобы съехать. Я живу в гараже, переделанном в квартиру. Арендная плата дешевая и люди по-настоящему хорошие. У них есть маленькая девочка, и иногда они просят меня присмотреть за ней. Когда я сижу с ней, они учитывают это при оплате аренды. Но, знаешь,

это все равно тяжело.

Мне нравится Шейн. Она рассказала мне свою историю не для того, чтобы я пожалела ее. На самом деле я думаю, что она спокойна насчет этого.

— Это моя первая работа, — делаю я попытку завести разговор.

— Да, серьезно? Ты действительно хорошо справляешься, — говорит она. Я страсть как хочу исправить ее английский, но не в том положении, чтобы сказать что-либо ей. — Что ты собираешься делать со своей первой зарплатой? Пойти и отпраздновать? — она исполняет небольшой танец, сидя на месте. Это заставляет меня смеяться.

— Что это было? — дразню я, когда ем свой обед.

— Что? Это? — она делает то же самое движение, но более театрально. Мы смеемся над ее глупыми, невинными повадками. — Но действительно, что ты собираешься делать? Не то чтобы тебе можно было пить, но ты можешь весело провести время с друзьями.

Это меняет настроение разговора. Я откладываю свой сэндвич и беру воду, пытаюсь восстановить барьер между нами.

— Я просто хочу купить книгу, — отвечаю я, отпивая воду.

— Книгу? Сколько тебе лет? — ее тон меняется, и она ехидничает со мной.

— Да, я знаю, что это, вероятно, действительно странно, но у меня была любимая книга, но недавно она была уничтожена, и я хочу другой экземпляр. Это даже не книга, это пьеса.

Шейн странно на меня смотрит.

— Нет, серьезно, ты восьмидесятилетняя женщина под прикрытием? Меня одурачили, да? — она осматривается, как будто ищет что-то. Это снова заставляет меня смеяться. — Где камеры, бабуля? — она встает и озирается.

— Привет, Шейн, — говорит мимо проходящий парень.

— Привет, Лиам. Меня одурачили? — спрашивает она парня.

— Не могу сказать, — он продолжает идти, подмигивая ей.

— Серьезно? Пьеса? — она садится, провожая взглядом парня, прошедшего мимо нас.

— Да, пьеса. И ты можешь прекратить насмехаться надо мной из-за этого.

— Что за пьеса?

— Она называется «Суровое испытание».

— О, да? — Шейн кажется заинтересованной, как будто слышала о ней.

— Ты знаешь ее? — спрашиваю я, надеясь, что мы можем разделить любовь к написанному слову.

— Нет, похоже на роман? Я не очень много читаю. Я имею в виду, что умею читать, просто не делаю этого, — она пожимает плечами.

— Это пьеса Артура Миллера.

— О, верно, — она выглядит потерянной в разговоре.

— Он написал «Смерть коммивояжера», — она кивает, хотя ее лицо говорит, что она понятия об этом не имеет. — Когда-то он был женат на Мэрилин Монро.

— Правда? — глаза Шейн расширяются, когда она слышит знакомое имя.

— Да, правда. Так или иначе, это то, что я хочу. Другой экземпляр «Сурового испытания».

— Это маленький город, если ты еще не заметила. Возможно, ты должна заказать его в книжном магазине. В любом случае, откуда ты?

— Всего в паре районов отсюда, но теперь я переехала сюда.

— С родителями? — невинно спрашивает она, когда допивает свою воду.

— Нет, не совсем. С моим... гм... моим парнем и его родителями.

Она убирает свою бутылку с водой и ее брови взлетают.

— Ууууууу, — дразнит она. — У тебя есть бойфренд? Он милый?

— Да, — говорю я и ничего больше.

— Черт, Лили. Мы должна идти. Наш перерыв почти закончился.

Мы обе встаем и направляемся назад к магазину, и как только мы подходим, я вижу припаркованный автомобиль мистера Хэкли и Трента, прислонившегося к нему.

— Я встречусь с тобой внутри, — говорю я Шейн и бегу к Тренту. — Эй, — говорю я.

— Где, блядь, ты была? — говорит он, хватая меня за предплечье и тянет на себя.

— Мы с Шейн обедали.

— Кто, черт возьми, этот Шейн?

— Нет, все совсем не так. Шейн — это девушка, с которой я шла обратно. Мы пошли в гастроном, а затем в парк на углу, чтобы поесть.

— Ага, конечно, Лили. Как будто у девушки может быть имя Шейн. Шейн — имя проклятого парня. Я, блядь, не верю тебе, — он сильнее сжимает пальцы вокруг моей руки.

— Ой. Ты делаешь мне больно, — говорю я, глядя на его руку, а затем в его сердитые карие глаза. Его лицо мертвенно бледное, он выглядит таким обезумевшим из-за меня. — Пойдем внутрь, я представлю тебя ей, — он учащенно дышит, глаза налиты яростью, гнев поглощает его. И сейчас это пугает меня, потому что он напоминает мне то, каким был мой отец. — Пожалуйста, не злись на меня, — говорю я, пытаюсь успокоить его.

Его хватка ослабевает, я обнимаю его и кладу голову на плечо.

— Ладно, познакомь меня, — говорит он более спокойным тоном.

— Спасибо, — я вытягиваю шею и целую его в губы. — Спасибо, — повторяю я.

— Просто представь меня, — говорит он раздраженно.

Мы идем в магазин рука об руку. Шейн уже приступила к работе.

— Поторопись, Лили, — говорит она, когда смотрит через плечо в заднюю часть магазина.

Я быстро захожу за кассу, проверяю ее и повторяю каждый шаг, который Шейн мне показывала.

— Шейн — это Трент, Трент — это Шейн.

— Рада с тобой познакомиться, — радостно говорит она. — Извини, но мы заняты. Возможно, потусуемся как-нибудь после работы или что-то вроде того.

— Да, это хорошая идея, — говорит Трент. Затем он поворачивается ко мне и целомудренно целует меня в губы. — Я заберу тебя в пять. Пока, детка. Я люблю тебя.

И все же он не уезжает, он стоит и ждет, пока я что-нибудь ему скажу.

— Спасибо, — я начинаю сканировать продукты своего первого клиента. Но Трент все еще не уезжает: — Я буду готова к пяти.

— И это все? — он провоцирует, поскольку смотрит то на Шейн, то на меня. — Я люблю тебя, — повторяет он.

Он хочет, чтобы я тоже ему это сказала. Я не знаю, что такое любовь. Мне не дано было испытать ее, и я не уверена, смогу ли когда-либо подарить ее кому-нибудь. Мне нравится Трент. Когда он не сердится на меня, он хороший. Он может быть забавным, заботливым. Быть защитником. Но любовь? Я не знаю, что это. Возможно, я люблю его, может быть, это так и ощущается.

Я улыбаюсь ему и продолжаю сканировать товары леди.

— Я люблю тебя, — говорю я впервые в своей жизни. Но ничего не чувствую. Это просто слова, такие же, как и любые другие в английском языке. Может, это все, чем любовь и является на самом деле. Только слова.

Трент улыбается и подмигивает мне.

— Пока, детка. Рад был встретиться с тобой, Шейн, — говорит он и выходит из магазина.

— Он действительно симпатичный, — говорит леди, которую я обслуживаю. — Красивые глаза.

Я улыбаюсь ей и продолжаю работать.

Наконец, примерно за полчаса до конца моей смены, есть перерыв между клиентами. Шейн хлопает меня по плечу.

— Твой бойфренд супер симпатичный.

— Да, — соглашаюсь я с ней.

— Мне понравилось то, как он ждал тебя, чтобы ты сказала, что любишь его.

— Да, — я отворачиваюсь, чтобы избежать ее вопросов. Она хорошая, действительно хорошая, но я не хочу говорить о Тренте, о том, какой он симпатичный, и о том, что она еще может думать о нем.

— Занята чем-нибудь сегодня вечером?

— Я не уверена, — лгу я. Я действительно не хочу говорить ей, что Трент хочет от меня, и что я должна буду ему дать. — Клиенты, — шепчу я, но в глубине души благодарна, что должна работать, потому что хочу избежать ее вопросов.

Она может думать, что все, что она хочет знать, безобидно, и для большинства людей так и есть. Но не для меня. Я не хочу говорить об этом. Это не их дело.

Оставшаяся часть моей смены проходит быстро. Шейн показывает мне, как закрыть кассу в конце рабочего дня, и все, что я должна сделать, когда заканчиваю работу. Я готова уйти, когда Стейси зовет меня к себе в кабинет.

— Как прошел твой день? — спрашивает она, сидя за своим столом и наблюдая, как я стою в двери.

— Хорошо. Шейн показала мне, как делать многие вещи.

— Я видела. Ты работала за кассой самостоятельно и нуждалась в помощи Шейн только несколько раз. Она показала тебе, как закрыть твою смену. Я впечатлена.

Я улыбаюсь и горжусь собой.

— Спасибо, мэм.

Кто-то гордится мной. Она сказала, что впечатлена мной. Я так восторженна ее словами.

— Во сколько у тебя заканчивается школа?

— Я заканчиваю сразу после трех каждый день. И у меня есть только две недели перед выпуском.

— Хорошо, мне нужна девушка на кассу в среду, четверг и пятницу с четырех до восьми. И ты можешь работать в субботу с восьми утра и в воскресенье с полудня.

— О, я гм... — я должна посоветоваться с Трентом, и убедиться, что он не против.

— Если будут проблемы, то я позвоню Крису и дам ему знать, что ты нужна мне.

— Нет, мэм. Я решу это.

— И как только школа закончится, я смогу дать тебе больше работы.

— Спасибо, — говорю я и стою в ожидании ее следующих инструкций.

— Ты хорошо справилась, Лили. Увидимся в среду, — она опускает голову и продолжает работать. Полагаю, что это ее способ сказать мне уйти.

Я ухожу и тихо закрываю за собой дверь. Шейн уже ушла, и я жду Трента на улице у входа. Я вынимаю свой телефон из сумки, которую забрала из комнаты для персонала, и проверяю время. Он опаздывает на несколько минут, но я не хочу уходить, на случай, если он придет и не найдет меня здесь.

Проходит минута, и Трент поворачивает из-за угла на отцовском автомобиле. Он останавливается, и я сажусь в машину.

— Ты готова? — спрашивает он. Я киваю, хотя заняться сексом с ним я еще не готова. Мы проезжаем несколько кварталов, и Трент паркуется на стоянке у медицинской клиники. Мы заходим, и я встаю за Трентом, позволяя ему договориться обо всем.

Мы сидим в приемной, и я начинаю ерзать на стуле.

— Трент, — говорю я и сжимаю его руку в своей.

— Да.

— Я нервничаю.

— Не нужно, — я ожидаю большего, но вместо этого он вынимает свой телефон и начинает что-то делать в нем. Это ужасает. Я сижу рядом со своим бойфрендом и жду, пока меня осмотрит неизвестный врач, чтобы назначить мне средства контрацепции. Я даже не хочу заниматься сексом. Все, что я хочу, это почитать и потеряться в книге, а не то, что Трент хочет, чтобы я сделала.

— Трент, я действительно боюсь. Я не уверена, что готова заняться сексом, — говорю я шепотом, потому что не хочу, чтобы вся приемная услышала, хотя здесь только три человека, включая администратора.

— Тут нечего бояться. И поскольку ты затронула тема секса, — он наклоняется и мягко целует меня в щеку. Это красивый и невинный поцелуй, — тебе семнадцать лет. Время заняться сексом, — он откидывается на спинку стула и смотрит вниз на свой телефон.

Такое чувство, что все, что я говорю, даже не имеет значения; он собирается взять то, что хочет.

— Лили Андерсон, — зовет мужчина-врач. Трент встает и провожает меня в небольшой кабинет.

Следующие полчаса проходят в смотровой комнате врача. После многочисленных вопросов, на которые отвечает Трент, мне делают инъекцию в попу. Доктор все объясняет мне и дает несколько брошюр. Спустя некоторое время я перестаю слушать, потому что независимо от того, что я чувствую, это должно произойти.

В автомобиле по дороге домой Трент кладет руку на мое бедро.

— Доктор Симмонс является хорошим другом нашей семьи в течение многих лет.

— Хорошо, — говорю я. Я уже могу сказать, что это гораздо более глубокая связь для доктора и пациента.

— Он один из хороших папиных друзей.

— Хорошо, — я поворачиваю голову и смотрю в окно.

— Мы все еще должны использовать презерватив. Я еще не хочу детей, и пока инъекция не подействует, я должен быть уверен, что не обрюхачу тебя.

— Хорошо, — я сжимаю губы и смотрю на темнеющее небо. Закат так красив. Величественный и безмятежный, и мне жаль, что я не могу заблудиться в нем.

Когда мы подъезжаем к дому, Трент начинает вилять автомобилем. Я смотрю вперед и держусь за свой ремень безопасности. Я ожидаю увидеть, как другой автомобиль приближается к нам, но Трент ускоряется и сворачивает к собаке, несущейся вдоль дороги.

— Трент! Осторожно! — кричу я, когда он почти сбивает собаку.

Трент начинает смеяться и выравнивает автомобиль, проезжая мимо собаки не больше, чем в нескольких метрах.

— Я просто веселюсь, — говорит он и продолжает смеяться.

Я в ужасе и чувствую отвращение от того, что он свернул, чтобы сбить собаку. Это было жестоко и совершенно не нужно.

Мое сердце успокаивается, когда мы добираемся до дома, и я выхожу из машины и вхожу в дом. Трент идет прямо позади меня.

— Посмотрю, нужна ли твоей маме помощь с ужином, — я захожу на кухню и нахожу миссис Хэкли. Она стоит у плиты и что-то готовит. — Здравствуйте. Нужна помощь? — предлагаю я.

— Все хорошо, дорогая, — она поворачивается ко мне, и я вижу ее опухшие разбитые губы.

— Миссис Хэкли, что произошло? — я мчусь к ней, но не уверена в том, что могу сделать что-то, чтобы помочь ей.

— О, это, — она касается губ и улыбается мне. — Прощлой ночью я упала с кровати. Ударилась лицом об угол моего ночного столика. Действительно глупо. Кто падает с кровати? Очевидно, я. Просто глупая женщина, — она переворачивает мясо на плите и возвращается к подготовке овощей.

Но я знаю, что здесь что-то большее. Я знаю ушибы, подобные этим, прежде у меня были такие же.

— Вы можете сказать мне, — намекаю я мягким голосом.

— Нечего рассказывать, дорогая. Нечего рассказывать. Глупая старая леди, падающая с кровати. Это все.

Я должна уважать ее слова и положиться на то, что она говорит мне правду, или, возможно, это ее версия произошедшего.

— Хорошо, — я смотрю, что она готовит, — что на ужин?

— Ребра, пюре и спаржа. Мне не нужна здесь помощь, ты можешь пойти и провести некоторое время с Трентом.

Автоматически я чувствую, как мое дыхание иссякает, когда я покидаю кухню. Я не хочу проводить время с ним, потому что не хочу заниматься с ним сексом. Я покидаю кухню, и мистер Хэкли проходит мимо меня.

— Ты была у доктора?

— Да, сэр.

— Ты защищена?

Я чувствую, как мое лицо краснеет.

— Да, сэр.

— Хорошо, — он продолжает идти дальше.

— Лили, поднимайся вверх, — зовет меня Трент. Начинается. Так медленно, как только могу передвигать свои ноги, я иду вверх по лестнице и вхожу в его комнату. Оставив дверь открытой, я захожу туда. Он сидит на кровати.

— Закрой дверь, — инструктирует он меня.

Я поворачиваюсь, закрываю дверь и запираю ее. Я не хочу заниматься сексом с ним, но буду еще больше оскорблена, если его мама или папа войдут.

— С твоей мамой все хорошо? У нее распухла губа.

— Она упала. С ней все будет в порядке. Подойди и сядь сюда, — он похлопывает по кровати рядом с собой. Я сажусь и жду. Он наклоняется и начинает целовать меня, его руки на всем моем теле. Это нормально для него, тискать мою грудь, засовывать руку в мои трусики и трогать меня.

— После ужина ты должна принять душ, чтобы смыть с себя запах, потому что сегодня вечером я приду к тебе в комнату, и мы займемся сексом, — он продолжает целовать меня. — Хорошо? — хотя он и спрашивает, это больше риторический вопрос.

Мы продолжаем целоваться, делать то, что хочет Трент, пока его мама не зовет нас на ужин.

Мы спускаемся вниз, и он шлепает меня по попе, требуя поспешить с ужином. Когда я сажусь, то пытаюсь ужинать так долго, как могу, но Трент продолжает следить за мной и беззвучно говорить губами «поторопись». Никто на самом деле не разговаривает сегодня. Миссис Хэкли спрашивает, как прошел мой первый день на работе, но я замечаю, что не очень-то она и слушает, когда я отвечаю. Поэтому я решаю быть тихой и есть свой ужин.

— Я могу быть свободна? — спрашиваю я, когда заканчиваю. Мистер Хэкли кивает, и я ухожу, чтобы принять душ. Я принимаю его так долго, как только могу, не желая выходить из ванной.

Я оттягиваю это, пока могу, надеваю свою пижаму и вхожу в комнату, где Трент лежит на моей кровати в одних только боксерах.

— Эй, детка. Ты не спешила. Хотела убедиться, что ты супер чистая для меня, так ведь? Подойди сюда, — он садится на кровати и спускает ноги на пол. Мое сердце так быстро бьется, такое чувство, что оно отращивает крылья, чтобы улететь. Руки потеют, и я дрожу от нервов.

Трент встает и снимает с меня одежду, оставляя абсолютно голой перед ним. Я поднимаю руки, чтобы прикрыть свое тело, но он мягко берет их и опускает вдоль моего тела.

— Я нервничаю, — шепчу я. Я хочу сказать: *«пожалуйста, не делай этого, пожалуйста, подожди»*, но он уже пояснил, что собрался взять то, что хочет.

— Ты очень красивая, Лили. Но в следующий раз ты должна сбрить этот кустарник, — он указывает на мой лобок.

Теперь я оскорблена и нервничаю еще больше.

— Хорошо, — бормочу я.

— Ложись на кровать и раздвинь ноги.

Я ложусь на кровать и раздвигаю ноги.

Я живу в доме Трента уже почти четыре месяца, и через три недели мы вместе уедем учиться в университет.

Я работаю в магазине каждую возможную смену, которую мне дают. Я так горда тем, что за эти тринадцать недель, которые работаю здесь, мне удалось накопить немногим больше двух тысяч долларов. Мне даже удалось купить новый экземпляр моей любимой книги.

Трент занимается со мной сексом каждый раз, когда только захочет. В первую ночь он сделал это дважды, и это причинило мне боль. Но Трент сказал, что это должно быть больно, так он узнает, насколько сильно я люблю его. Мне это не нравится, и я не наслаждаюсь этим. Но если я просто лежу и позволяю ему делать все, что он хочет, он заканчивает достаточно быстро и возвращается в свою комнату.

Он также сказал мне, что когда я ухожу на перерыв на работе, я должна позвонить ему и сказать, когда он начинается, и еще раз, когда я возвращаюсь к работе. Трент говорит, что не хочет волноваться обо мне. Я нахожу это довольно милым.

Шейн и я стали хорошими друзьями. Она все еще пытается спланировать вечер со мной и Трентом, но пока ничего не получается. Мой перерыв уже приближается, и сегодня мы с Шейн идем обедать в парк.

— Эй, — говорю я через плечо, в то время как новый клиент загружает товар на ленту конвейера, — я покупаю обед.

— Ни за что, девочка. Тебе нужно копить на колледж. Я покупаю.

— Я все еще должна тебе за первый обед.

— Ты ничего мне не должна, — я действительно хочу сказать ей: «*Это ты ничего мне не должна*», но она однажды сказала мне, что чувствует себя тупой, когда говорит со мной. И я последний человек в мире, который хочет, чтобы она чувствовала что-либо, кроме того, что она прекрасный человек и удивительный друг, — пять минут, и мне есть, что сказать тебе, — шепчет она.

Пять минут, кажется, длятся вечно, но наш перерыв наконец-то наступает, и мы с Шейн выходим.

— Подожди, мне нужно позвонить Тренту.

— Хорошо, — она идет впереди меня в гастроном.

Я набираю номер Трента, и вызов перебрасывает меня на голосовую почту.

— Привет, это я. Мы с Шейн просто уходим на перерыв. Мы пойдем в парк. Я позвоню тебе перед тем, как моя смена начнется снова, — я выключаю телефон, кладу в свой карман и бегу в гастроном.

— Я заказала для тебя. Как обычно. Сэндвич с пастромой с дополнительной порцией горчицы. Я буду содовую, ты хочешь?

— Просто воду, спасибо.

Долорес, пожилая женщина за прилавком, улыбается мне.

— Приветик, Лили. Ты взволнована? Ты скоро пойдешь в колледж и оставишь это место позади.

— Я никогда не оставлю его позади, просто мигрирую на один сезон, — говорю я, а она

смеется. Долорес так добра ко мне, и она всегда дает мне больше пастромы, говоря, что я слишком тощая. Трент недавно сказал мне, что я начинаю прибавлять в весе, и он не хочет быть известен, как парень, у которого толстая девушка. Когда я дома, он накладывает мне ужин, а я просто ем то, что в моей тарелке. Но Долорес всегда дает мне больше еды.

— Ты хорошая девочка, Лили. Ты далеко пойдешь.

— И она супер умная, — подает голос Шейн.

— Спасибо, — отвечаю я, но знаю, что они просто пытаются быть хорошими, ничего больше.

Шейн берет наш обед и идет платить за него. Но я опережаю ее и плачу сама. Я горжусь тем, что могу сделать это. Я заработала эти деньги, упорно трудясь, и они мои, чтобы тратить. Огромное осознание достигнутого успеха накатывает на меня. Это что-то незначительное для большинства, потому что им не приходилось есть гнилые фрукты или проживать дни без чего-то большего, чем вода и объедки. Для них это такая мелочь. Для меня это огромная ракета-носитель уверенности, что я, Лили Андерсон, могу это сделать.

— Угадай, что я слышала, — говорит Шейн, когда мы выходим из гастронома.

— Что?

— Я слышала, как Стейси говорила по телефону и сказала, что если он не бросит свою жену, то она расскажет всем, что у них роман.

Моей первой реакцией было спросить «С кем она говорила?», но в момент, когда слова покидают мой рот, я немедленно отступаю:

— Знаешь, это не имеет значения. Это действительно не имеет никакого отношения ко мне. Я не хочу знать.

— Не важно, так или иначе, она была в своем кабинете и с кем-то говорила.

— Я сказала тебе, что не хочу знать.

— Ты смешная, — она смеется и бежит вперед, к нашему столику в парке. Уже почти конец лета и дневная температура начинает понижаться.

— Пошли, — Шейн радостно призывает меня поспешить. — Давай же, — издали она выглядит такой счастливой и беззаботной. Но у настоящей Шейн есть история, чтобы рассказать, как и у всех остальных в этом мире.

— Я уже здесь, — я сажусь за стол и разворачиваю свой большой, толстый сэндвич.

— Так, мы должны сходить куда-нибудь прежде, чем ты уедешь в колледж и забудешь обо мне, — говорит она и откусывает кусок своего сэндвича.

— Как я могу забыть о тебе? Ты действительно единственный друг, который у меня когда-либо был. Если, конечно, ты не считаешь Долорес и леди из магазина подержанных товаров, в который я раньше ходила.

— Что? — Шейн смотрит на меня, и ее глаза округляются от удивления.

В действительности я никогда не говорила ей о моем прошлом, это неловко и сверх унизительно.

— Раньше иногда я ходила в магазин подержанных товаров. Леди там были действительно милы.

— Почему? — ее вопрос задан не с осуждением, а с неподдельным интересом.

— Я, вроде как, пришла из довольно плохого дома.

— Что? Ты? Но ты самый хороший, самый нормальный, самый милый и самый симпатичный человек, которого я знаю. Я не верю в это.

Я хихикаю.

— Поверь мне, ничего подобного, — я делаю еще один укус, жую и думаю о том, что видит Шейн, когда смотрит на меня.

Я клоун в этом цирке, называемый жизнью, и просто пытаюсь продвинуться вперед с конца очереди и быть больше, чем чьей-то шуткой.

— Это чушь собачья, Лили. Ты самый усердный работник, которого я знаю, берешься за каждую смену, предлагаемую тебе. Ты супер умная и действительно, действительно симпатичная, — ее лицо смягчается, когда она описывает, как видит меня.

— Спасибо, — *но я не верю тебе.*

— Расскажи мне, почему ты ходила в магазин подержанных товаров.

Глубоко вздыхая, я улыбаюсь и смотрю вниз, избегая красивых глаз Шейн.

— Потому что у меня не было теплой одежды, чтобы носить, и однажды я пошла туда и эти леди помогли мне. Они иногда даже кормили меня. Я не слишком часто ходила туда, потому что не хотела, чтобы они думали обо мне, как об обузе.

Я слышу, как она вздыхает, но не смею посмотреть на нее.

— Ты была бездомной?

Я качаю головой и продолжаю смотреть на инициалы, которые выгравированы на столе. Там сердечко и «Д.Д навсегда А.Л.», вырезанные в середине.

— Нет, не была. Но я была одинока большую часть моей жизни, а теперь нет.

— Обалдеть, Лили. Я не знаю, что сказать. Я хочу обнять тебя.

— Не надо, пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты плохо обо мне думала.

— Я не думаю. Это заставляет меня любить тебя еще больше, как человека, — я поднимаю глаза, и она улыбается мне. — Ты моя лучшая подруга и я очень тебя люблю. Но теперь я хочу для тебя еще большего, и если кто-то из нас и собирается сделать из себя нечто большее, так это ты. Ты получила столько ума, девочка. Ты можешь стать, кем угодно, и пойти, куда угодно.

— Спасибо. Так или иначе, достаточно о моем прошлом. Давай поговорим о тебе.

Шейн продолжает смотреть на меня, и она, похоже, хочет сказать что-то еще. Она открывает рот, чтобы сказать что-то, и закрывает его, и так несколько раз.

— У тебя есть только несколько недель. Мы действительно должны организовать ночной выход, — к счастью, она меняет тему, не вторгаясь в дальнейшее мое воспитание.

— Я спрошу Трента, но ты знаешь, как это бывает, я очень много работаю, и все свободное время, которое у меня появляется, провожу с ним.

— Я знаю, но давай же, Лили. Я могу больше никогда тебя не увидеть.

— Не глупи. Я буду возвращаться на каждые каникулы. К тому же, я иду туда, куда идет Трент. Я тут подумала, я хочу получить права, научиться водить.

— Да, действуй! Это здорово.

— Привет, Шейн, — говорит Лиам, подходя к нам.

Лицо Шейн краснеет, когда она смотрит на него.

— Эй, — говорит она. Я догадалась, что она запала на него. И мне кажется, что он тоже в нее втрескался. Он, кажется, проходит мимо парка каждый раз, когда мы здесь. Поначалу он проходил мимо, говоря только «привет». Но сейчас он останавливается и болтает с ней. Я чувствую себя немного неловко, потому что мне реально видно, насколько они нравятся друг другу.

— Лиам, мы с Шейн говорили о том, что должны организовать ночную вылазку. Почему бы тебе не пойти с нами? Это избавило бы Шейн от неловкости, потому что с нами будет

мой парень Трент, — я вижу, как лицо Шейн становится ярко-красным. Малиновым, если описывать более точно. Я не хочу смущать ее, но они танцуют вокруг друг друга с первого дня, как я устроилась на работу, а может и раньше.

— Да, — он поворачивается ко мне, улыбаясь, — мне нравится эта идея. Я хотел бы пойти.

— Хотел бы, блядь, пойти куда? — откуда-то позади я слышу низкий голос Трента. Я поворачиваюсь и вижу, как Трент приближается к нам. Гнев исходит от него, волны ярости отражаются на его лице. — Я спросил, куда ты хочешь взять мою девушку, ублюдок, — он наносит удар Лиаму в лицо.

— Трент! — кричу я, пытаюсь удержать его. Но Трент снова заносит свой кулак и ударяет Лиаму, на этот раз опрокидывая его на землю. — Трент! — снова кричу я и устремляюсь к нему, чтобы оттащить его от Лиамы. Трент поворачивается и в припадке безумной ярости бьет меня прямо в лицо.

Меня откидывает назад так, что я едва в состоянии устоять на ногах. Сам удар горит на моей щеке, но шок от него выбивает меня из состояния равновесия.

— О, Боже мой, Лили, — говорит Трент, вскакивая с Лиамы, и мчится ко мне. — Я так сожалею. Я не соображал, что делаю, пожалуйста, прости меня. Прости меня.

— Они с Шейн нравятся друг другу, я пыталась договориться пойти куда-нибудь вчетвером, — я прижимаю руку к горячей стороне лица, а Трент пытается утешить меня, прижимая к своей груди.

— Я так сожалею, детка. Так сожалею, — он целует меня в макушку. — Но это выглядело так, будто он клеился к тебе, а ты ему это позволяла.

— Нет, уверяю тебя.

— Хорошо, теперь я это знаю. Но в следующий раз не говори с мужчиной так, как ты говорила с ним. Ты наклонилась к нему, и было похоже, что ты впитывала каждое слово, которое он говорил.

Я так делала? Я думала, что сидела как обычно и разговаривала как обычно.

— Я сожалею, я удостоверюсь, что больше так не поступлю.

— Все нормально. Просто не делай этого снова, хорошо? — говорит он, поглаживая меня вверх-вниз по спине, затем наклоняется и кладет подбородок поверх моей головы.

— Нам с Шейн нужно возвращаться к работе. Ты подумаешь о том, чтобы мы пошли погулять вместе с Лиамом?

— Я рассмотрю это, — он отодвигает меня и целует в щеку, которая ощущается так, как будто горит. Затем он подходит к Лиаму, протягивает ему руку и приносит извинения. Я так рада, что он признает, что заблуждался. Признает, что сожалеет.

— Мы должны идти, — говорит Шейн и обходит Трента. Ее взгляд сосредоточен на нем, когда она подходит ко мне.

— Я заберу тебя после работы, — говорит Трент и остается, чтобы поговорить с Лиамом.

— Что, черт возьми, только что произошло? — шепчет Шейн, пока мы быстро идем к магазину.

— Он подумал, что Лиам клеился ко мне, только и всего.

— Ты видела, как он налетел на Лиаму? Он сошел с ума.

— Я знаю, но ввела в заблуждение Лиаму тоже. Я флиртовала с ним.

— Что? Ты это серьезно? Ты не обманывала его и не флиртовала с ним.

— Да, я серьезно. Трент сказал, что разозлился, потому что Лиам флиртовал со мной, и то, как я сидела и слушала Лиама, заставило его подумать, что я запала на него.

— Лили? — Шейн останавливается и поворачивается так, что мы стоим лицом к лицу. — Я была там. Ты не делала этого. Если бы я думала, что ты флиртовала, то сказала бы что-нибудь. Ты флиртовала с ним не больше, чем он флиртовал с тобой.

— Я просто должна следить за собой, потому что это расстраивает Трента. Вот почему он ударил его — из-за меня.

Шейн хмурит брови и качает головой.

— Это не мое дело, Лили, но ты лучше будь осторожна с Трентом. Что он сделал там? Это не правильно. Совсем не правильно, — она указывает на парк, где Трент ударил Лиама. — И он ударил тебя.

— Это был несчастный случай, он не хотел. Он сказал, что сожалеет.

— Ты хороший человек. Я не хочу видеть, как тебе больно.

Я улыбаюсь ей потому, что знаю, что она хочет того, что будет лучше для меня, но мне действительно нужно следить за тем, как я взаимодействую с людьми.

— Хорошо, — я глубоко вдыхаю, — пойдём, вернёмся к работе, прежде чем Стейси урежет нам зарплату.

Трент встает с кровати и натягивает свои джинсы. Он очень тихий в последнее время, и я не понимаю, что происходит. Возможно, это потому, что мы уезжаем в колледж через пять дней, или из-за того, что я много работаю в магазине. Я беру столько смен, сколько могу, поэтому у меня нет возможности проводить много времени с ним.

— Эй, у меня есть идея, — говорю я, пытаюсь разрядить напряжение в комнате.

— Что? Мы только что занимались сексом, чего еще ты хочешь?

Не я хотела заниматься сексом, это он всегда был инициатором этого.

— Гм, я тут подумала, может, я смогу получить права, а ты научишь меня водить. Как думаешь?

Надевая обратно свою футболку, он подходит и садится рядом со мной на кровать:

— Зачем тебе учиться водить? Я отвезу тебя, куда нужно.

— Что, если однажды ты не сможешь меня отвезти, потому что тебя не будет рядом?

— И где я буду, Лили? Ты все для меня. Если мы с тобой когда-нибудь расстанемся, то жизнь не будет стоить того, чтобы жить.

— Я ничего не говорю о расставании, просто... ну, знаешь... что, если тебя нет рядом, а мне нужно добраться куда-нибудь?

— Куда тебе нужно добраться без меня?

— Когда мы переедем, я бы хотела устроиться на работу. Что, если ты будешь на занятиях, а мне нужно будет добраться до работы?

— Наша квартира находится рядом с кампусом, и автобус отходит практически от нашей двери. Если тебе нужно будет на работу, сможешь поехать на автобусе. Или найдешь работу рядом с квартирой и будешь прогуливаться. Ты немного поправилась на бедрах, и похоже, что диета не работает, поэтому ходьба будет тебе полезна, — он наклоняется и целует меня в кончик носа, — иди и прими душ, ты пахнешь, как использованная шляха. Если мы никуда не идем, то я не хочу, чтобы ты так пахла рядом с моими родителями.

— Ладно, — говорю я, надевая безразмерную футболку и штаны для йоги. Он прав, я действительно пахну им и не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что мы с Трентом занимаемся сексом, не говоря уж о его маме. Я так смущена, когда Трент так открыто говорит со своим папой о том, чем мы занимаемся. Но предполагаю, что это то, что делает нормальная семья. Они искренне говорят обо всем, без секретов.

Помывшись, я одеваюсь и выхожу, чтобы найти миссис Хэкли. Ее отношение ко мне практически не изменилось с тех пор, как я переехала сюда. Мистер Хэкли склонен игнорировать меня, разговаривая со мной только мимоходом. Он приветлив, но при этом не слишком общителен:

— Звонила Стейси, сказала, что есть свободная смена, если ты хочешь, — говорит мистер Хэкли.

— Да, было бы здорово. Спасибо. Я спрошу Трента, сможет ли он отвезти меня.

— Я отвезу тебя, мне нужно кое-что купить там, — говорит он.

— Спасибо, — отвечаю я и отправляюсь на поиски Трента, чтобы сообщить ему, что сегодня буду работать.

Он наверху в своей комнате лежит на кровати и тихо разговаривает по телефону:

— Да, увидимся позже, — говорит он чуть громче, как только замечает, что я вхожу в комнату. — Эй, детка, все хорошо?

— Стейси звонила, сказала, что есть свободная смена. Ничего, если я пойду?

Трент с энтузиазмом спрыгивает с кровати.

— Да, конечно. Хорошая идея. Тогда я перезвоню Джейсону и скажу, что выйду сегодня вечером. Если ты собралась, то я отвезу тебя.

— Твой папа сказал, что может подбросить меня.

— Еще лучше. Хорошего тебе вечера на работе, напиши мне, во сколько заканчиваешь, и я приеду, чтобы забрать тебя, — говорит он, затем выпроваживает меня из своей комнаты, закрывая дверь раньше, чем я успеваю что-то сказать.

Вернувшись в свою комнату, я надеваю форму и направляюсь искать мистера Хэкли:

— Я готова, сэр, — говорю я, когда вижу его в гостиной с планшетом в руках.

— Подожди меня в машине, я приду через минуту.

— Я только спрошу у миссис Хэкли, нужно ли ей что-нибудь, а затем пойду ждать в машину.

Сегодня я ее не видела, только слышала, что она на кухне, а когда пришла узнать, нужна ли ей помощь, то она уже ушла.

— Она лежит, у нее болит голова. Ты можешь идти в машину, — он вынимает свой телефон из кармана и просматривает его.

— Да, сэр, — я выхожу на улицу и ожидаю мистера Хэкли в автомобиле. Мне не приходится долго ждать, и когда он садится в машину, я чувствую, что он надушился. — Спасибо, что подвозите меня.

— Все нормально, Лили.

Остальная часть поездки проходит в тишине. Мистер Хэкли едва ли говорит со мной, поэтому не удивительно, что когда он ставит музыку, то даже не смотрит на меня.

Когда мы добираемся до магазина, я выскакиваю из машины, снова благодарю мистера Хэкли и ухожу, чтобы оставить сумку в раздевалке. Но сначала нужно найти Стейси и спросить, во сколько я заканчиваю, чтобы сообщить Тренту. Я поднимаюсь в ее кабинет, но ее там нет, поэтому я спускаюсь вниз и спрашиваю девочек, работающих сегодня, но никто ее не видел. Я здесь уже десять минут и не могу найти ее, поэтому решаю сбегать в дамскую комнату перед началом своей смены, а Стейси расспросить, когда буду на перерыве.

Я иду в туалет и в то время, когда стягиваю штаны, чтобы присесть на унитаз, слышу бормотание. Звук очень знакомый. Кто-то занимается сексом в дальней кабинке. Отвратительно. Я быстро заканчиваю и надеваю свои брюки, когда слышу, как Стейси говорит:

— Шшшш, тут кто-то есть.

Другой человек отвечает:

— Тогда, блядь, тебе лучше быть тише, шлюха, — этот голос я знаю слишком хорошо. Этот мужчина привез меня сюда.

Я даже не мою руки, просто спускаю воду в туалете и бегу так быстро, как только могу, убегая от того, что только что услышала. Я ныряю в мужскую уборную, чтобы вымыть руки там. Тут больше никого нет, поэтому я прикладываю ухо к двери и жду, когда стихнут звуки.

Открывая дверь со скрипом, я смотрю вдоль коридора и замечаю, что он полностью пуст. Я бегу к стойке спросить, за какой кассой сегодня работаю. Как только я подготавливаюсь, вижу, что мой ленточный конвейер уже загружен продуктами покупателей

и еще двое ждут своей очереди.

Смена проходит быстро, но у меня голова идет кругом от того, что я услышала в туалете. Я должна держать это при себе, пока не поговорю с Трентом, потому что не знаю, что делать. Очередь к моей кассе увеличивается на три человека, такая же ситуация на других кассах. Сегодня все действительно загружены, и, кажется, поток не ослабевает. Но все же грубый голос мистера Хэкли, занимающегося сексом, не покидает мой разум.

— Ты в порядке, Лили? — я поднимаю глаза и вижу мистера Хэкли, стоящего напротив меня. Я вздрагиваю от его присутствия и ничего не могу поделать, но смотрю вниз, смущенная и неуверенная в том, куда смотреть.

— Да, сэр, — говорю я, сканируя его товары: молоко, хлеб, сливки для кофе, дезодорант и несколько других вещей.

— Ты выглядишь так, будто увидела приведение.

— Нет, сэр. Мы просто загружены сегодня вечером.

— Я вижу, — говорит он, озираясь на другие занятые кассы. — Пока что ты в порядке, Лили.

— Да, сэр, — я заканчиваю сканировать его товары, — с вас сорок восемь долларов и шесть центов, сэр.

Мистер Хэкли достает пятьдесят долларов из кошелька и вручает мне. Но вместо того, чтобы передать их мне, он крепко захватывает мою руку в свою и сжимает ее.

— Сэр? — я смотрю на него и безмолвно умоляю его отпустить мою руку. То, что он делает, агрессивно, как будто он предупреждает меня:

— Увидимся, когда ты вернешься в *мой* дом, Лили. Оставь сдачу себе, — он берет свой пакет и выходит из магазина, даже не взглянув на меня. На этот раз он намекает, что может выгнать меня в мгновение ока.

Что мне делать?

Иногда лучше остаться с дьяволом, которого вы знаете, чем рискнуть всем с дьяволом, который вам не знаком. Не так ли?

Но я действительно запуталась в том, что делать. Если я расскажу Тренту, он может рассказать мистеру Хэкли, и тогда у меня будут проблемы. *Что мне делать?*

Незадолго до моего перерыва в зале появляется Стейси, и я привлекаю ее внимание, чтобы она подошла поговорить со мной. Я должна притвориться, что не знаю, что произошло в уборной, но не уверена, смогу ли посмотреть ей в глаза.

— Что тебе нужно? — отрывисто спрашивает она.

— Во сколько я заканчиваю, мне нужно сказать Тренту.

— В полночь.

— Спасибо, — говорю я, продолжая работать.

Но Стейси не уходит. Она ждет, пока я закончу обслуживать покупателя, затем заходит за кассу и становится рядом со мной:

— Тебе нравится здесь работать, Лили? — спрашивает она низким голосом.

— Да, мэм, — я начинаю сканировать следующий набор продуктов, и Стейси остается рядом со мной.

— Хорошо. Ты бы хотела работать здесь, когда вернешься сюда на каникулы?

— Очень, мэм.

— Тогда запомни, что я имею право дать тебе работу или выбросить твою уродливую задницу отсюда, — она, как и мистер Хэкли, предупреждает меня.

— Да, мэм, — говорю я, держа голову опущенной, стараясь не смотреть на нее. Я не могу встретиться с ней взглядом, так как не хочу, чтобы она поняла, что в уборной была я, пока они... ну, в то время как они занимались сексом. — Я понимаю, — говорю я, ожидая, когда эта чрезмерно подавляющая, агрессивная персона покинет меня.

— Хорошо. Тогда у нас не будет проблем, — говорит Стейси, и боковым зрением я вижу, как она уходит. Ее каблуки стучат по бетонному полу, и я слышу, как звук становится все тише и тише.

Когда я заканчиваю с последним покупателем перед перерывом, закрываю свою кассу и иду в комнату для персонала, чтобы взять свой кошелек и позвонить Тренту. Выйдя на улицу, я направляюсь к гастроному, чтобы взять что-нибудь поесть, и в это время набираю номер Трента.

— Шшшшш, это онаааааа, — я слышу невнятную речь женщины на заднем плане. — Эй, детка. Как работа? — говорит Трент, но кажется, что он тоже пьян.

— Хорошо. Гм, я заканчиваю в полночь.

— Дааааааа, об этом. Детка, ты должна будешь поехать домой на автобусе, — я слышу несколько людей, смеющихся на заднем плане. — На самом деле, тебе лучше пройтись, потому что ты выглядишь очень жирной. Я чууууувствуюуууу, будто трахаю свиинию, — следует громкий взрыв смеха тех, с кем он находится.

— Это будет полночь, Трент. Я не хочу идти назад одна. Я возьму такси.

— Нееееет, блядь, не возьмешь. Я не позволю тебе тратить моооиии деньги на такси. Ты можешь пройтись, ты, жиирнааая коорооваа, — слышатся звуки мычания на заднем плане.

— Гм, хорошо. Я пройду. Пока, Трент, — я не пойду пешком, слишком поздно, чтобы идти назад одной. Ничего не услышав от Трента, я вешаю трубку. Войдя в гастроном, вижу, как молодой парень, который работает здесь, отпускает клиента, и еще один человек, который стоит передо мной, ждет обслуживания.

Я стою в очереди, размышляя о том, как собираюсь добраться домой.

— Как обычно, Макс? — парень на раздаче спрашивает джентльмена, который сейчас подвинулся к прилавку.

— Д-д-да, п-п-пожалуйста, — говорит тот, заикаясь.

Я не вижу его лица, но он высокий и одет в джинсы и футболку.

— Работаешь допоздна сегодня?

— М-да, е-щ-ще о-д-дна н-ночь в б-б-больнице.

— Надеюсь, ты не слишком загружен работой.

Молодой человек смеивается и говорит:

— К-когда я не б-был з-загружен?

— Да, — продавец смотрит вниз на ролл, который сделал для «Макса», затем оборачивается и спрашивает, — сок тоже?

— Д-да, п-пожалуйста, — я замечаю, что он довольно сильно заикается, но чем больше парень говорит с ним, тем более непринужденным он становится, и его заикание уменьшается.

— Вот, возьми. Хорошей ночи, Макс.

Макс расплачивается и забирает свою еду. Когда он собирается выйти, молодая девушка с улицы подходит к двери и толкает ее, чтобы войти. Макс открывает дверь и отходит в сторону, позволяя ей пройти первой.

— М-мэм, — говорит он, наклоня подбородок. Он оборачивается ко мне, и у меня

отвисает челюсть и перехватывает дыхание. Он красивый. Как одна из тех прекрасных статуй с древних времен. Я не могу не смотреть на него, когда он держит дверь открытой для молодой девушки. Он подмигивает мне и оборачивается к ней.

Я смотрю, как она заходит, улыбается ему и становится позади меня.

Никогда не видела такого прежде. Джентльмен. Настоящий живой джентльмен.

— Чем я могу вам помочь, — зовет меня парень, разрушая чары, под которыми я нахожусь, глядя, как Макс уходит.

— Гм, — я теряю дар речи на одну мимолетную секунду, — можно мне салат, пожалуйста? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть в окно, но Макс уже ушел. Как мечта, красивая фантазия, он исчез, как будто никогда и не был реальным.

С салатом на ужин я надеюсь быстро сбросить лишний вес. Я больше не хочу быть толстой и уродливой. Я не могу перестать быть непривлекательной, но могу что-то предпринять, чтобы не быть толстой. Я приношу свой ужин в комнату для персонала и сижу там в одиночестве, ковыряясь в зеленых листьях.

Перед перерывом я была поражена, вспоминая звуки, которые слышала в туалете, теперь же все, о чем могу думать, — это парень из гастронома. Такой простой жест — придержать дверь открытой для кого-то. Это проигрывается в моем уме, и я не могу перестать думать об этом. Надеюсь, что однажды ко мне отнесутся так же.

Я проверяю время и вижу, что уже должна возвращаться к кассе. У меня еще четыре часа работы перед тем, как уйти домой.

Четыре часа пролетают быстро, почти незаметно, и моя смена подходит к концу. Я закрываю кассу и иду забрать свою сумку. Вынимая свой телефон, решаю позвонить Тренту еще раз, вдруг он сможет забрать меня. Раздается гудок, и звонок отправляется на голосовую почту. Я пробую еще раз, но второй звонок опять отправляется туда же. Перебрасывая сумку через плечо, выхожу из магазина через центральный вход. Когда я выхожу за дверь, то вижу, как Лиам паркуется и направляется ко входу в магазин.

— Привет, — говорит он, останавливаясь, чтобы поговорить со мной.

— Ты здесь так поздно, что происходит?

— Шейн захотела конфет. И, будучи хорошим бойфрендом, я вызвался привезти ей немного, — на прошлой неделе Лиам и Шейн, наконец, осознали, что нравятся друг другу, и с тех пор они проводят вместе практически каждую свободную минуту. Она все еще пытается организовать вечер для нас четверых, но Трент пока не сказал, когда мы можем пойти.

Я улыбаюсь Лиаму, он действительно хороший парень.

— Это очень любезно с твоей стороны.

— Что ты делаешь на улице так поздно? У тебя только что закончилась смена?

— Да, была одна свободная, и я взялась за нее. Перед колледжем мне нужны все наличные деньги, которые смогу заработать.

— Разве ты не поступила на полную стипендию?

— Да, но мне все еще нужно подкопить денег.

— Да, ты права. Эй, ты идешь домой?

— Да. Я не могу дозвониться до Трента, поэтому просто пройдусь.

Его глаза широко распахиваются.

— Ты сумасшедшая? Ты не можешь идти домой одна, сейчас поздно. Дай мне пять минут, чтобы купить конфет для Шейн, и я отвезу тебя домой.

— Нет, все в порядке. Это будет моей зарядкой. Я набрала большой вес в последнее время, и мне действительно нужно избавиться от него.

Лиам собирается пойти к магазину, но вместо этого останавливается и поворачивается ко мне.

— Что? Ты думаешь, что толстая?

Я киваю и хлопаю по своим бокам и ляжкам.

— Видишь, большие бедра и проклятые бока, — это то, что сказал Трент обо мне.

— Ты не можешь говорить это серьезно, Лили. Тебе повезет, если наберешь сорок пять килограммов полностью одетой и насквозь промокшей. Какой у тебя рост, метр семьдесят? Ты точно не толстая.

— Почти. У меня метр шестьдесят семь и вешу я сорок три килограмма. Я набрала почти пять килограммов. Это же очевидно, посмотри на мои бедра. Хуже всего — это мои бедра.

Лиам смотрит на меня не верящим взглядом.

— Действительно?

— Да, посмотри, — я снова похлопаю по своим ляжкам и вижу, как они трясутся.

— Лили, скорее наоборот, ты весишь ниже нормы. Тебе нужно есть больше, а не меньше. И, кроме того, небезопасно идти домой одной в темноте.

— Что? Тебе, должно быть, нужны очки, потому что я — жирная корова.

Лиам качает головой, закрывая глаза.

— Как скажешь, но я не позволю тебе идти домой пешком. С симпатичной девушкой, как ты, может произойти что угодно, — теперь я знаю, что Лиам просто был милым. — Я вернусь через минуту. Не уходи домой, — он указывает на меня, когда идет спиной к магазину. — Я серьезно, вернусь через пару минут.

Я улыбаюсь ему.

— Хорошо, я подожду, — я иду и сажусь на скамью, находящуюся в нескольких шагах, ожидая возвращения Лиама. Когда он возвращается, то держит сумку с покупками и покачивает ею. Он выглядит таким юным и беззаботным, хотя на самом деле ему двадцать.

— Я купил ей несколько на выбор, поэтому она не сможет пожаловаться. Не то чтобы она стала так себя вести, — я встаю, когда он подходит ко мне. — Пойдем, я отвезу тебя домой.

— Спасибо, — говорю я, потому что действительно не хочу идти домой в темноте, но и не хочу беспокоить Лиама.

— Ваша карета, миледи, — дразнит он, когда открывает дверцу машины. Я смеюсь, потому что Лиам ведет себя, как балбес.

Как только мы оказываемся в машине, Лиам выключает музыку и спрашивает:

— Ты взволнована из-за колледжа?

— Да. Я с нетерпением жду его.

— Кем ты хочешь стать?

— Учителем английского, я буду учиться, чтобы стать им.

— Действительно?

— Да, а что? — я смотрю на него и его ухмылку на лице.

— Шейн рассказывала, насколько ты умна, и я поражен, что ты не собираешься стать кем-то большим. Например, врачом или адвокатом, или что-то типа этого.

— Что? Я недостаточно умна, чтобы заниматься чем-то вроде этого, и к тому же,

английский язык — мой самый любимый предмет в мире. Книги и чтение. Думаю, так как не могу написать книгу, то могу хотя бы узнать, как научить этому детей, — Лиам посмеивается и качает головой.

— Что? Поверни здесь, — я указываю направо.

— Ты действительно недооцениваешь себя, Лили. Шейн сказала, что ты всегда ставишь себя на второй план, а я не верил ей. Теперь я вижу, что она права. Ты великолепна и умна, не позволяй никому говорить тебе что-то иное. Но прежде всего, не позволяй себе разубеждать саму себя, что ты умна.

Его заявление оставляет гнетущую атмосферу в машине, и я почти хочу выпрыгнуть из нее и пройти оставшийся путь пешком. Я чувствую себя в центре внимания, как будто все смотрят на меня. Наблюдают, чтобы увидеть, что я собираюсь сказать или сделать.

— Да, хорошо, — говорю я, отчаянно пытаюсь найти, что сказать, чтобы разрушить плотную энергию, циркулирующую вокруг. — Там поверни налево, — хотя я и указываю ему направление к дому Хэкли, в груди все еще тяжкий груз вины.

Когда мы добираемся до дома Хэкли, Лиам останавливается у парадной двери.

— Спасибо, что подвез, — говорю я и выхожу из машины.

— В любое время. Увидимся, — счастливо отвечает он.

Возможно, я слишком много читаю в его словах, или, возможно, он пытается спасти меня от дальнейшего затруднения. Я закрываю дверцу его машины и иду по дорожке к парадной двери.

Я захожу в свою комнату, переодеваюсь в пижаму и ложусь. Беру экземпляр «Сурового испытания» и снова начинаю читать. Но кажется, что слова на странице перемешались. Не то чтобы я не могла прочесть их, больше похоже на то, что все произошедшее сегодня пытается пробиться и занять главное место в моем разуме.

Пока я пытаюсь сосредоточиться, меня поглощает, абсолютно съедает мысль о человеке из гастронома, Максе. То, как он подмигнул мне, это было, как будто он заметил меня. Увидел сквозь ужасную внешность и разрушенное нутро. Издалека он не видел повреждений, он просто видел девушку.

Когда я ускользаю в беспамятство, я мечтаю о времени, когда была маленькой девочкой. Мама, папа, я и маленький белокурый мальчик, играющий в парке. Счастье окружало нас, смех затрагивал сердце.

— Кто, блядь, привез тебя домой? — я просыпаюсь, когда Трент запрыгивает мне на грудь, садится верхом на меня и щедро шлепает по лицу. Запах алкоголя настолько крепкий и плотный, что просто наполняет меня.

— Что? — я пытаюсь сбросить его вес с себя.

— Папа сказал, что парень привез тебя домой. Кто он, черт возьми?

— Лиам привез меня домой. Он предложил подвезти меня. Было поздно, Трент. Ничего не было, я клянусь.

— Ты, глупая сука, для чего я тебе нужен? — он бьет меня снова, и на этот раз я съезживаюсь, когда его ладонь касается моей щеки.

— Я клянусь, ничего не было. Он привез меня домой и все. Ничего больше.

Трент собирается снова ударить меня, но на этот раз я закрываю глаза и лицо.

— Ничего не было? — его слова невнятные.

— Ничего вообще. Он покупал конфеты для Шейн и увидел, как я выходила. Вот и все. Ничего больше.

— О, детка, — он падает без сил на меня и начинает целовать, — иногда ты делаешь меня таким безумным. Я так сожалею, детка, но в следующий раз просто иди пешком, как я и сказал. Если бы ты просто сделала то, что я сказал тебе, то я бы так не разозлился.

Он обнимает меня, и через подавляющий запах алкоголя я чувствую запах розы, как от духов. Аромат сильный, как будто он надушился одеколоном, но какой мужчина брызгает цветочные духи на свою кожу?

— Прости, — говорю я, зная, что, вероятно, должна была просто пройтись до дома.

— Все хорошо. Я люблю тебя. Ты просто сводишь меня с ума тем, как сильно я тебя люблю. Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, и я не могу выдержать мысли о другом человеке, трогаящим тебя своими руками, — он целует меня в щеку, в которую ударил. — Прости, я не хотел бить тебя.

— Я буду в порядке.

— Подвинься, сегодня я буду спать здесь. Мне нужно быть ближе к тебе, — я знаю, что это значит. Он хочет заняться сексом со мной.

— Трент, я устала.

— Я быстро, затем ты сможешь поспать.

Я глубоко вдыхаю и закрываю глаза, надеясь, что следующие несколько минут пройдут быстро.

— Одевайся, мы уходим, — говорит Трент, входя в мою комнату.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, закрывая «Суровое испытание» и оставляя его лежать на кровати.

— Мы официально окончили школу, и я веду свою девушку на ужин.

Я улыбаюсь Тренту, и теплое покалывание проходит по всему моему телу. Он хочет погулять со мной.

— Я купила новое платье. Это первое милое платье, которое у меня когда-либо было, — говорю я с энтузиазмом.

— Правда? Я не помню, чтобы ты спрашивала, можешь ли потратить какие-либо деньги, — говорит он, заваливаясь на мою кровать и сталкивая мою книгу на пол.

— Я не думала, что должна спрашивать тебя, — заявляю я.

— Теперь ты знаешь, в следующий раз просто спроси. Хорошо, малышка?

— Гм... — *почему я должна спрашивать, как тратить деньги, если упорно работаю? Это мои деньги, и если я хочу купить себе что-нибудь симпатичное, почему должна спрашивать?*

— Это все еще твои деньги, детка, но ты же не хочешь потратить их на что попало и пожалеть об этом, когда не сможешь купить учебник, который может тебе понадобиться. Я знаю, что у тебя есть стипендия и все такое, но что, если они тебе понадобятся?

Я вижу, в чем причина.

— Это имеет смысл, но не похоже, что я трачу деньги на что попало. Я пыталась поговорить с твоим папой об оплате за аренду, но он ничего не хочет об этом слышать.

— Конечно, он не хочет, потому что знает, что мы любим друг друга, и я сделаю для тебя все, что угодно. Так или иначе, у тебя есть час на то, чтобы собраться. Покажи мне платье, которое ты купила без моего разрешения, — он улыбается мне.

Я подхожу к шкафу и достаю свое платье. Оно темно-зеленое с тонкими ремешками, доходит до колен, с небольшим разрезом сбоку.

— Тебе нравится?

— А? Хорошо, оно немного короче, чем я думал. Но думаю, оно будет хорошо на тебе смотреться. Иди, прими душ и собирайся. Я хочу, чтобы ты оставила свои волосы распущенными, так будет выглядеть лучше, чем те «конские хвосты», которые ты всегда делаешь перед работой.

— Хорошо, я могу сделать так.

Я беру свою одежду и туалетные принадлежности в ванную, запрыгиваю в душ и моюсь. Когда выхожу, быстро полотенцем высушиваю волосы, а потом феном выпрямляю их. Мои волосы все еще мышинного цвета и по-прежнему не имеют большого объема или приятного цвета, но сегодня они выглядят действительно хорошо.

Я чувствую себя, на самом деле, замечательно. Я наношу немного косметики, хотя на самом деле не знаю, как делать это правильно. Иду в свою комнату, надеваю платье и обуваю туфли без каблука, которые миссис Хэкли купила мне, когда я только сюда переехала.

Выхожу и иду в гостиную, где Трент сидит вместе с родителями.

— А вот и она, — говорит мистер Хэкли, и Трент поднимает взгляд от своего телефона.

— Черт, Лили, — я улыбаюсь, потому что Трент не может отвести от меня глаз. Он осматривает меня с ног до головы. — Ты хорошо выглядишь, — говорит он, и я сияю от гордости.

— Ты выглядишь прекрасно, дорогая, — говорит миссис Хэкли, когда встает и подходит ко мне, чтобы поцеловать в щеку.

— Спасибо, — говорю я им обоим. Мистер Хэкли ничего не говорит. Он просто продолжает смотреть на меня.

— Ты готова идти? — спрашивает Трент. Я киваю и делаю шаг к двери. — Ты не возьмешь кошелек?

— Я не знала, что он мне понадобится. Я пойду и возьму его, — я возвращаюсь в свою комнату и беру свой кошелек, чтобы взять его с собой. У меня нет другой сумки, кроме рюкзака, который раньше носила в школу и на работу.

Мы идем к машине, и Трент не может отвести от меня глаз.

— Ты выглядишь достаточно хорошо, чтобы тебя съесть, Лили, — он медленно опускает свою руку и кладет ее на мою задницу.

— Спасибо, — говорю я, счастливая от того, что Трент думает, что я хорошо выгляжу.

— Тебе понравится ресторан, который я забронировал. Он очень хороший. Это «Белый Лебедь». Ты ведь знаешь, о каком именно ресторане я говорю, не так ли?

— Ты ведешь меня в «Белый Лебедь»? — я кажусь легкомысленной и взволнованной. — Спасибо, спасибо, спасибо. Шейн сказала, что Лиам водил ее туда, и она полюбила это место. Она сказала, что кровати были самыми лучшими из всех, что она когда-либо пробовала. Возможно, я попробую их, — нетерпеливо говорю я.

— Сегодня вечером только небо предел, детка. Ты можешь заказать все, что захочешь. И не волнуйся, что все это отложится на твоих бедрах, потому что завтра ты можешь пойти на пробежку, как проснешься.

— На пробежку? Завтра я работаю. Я работаю завтра весь день.

— Ты же не хочешь продолжать быть похожей на свинью, так ведь? Ты должна начать тренироваться, чтобы избавиться от такой огромной задницы, — я смотрю вниз на свои ноги, и втягиваю живот. — Но сегодня вечером не волнуйся о своем весе.

— Хорошо, — говорю я, но его слова приводят меня в уныние, потому что, по правде говоря, так и есть.

Мы приезжаем в ресторан, и все присутствующие выглядят такими красивыми и утонченными. Я чувствую себя неуместно, потому что теперь знаю, что моя задница выглядит очень большой, а это значит, что я выгляжу толстой по сравнению со всеми остальными женщинами. Я встаю позади Трента и незаметно оттягиваю свое платье вниз, чтобы оно закрывало меня, надеясь, что люди не будут смотреть на мой большой зад.

— Сэр, мэм, я покажу вам ваш столик, — говорит метрдотель, когда ведет нас через переполненный ресторан. Приглушенный свет и гул разговоров слышится на всем пути, пока мы проходим мимо столов. Люди элегантно и потрясающе одеты в прекрасные платья и костюмы.

Мы подходим к столику, и я вижу Одри и Джейсона, сидящих за столом, к которому нас привел метрдотель. Они сидят близко друг к другу, и рука Джейсона лежит на спинке стула Одри.

— Трент, — шепчу я, держа его за руку.

— Что?

— Что они здесь делают?

— Они присоединяются к нам.

— Я не нравлюсь Одри. Почему ты пригласил ее? — шепчу я, пытаюсь не привлекать к себе внимание.

— Преодолей это, Лили. Они мои друзья, и я хочу, чтобы они были здесь, — он подходит и садится, а я остаюсь стоять, вся покрасневшая, перед ними и метрдотелем. Он выдвигает стул для меня, притворяясь, что не был свидетелем этого смущающего разговора.

Я сажусь между Джейсоном и Трентом и слушаю их разговор. Они громко и неприлично говорят об их школе.

— Как себя ощущаешь, когда оказываешься на вершине класса? — спрашивает Одри. Ее подача немного стервозна.

— Хорошо, — говорю я, поднимая свой стакан с водой и отпивая. Подходит официант, принимает наши заказы и приносит все наши напитки. У них втроем складывается отличный разговор, он легко протекает для них и они продолжают разговаривать о времени, которое провели вместе, исключая меня.

Джейсон — лучший друг Трента, он встречается с Одри. Извиняясь, я встаю из-за стола, чтобы пойти в уборную, но никто из этих троих не обращает на меня внимания.

Я иду в туалет, стою там и смотрю на себя в зеркало дамской комнаты. Дверь распахивается и заходит Одри в ее абсолютном совершенстве. У нее красивые шелковистые темные волосы и самые удивительные зеленые глаза, которые я когда-либо видела. Она, может быть, и не уродлива внешне, как я, но уродлива внутри, там, где это учитывается больше всего.

— Ты хорошо выглядишь, Лили. Действительно удивительно, совершенно удивительно для речной крысы, — выплевывает она мне, когда подходит к зеркалу и встает рядом со мной, удерживая в зеркале мой пристальный взгляд.

— Ты тоже красиво выглядишь, — говорю я, пытаюсь проигнорировать ее ужасно злобное замечание.

Она придвигается ближе, и я чувствую легкий аромат ее цветочных духов, когда она отодвигает мои волосы в сторону, оголяя мою шею.

— Ты знаешь... — шепчет она, ее рот опасно близок к моей коже, — ...в ту ночь, пока ты была на работе, — она проводит губами вниз по моей шее и слегка целует меня. — Джейсон, Трент и я провели очень хороший вечер, — она толкается грудью в мою спину. — Настолько хороший, что я не могла ходить на следующий день, — она отступает и улыбается мне, затем поворачивается и заходит в одну из кабинок.

Поникнув, я мою руки так быстро, как только могу, и возвращаюсь к столу. Вернувшись, я замечаю, что Трент придвинулся ближе к стулу Одри. Я сажусь, полностью осознавая последние несколько моментов: Трент изменил мне с Одри, и не только это, он разделил ее со своим лучшим другом. Насколько это ненормально? И все это в то время, пока я была на работе.

— Ты в порядке, детка? — спрашивает Трент, но не трудится даже дождаться моего ответа, а снова поворачивается к Джейсону и продолжает разговор с ним.

— Ты занимался с ней сексом? — спрашиваю я, не заботясь о том, что кто-то может меня услышать.

— Что? С кем? — он быстро поворачивает голову ко мне и выпрямляется.

— С Одри. Ты занимаешься с ней сексом все время, пока мы встречаемся?

— Что? Нет! — кричит он. — Клянусь, детка, я не трогал ее. Никогда, — он смотрит на меня и удерживает мой пристальный взгляд. Я чувствую, как становлюсь все более сердитой.

Одри возвращается, и оба, Трент и Джейсон, сверлят ее взглядами.

— Что? — говорит она и смотрит прямо на меня. — Не знаю, что она вам сказала, но я не трогала ее.

— Нет, ты поцеловала меня в шею и сказала, что спала с Трентом и Джейсоном одновременно, — я чувствую, что мне, наконец, удастся сказать что-то и заступиться за себя.

— Ты — лживая сука. Зачем мне говорить такое? Я даже не интересуюсь Трентом в этом плане.

Приносят нашу еду, и все успокаиваются, когда ее ставят перед нами. Мой аппетит моментально пропадает. Официант уходит, и Одри с самодовольным видом начинает есть. Джейсон делает то же самое и украдкой смотрит на Трента, который ухмыляется и продолжает есть.

Почему я чувствую, что являюсь мишенью в их шутке? Как будто они все знают секрет, а мне не разрешено его узнать. Это возвращает меня обратно в школу, как будто это было совсем недавно. Я — непопулярный ребенок, идущий с обедом на подносе, а злые девочки ставят мне подножку, и спагетти приземляется на мою голову.

Все едят в полной тишине. Я не слышу ничьих разговоров, и кажется, будто вся обеденная зона ждет, кто сломается первым.

Как только вся еда съедена, Одри смотрит на меня и скрещивает руки на груди.

— Ты думаешь, я занималась сексом с твоим мужчиной? Позволь мне сказать тебе кое-что, Лили. Я могу заполучить любого, кого только захочу, и если бы я хотела его, я бы взяла его.

— Одри, — Джейсон предупреждает ее низким тихим тоном.

— Просто не лгите мне, — говорю я, глядя на каждого из них троих.

Лицо Трента меняет цвет. Оно становится розовым, а затем красным от ярости, которую он пытается скрыть. Я могу сказать, что он разозлился, но он и должен. Одри говорит мне и обо мне очень оскорбительные вещи.

— Не могу поверить в это дерьмо, и не могу поверить тебе, — говорит она, вставая и прихватывая свою сумку. — Джейсон, отвези меня домой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Джейсон встает и бросает свою салфетку на стол.

— Здорово, Лили, — говорит он и следует за Одри.

Я кладу локти на стол и прячу лицо в ладонях. Весь ресторан смотрит, и я чувствую каждую пару глаз, я больше чем унижена.

— Знаешь что, Лили? — говорит Трент. Я выглядываю из-за своих рук, и вижу его стоящим около меня. — Ты опозорила меня перед моим лучшим другом и его девушкой. Я не могу поверить шумихе, которую ты создала. Ты можешь идти домой. Сегодня вечером я уйду. Как ты смеешь смущать меня перед моими друзьями! — говорит он и выходит из ресторана.

Меня оставляют сидеть в одиночестве ночью, которая, как предполагалось, должна была быть нашей. Вместе этого, я унижена и одна. Я встаю и подхожу к входной двери.

— Мадемуазель, — говорит мне метрдотель, когда я собираюсь выйти.

— Да, сэр, — я возвращаюсь к нему.

Он подходит ко мне, осторожно кладет руку на мою талию, наклоняется и шепчет:

— Они нехорошие люди. Вы не должны быть рядом с ними.

— Спасибо, — вздыхаю я. Его слова самые добрые, что я слышала за последнее время.

— Я сожалею, но они оставили счет на вас, — он вздрагивает от собственных слов.

— Конечно, они это сделали. Мои извинения. Я оплачу его, — я следую за ним к кассе, и он отдает мне счет. У меня чуть глаза не выпадают из орбит, когда вижу, что ни один из них не заплатил. Счет составляет более чем триста долларов, и я счастлива, что у меня есть наличными эта сумма.

— Спасибо, — приятно говорит он.

Я поворачиваюсь и ухожу, не только оскорбленная, но и еще обедневшая на более чем триста долларов, которые я копила на колледж. У меня нет с собой телефона, потому что я оставила его в своей комнате, решив взять с собой только кошелек. И я понятия не имею, как собираюсь возвращаться так поздно.

Я иду вниз по улице и сажусь на скамейку, когда несколько человек проходят мимо меня, осматривая сверху донизу. Я не надела куртку, а ночной воздух становится морозным. Я смотрю на небо и замечаю много звезд, ярко мерцающих на темном фоне.

— Ты был довольно жесток ко мне, знаешь ли, — говорю я Богу или кому угодно, кто может слышать меня. — Я слышала, что ты не посылаешь человеку больше, чем он сможет выдержать, разве ты не думаешь, что уже достаточно ниспослал мне? — красивый яркий свет мерцает, как будто мои слова не услышаны. — Ты не мог бы дать мне передышку? Пожалуйста?

— С кем ты разговариваешь, милочка? — пожилой человек садится рядом со мной на скамейку. Я осматриваю его и прихожу к выводу, что он бездомный.

— Ни с кем, сэр, — я пожимаю плечами. — Или, возможно, с кем-то. В действительности я не уверена.

Он смотрит на небо, а затем на меня.

— Ты знаешь, как я узнаю, что Он слушает? — он указывает вверх, имея в виду Бога.

— Нет, сэр. Как?

— Я прошу его не дать дождю идти всю ночь, потому что не смогу найти ночлег. Сегодня вечером я иду в парк ниже по улице, потому что мне негде ночевать, — он улыбается мне, обнажая гнилые зубы.

У бездомного, не имеющего абсолютно ничего, есть надежда. А я чувствую жалость к себе. Возможно, я не замечаю того, что должна. Возможно, моя жалость к себе возводит барьеры к осознанию того, как мне повезло.

У меня есть бойфренд, который любит меня, и он сказал, что не изменял мне. Его семья любезно приняла меня, потому что он меня любит. У меня есть работа, к которой можно вернуться. Одежда, еда и жилье. На самом деле, мне не на что жаловаться.

— Вы что-нибудь ели сегодня? — спрашиваю я его, а он сидит, не двигаясь, и смотрит на звезды.

— Я ничего не ел со вчерашнего дня, — говорит он низким голосом и продолжает смотреть на звезды.

— Оставайтесь здесь, пожалуйста, — говорю я и иду назад к ресторану.

Когда я была голодна, меня кормили леди из магазина подержанных товаров, поэтому не понимаю, почему не должна накормить этого нуждающегося мужчину. Я заказываю немного еды на вынос и жду десять минут, пока все не приготовят. Метрдотель спрашивает,

почему я все еще здесь. Когда я говорю ему, что не знаю, как мне добраться до дома Хэкли, он предлагает мне воспользоваться телефоном.

Когда я приношу еду бездомному мужчине, он смотрит на меня. Я уверена, что он слишком горд, чтобы принять это.

— Пожалуйста, возьмите, — говорю я, вынуждая его взять еду в руки. — Однажды я была голодна, и ко мне проявили доброту, теперь я хочу сделать то же самое для вас.

— Спасибо. Спасибо, — повторяет он и смотрит вниз на свою дырявую обувь. — Я пойду. Ты в безопасности. Помни... — я смотрю на него, и он указывает на небо, — может казаться, что Он не слушает, но сообщение всегда найдет путь к Его столу, — он снова улыбается и уходит.

Смотрю, как он идет к парку, на который указывал, и возвращаюсь в ресторан.

Я набираю номер Шейн.

— Алло, — бодро говорит она.

— Шейн, это — Лили.

— Эй, девочка. Где ты?

— Мне нужно поторапливаться. Не могла бы ты приехать и забрать меня? Я в ресторане «Белый Лебедь».

— Что? Почему ты там?

— Я объясню, когда ты приедешь. И еще, могу я остаться у тебя сегодня вечером? — мой голос надрывается, и я готова разразиться слезами.

— Конечно, можешь. Лиам здесь, мы приедем и заберем тебя сейчас же. Будем там так быстро, как только сможем.

— Спасибо, — говорю я. Она вешает трубку, и я благодарю метрдотеля.

— Возможно, вы захотите подождать в баре, так вы не будете сидеть на улице в одиночку, — он улыбается и идет в обеденную зону. Хотя он и был достаточно любезен, чтобы позволить мне остаться здесь, я не хочу, чтобы люди, чувствующие жалость ко мне, смотрели на меня и шептались. Я выхожу на улицу и иду к скамье.

Сидя в одиночестве, я точно осознаю, кто я. Одинокая. Я не уверена, почему Трент со мной, потому что он точно не заботится обо мне, иначе не позволил бы, чтобы Одри сошло с рук то, что она сказала. Он бы поверил мне. Вместо этого он оставил меня и подставил со счетом, чтобы пойти тусоваться с теми, кто с радостью доставляет мне проблемы.

— Эй, тебя подвезти? — я поднимаю голову и вижу Шейн, сидящую на пассажирском сиденье и улыбающуюся мне.

Я сажусь на заднее сиденье, и Лиам говорит мне:

— Лили, ты очень мило выглядишь сегодня.

Шейн добавляет:

— Да, девочка, ты выглядишь горячо.

— Спасибо, — говорю я и глубоко вздыхаю.

— Что случилось? — спрашивает Шейн, и настроение тут же падает от тяжести, которую я ощущаю.

— Трент сказал, что хочет отвести меня на ужин, чтобы отпраздновать, Одри и Джейсон уже были там. В общем, когда я пошла в уборную, Одри последовала за мной и сказала, что занималась сексом с Трентом. Когда я спросила об этом Трента, он разозлился, собственно, все трое встали и ушли. Оставили меня расплачиваться за их еду и без возможности добраться домой.

— Вот мудак, — шепчет Лиам себе под нос, но все равно достаточно громко, чтобы я услышала его.

— Я не знаю, почему ты остаешься с ним, — говорит Шейн. — После того, как он напал на Лиаму без причины, я знала, что что-то с ним не так.

— Я уйду от него, — говорю я в полной уверенности.

— Что? — Шейн поворачивается на своем месте, чтобы посмотреть на меня. — Ты можешь остаться со мной. Я знаю, через неделю ты уезжаешь в колледж, но останься со мной до тех пор. В это время ты можешь попытаться получить комнату в общежитии кампуса. Останься со мной.

Я улыбаюсь ей, зная, что мне действительно больше некуда пойти.

— Тебе нужно забрать что-нибудь из их дома? Я могу отвезти тебя, если хочешь, — говорит Лиам.

— Только одну вещь, но я могу купить ее снова. Могу я одолжить футболку, чтобы спать? Хотя я значительно толще тебя, я надеюсь, что она подойдет.

— Ты слышишь, что ты говоришь, Лили? Ты не толстая. И пока я в теме, просто чтобы все разъяснить, ты привлекательная и супер умная. Так что, какое бы дерьмо ты не слышала, просто проигнорируй это. Ты. Великолепна, — говорит мне Шейн.

— Она права, так и есть, — добавляет Лиам.

Я улыбаюсь им обоим. Они действительно хорошие люди.

— Спасибо, — я смотрю в окно, сосредотачиваясь на темноте ночи.

Шейн и Лиам разговаривают друг с другом, иногда вовлекая в разговор меня, но мое молчание говорит им о том, что я не в настроении для разговоров.

Когда мы добираемся до студии Шейн, Лиам целует ее и спрашивает нас, не хотим ли мы, чтобы он остался.

Шейн шепчет:

— Время для девочек, Лиам. Нам с Лили нужно поговорить. Она должна составить план, а не видеть заполненного тестостероном парня, слоняющегося вокруг.

— Хорошо, любимая. Я вернусь утром. При любых проблемах сразу звони мне, — он целует ее в губы, и я отвожу взгляд, предоставляя им уединение. — Увидимся, Лили.

— Пока, и спасибо, что приехал, чтобы забрать меня.

— Не стоит благодарности, — он садится в свою машину и уезжает.

— Ты в порядке? — спрашивает Шейн, пока роется в своей сумочке в поисках ключей.

— Буду в порядке. Я просто должна разобраться в том, что делать. Мы оба идем в один университет, поэтому избегать его не получится. Но если я воспользуюсь твоим компьютером, то узнаю, смогу ли так поздно получить комнату в общежитии. А если нет, то не знаю, что делать. Возможно, я смогу арендовать где-нибудь комнату, и мне нужно будет найти работу.

— Мы сделаем это утром. Как насчет того, чтобы сейчас... — она прекращает говорить и пинает низ двери, который застрял, — чтобы сейчас, — она продолжает, — чтобы съесть тройное шоколадное мороженое из моего морозильника и поговорить о том, что происходит.

— Звучит, как хороший план, — говорю я, смиряясь с тем, что сегодня мне придется все рассказать Шейн.

Мы заходим внутрь, и она показывает мне свой небольшой, но опрятный лофт. Он милый и удобный, и я вижу, почему он нравится ей.

— Итак, — говорит она, когда вытаскивает две ложки из ящика для столовых приборов и коробку мороженого из морозильника.

— Итак, — я сижу на маленьком диване под единственным большим окном в ее комнате.

— Это не мое дело, Лили. Действительно не мое. Но ты прячешь так много секретов за своими прекрасными зелеными глазами. И я уверена, что не хочу их знать, но думаю, что будет лучше, если ты кому-нибудь расскажешь, — она садится рядом со мной и предлагает мне ложку. — Я буду готова тогда же, когда и ты, — она опускает ложку в нетронутое мороженое и захватывает ее уже полную.

— Это своего рода... — я отвожу взгляд и смотрю мимо нее, не на нее. Я не хочу, чтобы она узнала все, через что я прошла. Я боюсь не того, что она осудит меня, а того, что она почувствует жалость ко мне. По мне, это намного отвратительнее, чем осуждение.

— Не торопись, у меня есть вся ночь, — Шейн улыбается и играет бровями, пытаюсь смягчить интенсивное и тяжелое настроение, охватывающее нас.

— Я не помню ничего хорошего в своей жизни, — начинаю я, но останавливаюсь, когда Шейн протягивает руку, чтобы коснуться меня. — Пожалуйста, не надо. Просто позволь мне рассказать тебе.

Следующие три часа я рассказываю Шейн историю моей жизни. Каждую часть, не пропуская ничего. Когда я заканчиваю свой рассказ, то смотрю на мороженое; все, кроме первой ложки, которую она взяла, превратилось в шоколадное молоко. Она не притронулась к нему так же, как и я.

— Боже мой, — говорит она, все еще держа контейнер этого месива. — Боже мой, — снова повторяет она. Ее лицо безучастное, оно не выражает никаких эмоций. — Боже мой, — говорит она в третий раз.

— Было также несколько хороших моментов, как, например, встреча с тобой и Лиамом. Ты особенная. Ты сильная и уверенная, я стремлюсь быть такой же.

— Тебе семнадцать.

— Восемнадцать уже завтра, — поправляю я ее.

— Что? Завтра твой день рождения и ты никому не сказала?

Я пожимаю плечами.

— Никто никогда не спрашивал, кроме того, у меня никогда не было причины делать из этого что-то особенное.

— Это потому, что ты была сломлена, Лили. Вся твоя жизнь была растоптана.

— Были и хорошие моменты, я уверена в этом. Иногда мне снится, что когда я была маленькой девочкой, мы были в парке. Мама, папа, я и маленький мальчик.

— У тебя есть брат?

— Нет. Всегда была только я, — я беру контейнер мороженого из ее рук. — Я сожалею, что ты потратила впустую свое мороженое, я куплю тебе новое.

— Нет, не купишь. Это просто мороженое, — хмурится она на меня. Я снова улыбаюсь, потому что это то, какая Шейн на самом деле. Она добрая, красивая и сострадательная. Я понятия не имею, почему боялась ей все рассказать.

— Спасибо, что выслушала.

— Завтра я помогу тебе найти работу. Эй, у меня есть идея, почему бы тебе не спросить Стейси, сможет ли она отправить твое резюме в один из сетевых магазинов, находящихся рядом с твоим колледжем? Она сможет сделать это для тебя, я уверена. Ты нравишься ей,

потому что она предлагает тебе каждую свободную смену.

— Я могу спросить.

Но Стейси знает, что я в курсе того, что происходит между ней и мистером Хэкли, поэтому сомневаюсь, что она сделает что-либо для меня.

— Хорошо, как насчет того, чтобы найти для тебя что-нибудь переодеться, чтобы ты могла пойти в душ и лечь спать?

Я осматриваю ее комнату, и кроме двухместного дивана, на котором мы сидим, есть еще ее двуспальная кровать и мини-кухня со столом и двумя стульями.

— Гм, ты уверена, что я могу спать здесь? — спрашиваю я.

— Да, не волнуйся. Нам придется спать на одной кровати, — она встает и идет к комоду, открывает его и бросает мне какие-то шорты для сна. — О, и мне нравится лежать в обнимку, так что если ты проснешься через несколько часов и мои руки будут на тебе, просто притворись, что ничего не произошло, — хихикает она, ее заразительный смех заставляет меня засмеяться в ответ.

— Поняла, если что, ты не обнимала меня, — дразня, я отдаю ей честь.

Она бросает в меня футболку и затем дает мне полотенце. Шейн показывает мне ванную и оставляет меня одну. Я захожу в горячий душ и позволяю ему смыть весь ужас сегодняшнего дня.

Завтра перед работой я позвоню в университет и узнаю, есть ли у них свободные комнаты в общежитии. Надеюсь, я смогу пораньше добраться до работы и поговорить со Стейси.

Тревожное чувство бурлит у меня в животе. Горячая вода, текущая по мне, не снимает напряжения в плечах. Мысли роятся в голове, и я, кажется, не могу просто отключиться и ни о чем не думать.

Буря надвигается. Я знала тьму в прошлом, но это чувство надвигающейся катастрофы, гибели...

Кажется, будто оно прямо на моем пороге. Что я найду, если открою дверь?

— Могу я одолжить твою униформу? Мне осталось отработать пару смен, а все мои вещи остались в доме Трента, — спрашиваю я Шейн утром.

— Да, хорошо, — она потягивается на кровати и протирает глаза. — Хочешь, чтобы Лиам подвез тебя? Или, если что, чуть дальше по дороге есть автобусная остановка.

— Все в порядке, я поеду на автобусе. Эй, спасибо за прошлую ночь.

Она снова протирает глаза и затем смотрит на меня.

— Не за что.

Я сажусь на кровать рядом с ней, туда, где я спала прошлой ночью:

— Раньше у меня никогда не было подруги, Шейн. Я всегда боялась впустить кого-нибудь в свою жизнь. Мне потребовалось восемнадцать лет, но я думаю, что нашла свою лучшую подругу.

— О, мой Бог, сегодня — твой день рождения! Нам нужно это отпраздновать. Я отведу тебя на ужин.

— Нет необходимости, я никогда ничего не делала для себя в этот день, поэтому, на самом деле, мне ничего не нужно и сейчас, — я отворачиваюсь, поэтому она не видит моего смущения.

— Никто *не должен* делать что-то для себя сам на свой день рождения. В этот день ты празднуешь свое рождение.

— В этом нет ничего особенного, чтобы праздновать. Поэтому, может, мы пропустим это? Пожалуйста?

Шейн садится в постели и проводит рукой по своим длинным темным волосам.

— Вот что я тебе скажу, мы можем пропустить поход в ресторан, но на моих условиях.

— У тебя есть условия? — я хихикаю, теперь не пристыженно, а удивленно.

— Да. Ты должна остаться здесь, пока не уедешь в колледж, а я сегодня закажу пиццу и испеку торт. Только ты и я.

Облегчение заполняет меня, потому что она отказалась от идеи пойти в ресторан.

— Я могу сделать это.

— Решено. Сегодня после работы — пицца и торт. И просто, чтобы ты знала, мой торт на вкус ужасен, но ты должна притвориться, что тебе нравится, и съесть его.

— Никто никогда не пек для меня торт, — это одно предложение меняет настроение в комнате снова, и пространство наполняется тяжестью. — Извини, — шепчу я, потому что разрушила счастье Шейн.

— Эй, — она встает с кровати и подходит к своему комоду. — Вот униформа, — она вручает мне сложенные рубашку и штаны.

Я беру их и иду в ванную, чтобы переодеться. Штаны слегка великоваты, а рубашка длинновата, но они должны подойти, ведь у меня осталась всего пара смен перед колледжем.

Когда я выхожу, Шейн уже встала и готовит кофе. Но я отказываюсь от него и говорю, что хочу поехать на работу и поговорить со Стейси.

Я еду в автобусе на работу и чувствую, как груз плотно оседает в моем желудке. Мне нужно только прожить эти несколько дней, и затем я уеду в колледж. А это — огромное

место, поэтому я надеюсь, что мне не придется видеть Трента. Квартира, которую его родители сняли для нас, находится за пределами кампуса. И если я смогу получить комнату в общежитии, то не должна буду покидать кампус, кроме поездок на работу. И поскольку я знаю, где находится квартира, то смогу найти работу на другой стороне города, и шанс встретить Трента будет очень мал.

Захожу в магазин и вижу, что Стейси уже здесь, стоит рядом с одной из касс и разговаривает с другой девушкой. Я отхожу назад, давая им двоим уединение, пока они не закончат говорить. Стейси поворачивается, чтобы уйти, и смотрит на меня, кивком указывая мне следовать за ней.

— Стейси, могу я поговорить с вами секундочку? — спрашиваю я.

— В моем кабинете, Лили. Не здесь, — она говорит так, будто я сделала что-то не так.

Следуя за ней, я прокручиваю в голове последние несколько дней здесь. Я пытаюсь вспомнить все свои контакты с клиентами: была ли я груба с кем-нибудь или сказала что-то кому-то, кто принял это за грубость.

Она заходит в свой кабинет, садится за стол и говорит:

— Закрой дверь.

Холодок проходит через меня, потому что выглядит она так, будто собирается меня уволить.

— Я сделала что-то не так? — спрашиваю я, и напряженность рвется из моего тела, когда я задаю вопрос.

— Что? Нет. Ты не сделала ничего плохого вообще. Но мне звонил Крис, а затем и Трент.

— Я ничего не сделала, — отвечаю я автоматически.

— Нет, не сделала. Они оба были очень расстроены, что ты не пришла домой прошлой ночью. Они, кажется, думают, что ты рассталась с Трентом.

— Я должна обсуждать это с Трентом, — это не ее дело, и я не буду говорить с ней об этом.

— Ты ведь понимаешь, что я — очень хороший друг Криса, и если он звонит мне расстроенный, то я стараюсь сделать его счастливым. Не говоря уже о том, что его сын, твой бойфренд, звонил сюда в полной панике, потому что он полагает, что ты его бросила. Это мой магазин, и если они звонят мне, тогда ты можешь обсудить это со мной. Исходя из того, что Крис и Трент сказали мне, ты была груба и обвиняла Трента, что он изменил тебе.

— Что? — я чувствую, как мои плечи опадают, ведь Трент сказал что-то моему боссу. — Все было совсем не так.

— Тогда садись и расскажи мне, как все было, чтобы мы могли разобраться в этом, и ты перестала вести себя как ребенок и вернулась к своему бойфренду.

Я сажусь на стул и соединяю руки вместе.

— Я не вернусь. Я хотела поговорить с вами и спросить, можете ли вы порекомендовать меня в какой-нибудь магазин рядом с колледжем, чтобы я смогла устроиться на работу.

— Ты не вернешься? И почему же я должна давать рекомендации избалованному ребенку, который любит создавать проблемы? И не думай, что я не знаю о ночи, когда ты клеилась к парню Шейн и заставила его отвезти тебя домой.

— Что? Я не знаю, кто рассказал вам это, но, опять же, все было совсем не так.

— Тогда тебе лучше рассказать мне, что произошло прошлой ночью, и поторопись, потому что твоя смена начнется через несколько минут. Чем больше это займет времени,

тем меньше тебе заплатят, потому что это съедает твои часы. И если я буду удовлетворена твоим рассказом, то тогда порекомендую тебя магазину, — она расслабляется и скрещивает руки перед собой.

У меня нет выбора, я должна рассказать ей, ведь если не сделаю этого, то не только потеряю свои часы здесь, но она еще и не направит меня в магазин рядом с кампусом.

Когда я заканчиваю рассказывать Стейси, что произошло, она просто обходит свое место, обдумывая, что сказать.

— Так ты говоришь, что все это произошло потому, что ты поверила ей, а не своему парню?

— Он заступился за нее.

— Твой бойфренд, с которым *ты* живешь, который привозит *тебя* на работу, защищает *тебя*, и я слышала, что он даже подарил *тебе* телефон. Этот парень? — она подчеркивает слова, глядя на меня, как будто я не понимаю ее мысль.

— Он был зол, что я вообще сказала что-либо. Что мне нужно было делать? Сидеть там, позволять ей говорить все эти вещи и не спрашивать о них?

— Он — твой бойфренд. Он — человек в отношениях, и ты должна оставаться верна ему, несмотря ни на что.

Это такие старомодные мысли, особенно учитывая, что он был не прав.

— Это нечестно. Она атаковала меня, говорила, что занималась сексом с моим парнем, а затем все трое оставили меня со счетом, за который нужно было заплатить, и обставили все так, чтобы унижить меня.

— Ты заслуживаешь быть униженной, потому что ты не права. Подумай об этом, Лили. Действительно, подумай. Зачем бы Трент хотел быть рядом с тобой, если все, что он собирается делать, это изменять тебе? — когда она преподносит все так, это имеет смысл. — И зачем ему эти проблемы, защищать тебя, приглядывать за тобой, если все, что он собирается делать, это спать с кем попало? — ее мнение обоснованно.

Я отвожу от нее взгляд и фокусируюсь на одинокой скрепке на ее столе.

— Я не думала об этом в таком ключе.

— Не говоря уже о том, что нужно потрудиться, чтобы организовать свидание, и начать его с «Белого Лебедя». Прекрасного ресторана, в котором подают самые лучшие в штате блюда. Да, возможно, все паршиво обернулось, но ты думаешь, справедливо обвинять его в этом недоразумении? И не только поэтому, а потому, что кто-то, над кем он не имеет контроля, что-то сказал. Ты не такая девушка, Лили.

Она права, а я нет. Трент не сделал ничего плохого. Я не должна наказывать его за то, что Одри ужасна. Она — не его ответственность.

— Вы правы, — признаю я, наконец, способная увидеть ясно свою реакцию.

— Просто поговори с ним. Не прямо сейчас, после того, как закончится твоя смена.

— Да, хорошо. Я думаю, это хорошая идея, — я встаю и улыбаюсь ей. — Вы можете узнать, сможете ли вы направить меня в магазин рядом с кампусом, пожалуйста? Или узнать, есть ли у них какие-нибудь вакансии?

— Конечно, я сделаю это и сообщу тебе в твою последнюю смену.

— Спасибо, — я поворачиваюсь, чтобы выйти и приступить к работе.

— О, Лили. Некоторые девушки хотят сделать тебе сюрприз и пойти повеселиться в пятницу вечером, в честь твоей последней смены. Может, будет здорово, если ты сообщишь Тренту. Он может захотеть пойти с вами.

— Спасибо, Стейси. Я скажу.

Я покидаю ее кабинет и спускаюсь вниз, чтобы начать свою смену. Клинтон, один из менеджеров, говорит, за какой кассой сегодня работаю, и я приступаю к своей десятичасовой смене.

Первые пять часов долго тянутся, и я не могу дождаться, когда уйду на перерыв, чтобы что-нибудь перекусить. Я пропустила завтрак этим утром, потому что хотела приехать пораньше и поговорить со Стейси, и теперь умираю с голоду.

Когда я заканчиваю с последним клиентом, то вижу парня в коричневой униформе и кепке, он несет большой букет лилий. Они прекрасны, и я не могу не думать, что они могут быть для меня. Но это было бы глупо, потому что, если кто и виноват в том, что случилось вчера, так это я, и Стейси объяснила, что я слишком бурно отреагировала и создала проблему. Поэтому это я должна посылать Тренту цветы с просьбой простить меня. Действительно глупо. *Зачем* ему посылать мне цветы?

— Лили Андерсон? — парень в коричневой униформе спрашивает меня.

— Да, — говорю я, глядя на него подозрительно.

— Это для вас. Хорошего дня, — бодро говорит он, затем вручает мне огромный букет и уходит.

— Подождите, что? — зову я его, но он уже вышел на улицу.

— Разве они не прекрасны? От кого они? — спрашивает мой клиент.

— Я не уверена, — возможно, они от Шейн, и это ее подарок на мой день рождения.

— Прочитайте карточку, — подбадривает меня леди.

— Но ваши продукты?

— Они никуда не денутся. Я хочу увидеть, как эта прекрасная улыбка станет шире после того, как вы прочтаете карточку, — она — пожилая леди, и я думаю, что от того, что кто-то рядом с ней счастлив, он и сама становится счастливой.

— Спасибо, мэм, — я перестаю работать на минуту и читаю карточку.

Моя дорогая Лили.

Пожалуйста, прости меня, за то, что был идиотом. Я люблю тебя и не хочу потерять. Я обещаю, что стану лучше, потому что хочу, чтобы ты никогда меня не покидала.

Я люблю тебя всем сердцем.

Трент.

P.S. С днем рождения, малышка.

— От кого они? — спрашивает она, когда слезы наворачиваются на мои глаза.

— От моего парня, — говорю я, прежде чем перечитать карточку, положить ее между цветами и вернуться к продуктам леди.

— Ты очень везучая девочка. Потому что они очень красивы, — она снова улыбается мне.

— Спасибо, мэм, — я заканчиваю с ее продуктами, закрываю свою кассу на перерыв, беру цветы и иду в комнату для персонала.

— Лили, — слышу я позади себя. Я оборачиваюсь и вижу Трента красиво одетым. Он надел костюм, и его волосы хорошо уложены.

— Я получила твои цветы, — говорю я и смотрю вниз на цветы. — Они великолепны, спасибо.

Он идет ко мне с такой уверенностью и силой.

— Я знаю, почему сходил с ума. И я так сожалею, но я здесь, чтобы сделать все правильно, и начну прямо сейчас, — он опускается на одно колено посреди кондитерского отдела. — Лили Андерсон, я люблю тебя и схожу с ума с прошлой ночи. Я пытался понять, что же произошло, и когда понял, что же было неправильным, это было похоже на момент, когда лампочка освещает всю комнату. Я не прав. Я не прав, и боюсь потерять самое лучшее, что случилось со мной в жизни. Мы не должны жениться прямо сейчас, но, пожалуйста, скажи «да» тому, чтобы стать моей женой, — он вынимает маленькую черную коробочку из кармана своего пальто и открывает ее.

Я не могу не улыбнуться кольцу с крошечным бриллиантом, которое он преподнес мне. Я смеюсь не над размером бриллианта, а над тем, что он приложил столько усилий, чтобы сделать самое лучшее с деньгами, которые у него есть.

Оглядываясь вокруг, вижу, сколько народу столпилось, и все женщины говорят «ох» и «ах», обращая внимание, что Трент не может скрыть своих чувств.

— Трент, — говорю я и подхожу ближе к нему.

— Пожалуйста, Лили. Пожалуйста, прости меня. Я буду стараться сильнее, я изменюсь, я сделаю все, что ты захочешь. Я так сильно тебя люблю, до боли. Прошлая ночь была самой худшей в моей жизни, потому что тебя не было рядом со мной. Я так сильно тебя люблю, — он все еще стоит на одном колене, и я не могу заставить себя сказать ему хоть что-нибудь. — Мы можем поехать в университет как настоящая пара. Пара, которая может планировать свою свадьбу и быть абсолютно влюбленными.

Я улыбаюсь его просьбе. Он очень милый.

— Да, — шепчу я, счастливая от того, что, наконец, получу свою собственную семью и того, кто любит меня так сильно.

Зрители взрываются в аплодисментах, Трент встает и подбегает ко мне, надевает кольцо на мой палец, потом подхватывает меня на руки и кружится вокруг себя. Его рот захватывает мой, он продолжает кружить меня и целовать. Леди, которая стояла рядом со мной, держит сейчас мои лилии.

— Спасибо, детка. Спасибо. Я приглашаю тебя отпраздновать сегодня, только ты и я.

— Я не могу, — говорю я, когда он прекращает кружить нас и ставит меня на ноги. Он хмурит брови и наклоняет голову набок. — У нас с Шейн планы. Мы закажем пиццу, и она испечет мне торт. Никто и никогда не пек для меня торт, — говорю я, сияя. Я так счастлива.

— Хорошо, малышка. Все, что пожелаешь. Мы можем отпраздновать завтра. Но могу ли я забрать тебя? Я просто хочу проводить с тобой каждую минуту, какую смогу.

Он такой милый, и я могу сказать, что он изменился по отношению ко мне.

— Спасибо, мне бы понравилось это, — я снова целую его.

— Пойдем, детка. Я хочу отвести тебя пообедать. Ты хочешь, чтобы я забрал эти цветы с собой домой? — он протягивает руки к букету.

— Да, спасибо. Но мне нужно вернуться и взять кошелек, — я иду к своей сумке.

— Нет, не нужно. Наименьшее, что я могу сделать для тебя, это заплатить, учитывая, что вчера оставил тебя расплачиваться по счету. Я сожалею об этом, — говорит он и подводит меня к своей машине. Трент относится ко мне мягче, чем когда-либо.

— Спасибо, Трент. За то, что разрешил мне погулять сегодня вечером, и за то, что покупаешь мне обед.

Он кладет цветы на заднее сиденье машины и протягивает руку к моей талии.

— Для тебя — все что угодно, — он целует меня в нос и ведет нас к гастроному, который я люблю. — Подожди, ты не сказала мне, что думаешь о кольце? — он улыбается, когда переплетает наши пальцы, подносит их к своим губам, чтобы поцеловать мои пальцы.

— Я люблю его. Оно прекрасно, — я смотрю вниз и восхищаюсь милым маленьким прозрачным камнем.

Сегодняшний день будет фантастическим. Я не могу дождаться, когда расскажу Шейн об этом.

***

— Трент переубедил тебя? — приподнимая брови, спрашивает Шейн, когда видит снаружи Трента.

— Да. Сегодня столько всего произошло, — я захожу внутрь, и она закрывает дверь.

— Разумеется. Расскажи мне, как прошел твой день?

Мы заходим в ее квартиру и садимся на двухместный диван друг напротив друга.

— Это было невероятно. На самом деле, не могло быть лучше, — я смотрю на Шейн, ее лицо «кричит» тысячу слов. Могу сказать, что она не впечатлена, нисколько. У нее угрюмое выражение лица, губы плотно сжаты и смотрит она на меня осуждающе. — Пожалуйста, не надо, Шейн. Ты так много значишь для меня. Я не хочу, чтобы ты разочаровывалась во мне.

— Я не разочарована в тебе. Я просто не думаю, что он подходящий для тебя человек.

— Он изменился. Стал другим. Он позволил мне приехать сюда, хотя хотел отвезти меня на ужин, чтобы отпраздновать.

— Отпраздновать твой день рождения? — она накручивает волосы на палец.

— Это и это, — я показываю ей свое кольцо, но ее лицо не озаряет счастье, как я надеялась. — О, — вздыхаю я, — ты не счастлива за меня?

— Я счастлива, правда. Но как ты можешь так быстро говорить «да», особенно после того, как он предал тебя?

— Я же сказала, он изменился.

— Ты говоришь мне, что он изменился за одну ночь? Он оставил тебя в ресторане платить по счету, бросил тебя, но меньше чем через двадцать четыре часа он меняется? Ты не можешь на самом деле верить в это, — она смотрит на меня, приподняв брови, точно не поверив в его внутренние изменения.

— Я не тупая, Шейн. Я знаю, какими могут быть люди, но он искренен, я вижу, что он изменился.

— Или так, или он просто говорит нужные слова, — она закатывает глаза и отводит взгляд.

— Послушай, я не хочу с тобой ссориться. Я собиралась спросить тебя, придешь ли ты на мою свадебную вечеринку. Ты — совершенно точно моя самая лучшая подруга во всем мире, и я хочу, чтобы вы с Трентом ладили. Вы — два самых важных для меня человека во всем мире.

Она, улыбаясь, поворачивается ко мне. Ее плечи расслабляются, и я вижу, что весь гнев

покинул ее тело.

— Я люблю тебя, девочка. И сделаю все, что угодно для тебя. Просто пообещай мне одну вещь. Всего одну.

— Какую? — я наклоняюсь, чтобы обнять ее.

— Начни вести дневник. Ты пережила столько ужасного, обрушившегося на тебя, и я думаю, ведение дневника поможет тебе справиться со всем, что происходит с тобой.

Ее просьба разумна, и она права. Письмо может быть терапевтическим. Я знаю, я люблю английский язык, и хотя не могу стать писателем, я по-прежнему могу записывать свои чувства.

— Да, хорошо. Звучит отлично, я могу сделать это, — я крепко ее обнимаю. — Эй, ты знала, что девчонки на работе собираются устроить мне прощальную вечеринку?

— Кто, по-твоему, организовал это? — она подмигивает мне. — В пятницу вечером оденься посимпатичнее. Купи себе платье и какие-нибудь убийственно сексуальные туфли. Мы собираемся потанцевать и повеселиться.

— Я несовершеннолетняя и не могу пойти в такое место, которое ты описываешь.

— Держи себя в руках, мы не собираемся делать ничего противозаконного. Есть клуб, в который до одиннадцати вечера пускают и до двадцати одного года, после они выгоняют всех и пускают только тех, кто старше двадцати одного. Половина приходящих девчонок несовершеннолетние, поэтому все, кому больше двадцати одного, могут остаться, а остальным придется уйти.

— Это, должно быть, так весело. Не могу дождаться. Я собираюсь за покупками, — я визжу от счастья.

— Я иду с тобой, мне не нужно на работу завтра до обеда.

Оставшуюся часть ночи мы разговариваем, едим и хорошо проводим время. Я так счастлива, впервые и навсегда. Мне посчастливилось иметь заботливого жениха и самую лучшую в мире подругу. Жизнь кажется хорошей. Действительно, действительно хорошей.

— Я могу остаться дома и позаботиться о тебе, — говорю я Тренту, он выглядит немного больным. Он простудился и лежит в кровати.

— Не глупи. Сходи и повеселись со своими друзьями, ты уже давно готовилась к этому. Я отвезу тебя туда и заберу обратно. Ты сказала, что клуб начинает работать для тех, кому больше двадцати одного, в одиннадцать, верно?

— Да, — говорю я, наряджаясь к выходу.

— Я буду там к десяти тридцати и подожду тебя.

— Я могу попросить Лиама подвезти меня. Ты не должен выходить из дома, если тебе не хорошо, — я ставлю свои туфли на высоком каблуке около двери.

Трент лежит на моей кровати, положив руки за голову, и наблюдает за мной.

— Нет, я приеду забрать тебя. Я хочу быть там для моей девочки.

Как мило. Я вешаю свое платье на дверную ручку и сажусь на кровать рядом с Трентом. Он приподнимается и тянет меня так, что я оказываюсь на его груди. Он целует меня в лоб и водит руками вверх и вниз по моей спине.

— Спасибо, Трент. Ты действительно изменился, — я кладу голову на его грудь, и он продолжает рисовать круги на моей спине.

— Я же сказал тебе, детка. Я не хочу потерять тебя. Просто пообещай мне, что будешь хорошо себя вести сегодня вечером, — он целует меня в макушку.

— Мое сердце принадлежит тебе, Трент, и никому больше, — я закрываю глаза и наслаждаюсь одним из самых приятных моментов в моей жизни. Чистое совершенство. Мы лежим вместе, превращаясь в единое целое, и я не могу поверить в то, как мне повезло, ведь я нашла Трента. Или, возможно, он нашел меня.

— Давай, тебе нужно собираться, а то ты опоздаешь, — говорит он, шлепая меня легко и игриво. Я встаю, беру свое платье, новые трусики и лифчик, которые купила, и собираюсь пойти в ванную, чтобы переодеться. — Куда ты идешь?

— В ванную.

— Нет, не пойдешь. Я уйму раз видел тебя голой, детка. Тебе не нужно идти в ванную, чтобы переодеться. Делай это здесь, я хочу видеть, как моя сексуальная невеста переодевается, — он ухмыляется мне, и я вижу желание в его глазах.

— Хорошо, — говорю я, снимая футболку и штаны для йоги, пока Трент пристально наблюдает за мной. Снимаю лифчик и трусики, и надеваю новые, красные и сексуальные.

— Черт, — говорит Трент и садится на кровати. Я надеваю свой новый красный лифчик и застегиваю его на спине. — Дважды черт, — он ухмыляется мне, и я почти вижу, как у него текут слюнки. — Ты очень сексуальна.

— Спасибо, — отвечаю я. И как только он это сказал, я сразу же почувствовала себя намного увереннее, и, вроде как, сексуальнее. Хотя по сравнению с Шейн и другими девушками, у меня не на что посмотреть. Я надеваю в обновки — черное платье и туфельки. — Тебе нравится? — спрашиваю, кружась перед ним.

Он хмурит брови, а губы сжимает в раздраженную тонкую линию. Моя уверенность немедленно сдувается, я смотрю вниз на свое платье и провожу руками по животу, приглаживая материал.

— Хмммм, — фыркает он, потирая подбородок.

— Что? Разве я плохо выгляжу?

— Ты, отчасти, выглядишь, как проститутка. Я не хочу, чтобы люди там думали, что могут заплатить моей невесте за секс.

— Что? — я снова смотрю вниз, потрясенная тем, как выгляжу. — Я думала, что хорошо выгляжу. Шейн сказала, что мне идет это платье. Она бы не стала мне врать.

— Как и я. Но если ты хочешь пойти и заставить людей думать, что ты — шлюха, что ж... — он пожимает плечами, — это твое решение, но я не хочу такого для тебя, — он встает и обходит меня. — Как я и сказал, это твое решение, — он целует меня в щеку и открывает дверь. — Мы выходим через пятнадцать минут, — он уходит и закрывает за собой дверь.

Мне абсолютно не хочется производить впечатление проститутки, и я просто сгорю со стыда, если кто-нибудь попытается заплатить мне или спросит цену за услуги. Я снимаю платье и кладу его обратно в пакет. Я отдам его Шейн, она сказала, что ей оно понравилось. Я достаю джинсы с белой блузкой и надеваю их вместо платья. И по-прежнему могу надеть свои новые туфли.

Когда я готова, то кладу немного денег в карман и иду искать Трента. Он стоит у входной двери с ключами от папиной машины в руках.

— Вот и ты. Ты похожа на приличную восемнадцатилетнюю женщину. Пойдем, малышка, — он протягивает руку, чтобы переплести наши пальцы вместе.

Дорога к клубу не занимает много времени, и мы с Трентом говорим о том, когда нам нужно будет поехать в колледж. Мы оба упаковали вещи и готовы ехать, мы будем жить там четыре дня, прежде чем у нас обоих начнутся занятия в начале следующей недели.

— Хорошо проведи вечер, детка. Я вернусь к десяти тридцати, но не выходи, пока не будешь готова. Я подожду, — он снова целует меня. — Люблю тебя, — добавляет он, когда я собираюсь выйти.

— Я тоже тебя люблю.

Я нахожу Шейн и несколько других девчонок. Лиам здесь, и они все прекрасно проводят время. Время пролетает, мы танцуем, разговариваем и просто хорошо проводим время.

— Эй, — говорит Шейн, потягивая свой розовый напиток с небольшим зонтиком в нем. — Почему ты не надела свое новое платье? — спрашивает она, танцуя на одном месте под тяжелые басы.

— Ах да, забыла, я отдам его тебе, если хочешь.

— Что? Почему? — она перекрикивает музыку.

— Я надела его и посмотрела на себя. Оно мне не идет, — не хочу говорить ей, что выгляжу в нем дешевкой, потому что действительно думаю, что оно подойдет ей намного больше.

— Что? Ты выглядела в нем супер горячо. Серьезно, сногсшибательно.

— Кто выглядит супер горячо? — говорит Лиам, когда подходит к нам, садится и обнимает Шейн. — Я должен ее заценить, — он осматривает клуб.

Шейн игриво шлепает Лиам по руке, он наклоняется и целует ее в плечо.

— Ты мужлан, — я улыбаюсь их беззаботным, легким отношениям. — Я говорила, что Лили действительно горячо выглядела в платье, которое купила вчера, но она сказала, что ей оно не понравилось, поэтому она отдает его мне.

— Разве ты не примеряла его, прежде чем купить? — спрашивает Лиам.

— Да, но когда я надела его сегодня, оно мне просто разонравилось.

— Таким образом, я раздобыла новое платье, и все благодаря моей лучшей подруге Лили, — Шейн указывает на меня. — Но оно может быть мне мало в груди, ведь они *больше*, чем у тебя, — она указывает сначала на свою грудь, затем на мою.

— Горячо, — говорит Лиам, делая глупое лицо.

— Эй. Пойдемте танцевать, — говорит Пенелопа, когда подскакивает к нашему столу.

Я вытаскиваю свой телефон и замечаю, что сейчас без пятнадцати одиннадцать, значит, я могу немного потанцевать, прежде чем пойду к Тренту.

Шейн и Лиам танцуют очень близко друг к другу, его руки двигаются по всему ее телу. Я танцую в кругу с Пенелопой, Жасмин и несколькими другими девчонками, когда чувствую, как кто-то кладет руки мне на бедра.

Я поворачиваюсь и вижу какого-то парня, танцующего напротив меня.

— Эй, горячая штучка, — говорит он, продолжая танцевать.

Я отхожу от него, разрывая его контакт с моими бедрами, но он делает это снова.

— Эй, не надо, — перекрикиваю я музыку.

— Мы просто танцуем, не трахаемся, — кричит он в ответ.

— Я не хочу, чтобы твои руки были на мне, — я иду на другую сторону, чтобы продолжить танцевать с девочками. Он исчезает, и я просто закрываю глаза, чтобы почувствовать музыку. Но затем я снова чувствую на себе его руки. Я быстро поворачиваюсь и вижу, что он как раз собирается поцеловать меня. Но прежде чем его губы касаются моих, его кто-то отталкивает.

— Убери от нее свои руки, — Трент с воплями бьет парня кулаком.

— Трент, — кричу я и пытаюсь остановить непрерывные удары, которые он наносит. — Трент, — кричу я снова и хватаю его за кулак, когда он заводит руку назад.

Он быстро поворачивает голову, смотрит на меня и сердито выплевывает:

— Не надо, Лили. Я, черт возьми, все видел своими глазами.

В тот момент, когда он оглядывается назад, двое огромных вышибал подхватывают его и выводят из клуба. Еще двое других захватывают парня, который лапал меня, и выволакивают его тоже.

Я осматриваюсь вокруг и вижу Шейн. Она выглядит потрясенной, наблюдая за тем, как обоих парней выгоняют из клуба.

— Пока, — беззвучно говорю я и ухожу.

Я направляюсь к выходу, она бежит за мной, обнимает меня и шепчет:

— Будь осторожна.

Когда собираюсь спросить ее, кого должна остерегаться, она уходит.

Выйдя на улицу, вижу Трента, вышагивающего взад и вперед, он абсолютно обезумел.

— Что, черт возьми, это было, Лили? Я все видел.

— Значит, ты видел, как я сказала ему убрать от меня руки? И видел ли ты, как я уходила от него?

— Я видел, что ты смотрела на него так, будто хотела его поцеловать.

— Нет, не хотела. Я собиралась сказать ему, чтобы он оставил меня в покое, снова. Но ты схватил его, и... ты знаешь остальное.

Трент разворачивается и идет к отцовской машине.

— Ты идешь? — кричит он мне через плечо.

Я догоняю его и беру за руку.

— Я действительно ни в чем не виновата. Я ничего не сделала.

Он несколько раз вздыхает и успокаивается.

— Да, я знаю. Я просто увидел его руки на тебе и потерял контроль. Разве не здорово, что ты переделась? Только Бог знает, сколько еще чужих рук могло быть на тебе этой ночью.

— Я знаю, и сожалею, — я наклоняюсь и целую его. — Спасибо, что пришел забрать меня.

— Все в порядке, детка.

Когда мы подходим к машине, он открывает дверцу с пассажирской стороны и ждет, пока я сяду. Затем обходит автомобиль и садится за руль.

— Ты научишь меня водить? — спрашиваю я, наблюдая, как он выезжает на дорогу.

— Только не начинай снова, Лили. Тебе не нужно учиться водить. Я отвезу тебя куда угодно. Ты знаешь это, — он сжимает мое бедро, утешая меня.

— Я знаю, но также хочу быть независимой. Я имею в виду, что если что-то случится, и мы не сможем быть вместе?

Я вижу, как сжимаются его губы.

— Это просто смешно. Мы всегда будем вместе. В жизни и в смерти.

В жизни и в смерти? Что именно он имеет в виду?

Оказывается, мне не приходится ждать слишком долго, чтобы узнать, что он имеет в виду.

13 ноября 2009 года

Дорогой дневник!

Уже прошло чуть больше года с тех пор, как мы поженились. Трент хотел жениться на мне без промедления, но нам пришлось подождать и пожениться прямо перед моим девятнадцатым днем рождения. Скажу, что этот год был, за неимением лучшего слова, трудноватым. Мы отпраздновали нашу первую годовщину точно так же, как проводим каждую ночь.

Я хожу на занятия каждый день, так же, как и Трент, после занятий иду на работу, а Трент — домой. В некоторые ночи мне удастся поспать больше четырех часов, но с тех пор, как Трент начал вести наши финансы, он сказал, что я должна работать больше, потому что нам нужны деньги. У него тоже есть работа, но он работает только два дня в неделю. Он говорит, что учеба утомляет его, и он не может работать больше.

Учитывая, что это моя первая запись в дневнике, я могу сказать, что мы с Шейн больше не разговариваем так, как раньше. Она сказала, что Трент пытается управлять мной, и что он встал между нами. Она также сказала, что когда я уйду от него, я должна приехать и найти ее. Она была подружкой невесты на нашей свадьбе, и после этой ночи едва ли заговорила со мной снова. Трент говорит, что это потому, что она завидует, ведь Лиам еще не женился на ней. Я не знаю, возможно, так и есть. Сначала это ранило, но сейчас я так сильно занята учебой, работой и замужеством, что у меня, на самом деле, не так уж и много свободного времени, чтобы заметить, что она ушла. Делает ли это меня плохой подружкой? Были моменты, например, как когда я получила высший балл по трем последним работам по английской литературе, я хотела поделиться с ней, но ее не было рядом.

Трент говорит, что хочет ребенка, но я ни капли к нему не готова. На самом деле, я

даже не представляю, что с ним делать.

Папа Трента приезжал на прошлой неделе, но миссис Хэкли не очень хорошо себя чувствовала, поэтому осталась дома. Я нашла рецепт в интернете и приготовила по нему. Мистер Хэкли сказал, что на вкус это, как корм для кошек, а Трент засмеялся и сказал ему, что я пока еще учусь. А мне понравилось. Может, мне понравилось потому, что я знаю, на что похоже, когда ничего не имеешь.

Вчера был мой двадцатый день рождения, и Трент подарил мне коробку конфет, сказав, что у нас нет лишних денег, чтобы пойти куда-нибудь.

Квартира небольшая, но пока этого достаточно. Я действительно не могу работать еще больше, чтобы снять что-нибудь лучше, потому что учеба отнимает большую часть моего времени.

Трент сказал, что хочет сменить специальность. Он больше не хочет быть бухгалтером, он хочет быть доктором. Я поддерживаю его, конечно же. Он должен следовать за своими мечтами.

В любом случае, мне нужно идти. Я взяла дополнительную смену в супермаркете, и мне нужно подготовиться. Думаю, что это хорошая идея, вести дневник, это позволит мне отслеживать все, что происходит в моей жизни.

Пока, дневник.

P.S. Забавно, я говорю с тобой так, как будто ты — реальный живой человек.

8 октября 2010 года

Дорогой дневник!

Все было таким ужасным в последнее время, и я не писала тебе. В следующем месяце мне исполнится двадцать один, и жизнь не может стать еще более загруженной, даже если я захочу.

Итак, о прошедшем месяце. Я даже не знаю, с чего начать. Однажды ночью Трент ушел развлечься, и, вернувшись вдрызг пьяным с одной из этих студенческих вечеринок, попытался заняться со мной сексом. Когда я сказала ему, что он воняет пивом и рвотой, он ударил меня тыльной стороной ладони и сказал, что это моя работа в качестве его жены заниматься с ним сексом каждый раз, когда он захочет. Мне удалось освободиться от него и закрыться в ванной. Я была так потрясена тем, что он сделал, и все, что я могла делать, это плакать. Он пытался выбить дверь, но отключился и уснул у двери. Я так боялась выйти из ванной, что спала там. На следующий день я слышала, как он ушел, а когда, наконец, вернулся, то подарил мне самый красивый браслет, который я когда-либо видела. Он сказал мне, что браслет из ломбарда, потому что у нас не так уж много денег, и тысячу раз сказал мне, как он сожалеет, что ударил меня. Я так ужасно себя чувствовала из-за того, что испугалась его, ведь он прав, я действительно должна заниматься с ним сексом каждый раз, когда он захочет. «У мужчин есть потребности», — сказал он. Конечно, они есть, и было глупо с моей стороны не понимать этого.

Меня повысили в супермаркете. Теперь я — менеджер, а это значит, что я больше зарабатываю. Я не уверена, сколько денег на нашем счете, потому что Трент занимается всеми финансами, но он говорит, что мы еле вытягиваем от зарплаты до зарплаты.

Я также хорошо учусь. Один из моих преподавателей впечатлен мной и говорит, что я должна попытаться стать учителем английского языка. Он думает, что я достаточно умна, чтобы преподавать в университете, но, конечно же, я думаю, что он просто добр ко

мне.

Трент изменил свою специализацию, и сейчас он на первом курсе медицинской школы. Ему нужно учиться еще много лет. Он уволился с работы, сказав, что просто не может справиться со всем этим напряжением от совмещения работы и учебы. Он сказал, что выучиться на учителя английского языка намного легче, и будет вполне разумно, если я продолжу работать, а он сконцентрируется на своих занятиях. Я пролетаю со своими занятиями. Его карьера намного важнее всего, что я когда-либо буду делать.

Я также получила новости от Шейн. Они с Лиамом все еще вместе, и они помолвлены, но экономят деньги, чтобы поехать в Испанию и Грецию. Она сказала, что они хотят попутешествовать, прежде чем осесть. Я скучаю по ней. Но если я хочу карьеру в качестве учителя английского, то нужно чем-то жертвовать. Так сказал Трент, и я абсолютно это понимаю. У меня даже нет времени подружиться с кем-то с моих занятий. Если я не на работе, я на занятиях. Если не на работе и не занятиях, то учусь дома.

Увидимся в следующий раз, дневник.

Пока.

7 октября 2011 года

Дорогой дневник.

О, Боже мой. Что случилось с моей жизнью! В следующем месяце мне исполнится двадцать два, и я беременна. УРААААА!!! Ты можешь поверить в это, дневник? Я беременна!

Мне пришлось бросить учебу, потому что Трент сказал, что я не могу оказывать слишком большого давления на ребенка, работая и учась одновременно. Поэтому мы решили, что я брошу учебу и продолжу работать, а Трент продолжит учиться в медицинской школе.

Он получил результаты своих экзаменов, и они не очень хороши. Он еле-еле сдал их. Он сказал мне, это потому, что я была слишком занята на работе и не смогла помочь ему заниматься. Той ночью он был так зол, что потерял над собой контроль и ударил меня. Вообще-то, он ударил меня кулаком. Я была так смущена, потому что у меня был большой синяк под глазом. Мне пришлось сказать всем, что я лунатик и во сне врезалась в дверь. Но сейчас все хорошо, потому что я бросила учебу до тех пор, пока не родится ребенок.

Трент сказал, что мне нужно работать дополнительные часы, потому что как только ребенок родится, мне понадобятся несколько отгулов. Он также думает, что будет отлично, если его мама присмотрит за ребенком, чтобы я могла вернуться к работе. Я не уверена, что это хорошая идея. В прошлый раз, когда миссис Хэкли была здесь, было похоже, что она очень похудела. На ней также была кофта с длинными рукавами, хотя здесь было жарко. Я не знаю, что происходит, но надеюсь, что она в порядке.

Что ж, ребенок родится через семь коротких месяцев. Я просто надеюсь, что когда это произойдет, Трент немного успокоится. Он толкал меня пару раз, но только тогда, когда был напряжен. Мне действительно нужно знать, когда лучше ничего не говорить и делать все, как он просит. Меня задела его слова, когда он сказал, что я уродлива, и никто меня не захочет. Потом он извинился и сказал, что не имел это в виду и что я не должна носить треники по дому.

Так или иначе, сегодняшняя запись будет короткой, хотя мне все еще есть что сказать. Мне нужно идти готовиться к работе. Ночная смена. Фу. Но деньги

действительно хорошие. И если Трент говорит, что нам нужны деньги, значит, мы нуждаемся в них. Пока я работаю, он ходит на вечеринки. Он говорит, что не любит проводить время в одиночестве, а его друзья составляют ему компанию.

Пока, дневник.

P.S. Разве не забавно, что после трех лет и нескольких записей, я все еще говорю с тобой, как будто с живым человеком?

Пока.

24 декабря 2012 года

Привет.

Просто привет. Я ненавижу это. Я плакала весь день. Трент говорит мне встать и прекратить вести себя, как двадцатитрехлетний ребенок. Вчера я потеряла еще одного ребенка. Это мой третий выкидыш, и с каждым разом это становится все труднее и труднее.

Я думаю, что последний выкидыш был из-за того, что Трент ударил меня в живот. Он сказал, что не хотел этого, и если бы я просто слушалась его, он не поступал бы так безумно. Вчера я поздно вернулась домой после работы. Я не была виновата, автобус опоздал, и я пришла домой на пятнадцать минут позже, чем ожидал Трент. Я вошла в дверь, а он стоял с ремнем в руках, пар валил из его ушей. Пар не в буквальном смысле, но, Господи, он был бешеным.

Каждый раз, когда он берет ремень, я знаю, что недостаточно старалась для него и взбесила его. Он был действительно очень хорошим, но прошлой ночью я опоздала с работы, и он разозлился. Поэтому я должна была принять наказание, как большая девочка. Когда я проснулась этим утром, кровать была покрыта кровью. Я знала, что это случится, потому что когда он ударил меня в живот, мне сразу же стало плохо. Я такая глупая, почему я просто не побежала домой? Почему я никогда не делаю все, что могу, чтобы быть дома вовремя. Я просто не могу поверить, насколько глупа.

Когда Трент проснулся утром и увидел кровь, он был очень хорошим. Он отнес меня в ванную, поменял простыни и позаботился обо мне. Он так сильно меня любит. Он постоянно говорит мне это. Это по моей вине все происходит. Я просто должна лучше стараться.

Так или иначе, Трент сказал, что я могу остаться дома сегодня и не работать, поэтому я просто лежу в кровати. Трент сказал, что ему нужно уйти, и он вернется позже. Не думаю, что он пошел покупать мне рождественский подарок, потому что когда я убирала его одежду, я нашла маленькую черную коробочку с самым прекрасным бриллиантовым ожерельем. Я почувствовала себя ужасно и заплакала, потому что я, вроде как, не могу дожидаться завтрашнего утра. Мы едем к родителям Трента, все должно быть хорошо.

Пока.

6 мая 2013 года

Дневник.

Я прочитала последнюю запись, сделанную прямо перед Рождеством. Я знаю, что прошли месяцы. Я сожалею, но столько всего произошло. Это прекрасное ожерелье, в итоге, было не для меня. Я не знаю, для кого оно было. Я открыла подарок, который Трент

подарил мне, и там была электрическая зубная щетка. Он сказал, что у меня воняет изо рта или, возможно, это от зубной щетки, которую я использовала. Я сказала ему, что видела в его комодe, и он слетел с катушек. Он сказал, что я была любопытной сукой, и ударил меня. Это было плохо, этот удар. Он ударил меня так сильно, что я упала и потеряла сознание. Он отвез меня в больницу и сказал всем, что я просто упала и потеряла сознание. Когда я очнулась, Трент сказал, что все так и было, и я, должно быть, не помню. Сначала я поверила ему, но затем начала понемногу вспоминать, и когда меня, наконец, выписали и отправили домой, я спросила его. Он сказал, что я сильно ударила голову и, должно быть, все подзабыла. Но я знаю, что он сделал.

Так или иначе, он больше не бил меня так сильно. Толчки тут и там, еще я получаю пощечину, если ужина нет на столе к пяти тридцати, когда он приходит домой. Я определенно заслуживаю все это, потому что он сказал, во сколько ужин должен быть на столе, и я стараюсь быть хорошей женой и делать все, что он попросит.

Это все из-за того, что я тупая, и делаю все эти глупые ошибки — вот, что говорит Трент.

Он испытывает такое большое давление в медицинской школе и отстает от программы. Иногда я делаю за него уроки, и по этим предметам у него хорошая успеваемость.

На работе сумасшествие, они снова меня повысили. И они были так добры ко мне, когда я теряла детей. Про выкидыши: я счастлива сообщить, что у меня их больше не было, потому что больше не беременела. Не думаю, что смогу выдержать еще один выкидыш. Это очень сильно ранит. Я волнуюсь не о физической боли, не думаю, что мое сердце сможет справиться с этим. Я едва ли выдержала это в прошлом году, когда потеряла последнего ребенка.

Недавно я получила открытку от Шейн с фотографией Колизея на ней. Там было сказано: «Мы надеемся, что у тебя все хорошо». Я заплакала, когда получила ее. Я так счастлива за нее и Лиаму, они живут своей мечтой и прекрасно проводят время. Я просто надеюсь, что они пригласят меня на свою свадьбу. А даже если и нет, я прокрадусь туда и встану позади, чтобы они не увидели меня, так я смогу посмотреть, как они обмениваются клятвами верности друг другу в свой самый прекрасный день. Но я все же надеюсь, что они захотят, чтобы я была там.

Мне нужно идти, Трент скоро должен вернуться домой, и мне нужно приготовить ужин. Если еда не будет стоять на столе в пять тридцать, что ж, мы с тобой знаем, что он сделает со мной, но, возможно, мне удастся избежать этого, если я сделаю все, как он просит.

Увидимся.

29 сентября 2014 года

Дневник.

«Если ты когда-нибудь бросишь меня, я найду тебя и убью. А потом убью себя, потому что жизнь без тебя не стоит того, чтобы жить, — сказал мне Трент, а затем добавил, — это потому, что я очень сильно тебя люблю».

Проклятье...

Я должна идти. Он рано вернулся, а я еще не постелила постель. Ему нравится, когда все опрятно.

24 ноября 2014 года

Я не могу даже начать эту запись словами «дорогой дневник», действительно не могу. Вчера я вернулась из больницы. Я сделала кое-что настолько глупое и могу винить только себя за то, что Трент избил меня.

Зачем, ну зачем я спросила его, видится ли он с кем-то еще? Я стирала вещи и увидела следы от помады на одной из его рубашек. Он вышел из себя из-за этого. Он сказал, что, вероятно, это я трахаюсь направо и налево и таким образом пытаюсь отвлечь его от правды. Я накричала на него. Зачем я это сделала? Я такая глупая, просто не могу поверить в то, насколько я тупая.

Я заслужила то, что получила. Он — мой муж. Он не изменил бы мне. Он выкрутил мою руку за спину и сломал ее. Это был несчастный случай, я знаю, что был, потому что когда он высадил меня у больницы, он сказал, что это был несчастный случай, и он не хотел причинять мне боль, он просто вышел из себя, потому что я сказала то, что расстроило его.

Врачи не оперировали меня, они сказали, что перелом не нуждается в операции, только в гипсе. Трент сказал, что не может остаться со мной, потому что ему нужно помочь другу подготовиться к вечеринке. Он сказал, что я могу справиться сама и сообщить врачам и медсестрам, что я бежала, споткнулась и упала. Я рассказала им то, что велел мне сказать Трент. Они мне не поверили, но я настаивала и убедила их.

Одна из медсестер тихонько попыталась уговорить меня рассказать, что Трент бьет меня. Но он не бьет меня. Потому что Трент не плохой человек, он просто хочет, чтобы вещи были сделаны определенным способом, и меня наказывает, если я не делаю так, как он хочет. Я злю его, и тогда он бьет меня. Видишь, это моя вина, не его. И этот визит в больницу, ну, это был несчастный случай. Но я сказала ей, что просто глупая, неуклюжая женщина. После этого она мне поверила.

Пока я отдыхала, после того как они наложили гипс на руку, привлекательный мужчина привез тележку с едой и поставил поднос рядом с моей кроватью. Он выглядел очень знакомо, но я не могла его вспомнить. Однако я чувствовала, что знала его. Он предложил мне что-то поесть, но я была не голодна. Я пыталась вспомнить, кем он был, и когда закрыла глаза, чтобы они отдохнули, я вспомнила, где видела его раньше. Он был тем парнем в гастрономе. Его заикание было незабываемо. Я помню, он держал дверь открытой для той девушки, которая заходила в гастроном. Кажется, его звали Макс. Я помню, что он был очень добр к этой девушке, и его заикание я тоже помню.

В любом случае, я попытаюсь стать супер сильной с этого момента. Трент всегда говорит, как я его разочаровываю. Поэтому теперь я собираюсь попытаться заставить его гордиться мной. Еще он говорит мне, что я похожа на жирный кусок мяса. Поэтому я сажусь на диету прямо сейчас. Мне нужно похудеть до тридцати шести килограммов. Господи, я такая толстая.

Пока, дневник.

P.S. Не могу дождаться, чтобы стать для Трента самой лучшей женой в мире. Он заслуживает самого лучшего. Он так сильно меня любит.

Настоящее

Сегодня мой двадцать пятый день рождения, и я провожу его в одиночестве, в больнице.

Свернувшись калачиком на кровати, я не могу сдержать слез. Потеря ребенка в этот раз была тяжелее. Возможно, потому что я была уже почти на полпути — шестнадцатой неделе, а может, потому, что надеялась, что в этот раз все будет по-другому.

— Как вы, миссис Хэкли? — спрашивает пожилая медсестра, входя в палату.

Все, что я могу делать, — это плакать. Моя депрессия не становится легче. Я не могу посмотреть на нее, не могу даже просто взглянуть. Боль проходит через меня. Бездна абсолютного страдания настигает каждую часть меня.

— Вы сегодня ели? — спрашивает она, обходит кровать и мягко убирает волосы с моего лица. Я — полное недоразумение, а это хуже, чем несчастье.

Трент высадил меня у больницы после того, как я проснулась на окровавленных простынях. Я не знаю, почему потеряла этого ребенка. Возможно, я не должна называть *это* ребенком. Если я говорю просто плод, тогда это кажется более безликим, как будто беременность была ничем иным, как просто тяжелым периодом.

Позавчера я сделала самую глупую вещь в мире. Я просто не хочу учиться и не знаю, почему продолжаю выводить Трента из себя. На ужин я съела дополнительную тарелку супа, даже не спросив его, хочет ли он еще.

Он проходит аспирантуру в больнице, в двух районах отсюда, и там царит просто сумасшествие. Он приходит домой и просит меня побыть тихой, я стараюсь, но иногда могу чихнуть или кашлянуть, и это выводит его из себя.

— Знаете, если вы действительно хотите ребенка, то должны попробовать еще раз, — предлагает она, пока продолжает гладить мои волосы и спину.

Я смотрю на нее и слабо улыбаюсь. Она добра ко мне и говорит прекрасные вещи, но я знаю, что проявление заботы — это всего лишь часть ее работы.

— Спасибо, — отвечаю я. Затем я еще больше ухажу в себя, не хочу слушать что-либо еще, что она может сказать.

— Вы должны что-нибудь поесть, вам нужно вернуть свою силу, чтобы пойти домой и попытаться забеременеть снова.

Я просто киваю. Чего она не знает, так это того, что Трент сказал, что мне нельзя ничего есть, потому что это слишком дорого, и мы не можем себе этого позволить.

— Все в порядке, — шепчу я и добавляю, — я не голодна.

Я не голодаю, у меня просто нет желания что-либо съесть. Все, что я хочу, это оставаться в скрученном положении до тех пор, пока меня не выпишут.

— Вы — кожа да кости, милая. От вас ничего не осталось. Вы должны поесть.

— Я не голодна.

Она, должно быть, бредит, если думает, что я тощая, ведь они взвесили меня, когда я поступила в больницу. Мой вес — тридцать семь килограммов.

— Вас почистили, вам нужны силы, чтобы пройти через это. Операция, вроде этой, не очень серьезна, но ваше тело должно восстановиться, а оно не может этого делать, если вы

ничего не едите.

Ее голос так сладок и нежен. Она действительно старается изо всех сил, но не понимает, что мне не разрешено есть.

— Я в порядке, спасибо, — говорю я, закрывая глаза. Это должно дать ей четко понять, что я не хочу ее здесь больше видеть.

— Если вы не будете питаться, врачи могут не позволить вам уйти, — ее голос становится немного жестче.

Я ее игнорирую. Она стоит у кровати, и прямо сейчас я хочу, чтобы она ушла. Мне не нужна жалость. Мне не нужна печаль в ее глазах, потому что на протяжении всей моей жизни меня уже достаточно окатывали грязью.

— Я пришлю одного из помощников с чем-нибудь из еды, — тихо говорит она. Она знает, что я слышу ее, просто решаю игнорировать ее, потому что так проще.

Дверь открывается и закрывается, и я остаюсь одна. Не совсем, конечно же. На соседней кровати женщина, и она болтает с тех пор, как меня сюда привезли.

— Ты в порядке? — спрашивает она меня. — Я знаю, каково это, потерять ребенка. Я потеряла троих и сейчас не могу забеременеть, — ее голос слабый, как будто она говорит больше сама с собой, чем со мной. — Мой муж говорит, что мы можем попытаться снова, но не думаю, что готова. Просто слишком много давления.

Я открываю глаза и моргаю, смахивая слезы. Они цепляются за ресницы на долю секунды, прежде чем падают и увлажняют подушку под моей головой. Я пытаюсь глубоко вздохнуть, но все, что я, кажется, привлекаю, это еще больше боли.

Я закрываю глаза и хочу, чтобы она замолчала. Хочу, чтобы мир застыл и никогда не двигался снова. Я не хочу быть здесь, но и не хочу возвращаться в нашу квартиру. Я не уверена, что могу видеть Трента. Он увидит боль во мне, а я увижу в нем огромное разочарование.

К счастью, вскоре женщина на соседней кровати перестает говорить. И теперь я остаюсь одна со своими мыслями. Возможно, лучше, когда она постоянно болтает, потому что в эти моменты я не поглощена ненавистью к самой себе. Я не знаю. Я ничего больше не знаю. *Почему я дышу? В чем смысл моей жизни?*

Дверь скрипит, открываясь, и я слышу характерный звук тележки с едой, закатывающейся внутрь.

— Д-дамы, — говорит, несмотря на заикание, уверенный низкий голос. Его тон безмятежен, как красивая успокаивающая мелодия. — Я-я-я п-принес в-в-ваш у-у-ужин, — заикается он, хотя его голос все еще сильный и умиротворяющий.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и его глаза немедленно сосредотачиваются на мне. Мои слезы прекратились, но не высохли. Он мягко хмурит брови и приподнимает уголок рта. Я сажусь в постели и смотрю на него.

Он по-прежнему красив, как я запомнила много лет назад. Его лицо все еще содержит тайну и красоту умело созданной статуи древнего Рима. Его волосы густые и темные, а вокруг темных очаровательных глаз залегли маленькие морщинки.

— В-вы ничего н-не з-заказывали, — мягко говорит он мне.

Я полностью очарована им. Это не похотливое влечение, больше похоже на то, будто он — луч света высокой мощности, освещающий все, и его яркость пленяет меня.

Он старше меня, возможно на десять лет, может меньше. У него широкие плечи, на которые я не могу не обратить внимания, и его глаза незабываемо прекрасны.

— В-вы голодны? — он снова спрашивает меня.

— Я заказывала, — встречается женщина с соседней койки.

— Д-да, в-вот в-ваш заказ, — говорит он, вытаскивая поднос, ставит его на столик и поворачивает его к ней. Я слежу за их обменом взглядами, она улыбается ему, ее щеки слегка розовеют.

— Спасибо, — благодарит она.

Он быстро отвечает, как будто у него нет заикания:

— Пожалуйста. Для вас?

Он улыбается мне, и его теплота проходит по всему моему телу. Мои руки покрываются гусиной кожей, и волоски на шее встают дыбом в ожидании его следующих слов.

— Нет, мне ничего не нужно, спасибо, — отвечаю я, но хочу, чтобы он остался здесь и баловал меня звуком своего гладкого протяжного произношения.

— В-вы д-должны п-поесть, — он выпрямляется и смотрит на меня.

Я поворачиваюсь к женщине, сидящей на соседней койке, и на самом деле замечаю ее. Она, возможно, немного старше меня, с тонкими черными волосами и залегшими темными кругами вокруг глаз. Я смотрю на него, а затем на женщину.

— Мне не разрешили, — шепчу я, надеясь, что слова достаточно громкие, чтобы услышал он, а не она.

Он замирает на несколько секунд. Возможно, он пытается расшифровать слова, которые я сказала, и в каком контексте имела в виду. Он делает несколько шагов к занавесу между кроватями и тянет его, чтобы закрыть. То, как он это сделал, не страшит и не пугает меня. Похоже, будто он защищает меня, не позволяя кому-либо видеть сломанную часть меня.

— В-вы г-голодны? — спрашивает он и садится на стул рядом с кроватью. Я ничего ему не отвечаю, просто обнимаю себя руками и чувствую внезапный холод, проникающий в меня. В комнате не холодно, но он взволновал меня таким способом, который я не испытывала раньше.

— Думаю, да, — говорю я, пока продолжаю изучать его почти черный взгляд.

Он смотрит на меня, его пристальный взгляд останавливается на моей левой руке, где он видит тонкое обручальное кольцо на моем пальце.

— Д-докторам н-нужно, ч-чтобы вы п-поели, п-прежде чем они вып-пишут в-вас, — шепчет он и садится прямо, кладет руки на бедра и смотрит в пол.

Я оборачиваюсь, но шторка закрывает мне обзор на даму на соседней кровати.

— Мне не разрешено, — я мягко вздыхаю, как будто это тайна и только у нескольких сотрудников есть право ее знать.

Он смотрит на меня, и в эту напряженную секунду, в этом простом зрительном обмене я вижу *это*. В его глазах — жалость ко мне. Они наполнены нежностью и теплотой, но я знаю, что он смотрит на меня с отвращением и пытается это скрыть, чтобы я чувствовала себя по-другому, не как бесполезная уродливая девушка.

— Пожалуйста, не надо, — бормочу я тихим голосом. — Я никогда не была той, кому симпатизируют, — я смотрю вниз на одеяло и двигаю рукой, чтобы убрать торчащую нитку. Он не говорит ни слова. Он просто не спускает глаз с меня, наблюдает за мной, видя то, что никто не замечал прежде. Мою рану. Мою боль. Мое несовершенство.

Всю жизнь я пряталась. Скрывалась за внешностью, которую видят люди, скрывалась внутри себя, просто была одна во Вселенной, заполненной многими. Но то, как он смотрит на меня, говорит мне, что он видит то, что я не хочу, чтобы знал мир.

— Пожалуйста, — снова шепчу я, пытаюсь снова поднять каждую из моих стен.

Секунды тянутся, время словно остановилось. Я волнуюсь, потому что мне неудобно от его пристального взгляда. Он видит меня насквозь, как будто я сделана из тонкого изящного листка бумаги, изготовленного в четырнадцатом веке. Его взгляд проникает прямо в мою душу.

— Пожалуйста, — слезинка капает, и она напоминает мне, как я глупа. Зачем ему беспокоиться обо мне? Зачем ему даже пытаться? Он видит тупую, уродливую девушку, одинокую и разрушенную.

— М-меня зовут М-М-Макс, р-рад познакомиться, — он ждет, пока я скажу ему свое имя.

— Лили, — я отвечаю ему, хотя знаю, что когда он уйдет, то забудет меня так быстро, как если бы он увидел первый осенний лист, падающий с дерева в ожидании зимы.

Макс не протягивает мне руку. Он не делает ничего, кроме как встает и идет к продуктовой тележке. Да и зачем ему это? Я меньше, чем ничто. Он вынимает поднос и ставит его на мой пустой стол.

Я смотрю на него и наклоняю голову набок.

— Мне не разрешено кушать, — тихо говорю я. Он дарит мне самую искреннюю, самую нежную улыбку, прежде чем уйти. — Макс, — он останавливается в тот момент, когда его имя слетает с моих губ.

Он возвращается и подмигивает мне, прежде чем сказать с прекрасным произношением:

— Какая еда? — с этими словами он уходит, толкая свою тележку наружу, и направляется в другую палату.

Я продолжаю пристально смотреть на дверь.

Когда-то я думала, что он — истинный джентльмен, тот, кто видит женщину и знает, как с ней обращаться.

Но теперь я убеждена, что он — нечто гораздо большее. Теперь я знаю, что он — ангел.

Сегодня я вернулась на работу. После того, как я вышла из больницы, Трент разрешил мне три дня оставаться дома и приходить в себя, что я и сделала. Но думаю, он хотел, чтобы я сделала два его домашних задания, которые ему задали, потому что в утро первого дня, прежде чем уехать на практику, он разбудил меня и сказал, что оставит задание на столе, и я должна выполнить его до того, как он вернется домой.

Это было трудное задание, не уверена, правильно ли я его выполнила, но когда Трент вернулся домой, он сказал, что доволен. На следующий день он оставил другое задание. Оно было легче, но учитывая, что я мало понимаю в медицине, он сказал, что я хорошо справилась, и он должен сдать. Он также сказал мне, что если провалится, то это будет по моей вине. Он сказал это тем низким голосом, которым говорит мне, что это в моих интересах, чтобы он сдал экзамен.

В магазине суматоха. Три моих кассира сегодня не работают, а День Благодарения уже через несколько дней, поэтому мы очень заняты.

— Простите, мэм, не могли бы вы показать мне, где находится клюквенное желе? — спрашивает меня пожилой джентльмен.

— Сюда, сэр, — я провожаю его к ряду, где стоит клюквенный соус.

— Спасибо, — говорит он мне, слегка приподняв свою шляпу-котелок.

Я улыбаюсь ему и возвращаюсь обратно к кассирам, чтобы узнать, как они справляются.

— Извините, у вас есть консервированная тыква? — спрашивает меня молодая девушка. Она выглядит взволнованной и напряженной. — Я забыла купить тыкву для моего пирога, и мама сказала мне не забыть заехать в магазин и купить немного, прежде чем вы все продадите, — она долго и протяжно выдыхает и проводит рукой по своим каштановым волосам. — Я такая глупая, — сдается она.

— Нет, это не так. Все время от времени что-то забывают. И я уверена, что у нас припасено немного, — я тепло улыбаюсь ей и веду ее к нужному ряду.

— Спасибо, вы — мой спаситель, — говорит она, когда берет четыре банки тыквенного пюре.

— Не стоит благодарности.

Я отхожу и направляюсь к кассирам, чтобы проверить, нужно ли их подменить, когда кто-то хлопает меня по плечу. Я поворачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с темными, самыми очаровательными глазами, которые я когда-либо видела.

— Макс, — восклицаю я. Чувствую, как мое лицо горит от смущения, и оглядываюсь вокруг, пытаюсь понять, понимает ли кто-нибудь, откуда я его знаю. Конечно, умом я понимаю, что это абсолютно нелепое умозаключение, но есть небольшая часть моего мозга, которая кричит мне в ухо, что все знают.

— К-как т-ты? — заикается он, возвышаясь передо мной. Я замечаю, какой он на самом деле высокий. Я должна смотреть вверх, чтобы видеть его восхитительные темные глаза.

Я сжимаю руку в кулак в своих волосах и выдергиваю несколько прядей. Я всегда это делаю, когда нервничаю, особенно перед приходом Трента домой.

— Я в порядке, — говорю я, стабилизируя волну страха, льющуюся каскадом через меня.

— Т-ты очень х-хорошо в-вы-выглядишь. Н-намного л-луч-лучше, чем к-когда я в-видел тебя в п-последний раз.

Я чувствую, как уголки моих губ растягиваются в улыбке, не могу не просиять от его слов.

— Спасибо, Макс, — нервно говорю я, переминаясь с ноги на ногу.

— В-все в п-порядке, т-твоя т-тайна в б-безопасности с-со мной, — он снова подмигивает мне. Он уже делал так прежде, и хотя я считаю это странным, мне это нравится.

— Гм... — я смотрю на него и чувствую, как моя застенчивость подавляет нормальную и рациональную часть моего мозга. — Тебе нужна помощь с чем-нибудь? — я замираю на секунду, когда вдруг понимаю... — Как ты нашел меня? — неожиданно чувствую себя незащищенной, потому что, так или иначе, он выследил меня здесь.

— Я ж-ж-живу з-здесь рядом. Н-но мне не н-нравится этот м-магазин, тут вечная с-суматоха, — он хихикает от своих собственных слов, и я улыбаюсь.

— Подожди, когда ты переехал сюда? — внезапно я вспоминаю первый раз, когда увидела его, тогда я жила далеко отсюда с Трентом и его родителями. Теперь мы в часах езды от того места, и я стою напротив человека, о котором на самом деле думаю, как о джентльмене.

— П-прошу п-прощения? — недоумевает он.

— Извини, я должна объяснить, — говорю я, а затем рассказываю ему, как однажды увидела его в гастрономе около моей старой работы.

— Я п-подумал, что ты п-пр-преследуешь меня, — шутит он, а затем смеется.

— Извини, я, должно быть, похожа на сталкера, но, поверь мне, я не такая, — я смотрю вниз, чувствуя, что ужасное чувство унижения подступает. Он собирается сказать, что никогда не посмотрит на такого толстого, уродливого, глупого человека, поэтому мне не нужно преследовать его.

— Я б-бы не в-воз-возражал, если бы кто-то к-красивый, как ты, п-преследовал м-меня, — он снова усмехается, и я смеюсь вместе с ним. Но смеюсь только потому, что он добр и не опозорил меня. Очевидно, что он просто не говорит этих слов, чтобы быть добрым, ничего больше.

— Я могу помочь тебе найти что-нибудь? — говорю я, меняя тему «давайте пожалеем глупую, уродливую девочку» разговора. Никто во все мире не может подумать, что я — нечто особенное. Только Трент любит меня. Он всегда говорит мне, как сильно меня любит после того, как разозлится на меня.

— Н-нет, п-просто увидел т-тебя и подумал, что с-скажу «п-привет», — он улыбается мне, и затем добавляет, — привет.

Я чувствую себя идиоткой, глупо было думать, что ему от меня что-то нужно.

— Лили, — мой босс и второй начальник, Дейл, зовет меня.

— Мне нужно идти. Приятно было увидеть тебя, Макс.

— Т-тебя т-тоже, Лили, — он поворачивается и идет в конец магазина, а я иду к Дейлу, который стоит у двери комнаты для персонала.

— Дейл, мы завалены работой сегодня, — говорю я, когда подхожу к нему.

— Да, и завтра будем заняты еще больше, потому что канун Дня Благодарения. Ты проверила персонал и убедилась, что у нас достаточно работников?

— Да. Проверила все несколько раз, и я буду здесь завтра, если нам потребуется

дополнительная пара рук.

— Отлично. Гм... личный вопрос, как ты себя чувствуешь?

Унижение автоматически возвращается.

— Хорошо. Лучше и быть не может.

— Превосходно! Если тебе что-нибудь понадобится, сообщи мне, — он разворачивается и возвращается в свой кабинет, а я приступаю к работе.

Оставшаяся часть моей смены проходит как в тумане, и прежде чем я успеваю опомниться, время приближается к шести часам, а это значит, что Трент уже дома и ждет свой ужин. Я хватаю свою сумку и кардиган и выбегаю через парадные двери к остановке. Я знаю, что он разозлится, и мне придется заглаживать вину перед ним.

Автобус, кажется, едет медленнее, чем обычно, во всех смыслах этого слова. Погода решительно меняется, ночи холодают и становятся длиннее. Как только выхожу на своей остановке, начинаю бежать так быстро, как только могу.

Вставляю ключ в замок, и дверь резко открывается. Трент сердито смотрит на меня. Злость в его глазах подсказывает мне не говорить ни слова. То, как вздымается его грудь, сердито втягивая воздух, является гарантией моего молчания.

— Ты, блядь, опоздала, а я голоден. Где ты была? У тебя интрижка?

— Нет, Трент, — я неистово качаю головой. — Я была занята на работе. До Дня Благодарения осталось два дня, и все приходят за покупками.

— Лгунья, — кричит он и дает мне пощечину. Я падаю влево и ударяюсь о стену у входа. Он бьет меня в ухо, и звон пронзает мою голову. — Где, черт возьми, ты была? Ты была с другим мужчиной? Кто он, черт подери?

— Нет. Правда, нет. Я была на работе, а автобус медленно ехал. Пожалуйста, Трент. Я люблю только тебя.

— Ты врешь мне! — он тянет меня за плечи, как тряпичную куклу, и толкает к стене, на которую я упала. — Кто он, черт возьми, Лили? Я убью его за то, что он трогал то, что принадлежит мне, а затем убью тебя за то, что врала мне, — его лицо красное, как свекла, и поскольку он кричит мне в лицо, маленькие капли слюны вылетают из его рта. Я чувствую отчетливый сладковатый запах виски в его дыхании.

— Позвони Дейлу, он все тебе скажет. Мы были заняты на работе, очень заняты. Как в прошлом году, помнишь?

Отталкивая меня к стене, он отступает, оставляя между нами немного пространства. Он поворачивается ко мне спиной и проводит руками по своим волосам, прежде чем оставить их ниспадать на лицо. Затем Трент садится на старый диван.

— Ты делаешь меня сумасшедшим, Лили. Чертовски сумасшедшим.

— Я сожалею. Я должна была отправить тебе сообщение или позвонить. Я не подумала. Я просто хотела вернуться домой, чтобы приготовить тебе ужин. Я очень сожалею.

— Ты перестанешь злить меня, если будешь звонить. Это твоя вина. *Это* все твоя вина, — он останавливается и берет пульт от телевизора. — Приготовь мне ужин. Мне пришлось ждать, пока ты притащишь домой свою толстую задницу, я проголодался.

— Я приготовлю его прямо сейчас, — я иду на кухню и начинаю готовить ужин.

Через полчаса стейк и гарнир готовы для него.

— Ужин готов, — зову я из кухни, когда заканчиваю накрывать на стол, и ставлю его тарелку.

Трент заходит на кухню и садится на свое место во главе стола. Он смотрит на еду и

приподнимает брови. Очевидно, он не доволен своим стейком и гарниром.

— Что это за дерьмо? — спрашивает он, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди.

— Стейк с гарниром, как ты любишь, — я ставлю свою тарелку и сажусь возле него.

— Похоже на дерьмо. Я бы не стал кормить этим даже собаку, если бы она у нас была. И ты ждешь, что я съем это? — спрашивает он, когда его зверские глаза сверлят меня.

Я смотрю вниз на свою маленькую порцию, на все, что есть на моей тарелке. Мясо выглядит сочным и приготовлено точно так, как ему нравится. Я снова смотрю на Трента и тихо отвечаю на его вопрос:

— Извини, — я чувствую, как слезы заполняют мои глаза.

— Ты собираешься плакать? Как ребенок. Я сказал, что это похоже на дерьмо, и ты собираешься заплакать. Не похоже, что ты потратила много времени на готовку. Лили, ты такая неблагодарная. Я надрываю свою задницу, чтобы у тебя все было, а ты платишь мне тем, что готовишь худший ужин, который я когда-либо видел, — он качает головой, наклоняется вперед и хватается за край стола. Я вижу, как суставы на его пальцах меняют цвет, и не могу не позволить слезам заполнить мои глаза. Слезы падают на мои щеки и тихо скатываются, капая в мою тарелку.

— Извини, — повторяю я снова и смотрю в свою тарелку.

— Иисус, ты такая бесполезная. Не могу поверить в то, каким разочарованием ты стала. Ты плоха даже как любовница, и всегда такой была, — боковым зрением я вижу, как он встает. Я смотрю на него и безмолвно прошу остаться и съесть ужин вместе со мной. Он берет тарелку и швыряет ее в сторону раковины.

— Я не буду есть этот мусор. Я уйду. Вернусь позже.

Трент отходит от небольшого кухонного столика и идет в нашу комнату. Я остаюсь сидеть в одиночестве, чувствуя себя полной неудачницей. Если уж не могу сделать своего мужа счастливым чем-то таким простым, как приготовление ужина, то нет никакого способа, которым я могу заставить его гордиться мной.

Он возвращается через несколько минут, одетый в хорошие брюки и рубашку, пахнет новым одеколоном, который себе купил.

— Вернусь позже. Убери это дерьмо, Лили. В моем портфеле в спальне есть задание, которое ты должна сделать. Его нужно сдать на следующей неделе, но я хочу, чтобы к моему приходу была сделана минимум половина.

Я смотрю на него, мои щеки холодные и влажные от слез.

— Хорошо, — шепчу я.

— Не похоже, что у тебя будет время, чтобы поесть. Повезло, что у тебя есть я, и даже не хочу думать о том, насколько жирнее ты бы была без меня. Я имею в виду, Боже, посмотри на себя. Сколько ты вешишь? Шестьдесят килограммов? Тебе повезло, что я люблю тебя.

— В больнице мне сказали, что я слишком мало вешу, — говорю я тихо.

— Да, держу пари, что тебе это сказала медсестра. Они такие глупые. Медсестры могут сказать любое дерьмо. Я говорю тебе как врач, что ты вешишь слишком много.

— Ты пока еще не доктор, — отвечаю я, и делаю ошибку. Когда понимаю, что сказала, то прижимаю руку ко рту.

Трент останавливается на мгновение, а затем подходит ко мне. Он возвышается надо мной, его тело так близко ко мне, что я чувствую, как волны жара исходят от него.

— Что. Ты. Сказала? — спрашивает он медленно. Гнев захватывает его, заставляя мое сердце бешено биться.

— Я сожалею, — задыхаюсь я, рыдая. Я едва могу дышать, потому что страх сковывает мою трахею, заставляя меня захлебываться от горя и паники.

— Ты и должна. Тебе чертовски повезло, что я держу тебя рядом. Никто и никогда не захочет тебя, Лили. Ты бесполезна и уродлива. Просто запомни это, — он, наконец, двигается и отходит назад. Я плотно закрываю глаза и готовлюсь к тому, что произойдет дальше.

Но когда мое рваное дыхание начинает успокаиваться, я слышу щелчок входной двери и понимаю, что Трент ушел. Я открываю глаза и смотрю на дверь. Он, определенно, ушел. Я перебираю морковь на своей тарелке, ковыряясь в еде, не особо желая есть что-либо из этого. Беру свою тарелку и выкидываю все в мусор, затем убираю беспорядок, который оставил Трент.

У меня уходит полчаса, чтобы убрать кухню и вытереть все следы картофельного пюре с жалюзи и микроволновки, куда оно попало. Я иду в нашу комнату к его портфелю, открываю его и достаю бумаги.

Возвращаюсь на кухню и просматриваю его задание. На его выполнение мне потребуется много времени, и я думаю, что мне придется делать его в течение всего Дня Благодарения. Я более чем рада этому, потому что на День Благодарения мы должны поехать в дом Джона, дяди Трента.

Он пугает меня. Каждый раз, когда мы находимся рядом, он пытается загнать меня в угол и коснуться. В большинстве случаев мне удается избежать его, но иногда он засовывает свой язык мне в рот. Я ненавижу это, я ненавижу его. Несколько раз я пыталась поговорить об этом с Трентом, но он просто говорит, что я слишком остро реагирую, и что его дядя не сделал бы этого. Он говорит, что его тетя Терри намного привлекательнее меня, и зачем Джону нужно опускаться так низко, чтобы попробовать сделать что-нибудь со мной? Но, так или иначе, на сей раз я освобождена от этого. Мне нужно будет остаться здесь и закончить выполнять его домашнее задание.

Часы проходят, и я вся погружена в задание Трента. Слова сливаются и становятся нечеткими, и хотя я еще не сделала половины, мне все же нужно поспать. Через четыре с половиной часа мне нужно быть на работе. До Дня Благодарения остался один день, и я знаю, что завтра в магазине будет твориться хаос.

Поскольку мои глаза продолжают закрываться, я встаю и иду в ванную, чтобы принять быстрый душ. Затем надеваю теплую пижаму и ложусь в кровать.

Сон — мой друг, и, к счастью, он переносит меня в место, где красиво и спокойно.

— Ты хочешь сэндвич, малышка Лили? — мама спрашивает меня, когда мы сидим на зеленом одеяле для пикника.

— Не сейчас, мамочка. Я хочу дождаться возвращения папочки и Уэйда, — я сижу на маминых коленях, и она играет с моими волосами.

— Посмотри на свои волосы. Они такие длинные, я думаю, мы должна подстричь их.

— НЕТ! — кричу я на маму и качаю головой, — Я не хочу стричь свои волосы. Пожалуйста, мамочка. Не надо.

— Виви, Виви, — зовет меня Уэйд, пока бежит ко мне с раскинутыми ручками, готовый обнять меня.

— *Притормози. Ты упадешь, и тебе будет больно, — папа ругает Уэйда.*

Что-то тяжелое давит на меня, и когда я открываю глаза, то вижу Трента, голого и стягивающего с меня пижамные штаны. От него воняет дешевым пивом, и меня тошнит от этого.

— Трент, — говорю я, когда он толкается в меня.

— Заткнись, — он делает то, что обычно, затем выходит из меня. Он ложится на спину и тут же говорит: — Иди и помойся, ты воняешь, как обычная уличная проститутка.

Я тихо встаю, иду в душ и моюсь. Когда заканчиваю, возвращаюсь и ложусь в кровать. Трент уже храпит. Видения того сна продолжают прокручиваться в моей голове. Ни в одном моем сне у этого маленького мальчика не было имени, у него всегда было одно и то же лицо. Блондин с пушистыми волосами и с тем же самым сладким голосом. Но у него никогда не было имени.

Если я закрою глаза, может быть, узнаю больше о том мальчике. Или, возможно, найду счастье, которое он чувствует. Может, сегодня ночью я закрою глаза и никогда не открою их снова.

— Лили! — Оушен, кассир с восьмой кассы, зовет меня.

— Что случилось? — спрашиваю я, когда подхожу к ней.

— Я нехорошо себя чувствую.

У нее темные круги под глазами, и хотя она и выглядит бледной, я вижу капельки пота на ее лбу. Она дрожит, скорее всего, от начинающейся лихорадки.

— Думаю, тебе нужно пойти домой.

Я смотрю вдоль конвейерной ленты и вижу трех человек, ожидающих в очереди.

— Как только обслужишь последнего покупателя, закрой кассу, и я подменю тебя. Ты хочешь, чтобы я позвонила твоим родителям, чтобы они приехали за тобой?

— Да, пожалуйста. Вот, — она вытаскивает телефон из кармана и отдает его мне, и я вопросительно приподнимаю брови. — Обычно я оставляю его в сумке, но я чувствовала себя ужасно, когда приехала. Прости, Лили. Этого больше не повторится.

Наша политика — никаких мобильных телефонов во время работы. Мне приходилось несколько раз конфисковывать их, но обычно сотрудники следуют правилам.

— Какой номер? И как зовут твою маму?

— Она записана, как «мама», и ее зовут Мелани, — говорит она, пробивая товары клиента.

Я нажимаю на «мама», и слушаю гудки, пока жду ответа.

— Привет, дорогая, ты чувствуешь себя лучше?

— Здравствуйте, Мелани, это Лили Хэкли, менеджер с работы Оушен.

— О, мой Бог! — она громко визжит в телефон. — Она в порядке? О, Боже мой, — покалывание проходит по моему позвоночнику. Ее защитный материнский инстинкт прекрасен, и это то, чего я никогда не знала и не испытывала.

— Оушен нехорошо себя чувствует. Похоже, у нее жар, и она слишком больна, чтобы быть здесь. Не могли бы вы приехать и забрать ее, пожалуйста?

— Я выезжаю. Она в порядке? Она страдает? Ей нужно привезти что-нибудь? — она нервничает и паникует.

— Мелани, она в порядке. Как только она закончит с клиентом, я отправлю ее в комнату для персонала дожидаться вас, — говорю я спокойным и успокаивающим голосом. — Когда вы приедете, напишите Оушен, и я приведу ее к вам.

Женщина облегченно выдыхает, и я слышу, как она делает глубокий вдох.

— Спасибо большое, что позвонили мне. Я буду у вас через несколько минут.

Она вешает трубку в то же время, когда Оушен заканчивает обслуживать клиента. Девушка быстро закрывает свою кассу, и я звоню по внутренней связи менеджеру отдела продуктов длительного хранения и прошу его подойти к кассе.

Я пробиваю товар, когда приходит Карл, и прошу его поработать за кассой, пока я вместе с Оушен буду ждать ее маму в комнате для персонала.

Она ютится в углу комнаты, подтянув колени к груди.

— Лили, могу я сказать тебе кое-что? — спрашивает она меня.

— Ты можешь сказать мне все, что угодно, — я прикладываю руку к ее лбу и замечаю, что температура быстро повышается.

— С самого первого дня моей работы здесь я думала только о том, как ты красива. Думаю, что у тебя самые красивые глаза из всех, которые я когда-либо видела, — она кладет подбородок к себе на колени. — Прости, — говорит она.

— Сколько тебе лет, Оушен?

— В следующем году мне исполнится восемнадцать, — я улыбаюсь ей, и она слабо улыбается мне в ответ. — И все же, ты очень красивая.

— Спасибо, — бедный ребенок, она, должно быть, бредит, раз думает так.

Ее телефон вибрирует в руке, и она смотрит вниз, на экран.

— Мама приехала, — она неуверенно встает, и я замечаю, что сейчас ее трясет еще больше.

— Пойдем, Оушен. Я помогу тебе выйти, — я оборачиваю руку вокруг ее плеча и помогаю ей выйти из магазина. Ее мама ждет, и как только замечает нас, сразу подходит.

— Большое спасибо, — говорит она, когда обнимает Оушен и делает то, что делала я.

— Не стоит благодарности. Всего хорошего, Оушен. Увидимся на следующей неделе на твоей смене.

— Спасибо, Лили, — говорит мне Оушен через плечо.

Я смотрю, как Мелани, заботливо и с любовью, помогает Оушен сесть в машину. Сама же садится на место водителя, и они уезжают. Я возвращаюсь в магазин и иду к Карлу, который работает за кассой, и вижу, что у него полно народу. Сегодня один из самых напряженных дней в году, и нам пригодятся любые свободные руки, даже менеджера магазина. Чейз должен будет спуститься вниз, если мы не будем справляться.

— Закрой кассу после того, как обслужишь того джентльмена, — я указываю на последнего человека в очереди, и Карл выключает свет над кассой.

Я иду к одной из свободных касс, вхожу в систему, проверяю чеки и начинаю работать. Нас стало меньше на одного человека, с тех пор как Оушен уехала, а волна людей неустанно пребывает.

Часы тают один за другим, и прежде, чем я замечаю это, мой живот начинает урчать, требуя еды. Я смотрю на часы чуть выше двери и вижу, что до моего перерыва осталось полчаса. Я последовательно осматриваю этаж, пытаюсь понять, что еще нужно сделать. Хотя мы и очень заняты, все проходит гладко.

— О, мой Бог! — я слышу отчетливый голос моей когда-то лучшей подруги и, оглядываясь, вижу, что она стоит в очереди у моей кассы.

Я чувствую, как мой рот открывается, когда в неверии смотрю на нее. Я годами не получала от Шейн никаких известий, и она по-прежнему прекрасна, как тогда, когда я видела ее в последний раз.

— Шейн, — говорю я, но это больше похоже на визг. — Ты все так же красива! — выбалтываю я.

— Совершенно точно, — говорит пожилой джентльмен, которого я обслуживаю. Он поворачивается к ней и невинно подмигивает.

— Спасибо, — она усмехается ему. — Ты только погляди. Я думала, что ты закончила колледж и работаешь в какой-нибудь престижной средней школе, — говорит она. Я чувствую, как мое лицо немедленно мрачнеет, и смотрю вниз на продукты, которые складываю в пакет. — Ты ведь закончила колледж, не так ли?

— Гм, — я больше ничего не говорю, потому что пробиваю последний товар пожилого джентльмена. — С вас шестьдесят семь долларов, — джентльмен расплачивается, желает

нам с Шейн счастливого Дня Благодарения и уходит. — Как поживаешь? — говорю я, меняя тему разговора.

— Совершенно фантастически. Мы с Лиамом поженились и переехали в другой район этого города. Его отец купил магазин шин и дисков и предложил Лиаму работу в павильоне, а мне в офисе. Мы не могли упустить этого. Это слишком хорошая возможность.

Я пробиваю ее товары и складываю их в пакет.

— Я так рада за тебя, — искренне говорю ей.

— Эй, во сколько ты заканчиваешь? Мы можем сходить перекусить, что ты об этом думаешь?

Я смотрю в ее глаза, и это немедленно переносит меня назад, в беззаботные и счастливые дни, которые мы разделили. Но неожиданно я понимаю, что мне хватит денег только на автобус. Трент дает мне точно нужную сумму, которая может мне понадобиться. А иногда, когда он забывает об этом, мне приходится идти пешком двадцать пять минут. Я полностью смущена тем, что должна сказать «жаль, но мой муж не дает мне денег на еду», поэтому говорю Шейн другое оправдание:

— Мне очень жаль, но я не могу. Я забыла свой кошелек дома, и у меня есть деньги только на автобус. Я сожалею, возможно, в другой раз, — если следующий раз когда-нибудь будет, то мне нужно будет придумать другое оправдание.

— Я не позволю тебе помешать нашему совместному обеду только потому, что ты забыла кошелек дома. Я угощаю. Мне нужно так много тебе рассказать, и я уверена, что с тобой тоже произошло много фантастических вещей. Когда у тебя перерыв?

— Я действительно не могу, — и как только я произношу эти слова, понимаю, что они не убедительны. Потому что я готова выпрыгнуть вон из кожи, ведь она здесь. Я хочу оббежать вокруг прилавка, обвить свои руки вокруг нее и крепко обнять ее.

— Это случится, Лили. Я не принимаю «нет» в качестве ответа, — она кладет руку на бедро и шелкает пальцами другой руки, показывая мне свою обычную «дерзкую Шейн».

Я улыбаюсь ей, и внезапно темнота внутри меня рассеивается. Повседневный мрак, который покрывает меня, не отпуская, исчезает, как будто его никогда и не было.

— Я скучала по тебе, — признаю я, не стыдясь.

— И я тоже, Лили, — она успокаивается и морщит губы так, что я понимаю, о чем она думает. — Итак, я не принимаю «нет» в качестве ответа. Я веду тебя на обед. Во сколько твой перерыв? — настойчиво спрашивает она.

— Через несколько минут, — я смотрю на часы, — на самом деле, через десять минут.

— Отлично! — громко кричит она, а затем закрывает рукой свой улыбающийся рот. — Ой, — бодро добавляет она, когда осматривается вокруг.

— Ты совсем не изменилась.

— А зачем мне меняться? — она пожимает плечами. — В любом случае, я положу продукты в машину и буду ждать тебя на улице. Там очень холодно, поэтому не заставляй меня ждать слишком долго, — она расплывается за покупки и берет свои пакеты.

Я заканчиваю со следующими тремя клиентами, закрываю кассу и иду за своим пальто. Вынимаю свой телефон из сумки и вижу дюжину сообщений от Трента. Его обычные вопросы: «во сколько ты будешь дома?» и «я хочу курицу на обед», и даже «не забывай, ты должна сделать мое задание». Но последнее его сообщение — это то, которое он присылает часто. И за это я буду вечно благодарна, это значит, что у меня появился шанс дышать спокойно и не быть напряженной от волнения от того, что он может сказать или сделать. Он

написал: «Буду работать допоздна, не готовь для меня ужин, поем вместе с парнями». Я отвечаю на все сообщения, которые он послал мне, избегая разговора о Шейн, потому что знаю, что это его не обрадует.

Надевая пальто, я засовываю телефон в карман и выхожу. Так холодно. Я думаю, зима будет снежной. Шейн ждет снаружи, переступая с ноги на ногу, в попытках согреться.

— Мне так холодно, — говорит она, когда обвивает свои руки вокруг меня и целует в щеку. — Девочка, что, черт возьми, произошло? От тебя ничего не осталось. Ты еще более тощая, чем несколько лет назад, — она хватает меня за плечи и отходит назад, путешествуя глазами по моему телу.

Неожиданно я чувствую себя выставленной напоказ и абсолютно смущенной.

— Тощая? Я не тощая. Я толстая.

Она морщит нос и обнажает зубы, в ее взгляде читается «что, черт возьми?».

— У тебя есть зеркало? Серьезно, девочка. Я откормлю тебя. Пойдем, — говорит она, когда берет меня за руку и идет мимо продуктового магазина. — Кафе вниз по улице хорошее?

— Я слышала хорошие отзывы о нем.

Шейн притормаживает и поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Что ты имеешь в виду под «слышала хорошие отзывы»? Оно чуть больше, чем в ста метрах от твоей работы. Как ты могла ни разу не побывать там?

Смущение и стыд настигают меня. Как мне сказать ей, что у меня никогда нет лишних денег? Трент управляет нашими финансами и дает мне ровно столько, чтобы добраться до работы и обратно. Мне нужно брать еду из дома. И если я забываю, то приходится обходиться без нее. Но я не могу сказать Шейн об этом, потому что она не поймет. Трент управляет нашими финансами. Он говорит мне, что делает все, чтобы сэкономить побольше денег, чтобы мы могли купить дом.

— Гм, я просто никогда... ну, ты знаешь, — я пожимаю плечами.

Мы подходим к кафе. Шейн открывает дверь, проходит внутрь и садится в одну из незанятых кабинок.

— Лили, — говорит она, снимая свои перчатки и разворачивая шарф. — Что с тобой происходит?

— Ничего, — немедленно говорю я, защищаясь. — А что? — спрашиваю уже немного спокойнее.

— Как долго ты работаешь по соседству?

— Некоторое время. Приблизительно шесть лет.

— И ты никогда не ела здесь? Как такое возможно?

— Я просто не интересовалась этим кафе, — я смотрю вниз, избегая ее глаз, потому что они всегда были пронизательными и знали, что я чувствую.

Тишина между нами длится больше минуты, пока молодая официантка не подходит к нам и не предлагает меню.

— Все так хорошо выглядит, — говорит Шейн, меняя тему разговора. — Что ты закажешь? Я очень голодна, думаю, возьму бургер, картошку фри и шоколадный коктейль.

— Коктейль? В такую погоду? — я смотрю на нее.

— Хм, — она морщит губы. — Ты права. Наверно, я возьму горячий шоколад с зефиром.

— Звучит отлично. Но я думаю, что возьму суп или, возможно, просто салат.

— Почему? Если ты хочешь бургер, тогда закажи бургер, — она откладывает меню и

смотрит на меня. Я чувствую, как ее глаза сверлят меня, в них вспыхивают вопросы, которые она хочет задать, но, возможно, не хочет знать ответов на них.

— Я просто возьму суп и немного воды, — я продолжаю притворяться, что смотрю в меню.

Через несколько секунд подходит официантка.

— Привет, что я могу принести для вас, дамы? — спрашивает она, когда открывает маленький блокнот для заказов и вынимает ручку из-за уха.

— Гм, — начинаю я, но Шейн вмешивается.

— Нам два средних бургера, картошку фри и два горячих шоколада. С дополнительным зефиром, пожалуйста, — Шейн берет наши меню и быстро отдает их официантке. Она делает это так, что я не могу ничего сказать, и официантка уходит.

— Зачем ты это сделала? — шепчу я.

— Потому что ты хочешь его, и я думаю, возможно, ты смущалась заказать его. Теперь, если ты продолжишь жаловаться, я закажу тебе еще и кусок пирога, — она приподнимает брови и небольшая ухмылка появляется на ее губах.

— Нет, — говорю я, качая головой.

— Что нет?

— Нет, ты несколько не изменилась. Никогда не меняйся, Шейн. Я люблю тебя такой, какая ты есть.

— Я не буду. Теперь расскажи мне обо всем, что с тобой произошло. Ты закончила колледж?

— Нет, мне пришлось уйти. Это не сработало.

— Что это значит? Тебе пришлось уйти и это не сработало? У тебя была полная стипендия. Ты — самый умный человек, которого я когда-либо знала, и ты никак не могла вылететь за неуспеваемость. Так... что произошло?

— Знаешь, мы с Трентом поженились, и я забеременела, мы решили, что будет лучше, если я оставлю колледж, а Трент сконцентрируется на своей карьере.

— Подожди. У тебя есть ребенок? — она наполовину выпрыгивает из своего места.

— Нет, я потеряла ребенка, — мягко говорю я.

— Мне так жаль, Лили. Очень жаль.

Неловкий кокон тишины снова охватывает нас, до тех пор, пока официантка не приносит нам горячий шоколад.

— Этого просто не должно было случиться, все в порядке. В любом случае, я не могла заботиться о ребенке. Я бы не знала, что делать.

— У тебя была мама Трента, чтобы помочь.

Я отвожу взгляд, снова избегая ее.

— Да, — отвечаю я без энтузиазма. — Так или иначе, Трент преуспевает в медицинской школе. Ну, он проходит свою интернатуру, и, хотя это немного напряженно, он наслаждается этим.

— Хорошо, — говорит Шейн, откидываясь назад на многоместном, неразделенном сиденье. — Почему ты не закончила колледж, Лили? — она берет свой горячий шоколад и делает глоток.

— Карьера Трента намного важнее, чем моя. Мы решили, что я буду работать, а он — учиться в медицинской школе.

— Что ж, когда он станет доктором, ты, наконец, вернешься в колледж?

— Гм. Мы не говорили об этом. Я счастлива в продуктовом магазине. Они повышали меня несколько раз.

Шейн искоса смотрит на меня, и я нервно провожу пальцами по волосам.

— Все, что ты когда-либо хотела делать — это читать и преподавать, почему ты не можешь сделать этого сейчас, когда он уже доктор? Они зарабатывают действительно хорошие деньги. Возможно, не сразу, но через несколько лет, когда он будет доктором, ты сможешь вернуться в колледж.

— Я не знаю, мне нужно спросить у Трента, что он хочет делать.

Шейн выпрямляется на своем месте, и на ее лице появляется вопросительное выражение.

— Что ты имеешь в виду, Лили? Я знаю, что вы женаты, и тебе нужно обсуждать такие вещи с мужем, но еще вы равноправны. Твой голос в том, что ты хочешь делать, должен учитываться.

— А, это, — говорю я слишком нетерпеливо. — Он заботится о наших финансах и говорит, что мы должны экономить, чтобы купить дом. И говорит, что намного важнее, чтобы он стал доктором, чем я учителем. Он думает о нас обоих.

— Ты видела, сколько денег находится на вашем банковском счете? Ты знаешь, что происходит с вашими финансами?

— Трент говорит, что мне этого не нужно знать.

— Ради всего святого, послушай себя. Прошло семь лет, Лили. Семь чертовых лет я не видела тебя, и теперь не узнаю человека, которым ты стала. Физически и эмоционально. Лили, которую я знала, боролась против демонов своего прошлого, но теперь, я думаю, что она живет с крупнейшим демоном из всех.

— Это не правда. Трент любит меня.

— Я говорю не о Тренте. Я говорю о том, что здесь, — она наклоняется и указывает пальцем на мой висок. — Ты борешься против себя. У тебя вообще нет чувства собственного достоинства. Ты — буквально тень той девушки, которую я когда-то знала.

Шейн пытается сказать мне то, что я уже знаю. Всю мою жизнь мне говорили, насколько я бесполезна и ничтожна. Это внушалось мне постепенно, когда я еще не достигла десятилетнего возраста. В то время, пока мой ум все еще формировался и рос, мне много раз говорили и показывали, насколько я глупа, насколько уродлива и бесполезна, и что никто и никогда не будет меня любить.

В моей жизни есть человек, который иногда говорит, что любит меня, и я уверена, что он — лучшее, что у меня может быть. Я ничего собой не представляю. И никогда не представляла. Если завтра я умру, никто не будет носить траур и не будет лежать на моей могиле, потому что будет скучать по мне. Скучать по моей улыбке, скучать по тому, что я просто рядом с ними. Никто никогда не будет горевать по мне, потому что я — ничтожество.

— Я пытаюсь, — тихо говорю я.

— Что конкретно ты пытаешься? Ты хотя бы читаешь «Суровое испытание»? — она помнит. Я не могу поверить, что она помнит. Я смотрю на нее и чувствую, как слезы собираются в уголках моих глаз. — Ты думала, что я забыла, не так ли? Я не забыла. Я помню день, когда ты купила ее в книжном магазине, и твой стеклянный взгляд, как будто тебе сказали, что ты выиграла миллион долларов. Всю неделю на работе ты болтала о том, что безумно счастлива, ведь у тебя есть что-то важное.

Я не могу больше сдерживать слез, и теперь они струятся по щекам. Я пытаюсь их вытереть, ведь я не из плаксивых.

— Я сожалею, не злись на меня, — говорю я и взрываюсь в рыданиях.

— Я не злюсь на тебя, — Шейн встает и садится рядом со мной. — Я люблю тебя. Лили. Я ненавижу то, что мы не могли поддерживать связь. Я хочу только лучшего для своей подруги. Видишь ли, в своей жизни она прошла через огромное количество дерьма и должна быть счастливой в своей взрослой жизни. Это все, что я хочу для нее... для тебя, — она обнимает меня и привлекает в свои теплые, любящие объятия. — Я хотела общаться с тобой каждый день, но потеряла бумажку с твоим адресом, которую ты давала мне. Лиам говорил мне поискать тебя в социальных сетях или позвонить тебе. И когда я действительно попыталась позвонить, твой номер больше не обслуживался. Лиам даже ездил в дом родителей Трента, а его отец отругал Лиаму и сказал больше не приезжать туда или он будет стрелять в него. Потом попыталась я, даже видела кого-то возле окна, но они не открыли дверь.

— Ты пошла туда, чтобы найти меня? — *кто-то заботится обо мне?*

— Да, а затем я нашла адрес, который ты давала мне. Я послала тебе несколько писем, но так и не получила на них ответа, поэтому подумала, что ты переехала.

Я никогда не получала никаких писем, только одну открытку из Италии.

— Нет, мы все еще живем в той же квартире. Трент сказал, что мы не можем себе позволить переехать.

Шейн вздыхает, и ее плечи резко опадают, она притягивает меня для крепкого объятия.

— Почему бы нам просто не оставить все это позади и радоваться, что мы снова нашли друг друга? — она передвигается на противоположную сторону кабинки и улыбается.

Официантка приносит нам две огромные тарелки и аккуратно ставит их на стол.

— Дамы, могу я принести вам что-нибудь еще? — спрашивает она.

— Нет, спасибо, — отвечаю я ей и смотрю на самую большую тарелку с едой, которую я когда-либо видела. — Мне ни за что не съесть все это без того, чтобы не почувствовать себя плохо после этого.

Шейн уже начала есть свой бургер, попутно запихивая картошку фри в рот. Весь ее рот испачкан в горчице, и она похожа на ребенка. Я хихикаю над ней и ее измазанным соусом лицом.

— Что? — говорит она с набитыми бургером и картошкой щеками. — Я убью свеу, — я хохочу, потому что понятия не имею, что она пытается сказать. Она жует, а затем проглатывает, берет салфетку и вытирает лицо. — Что? Во мне нет ничего неправильного. Я люблю свою еду, — она такая дикая, что я не могу не хохотать.

Я так рада, что настроение изменилось, и сейчас не так мрачно.

Мы сидим, едим и разговариваем. И прежде чем я понимаю, мне нужно возвращаться на работу.

— Мне пора идти, — говорю я. Но мой голос печален, внезапный мрак настигает меня, и я чувствую страх, потому что не хочу снова терять контакт с Шейн.

— Вот, запиши мой номер, — говорит она, когда роется в своей сумке в поисках ручки. — Аха, — гордо объявляет она, доставая ручку. Она пишет свой номер на салфетке и отдает ее мне. — Теперь твой, — она смотрит на меня и нетерпеливо ждет.

Я говорю свой номер, и она вбивает его в свой телефон. Мы встаем, чтобы уйти. Как только приду домой, то запишу ее номер в свой дневник, чтобы не потерять его.

Мы подходим к кассе, и я чувствую себя полностью униженной, потому что Шейн покупает мне обед.

— Мы были за тем столом, — говорит Шейн, когда поворачивается и указывает на стол, за которым мы сидели.

— Ох, о вашем чеке уже позаботились, — радостно говорит молодая девушка.

Лед сковывает мою кровь, волоски на руках встают дыбом, и я чувствую, что меня вот-вот стошнит. Трент узнал и оплатил счет, и это его способ сказать, что у меня большие неприятности. Мое сердце бьется так быстро, что я чувствую, как все сжимается в груди.

Черт, черт, черт.

— Что? Кто заплатил? — спрашивает Шейн, но я уже знаю ответ. Сегодня у меня будут неприятности. Он будет злиться, обвинит в краже денег из его кошелька и накажет меня.

— Он не назвал своего имени, — отвечает девушка. Трент хочет, чтобы я поволновалась и ждала того, что получу дома. — Но я должна сказать, что он был довольно милым, — о, мой Бог, Трент убьет меня. Не фигурально выражаясь, а на самом деле убьет меня. — Я могу сказать, что он нервничал, когда говорил со мной, потому что заикался.

Подождите.

Трент не знает?

— Как любезно с его стороны заплатить за нас. Интересно, кто он, было бы здорово поблагодарить его, — говорит Шейн, когда сует двадцатку в банку для чаевых и подмигивает девушке.

И я остаюсь стоять возле нее, внезапно больше не нервничая. Огромный камень, сковывающий мой живот, исчезает так же, как и завеса внезапной паники.

— Парень сидел в том углу в одиночестве. Он встал, посмотрел на вас, дамы, и улыбнулся. Затем вручил мне пятьдесят долларов, заплатив за себя и за вас, и сказал мне оставить сдачу себе. А еще он очень привлекательный парень, — она немного краснеет.

— Ничего себе, — говорю я, опешив от чужой щедрости.

— Да, ничего себе. И круто, — добавляет Шейн. — Пошли, тебе пора на работу, — она идет к двери, а я подхожу к официантке.

— Вы сказали, что он заикался?

— Да, так и есть.

Я выхожу из кафе и пытаюсь понять, зачем кому-то делать что-то столь благородное и не просить ничего взамен.

— Как круто, никто никогда не покупал мне обед. Напитки да, все время, когда я иду в клуб, но никогда всю еду. Ничего такого, — Шейн через плечо указывает большим пальцем на кафе.

— Мне тоже, — честно отвечаю я.

— Хорошо, что ж, тебе нужно возвращаться к работе, а у меня есть муж, который должен быть дома через два часа. Позвони мне, Лили. И не жди, чтобы сделать это, позвони мне завтра, — она обнимает меня. — Я люблю тебя, — она целует меня в щеку и шепчет, — довольно круто все вышло с обедом. Хотела бы я знать, кто это был.

Я обнимаю ее в ответ и обещаю позвонить ей.

Я пребываю в изумлении всю оставшуюся часть смены. Мужчина. Прекрасный незнакомец заплатил за мою еду.

Но он не совсем незнакомец.

Он — Макс.

— Просыпайся! — орет Трент, и я чувствую, как что-то влажное выплескивается мне на лицо. — Вставай!

Я сажусь в постели, мое лицо и часть волос пропитаны водой, которую Трент только что вылил на меня:

— Я проснулась, — вытираю лицо и встаю с кровати.

— Мы должны выехать сейчас, иначе дорога будет загруженной.

Посмотрев на свои часы, вижу, что сейчас без трех минут четыре утра.

— Я уже встаю, Трент.

— Переодевайся и подготовь мою одежду, а я пока сделаю себе кофе, — он выходит из спальни, и я слышу, как он грохочет на кухне.

Зайдя в ванную, делаю свои обычные утренние дела и переодеваюсь. Я подготавливаю одежду Трента и после того, как все закончила, иду на нашу крохотную кухню. Трент сидит во главе стола и размешивает свой кофе.

— Иди сюда, детка, — говорит он, обхватывая меня вокруг талии и сажая к себе на колени. Он тянет вверх рукав моего свитера и начинает рисовать пальцем круги на моей голой коже. — У тебя прелестная кожа, — он наклоняется и утыкается носом в мою шею. — Действительно прекрасная, — он пощипывает кожу, а затем засасывает ее ртом. Это самое большое выражение привязанности, которое он выказывал мне за последнее время. Я закрываю глаза, расслабляясь в его объятиях, наслаждаясь небольшим количеством внимания, которым он одаривает меня.

Внезапно появляется жжение в том месте, где Трент закатил мой рукав. Он начинает смеяться мне в шею, а я пытаюсь вырвать свою руку. Крича, я открываю глаза, и сильнее пытаюсь отодвинуть руку подальше. Но Трент удерживает своей огромной лапой мою руку, прижимая ложку из своего кофе к моей коже.

— Трент! — воплю я, реально осознавая, что у нас есть соседи в квартирном комплексе, в котором мы живем. — Ты делаешь мне больно, пожалуйста, остановись, — прошу я.

Смех Трента, как зло, уничтожающее душу, будто он проникает в меня и убивает то небольшое количество жизни, что осталось во мне. Как растение, которое, наконец, умирает от недостатка солнечного света и воды. Он убивает одну из последних частей меня.

— Трент, — я, наконец, ломаюсь и начинаю плакать. Боль прошла, и я больше не чувствую тепла ложки, больше не могу ничего чувствовать.

— Это было забавно, — он отпускает меня и отталкивает ногой. Я падаю на задницу и вижу воспаленный красный след на моей руке. — Видела бы ты свое лицо, это одна из самых забавных вещей, которые я когда-либо видел. Ты, как уж, извивалась, рыдая. Честно, детка, я не видел ничего более забавного, — он встает и идет в спальню.

Я смотрю на свою рану и вижу, что мне потребуется медицинская помощь.

— Трент, мне больно.

— Ты справишься, детка. Это просто пятнышко. Подставь его под холодную воду, — говорит он громко из спальни. — А если ты, и правда, не можешь справиться с маленьким пятнышком, то нанеси на него немного мази.

Я встаю с места, где сидела, и подставляю ожог под воду. Затем беру аптечку и, отыскав

маленький тюбик мази, наношу ее на рану.

— Трент, не думаю, что мне стоит сегодня ехать. Я все еще не закончила твое задание, — я пытаюсь остаться дома, чтобы не оказаться рядом с Джоном. — Я хочу сделать его идеально для тебя, — обрабатываю свою рану в том месте, где он надавил ложкой на мою руку, там осталась ужасная красная отметка. Кожа вокруг нее раздражена и горячая. Такая горячая, как кровь под моей чувствительной кожей.

— Нет, детка, ты должна поехать. Какая жена не хочет поехать к семье мужа в День Благодарения? У нас впереди долгая поездка, и ты знаешь, что долгая езда утомляет меня. Поспеши, чтобы мы могли уже выехать.

Мои плечи резко опускаются, и я беру свою сумку, хотя там нет ничего важного. Только немного салфеток и мой кошелек, в котором никогда нет денег больше, чем мне потребуется на проезд на автобусе, но я решаю оставить все это, потому что мне ничего не нужно.

К тому времени, когда мы выезжаем, время близится к пяти утра. Все время нашего пути Трент не разговаривает со мной. Мой ожог покалывает, но я пытаюсь оставить боль при себе, чтобы он не говорил мне, что я похожа на ноющего ребенка.

Когда мы в полчасе езды от дома Джона, через блютуз машины раздается телефонный звонок. Трент смотрит на высветившийся номер и улыбается. Затем он берет телефон в руку и отвечает на звонок, отключая звук динамика.

— Я не могу говорить сейчас, я за рулем, — говорит Трент. Он слушает несколько секунд и улыбается. — Да, но сейчас я не могу, — он продолжает слушать и кивает головой. — Сегодня, когда высажу ее, — он подчеркивает «ее», и я знаю, что он говорит обо мне. — Хорошо, — мягко шепчет он и бросает на меня косой взгляд.

Я не реагирую на это, закрываю глаза и надеюсь, что оставшиеся полчаса пройдут в такой же тишине, как и первые несколько часов.

— Мама, можно мне мороженое? — спрашивает маму Уэйд, когда мы оба слышим звон грузовика с мороженым, который подъезжает к нашему дому.

— Нет. Это испортит аппетит перед ужином.

— Я хочу мороженое! — он кричит и топает ногой. — Я хочу мороженое! — снова кричит он.

— Я сказала нет, Уэйд.

— Эй, Лили, проснись, — говорит Трент, бьет меня по ноге и я открываю глаза.

Мы уже у дома Джона и я смотрю, как Трент выходит из машины. Я выхожу и иду следом за ним к парадной двери.

— Мне нужно было сделать тыквенный пирог, — шепчу я Тренту.

Он стучит в дверь, и Джон открывает ее. В руке он держит напиток, а его глаза-бусинки сразу же находят меня. Он смотрит на меня так, будто я кусок мяса, который он давно хотел попробовать. Он подносит напиток к губам и отходит, чтобы впустить нас.

— Посмотрите на этих двоих. Я уже очень давно не видел вас, — Трент проходит передо мной, и когда я вхожу, Джон хватает меня за задницу и сжимает ее.

Я хмурюсь и поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него.

— Не надо, — тихо говорю я.

Он облизывает губы, а затем похотливо шевелит языком, глядя на меня. Это отвратительно, он омерзительный, и я не хочу находиться рядом с ним.

Когда мы заходим в заднюю комнату, которая украшена для домашней вечеринки, мистер и миссис Хэкли уже здесь.

— Как ты, дорогая? — говорит Лина, приобнимая меня. — Ты слишком худая. Тебе нужно набрать вес, — она обхватывает меня, сжимая в объятиях.

— Трент думает, что я слишком толстая.

— О, ну тогда... — она делает паузу и шепчет своим самым тихим голосом, — пожалуйста, ешь больше, — она делает шаг назад и целует меня в щеку. — Ты моя единственная невестка, и я хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

— Я в порядке, — отвечаю я с улыбкой. Я всматриваюсь в нее и вижу темные круги под глазами, ее лицо выглядит осунувшимся, а щеки впалые. — Вы в порядке? — спрашиваю я, беспокоясь о том, что с ней что-то происходит.

Она улыбается и опять притягивает меня в объятия.

— Я буду в порядке, дорогая. Я буду в порядке, — она осторожно оборачивает руку вокруг моих плеч и ведет нас в зону для развлечений.

— Здравствуйте, мистер Хэкли, — говорю я, когда прохожу мимо него.

— Лили, — он едва прерывает разговор с Терри, чтобы поприветствовать меня.

Я тихонько сижу возле Лины и здороваюсь со всеми, кто посмотрит в мою сторону. Мартин — самый счастливый из братьев, и он пока еще не приехал. Я с удовольствием нахожусь рядом с ним, потому что тогда я не чувствую себя под пристальным наблюдением развратных и зорких глаз Джона.

Его пристальный взгляд всегда такой похабный, что я неловко себя чувствую. Он впивается в меня взглядом, как будто хочет поглотить меня и разорвать на кусочки.

— Как ты, сладкая Лили? — спрашивает Джон, когда входит в комнату.

— Прекрасно, спасибо, — холодно отвечаю я. Чувствую, как мои плечи напрягаются и мурашки окутывают меня — в не хорошем смысле этого слова.

— Скажешь мне кое-что, Трент? — спрашивает Джон, прерывая разговор Трента с отцом.

— Что ты хочешь знать? — спрашивает Трент.

— Хороший виски для тебя, — говорит Джон и протягивает Тренту на четверть наполненный стакан. — Я хочу узнать, Лили такая же сладкая на вкус, как я думаю? — он хихикает, а затем смотрит на меня. Трент, смеясь, отмахивается от него и возвращается к разговору с отцом. А я чувствую, что меня сейчас стошнит. Какое ужасное и плохое оправдание для человека. — Я просто шучу, дорогуща, — говорит он мне, когда я пытаюсь вжаться в стул.

Я терпеть не могу этого человека. Он так отвратителен с его неуместными сексуальными замечаниями и тем, как его глаза-бусинки всегда следуют за мной.

— Скажи мне, дорогая. Ты собираешься сделать меня бабушкой в ближайшее время? — спрашивает меня Лина почти беззвучно.

Я отвожу взгляд, видя просьбу в ее карих глазах. Я не хочу говорить ей обо всех выкидышах и об их причинах. Она выглядит хилой, едва напоминая женщину, которую я встретила много лет назад. Если скажу ей, она будет плакать, а я не хочу этого. Вместо этого я вру:

— Мы еще не готовы.

— Ты не можешь ждать с этим слишком долго. Я хочу счастливый дом, наполненный любовью и внуками, прежде чем мое время на этой земле подойдет к концу, — Лина

отводит взгляд и вздыхает. Кажется, что в ее словах кроется больший смысл, чем она готова показать.

— Вы уверены, что все хорошо? — я потираю ее спину рукой вверх и вниз. Когда моя рука достигает ее поясницы, она вздрагивает и подается вперед. — Лина, скажите мне. Пожалуйста, — прошу я, и со скоростью молнии убираю свою руку от нее, на случай, если это причиняет ей боль.

— Нечего говорить, — она слабо мне улыбается и отводит взгляд в сторону, туда, где сидит мистер Хэкли. — Ничего вообще. Все замечательно. Ну, это было бы так, если бы у нас в семье появился ребенок, — радость в ее словах противоречит печали в глазах.

— Лили, не могла бы ты помочь мне на кухне?

Я заметно вздрагиваю, потому что эти слова говорит человек, из-за которого мне становится плохо. Электрический заряд страха проходит сквозь меня, и я не могу не тряситься от мысли остаться с Джоном наедине.

— Я нехорошо себя чувствую, Джон. Лили сидит со мной, чтобы убедиться, что мне не станет плохо, — говорит Лина, сжимая мое бедро.

— Спасибо, — шепчу я так тихо, что уверена, Лина не расслышала меня. Но она услышала и незаметно кивает мне, давая понять, что все понимает.

— Раз уж мы об этом заговорили, расскажи мне, как продвигаются планы по рождению ребенка?

— Лили, мне действительно нужна твоя помощь, — снова кричит Джон, подходя к дверной арке.

— Мне жаль, я попыталась, — тихо и приглушенно говорит Лина.

— Дома она такая же ленивая. Я сказал ей сделать тыквенный пирог, но она не стала утруждать себя. Сказала, что у нее нет времени. Как будто та небольшая работа, которую я позволил ей иметь, требует так много времени, — Трент всегда дразнит меня и насмехается над моей работой. Я ненавижу, когда он говорит обо мне так плохо, но знаю, если я не промолчу, он станет еще злее и противнее. Иногда лучше просто заткнуться и не сопротивляться. — Вставай, Лили. Иди и помоги на кухне.

Когда я встаю, страх оказаться на кухне парализует мои колени, и они подгибаются, но, тем не менее, медленно начинаю двигаться. Терри сидит рядом с Трентом и мистером Хэкли, и кроме того, чтобы оглядеть меня сверху-вниз, когда я вошла, она не обращала на меня никакого внимания. Но сейчас на ее лице самодовольный взгляд. Как будто она знает, что меня растерзает изголодавшийся лев, точащий свои когти о деревянную палку, прежде чем погнаться за своей добычей.

Со скрученным в узел желудком я захожу на кухню, где, опираясь на столешницу, со скрещенными на груди руками стоит Джон.

— Вам нужна помощь? — тихо спрашиваю я.

Я в ужасе от всей этой ситуации. Все сидят менее чем в нескольких метрах от нас, и я знаю, что он собирается попытаться что-то сделать, я чувствую прохладу затхлого воздуха с того самого момента, как подошла к двери.

— Нужен соус к индейке, — он смотрит на духовку, а затем оглядывается на меня. Он стоит прямо напротив нее, и значит, что, когда я наклонюсь, чтобы достать индейку, он будет смотреть на мою задницу.

— Может, я порежу немного овощей, пока вы достаете ее? — предлагаю я свой вариант, надеясь, что он согласится. Но я знаю, зачем он позвал меня сюда, и это не для помощи на

кухне.

— Достань индейку, Лили, — он распрямляет руки и кладет их на столешницу.

Я осматриваю кухню в поисках полотенца или перчаток, чтобы достать из духовки горячий противень. Джон начинает натянуто и надменно хихикать. Я смотрю на него и вижу два кухонных полотенца, по одному в каждой его руке.

— Могу я их взять, пожалуйста?

Он приподнимает бровь и ухмыляется мне.

— Конечно, подойди и возьми их, — говорит он в непристойной, отвратительной манере. Я медленно подхожу, и, приблизившись, протягиваю к нему руку. — Ближе, — его голос становится хриплым, а хитрый взгляд еще более отвратительным. Я делаю еще один шаг, и он быстро обвивает руку вокруг моей талии и прижимает ближе к своему телу.

— Пожалуйста, не надо, — прошу я, и паника завладевает всеми моими чувствами.

— Я люблю, когда шлюхи, вроде тебя, умоляют меня, — он облизывает часть моего лица. Я хныкаю и пытаюсь вырваться из его захвата, но он крепче прижимает меня к своему телу и омерзительной эрекции. — Не могу дождаться, когда попробую на вкус твою сладкую горошинку. Я собираюсь сделать тебе больно, а затем заставлю кровоточить.

Желчь поднимается к моему горлу, его слова пугают меня. Я попала в ситуацию, где нужно либо драться, либо бежать, и я на автомате начинаю кричать и резко поднимаю колено, чтобы ударить его в пах. Он отпускает меня, сгибаясь от боли, но так же быстро, как отпустил меня, он выпрямляется и бросается ко мне.

Хватая меня за горло, он поднимает другую руку и бьет меня. Я кричу от боли, когда его сильная рука касается моего лица, и еще раз, когда он бьет меня по другой щеке.

— Сука, — кричит он на меня.

В этот момент весь воздух болезненно покидает мои легкие. Моя грудь горит, и я не могу сделать вдох.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — я слышу, как кричит Трент.

Джон отпускает меня, и я прячусь за Трента. Защищая, он выставляет руку между мной и Джоном.

— Он... он... — я отчаянно пытаюсь сделать вдох. Я нагибаюсь и упираюсь руками в колени, чтобы не потерять сознание и не упасть в обморок.

— Маленькая стерва напала на меня, — спокойно говорит Джон, держась за свой пах. — Она пнула меня по яйцам без причины.

— Это неправда, — кричу я, — он схватил меня и сказал, что собирается сделать мне больно и заставить кровоточить, — хрипя, я все еще пытаюсь успокоить свое испуганное тело. — Он схватил меня, — я пытаюсь скрыться от зверя.

— Лживая сука. Я пригласил тебя в свой дом, и вот как ты отплатила мне?

— Вы жестокий садист. Я не трогала вас до тех пор, пока вы не схватили меня и не отпускали.

— Зачем ты врешь, Лили? Почему? Ты флиртowała со мной с того самого дня, когда встретила меня.

— Ты действительно флиртowała с ним, — говорит Трент, когда поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Нет. Он мне даже не нравится. Он мне противен, — кричу я.

— Ты будешь уважительно относиться к Джону, Лили. Ты в его доме, и ты чертов гость. Не позорь меня, — предупреждает Трент.

Не могу в это поверить. Теперь я должна благодарить его за то, что он на меня нападает. — Нет, — выпрямляюсь я. — Я не буду уважать его. И не оставлю это. Он схватил меня.

Тогда Трент делает то, что и всегда. Он бьет меня туда же, куда меня ударил Джон.

— Ты неблагодарная тварь, — он оборачивает руку вокруг моего плеча и тащит через комнату, где все сидят и таращатся на нас.

Выражение лица Терри злое, смешанное с презрением, она самодовольно наблюдает за тем, как Трент тащит меня.

— Подождите, — протестует Лина и бежит ко мне. Она крепко-крепко обнимает меня и шепчет: — Мне так жаль, что тебя познакомили с этими монстрами, — она крепче обнимает меня, не желая отпустить.

Трент отгаскивает меня от нее, и она просто стоит, выглядя лишь оболочкой. Несчастливая женщина, скорбящая по утрате того, что когда-то было для нее самым драгоценным подарком.

Трент тащит меня к машине, запихивая на пассажирское сидение, а сам садится на место водителя.

— Я не могу поверить, что ты устроила там такую сцену. Ты — чертово позорище, — он выезжает на дорогу как сумасшедший, сильно превышая скорость. — Клянусь Богом, Лили, я повидал достаточно твоего дерьма. С меня хватит, ты слышишь меня? — он хватает мою руку и сжимает ее так сильно, как только может.

Я молча плачу и смотрю на размытые пейзажи за окном.

— Иисус, Лили. Я думал, что сказал тебе не предлагать себя Джону. Почему каждый раз, когда вы рядом, ты флиртуешь с ним? — Трент затихает, и я не уверена, ждет ли он ответа. — Ради Бога, скажи мне, почему?! — кричит он и бьет меня по ноге.

— Он мне никогда не нравился, — кротко отвечаю я. — Я говорила тебе, что он пугает меня, и сегодня он сказал, что хочет...

— Перестань врать. Ты говоришь, как безнадежная шлюха. Он сказал, что ты предлагала ему себя.

— Я не предлагала, — смотрю, как сердится Трент, от ярости его лицо покраснело.

— Я должен верить какой-то шлюхе, которая, вероятно, спала неизвестно со сколькими еще до меня. Мой отец и Джон были правы насчет тебя, я хотел тебя, подобно собаке, которая всегда приводит домой бездомных животных. Я собираюсь стать врачом, Лили. Я не могу беспокоиться о том, что делает моя жена, пока вкалываю в больницу.

— Я не шлюха! И никогда не была ни с кем, кроме тебя.

Его правая рука медленно сжимается в кулак, ноздри раздуваются, а глаза широко открываются от ярости:

— Что, черт возьми, ты только что сказала? — его голос очень низкий и сдержанный. И это пугает меня даже больше, чем его действия. — Я спросил, что, черт возьми, ты только что сказала? — повторяет он еще более опаснее.

Моя кожа покрывается мурашками от его дикого и ужасного тона. Я хочу открыть дверь и выпрыгнуть из машины, независимо от того, что он превышает скорость.

— Я не шлюха, Трент. Ты знаешь это, потому что я ни с кем не была до тебя. И, конечно же, не была ни с кем во время нашего брака.

— Что это должно означать, Лили? Что я тебе изменяю?

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь от него. Где-то, глубоко в душе, я подозреваю, что так и есть, но также знаю, что девушка, подобная мне, не заслуживает больше, чем он

дает мне.

— Ты неблагодарная, эгоистичная сука, — говорит он. Я не поворачиваюсь к нему, потому что знаю, что он разозлится еще больше, если увидит мои слезы.

Поездка длится вечность, и я с трудом справляюсь с напряженностью, заполнившей машину. Много раз я замечаю, как Трент сжимает кулак, а через некоторое время разжимает его. Я остаюсь тихой, зная, что любые мои слова только разожгут напряженную обстановку между нами и создадут невыносимую ситуацию.

Когда мы, наконец, приезжаем, Трент останавливается у входа. Я расстегиваю свой ремень безопасности и выхожу.

— Вот, — говорит он и протягивает мне ключи от входной двери.

— Что это? — спрашиваю я, глядя на его протянутую руку.

— Я уйду и не вернусь до завтра.

— Что? — спрашиваю я, озадаченная ситуацией.

— Мне нужно время вдали от тебя, Лили. Если я останусь здесь сегодня вечером, я боюсь, что могу причинить тебе боль, или еще хуже — убить тебя. Не жди меня.

— Но у меня нет денег, чтобы утром доехать на работу.

— Тебе нужно сбросить несколько килограммов. Тебе лучше пройтись, — он уезжает и оставляет меня стоять ошарашенной.

Поднявшись в квартиру по лестнице, я открываю дверь и делаю глубокий вдох. Сегодня День Благодарения, и я одна, застряла в квартире, которая не приносит мне никакого счастья или радости. Когда-то были дни, когда я улыбалась. Так вот, те дни ушли.

Я сажусь на старый диван, снимаю обувь и замечаю небольшую дырку в подошве правого ботинка. Это единственная обувь, которая у меня есть, и я хожу в ней везде, включая работу. Трент говорит, что мы не можем позволить себе новые вещи, и я должна носить их до тех пор, пока не сотрутся подошвы, тогда мы сможем их заменить.

Я достаю свой телефон и пишу Тренту сообщение:

«В моем ботинке дырка в подошве. Не мог бы ты привезти мне немного денег, чтобы я смогла пойти и купить себе новую пару завтра перед работой?»

Я жду ответа от Трента. Вижу, что он прочитал сообщение, но не отвечает. Включив телевизор, переключаю каналы, но меня ничего не интересует. Хотела бы я, чтобы у меня все еще был мой экземпляр «Сурового испытания», в нем я всегда могла затеряться, полностью погрузившись в жизнь героев. Но однажды Трент его выбросил, сказав, что книга отнимает слишком много моего времени.

Я встаю, иду в крошечную ванную комнату, решив, что принятие ванны поможет мне расслабиться. Пока вода набирается, я иду в нашу спальню и раздеваюсь. Когда заканчиваю, гудит сигнал о приходе сообщения.

«Подложи туда картон. Когда износится второй ботинок, я найду денег и куплю тебе другую пару обуви».

Он хочет, чтобы я пошла пешком на работу, и завтра наверняка будет дождь, а в моем ботинке дырка. Поэтому я отвечаю:

«Завтра будет дождь. У меня ноги промокнули к тому времени, когда я приду на работу».

Практически мгновенно он пишет:

«Тогда тебе нужно взять с собой дополнительную пару носков. Нет — значит, нет. Сейчас я выключаю свой телефон. Не беспокойте меня больше».

Я кладу телефон и иду к единственному утешению, что у меня есть. Я погружаюсь в ванную, позволяя теплой воде окутать меня. Расслабляясь в ванной, я начинаю задумываться о многих вещах. Мне двадцать пять лет, и у меня нет личности. Я не знаю, кто я, и даже не знаю, что я должна делать. У меня нет любви. Нет любви к жизни или к Тренту, и даже к себе. Так Бог доказывает мне, что я бесполезна?

Я продолжаю обдумывать события дня. Они как шторм кружатся вокруг меня, а я стою в его центре и смотрю, как жизнь тащит меня к постоянному злему року, который преследует меня. Моя судьба только существовать, а не жить? Какое наследие после себя может оставить девушка, которой никогда не было? Никогда не была красивой, никогда не была умной, всегда была ничем.

Я никогда не хотела жить. Это не вопрос. Я знаю это абсолютно точно.

Тогда зачем дышать?

Я вырезала пять картонных стелек, чтобы положить в свои ботинки. Поэтому у меня есть запасные стельки на случай, если небеса разверзнутся, и мои ноги намокнут. Я также положила дополнительную пару носков, поэтому если ноги промокнут, я не заболею.

Трент рассердится еще больше, если я заболею и не смогу пойти на работу. У меня есть небольшой отпуск, который я могу взять, но знаю, что он хочет, чтобы я сохранила его для того, чтобы заботиться о нем, если он вдруг заболеет. Я не имею права болеть.

Прогулка до работы занимает у меня чуть больше, чем сорок минут, и когда я прихожу туда, я меняю мокрые стельки и носки. У меня есть еще полчаса до начала смены, и я делаю то, что никогда не делала раньше. Я решаюсь пойти в «Банк Америки», куда начисляется моя зарплата, и посмотреть, есть ли у нас деньги, чтобы снять со счета пятьдесят долларов на покупку новой пары обуви.

Из-за влаги, попавшей в туфли во время пути на работу, я натерла ногу, и на мизинце появилась мозоль. Я рискну разозлить Трента, а он точно взорвется, когда узнает, что я сняла деньги со счета, потому что мне нужна новая пара обуви. Во время своего перерыва я схожу и посмотрю, смогу ли купить себе что-нибудь, чтобы можно было носить везде, а не только на работе.

Мне нужно быть внимательнее, чтобы не жадничать и не потратить много денег, потому что Трент говорит, что я не могу легкомысленно тратить деньги. Если он действительно разозлится на меня, я скажу ему, что две недели буду ходить на работу пешком, потому что мой проезд стоит как раз пятьдесят долларов, что я сниму на покупку обуви.

Я беру паспорт и иду в банк. Меня быстро вызывают к кассиру, так как в очереди я вторая.

— Привет. Я бы хотела снять со счета пятьдесят долларов, пожалуйста. У меня есть номер счета, и вот мой паспорт, — говорю я.

Вбивая номер, который я ей дала, она рассказывает мне, как занята была на День Благодарения, а я говорю, что хорошо провела время. Я вру, конечно же, и показываю внешне то, чего все ожидают.

— Вы сказали, что хотели бы снять пятьдесят тысяч? Потому что нам потребуется немного времени, чтобы выдать вам их, — говорит она с нежной улыбкой.

— Пятьдесят тысяч? — спрашиваю я. — Господи, хотела бы я, чтобы там было столько денег.

Она смотрит на меня поверх своих очков, сидящих на кончике носа, и наклоняет голову набок.

— Здесь есть больше, чем вы назвали, миссис Хэкли. Вот, посмотрите. Это ваш остаток на счету, — она поворачивает экран компьютера так, что я вижу баланс счета, на котором больше восьмидесяти тысяч долларов.

— Простите, мэм, я думаю, вы показываете мне чей-то чужой счет, — быстро говорю я, закрывая свои глаза, чтобы не вмешиваться в чужие личные данные.

— Нет, это ваш, — радостно подтверждает она.

— Боже мой, — задыхаюсь я и осматриваюсь вокруг. Вдруг я чувствую, что все смотрят

на меня. Наблюдают за мной, чтобы узнать, что я собираюсь делать. — Я просто хочу снять со счета пятьдесят долларов. Нет, подождите, дайте лучше пятьдесят пять, пожалуйста, — я не пойду домой пешком, теперь у меня есть деньги на автобус.

Она выдает мне пятьдесят пять долларов, и я прошу дать мне две копии выписки со счета в доказательство. Один экземпляр я положу в запечатанном конверте в свой ящик на работе, чтобы иметь доказательство, что у меня на самом деле есть деньги. Впервые в жизни мне, Лили Хэкли, той, которая ела наполовину гнилые фрукты, а объедки зарывала во дворе, чтобы не узнал отец, удалось накопить более, чем восемьдесят тысяч долларов, и все благодаря тому, что Трент так точно и правильно вел наш бюджет. Я знаю, что половина этих денег его, потому что мы женаты, но я также достаточно умна, чтобы понимать, что эти деньги были накоплены за все годы моей работы, потому что Трент вообще не работал до своего первого года ординатуры.

Впервые в своей жизни я, совсем как ребенок, вприпрыжку иду в один небольшой обувной магазин, чтобы найти туфли стоимостью в пятьдесят долларов. Когда я нахожу пару, которая выглядит красиво и подходит мне, я нервно и взволнованно протягиваю продавцу пятьдесят долларов. Я никогда не тратила на себя столько денег. Последнюю пару обуви купил мне Трент, и они стоили сорок долларов, но он сильно скривился, передавая свою карточку, чтобы оплатить их, и сказал, что я должна бережно к ним относиться, потому что у него нет денег, чтобы купить мне новую пару.

Все оставшееся время рабочей смены я постоянно смотрю в выписку из счета, которая гордо показывает все наши деньги. Теперь я знаю, почему Трент так строго следит за нашими финансами. Я действительно понимаю. Он строит лучшее будущее для нас. Улыбка на моем лице хорошо влияет на всех, с кем я сегодня разговариваю.

— Ты счастлива, — говорит мне Дейл, мой начальник, когда я прохожу мимо него.

— Так и есть, — бодро отвечаю я. — Сегодня замечательный день.

— Кажется так, Лили. Сохрани свое хорошее настроение и продолжай так же хорошо работать, если что, я рядом.

Его слова благодарности заставляют меня улыбаться еще шире, и теперь я знаю, что внутри меня тоже есть лучшее и беззаботное чувство — счастье.

Моя смена заканчивается, и я сажусь в автобус и еду домой. Всю дорогу я улыбаюсь, глядя на обувь, которую купила, украдкой бросая на туфли восхищенный и благодарный взгляд. Я хочу прокричать всем людям в автобусе, что купила эту обувь со своих собственных денег. Большинству людей покажется, что в этом нет ничего особенного, наверняка у них есть несколько пар обуви. Но не мне, ведь у меня в жизни никогда ничего не было, а эту обувь я оплатила из своих денег. Даже что-то столь незначительное, хотя и очень важное, как обувь.

Поездка в автобусе заканчивается, и я со своими новыми туфлями иду домой. Я захожу в квартиру и начинаю готовить любимый ужин Трента, чтобы выразить ему свою благодарность за все, что он для нас сделал. Потому что теперь я понимаю, почему он так контролировал наши финансы, знаю, почему он всегда говорит, что мне нужно больше работать, и что мы не можем себе позволить купить мне новую одежду и обувь.

Как только я отправляю ужин в духовку, то принимаю быстрый душ, мою волосы и тело. Я быстро сушу и укладываю волосы так, как, по словам Трента, ему нравится. Учитывая, что прошло много времени с тех пор, как он мне это сказал, но я помню, как он пропускал мои волосы сквозь пальцы и говорил, что ему нравится, как они ниспадают. Я скрываю

синяк на щеке крем-пудрой точно так же, как делала это утром перед работой. Синяк небольшой, но я не хочу, чтобы кто-нибудь спрашивал о нем. Надев обтягивающее черное платье, которое Трент купил мне на распродаже, я рассматриваю себя в зеркале. Не могу дождаться, когда он придет домой. Я собираюсь осыпать его поцелуями и сделать все, что бы он ни захотел.

Проверив время, понимаю, что Трент скоро будет дома, ведь он не писал мне, что не придет сегодня домой, и я не разговаривала с ним с тех пор, как он высадил меня вчера. Я порхаю по квартире, убираясь и удостоверяясь, что все чисто и находится на своем месте. Я взбиваю подушки на диване и убираю всю одежду Трента. Вешаю его пиджак и приглаживаю, чтобы он правильно висел на вешалке. Трент сказал, что важно, чтобы у него была красивая одежда, потому что быть врачом — значит, что ты должен представить себя в наилучшем виде. И каждый раз врач, которого я вижу, всегда хорошо одет, поэтому я согласна с Трентом. Он говорит, что единственный способ произвести впечатление — это купить хороший костюм, который окажется от «Армани». И действительно, он так прав относительно того, что надо произвести впечатление.

Таймер духовки издает звуковой сигнал, а я до сих пор витаю в облаках, находясь на седьмом небе от счастья, когда подхожу к духовке проверить ужин. Он будет готов к тому моменту, когда Трент переступит порог дома. Я накрываю стол самой красивой скатертью, которая у меня есть, и еще остается время вырезать сердечки из страниц моего дневника. Я вырезаю несколько сердечек и кладу их возле места Трента, во главе стола.

Не могу дождаться, когда он вернется домой.

Как только я убираю ножницы назад, в третий ящик стола, то слышу, как в замке поворачивается ключ. Я лечу через всю комнату с большой и теплой улыбкой для моего мужа, чтобы поприветствовать его.

Дверь открывается, и я прыгаю в объятия Трента, осыпая поцелуями все его лицо.

— Отвали от меня, — говорит он, отталкивая меня. — Господи, Лили, я только что пришел домой, дай мне несколько минут, чтобы прийти в себя, — он роняет свою сумку рядом с дверью, и на ходу снимает галстук. Он не во вчерашней одежде, но это объяснимо, потому что он сказал мне, что держит в больнице запасную одежду на случай, если ему придется остаться там на ночь.

— Прости меня, Трент, — говорю я, поднимая галстук, который упал на пол.

— Принеси мне выпить.

Я иду и приношу ему виски, приготовив его так, как он любит: на два пальца виски, и три кубика льда. Когда возвращаюсь, он сидит за своим обычным местом за столом, глядя на сердечки.

— Вот, возьми, — я радостно протягиваю ему стакан.

Трент поднимает одно сердечко, хмуро смотрит на него и отбрасывает его сторону.

— Что это за дерьмо? — спрашивает он, многозначительно глядя в сторону сердечек.

— Я просто очень счастлива, — отвечаю я, когда пытаюсь подойти ближе к мужу и сесть к нему на колени.

— Из-за того, что, ты, наконец, ведешь себя, как и должна вести чертова жена, вместо того, чтобы вести себя, как стерва?

— Из-за тебя. Я так счастлива, и теперь я понимаю, через что ты проходишь. Я просто хочу сделать тебя счастливым, вот и все, — я наклоняюсь, чтобы достать ужин из духовки. — Ужин готов. Я поухаживаю за тобой.

— Через что я прохожу? Что это значит?

— Что ж, — я начинаю говорить. — Не сердись, но сегодня я купила пару обуви.

— Что ты сделала? — он со стуком ставит стакан на стол, из-за чего я отпрыгиваю назад, роняя нож на поднос с едой.

— Мне пришлось. Но я две недели буду ходить на работу пешком, чтобы возместить те деньги, что я взяла в банке на покупку обуви, — говорю я быстро на одном дыхании.

— Ты что? Ты ходила в банк? — он встает с такой скоростью и с таким и гневом, что его стул падает назад, а бедра двигают стол вперед. — Ты ходила в этот чертов банк? — спрашивает он снова.

Его тон пугает меня, температура моего тела падает, и я чувствую, как холодок проходит сквозь меня, и каждый волосок на моем теле трепещет от страха.

— Я купила новые туфли, — указываю на свои новые туфли, которые стоят в гостиной.

Трент сжимает челюсть, его ноздри раздуваются, а губы он складывает в тонкую линию.

— Принеси их, — бормочет он в конце концов сквозь стиснутые зубы.

Я иду в гостиную, беру туфли и приношу их Тренту. Я протягиваю руку и держу туфли напротив него:

— Вот, — шепчу я.

Выражение его лица наполнено гневом.

— Дай ножницы, — говорит он таким же низким, мрачным голосом.

Я подхожу к комоду, беру ножницы и возвращаюсь к мужу.

— Вот.

Он кивает головой на меня. Я не уверена, что он имеет в виду, и он не озвучивает этого. Я смотрю на ножницы, а потом обратно на него. Я прикидываю в своей голове различные варианты, ведь до сих пор не уверена в том, что он хочет. Напряжение в комнате растет, узел в моем животе снова отчаянно стягивается все туже и туже. Мое горло начинает сжиматься, и я с трудом пытаюсь дышать.

— Режь их, — говорит он, глядя на туфли и ножницы.

Мое сердце разрывается на маленькие кусочки, когда я понимаю серьезность его слов.

— Что? — шепчу я. — Но они новые, и у меня нет другой обуви.

Трент делает шаг ко мне, а я отхожу от него на шаг. Он сильно толкает меня обеими руками, и я падаю на дверь холодильника. Дверная ручка утыкается мне в спину.

— Порезь их, — тут же повторяет он монотонно низким, смертоносным голосом.

— Но я две недели буду ходить на работу пешком, чтобы расплатиться за них. Я не хочу их резать.

Он захватывает в кулак мои волосы и ударяет головой о холодильник.

— Режь их! — кричит он в миллиметре от моего лица. Брызги слюны вылетают из его рта и приземляются мне на лицо.

— Но... — удар. Он еще раз бьет меня головой о дверь.

— Это научит тебя не вмешиваться в мои дела. Это *мои* деньги, не твои, ты, никчемный кусок дерьма, — слезы катятся по моему лицу, голова болит в месте, которым он бил меня о холодильник. — Эти деньги *мои*, не твои.

— Но я их заработала, — глупо бросаю вызов, запоздало понимая, что должна была держать рот на замке.

— Они *мои*, ты, тупой кусок дерьма. *Мои*, не твои. Я управляю ими. Я управляю всем. И я управляю тобой, — он отпускает мою голову и начинает бить меня кулаком снова и снова.

Некоторые удары попадают по лицу, а когда я пытаюсь защитить себя руками, он бьет меня в живот. — Ты, сука! — рычит он.

— Помогите! — кричу я, но квартира рядом с нами пустует уже некоторое время, и сейчас еще рано, поэтому большинство людей еще не вернулись домой с работы.

— Заткнись! — *удар*. Я продолжаю плакать и пытаюсь кричать. — Я сказал, блядь, заткнись! — *снова удар*.

Пожалуйста, Боже, пожалуйста, дай мне умереть. Трент перестает бить меня, и я пытаюсь моргнуть сквозь горячие слезы, чтобы посмотреть, что происходит. Но избиение не прекращается. Он оборачивает ладонь вокруг моего горла и начинает сжимать его.

— Ты тупая сука, ты так бесишь меня. Ты не должна была идти в банк. Это все твоя вина.

Поскольку я изо всех сил пытаюсь дышать, я стараюсь сосредоточиться хоть на чем-то, что будет последим, что я когда-либо увижу. Но все, что вижу — это Сатана. Его глаза огромные, налитые кровью и горящие ненавистью, проходящей через его тело. Его лицо красное он необузданной ярости, а пальцы мертвой хваткой обернуты вокруг моей шеи.

И сейчас я знаю свою судьбу и свое будущее. Вы можете попробовать изменить дьявола, но он навсегда останется злом.

— Убей меня, пожалуйста, — умоляю я.

Я закрываю глаза и отдаю свою жизнь зверю.

— Ты не можешь быть здесь, Макс. Она отдыхает.

— Н-но как она может от-отдыхать, к-когда л-л-люди п-приходят и уходят? Е-е-ей нужна от-отдельная палата.

— Ты знаешь, у нас нет таких палат.

— М-м-мне п-п-плевать, — гневно отвечает Макс. — Я з-заплачу. П-п-положите ее в от-отдельную палату.

— Макс, ты не можешь этого сделать.

— Это м-мои д-деньги. Я д-делаю, ч-что х-хочу.

— *Мама, мамочка. Можно мы с Ви-Ви пойдём поиграть на задний двор?*

— *Уэйд, тебе нужно принять ванну. Папа скоро будет дома, и уже темнеет. Никаких игр на улице, ты уже должен быть в своей пижаме. Ступай, — мама шлепает Уэйда по попе и поворачивается ко мне. — Вы тоже, мисс. Собирайся в ванную.*

Я стою и просто смотрю на маму. Она такая красивая. У нее самые яркие глаза, которые я видела в своей жизни. Ее волосы похожи на мед. Вы знаете, когда вы капаете медом с высоты, и смотрите, как он падает на хлеб? Вот как выглядят мамины волосы. Ее улыбка всегда такая яркая. Я так люблю маму.

Почему я слышу людей, но не могу им ответить? Я слышала, как медсестры говорили обо мне, словно меня здесь нет. Это рай? Я мертва? Трент убил меня? Я жду, чтобы открыть глаза и увидеть Бога перед собой?

— Прости меня, Лили, — говорит Трент. Он берет мою руку в свою, и сжимает ее. — Я не знаю, что на меня нашло, — шепчет он. Я пытаюсь открыть глаза, но они такие тяжелые. — Пожалуйста, детка, проснись. Пожалуйста, не умирай.

Я борюсь с вакуумом, или чем бы это ни было, который держит меня в забвении под густой вуалью. Я слышала все, но, кажется, будто упала и погрузилась в мечты. Или, может быть, в воспоминания, не знаю. Я даже не помню счастья, так что это, скорее всего, мечты. Но мне нравятся эти мечты, они делают меня счастливой. Они позволили мне забыть обо всем, что я пережила, обо всех испытаниях, через которые я прошла, и обо всех ситуациях, что мне пришлось вытерпеть.

— Лили, клянусь, я изменюсь. Я перестану изменять тебе. Я буду хорошим мужем. Я никогда не ударю тебя снова и не сделаю ничего плохого. Пожалуйста, детка, пожалуйста, проснись.

Я проваливаюсь обратно в прекрасный сон. Я в поле среди высоких полевых цветов, слегка покачивающихся от теплого ветерка, нежно ласкающего мою загорелую кожу. Я пропускаю пальцы сквозь цветы и провожу ладонью по соцветиям. Солнце светит на меня, его счастливые лучи окутывают меня теплом. Поднимая лицо вверх к нему, я позволяю его лучам обнять меня. Это чувствуется естественным, как мамин поцелуй в нос, когда вы споткнулись и повредили колено.

— Я з-знаю, что он делает с тобой, Л-Лили, — ощущение спокойствия окутывает меня, когда чувствую теплую руку вокруг своей. — Это н-неп-правильно, — он делает паузу, а

затем добавляет. — То, что он делает. Н-ни один м-мужчина не д-должен поднимать руку н-на ж-женщину. Ему н-нужна помощь. Я з-знал, к-когда увидел т-тебя в больнице, я м-мог точно с-сказать, что он об-обидел тебя.

Я хочу крикнуть Макс, чтобы он остановился, сказать, что я не хочу слышать то, что он скажет, но не могу открыть рот, не могу найти свой голос.

— Т-ты знаешь, ч-что он с-сказал, ч-что с т-тобой с-случилось? — *нет, остановись, пожалуйста, остановись.* — Он с-сказал, ч-что п-пришел д-домой с р-р-работы, а дверь б-была в-взломана. Он с-сказал, ч-что нашел т-тебя такой.

Что? Трент сказал, что нашел меня такой? Он сделал это со мной, а не кто-то другой.

— Он с-сказал, ч-что в-ваш дом о-о-ограбили до того, к-как он вернулся д-домой. Он сказал, ч-что ты лежала на п-полу на к-кухне, — голос Макса низкий и еле слышный. — Я ненавижу то, что он сделал с тобой, — его последнее предложение сказано идеально, без заикания. — Я з-знаю, что он с-сделал это, Лили. Н-не п-позволяй этому с-сойти ему с р-рук.

Идеальная тишина накрывает меня. Я ничего не слышу, ни одного слова. Может, я, наконец, сдалась и попала в рай? Но если я на небесах, то это означает, что Бог на самом деле существует. И если он реален, то почему я всю жизнь прожила в боли? Почему я...

— М-мой от-отчим ж-жестоко об-обращался с моей м-мамой. К-когда он бил ее до из-изнеможения, она т-теряла с-сознание, и он п-принимался з-за м-меня. Я з-знаю, что он д-делает с т-тобой, потому что т-такое раньше п-происходило с-со м-мной и моей м-мамой, — он крепче сжимает мою руку, и я что-то слышу в его голосе. — Х-хотел б-бы я ос-остановить его до т-того, как он у-у-у... — Макс замолкает, его голос срывается, и я слышу, как глубоко он дышит. — До того, как он убил ее, — он отпускает мою руку и рыдает. Я представляю, как его голова опускается на руки, и он плачет.

Если бы я могла двигаться и открыть глаза, я бы обязательно обняла его. Я хочу утешить его и сказать, что он не виноват. Я могу представить, как он сидит рядом со мной, плачет так же, как он, наверно, плакал, когда отчим избивал его мать, пока он сидел в углу и наблюдал, как этот акт насилия совершался над тем, кого он любил больше всего.

Проходит много времени, и я начинаю бороться с тьмой. Я не хочу больше этой изоляции.

— Макс, тебе нужно пойти домой. Это неправильно, — нежно говорит ему мягкий женский голос.

— О-она б-без соз-сознания уже т-три дня. Кто-то д-должен быть здесь, на с-случай, когда она о-очнется.

— Ты хороший человек, Макс Стерлинг. Но ты не можешь оставаться здесь, ей нужен отдых, так же, как и тебе.

Я хочу накричать на нее и сказать, чтобы она ушла. Макс разговаривал со мной, говорил о своей боли, и, возможно, это то, в чем он нуждается. И, кроме того, это нужно мне.

— Ее м-муж не п-приходил п-проведать ее с с-самого п-первого дня. Он з-звонил?

— Ты знаешь, я не могу ответить на этот вопрос. Это закрытая и конфиденциальная информация. Но позволь мне сказать, что мало кто звонил и узнавал о состоянии миссис Хэкли. Так что, если бы я не знала, то подумала бы, что у нее нет семьи.

— У-ублюдок, — бормочет Макс.

— Что это было?

— Ничего. Я отойду н-ненадолго.

— Хорошо, Макс. Насколько я понимаю, ты идешь домой.

— С-спасибо.

Я слышу мягкие шаги, а затем дверь закрывается. Я не уверена, сколько времени проходит, но затем я слышу, как стул скребет по полу.

— Детка, ты знаешь, ты на самом деле начинаешь меня бесить. Ты должна проснуться, прийти домой и приготовить мне ужин, — меня передергивает. Я даже не понимаю, как такое возможно, но это чувствуется, как будто с меня слезает кожа. — Я сказал, что прекращу обманывать тебя, почему ты не можешь просто, черт возьми, проснуться? Боже, Лили, ты такая эгоистичная сука. Все всегда лишь для тебя, ты никогда не думаешь обо мне и том, что нужно мне.

И я снова проваливаюсь в сон.

— Это из-за н-него я з-заикаюсь, — говорит Макс. — Я-я м-мочился в п-постель до т-тех пор, пока он не с-сел в т-тюрьму, а п-потом стал ж-жить с м-моим папой. М-мой о-тец был довольно спокойным, и я н-никак не м-мог понять, п-почему м-мама и п-папа не м-могли быть в-вместе. Конечно, я был т-тогда с-совсем маленьким м-мальчиком, — он замолкает, и я хочу узнать, о чем он думает. Я отчаянно пытаюсь открыть глаза и узнать, как он держится. Подозреваю, что он сидит рядом со мной, сосредоточив внимание на пятне на стене или на полу, смотрит на него, думая о том, на что было похоже его детство. — Мне потребовались годы, чтобы понять, что у них бы ничего не вышло, — говорит он. Я даже не уверена, говорит ли он все еще со мной, потому что, кажется, что он говорит сам с собой.

Но я опять засыпаю.

— Как она сегодня, Макс? — спрашивает женский голос.

— У н-нее р-розовыеют щ-щеки. Я д-думаю, что она м-может оч-очнуться в л-любой момент.

— Думаю, что ты, возможно, прав.

И снова я засыпаю.

Открыв глаза, я моргаю до тех пор, пока не сосредотачиваюсь хоть на чем-нибудь. Я смотрю налево и вижу сидящего на стуле Трента, печатающего смс-ки на телефоне.

— Что случилось? — бормочу я.

Он закрывает крышку телефона и кладет его на свободный стул рядом с собой.

— Детка, о, слава Богу, ты в порядке, — говорит он, поднимается и наклоняется ко мне, убирая волосы с моего лба. — Я был так напуган, думал, с тобой что-то произошло, — он целует меня в лоб, а затем в щеки. — Выглядишь не так уж и хорошо. Тебе повезло, что я люблю тебя.

— Любишь меня? — спрашиваю я. — Если бы ты меня любил, то не избил бы.

— Ты не знаешь, о чем говоришь. Я не делал этого с тобой, — говорит он. Его лицо безразличное и холодное, но глаза подлые и знающие правду.

— Ты избил меня, Трент, потому что я купила обувь на деньги, которые сняла в банке. В банке, где лежат *мои* деньги, — бросаю я вызов.

— Они, должно быть, ввели тебе что-то, потому что ты бредишь, детка. Я никогда бы не ударил тебя. А если бы и ударил, чего я не делал, то только потому, что этот умный ротик заслужил пощечину или две, — он натягивает на меня одеяло, заправляя его по сторонам.

Я наблюдаю за ним и вижу, как он обращается со мной. Он бесстыдно лжет, даже не моргнув.

— Я больше так не могу, Трент, — шепчу я, продолжая наблюдать за ним.

— Не можешь что?

— Я не могу больше так жить. Это неправильно.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — он снова игнорирует меня. — Я заставлю их выписать тебя, и когда мы вернемся домой, все будет по-другому, намного лучше.

— Ты изменил мнение? Ты сказал, что перестанешь изменять мне.

Он смотрит на меня и делает шаг назад, присаживаясь на выглядящий неудобным пластиковый стул.

— Я не изменял тебе, — говорит он, наблюдая за моей реакцией. — Боже, Лили, зачем ты говоришь такие вещи? Ты хочешь, чтобы я рассердился?

Я чувствую, как хмурятся мои брови, и мысленно возвращаюсь назад к тому, что я слышала.

— Как долго я здесь? — спрашиваю я, меняя тему разговора на случай, если мне все приснилось.

— Тебя довольно сильно избил. Ты была без сознания чуть больше семидесяти шести часов. Я пришел домой и увидел тебя лежащей на полу, — он качает головой и проводит рукой по лицу, а затем по волосам. — Я думал, ты мертва, — шепчет он. — Тебе чертовски повезло, что я врач, я осмотрел тебя, но, черт, ты напугала меня.

Он так убедителен. Может, мне все это приснилось. Возможно, мое подсознание придумало, что Трент бил и душил меня до полусмерти, чтобы скрыть в памяти правду о случившемся.

— Так ты не делал этого? — спрашиваю я.

— Ты думаешь, я мог сделать это с тобой? Детка, я люблю тебя и никогда не смог бы

пойти на такую крайность.

— Миссис Хэкли, вы очнулись, — говорит молодая симпатичная медсестра, входя в дверь. Ее глаза округляются, когда она видит, что я проснулась. — Привет, Трент, — она улыбается ему, и ее щеки розовеют. Девушка быстро отводит взгляд и снова смотрит на меня: — Как вы себя чувствуете?

— Я хочу пить, — говорю я, чувствуя сухость в горле. — Думаю, я в порядке.

Она улыбается мне, но это просто искусственная улыбка. Та, что она показывает всем, потому что должна. Медсестра проверяет мои жизненные показатели и говорит, что пошлет за дежурным врачом.

— Что на самом деле произошло, Трент? — спрашиваю я, когда веселенькая медсестра уходит.

— Иисус, Лили. Мне нужно повторить? Просто слушай, хорошо? Я пришел домой, дверь была выбита, а ты лежала на кухне. Я осмотрел тебя и вызвал скорую помощь. Вот, что произошло, — он скрещивает руки вместе и хрустит костяшками пальцев. — Вот и все. Ничего другого.

Я полностью расслабляюсь и позволяю его словам окутать меня.

— Я устала, Трент. Я закрою глаза на минуту.

— Все, что ты делаешь, это спишь. Если врач одобрит, то я отвезу тебя домой сегодня.

Я смотрю на него, а он снова начинает печатать что-то на своем телефоне.

— Ты позвонил мне на работу, сказать, что произошло?

— Да, детка. Конечно. Дейл сказал, чтобы ты поправлялась.

— Спасибо, — говорю я и закрываю глаза.

Что, черт возьми, случилось? Почему удары, которые я придумала, казались такими реальными? Действительно ли я просто выдумала, что он схватил меня за шею и душил? Безмятежная чернота позволяет мне сбежать, и я хватаюсь за это обеими руками, позволяя темноте поглотить меня.

***

— Вы с-сказали, ч-что она оч-очнулась?

— Да, Макс, очнулась сегодня утром.

Я открываю глаза и вижу другую медсестру, стоящую у изголовья моей кровати, и Макса, проходящего через дверь. Я смотрю на нее, потом на него и улыбаюсь.

— Т-ты п-проснулась, — говорит он и делает шаг к моей кровати.

— Да, — что-то проходит сквозь мое тело. Я не могу описать это или даже определить, что это, потому что не знаю, что это такое. Это чувствуется как волнение, смешанное с тревогой. — Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я его.

— Я д-должен идти, — отвечает он, когда поворачивается и собирается открыть дверь.

— Нет, пожалуйста, не надо, — мои слова удивляют меня. Я не знаю, почему прошу его остаться, или даже почему он здесь.

Макс останавливается в дальнем углу и наблюдает, как медсестра осматривает меня. Она уходит довольно быстро и говорит, что даст знать врачу, что я снова проснулась.

— Т-ты в-выглядишь лучше, ч-чем несколько д-дней н-назад, — нервно говорит Макс, продолжая стоять в углу, подальше от меня.

— Пожалуйста, не стой там, — я двигаю своей рукой и указываю на стул рядом с кроватью. Он медленно идет к стулу, его движения такие тщательно рассчитанные, что ему требуется минута, чтобы добраться до стула. — Ты сидел со мной, не так ли?

Он смотрит на меня, в его насыщенных карих глазах есть несколько зеленых пятен. Они отличаются от всего, что я когда-либо видела. Они неистовые, они оберегающие.

— Да, — отвечает он с идеальным произношением. — Мне пришлось, — добавляет он.

Пришлось? Что это вообще значит?

— Я не понимаю.

— Од-однажды п-поймешь.

Мое сердце подпрыгивает, а тело покалывает от притока адреналина.

— Я не понимаю, — говорю снова.

Макс улыбается и наклоняется вперед на стуле. Он ставит локти на колени и соединяет руки вместе, опуская на них подбородок.

— К-как ты себя ч-чувствуешь? — его голос — это чистое золото. Я не слышу его заикания, а только глубокий грудной тембр.

— Я не могу объяснить это, Макс, действительно не могу. Почему я чувствую себя так комфортно рядом с тобой? Я должна быть напугана и впасть в апатию только от твоего присутствия. Но... это не так, — я медленно сажусь в кровати. Глаза Макса напряженно наблюдают за мной, пока я поднимаюсь. Внезапно я понимаю, как отвратительно выгляжу после того, как четыре дня пролежала в кровати, не в состоянии помыться или просто расчесать волосы. Я чувствую синяки на своем лице, ведь я была избита тем, кто вломился в наш дом.

— Т-ты н-никогда не д-должна б-бояться меня, — улыбается Макс. Мои плечи расслабляются, и вся скованность и неуверенность, которые я, возможно, чувствовала, распадаются, как пепел, унесенный небольшим ветерком. От его непринужденного поведения я чувствую себя еще комфортнее рядом с ним.

Мгновение спустя дверь открывается, и в палату входят врач и медсестра, которая только что была здесь. Макс встает, чтобы уйти.

— Не уходи, — сдуру говорю я ему. Это чувство полного облегчения необычно и незнакомо для меня. Я не понимаю, почему спокойна. Это не имеет никакого смысла, но мне нравится.

— Я п-пойду и к-куплю к-кофе. Но я в-вернусь, — говорит он и выходит.

— Как вы себя чувствуете, миссис Хэкли? — спрашивает врач, начиная осматривать меня.

— Я в порядке, только чувствую боль.

— Вам повезло, что ваш муж пришел домой вовремя. Рана на затылке была обширной. Пришлось наложить швы, двадцать один шов, если быть точным. Нитки, которые мы использовали, саморассасывающиеся, они должны выпасть через неделю или около того.

Мы продолжаем разговаривать, и он говорит мне, что полиция хочет поговорить со мной, когда я начну чувствовать себя лучше. Я падаю духом при мысли, что придется говорить с полицией. Сначала я думала, что Трент сделал это со мной, но он убедил меня, что это был взлом, и я смутно помню произошедшее. Из-за этого я не хочу разговаривать с полицией и давать им сумбурную информацию.

Врач решает, что я еще недостаточно хорошо себя чувствую, чтобы разговаривать с полицией, и говорит мне, что велит им вернуться завтра. Он разрешает мне поесть и говорит, что если мои реакции и жизненно важные показатели будут в порядке, то завтра я смогу поехать домой.

Через несколько секунд после его ухода возвращается Макс и встает у двери. Я думаю, что он ждет приглашения, чтобы присесть рядом со мной.

— Макс, хочешь присесть?

— Спасибо, — улыбаясь, говорит он и садится рядом со мной. — Ну, к-как ты себя чувствуешь?

Я трогаю затылок там, где волосы были выбриты, и морщусь, когда пальцы пробегают по повязке на швах.

— Тело очень болит, но жить буду. Я — крепкий орешек, — улыбаюсь я. — Мне повезло, что муж вовремя пришел домой.

— П-повезло? И это т-ты н-называешь в-везением? — он указывает на мою голову. — П-повезло, ч-что он н-не у-убил т-тебя, — говорит он сквозь сжатые челюсти.

— Что? Трент не делал этого, кто-то вломился в наш дом и сделал это со мной.

Брови Макса удивленно взлетают вверх, а его верхняя губа слегка подергивается.

— Это то, ч-что он т-тебе с-сказал? — я киваю головой. — И т-ты в-веришь е-ему?

Он мой муж. Почему бы мне не верить ему? Хотя знаю, что-то тут не так. Глубоко внутри себя я сомневаюсь в этой ситуации.

— Х-хорошо, т-ты в-веришь ему, — он пожимает плечами. — Раньше в-все в-верили и м-моей маме.

— Твой маме? — спрашиваю я.

— М-мой отчим из-избивал м-мою маму, д-до тех пор, п-пока не у-убил ее.

Подождите. Это кажется дежавю. Мой разум кружится, и я жду, что Макс скажет больше. Я хочу спросить его, что случилось с его мамой, но с моей стороны это будет жестоко.

— Хм, — я оглядываю комнату, пытаюсь сосредоточиться на чем-то другом. Я заметила, что нахожусь в отдельной палате, и тут снова что-то не сходится. — Почему я в отдельной палате? — я осматриваю комнату еще раз, прежде чем с любопытством посмотреть на Макса.

— Т-ты д-действительно не з-знаешь?

— Не знаю что?

— Это н-не в-важно.

Мы снова сидим в тишине. В комнате тихо, но не в моем разуме. Он кричит мне, что некоторые вещи не сходятся. Как будто я пытаюсь выбраться из темного леса, и у меня нет света, чтобы вывести меня оттуда. Я решаю просто отпустить это, потому что со временем ответы придут ко мне.

— Я могу задать тебе вопрос, хотя он может прозвучать грубо?

Макс улыбается, и я вижу, как его высокая фигура расслабляется.

— Н-ничего из того, ч-что ты с-скажешь, н-не м-может з-звучать г-грубо.

Я пытаюсь сформулировать вопрос настолько тактично, как только могу.

— Почему твое заикание иногда более заметное?

Уголок его рта поднимается, и он медленно моргает, когда заносит обе руки вверх и кладет их за голову:

— Ч-чем к-комфортнее я ч-чувствую с-себя рядом с к-кем-то, т-тем м-меньше з-з-заикаюсь.

Это, конечно же, приводит меня к следующему вопросу:

— Я заставляю тебя нервничать?

Он посмеивается над вопросом.

— Р-рядом с т-тобой я н-нервничаю б-больше в-всего.

— Хммм, — отвечаю я и небрежно провожу рукой по своим волосам. Как только мои пальцы касаются повязки над швами, я морщусь от боли.

— Ты в порядке? — спрашивает он и вскакивает в беспокойстве, наклоняясь ко мне.

Я опускаю руку и смотрю на Макса. Его забота смущает меня.

— Я в порядке, — смотрю, как он садится на место. — Почему я заставляю тебя нервничать?

— Т-ты н-напоминаешь м-мне о моей м-матери, — я чувствую, как морщу нос на его ответ, он, должно быть, это замечает и поспешно добавляет, — я имею ввиду, к-какой она б-была рядом с ним, — говорит он, подчеркивая «с ним». Он теряется на мгновение, возможно, разговор о его маме и о том, что она пережила, до сих пор ранит его. Я могу только представить, через что прошла эта избитая женщина, не говоря уже о сыне, который все это видел. — Я д-должен идти, — говорит Макс, резко поднимаясь и направляясь к двери.

— Я сделала что-то не так? — спрашиваю я, потрясенная и обеспокоенная тем, что заставила его сбежать.

Он останавливается перед тем, как положить руку на ручку двери. Оборачивается, чтобы посмотреть на меня, и говорит тихим и успокаивающим тоном:

— Нет, Лили. Ты никогда не сделаешь ничего плохого, — его слова совершенны. Макс уходит, не дождавшись моего ответа.

Что происходит? Почему мне кажется, что он ушел и никогда не вернется? Почему мысль о его отсутствии скручивает мой желудок в узел от беспокойства?

До того, как я могу что-то понять, дверь открывается, и крупная дама с подносом еды заходит внутрь.

— Это тебе, дорогая, — говорит она и ставит поднос на стол рядом со мной, даже не взглянув на меня.

— Спасибо, — отвечаю я, задаваясь вопросом, кто заказал это для меня.

Она тихо уходит, а я беру тарелку со стола и начинаю есть пресную больничную еду. Пока я ем, дверь снова открывается, и внутрь заходит Трент.

— Ты не спишь. Хорошо. Разговаривал с дежурным врачом, и я клянусь, этот парень — идиот. Я не имею понятия, где он учился, — он закатывает глаза и садится в кресло, в котором сидел Макс. — В любом случае, не ешь слишком много. Ты же не хочешь быть похожей на жирную свинью, — он многозначительно смотрит на тарелку с моей недоеденной едой, а затем достает из кармана свой телефон.

Я медленно кладу вилку в тарелку с едой.

— Что сказал доктор?

— Он сказал, что если ты поешь и удержишь все это в себе, то завтра я смогу забрать тебя домой.

— Ну, это хорошо.

Трент набирает чей-то номер и держит палец вверх, чтобы я подождала, пока он

поговорит с кем-то по телефону.

— Привет, это я, — он слушает несколько секунд. — Да, я не могу. Может, на выходных, — он снова слушает, — хорошо, пока.

— Кто это был? — спрашиваю я.

— Кое-кто с работы хочет, чтобы я помог им переехать. Ничего особенного, я сказал, что не могу.

— Кто «они»?

— Ты не знаешь их, так что не беспокойся об этом. В любом случае, завтра ты возвращаешься домой, только не психуй из-за крови на кухне.

— Ты не смыл ее?

— Я не сраный уборщик, Лили. Эти руки бесценны. Однажды я стану хирургом. Кстати, ты все еще должна сделать мою домашнюю работу. Хочешь, чтобы я принес ее, и ты сделала ее здесь сегодня вечером? — спрашивает он меня самым серьезным тоном.

— Я не могу делать твою работу за тебя. Ты должен сделать ее сам, ты же учишься.

Трент скрипит зубами и встает со стула.

— Я должен идти, детка. Вернусь завтра, чтобы забрать тебя.

— Подожди, — я зову его, когда он исчезает за дверью. — Куда ты идешь? — спрашиваю пустоту, потому что он уже ушел.

Я сижу в своей холодной изолированной палате и чувствую себя еще более одинокой, чем прежде.

Но больше всего меня удивляет, что Макс был здесь. Множество мыслей вертится в моей голове. Но самый большой вопрос, и, кажется, я не могу найти на него ответа, это... почему?

— Ты готова отправиться домой, детка? — спрашивает Трент, когда идет впереди меня и несет небольшую сумку, которую принес для того, чтобы сложить туда мою сменную одежду и чистое нижнее белье.

Уже в машине, пока мы едем домой, я пересказываю Тренту то, что полицейские сказали мне этим утром.

— Они спросили меня, помню ли я что-нибудь о нападении.

— Что ты им сказала? — спрашивает он. Я заметила, что он сбавил скорость машины.

— Я сказала им правду. Сказала, что ничего не помню.

— Ну же, Лили. Я рассказал тебе, что случилось. Ты должна была пересказать им то, что я тебе сказал.

— Я не буду им лгать, Трент. Я не могу вспомнить, что произошло, — качаю головой, все еще сомневаясь в себе.

— Ты должна просто верить мне. Все было именно так, как я и сказал. В любом случае... — он замолкает и делает три глубоких вдоха. — В любом случае, что ты приготовишь на ужин? Мне пришлось питаться едой на вынос, и сейчас я готов к домашней еде.

— Я не очень хорошо себя чувствую, чтобы готовить. Разве мы не можем просто заказать пиццу? И, кроме того, мне нужно отдыхать, так сказал доктор, а на следующей неделе я должна сходить к нему на прием.

— Он — идиот, я уже говорил тебе об этом. Я позабочусь о тебе, ведь я твой муж, и это меньшее, что я могу сделать.

Я поворачиваюсь к нему лицом. Есть кое-что, что играет с моим разумом, и оно постоянно в моей голове, пытается вырваться. И это не проходит.

— Трент, — начинаю говорить я.

— Да.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю, надеясь, что он понимает, что я имею в виду.

— Хорошо. А что?

— Я имею в виду, как ты относишься ко всей этой ситуации? Ты сказал, что пришел домой и нашел меня на кухне. Ты паниковал или волновался?

— О, детка, ты действительно собираешься задавать мне такие банальные вопросы? Я ничего не почувствовал, ведь как только тебя увидел, я осмотрел тебя и знал, что ты будешь в порядке.

— Именно поэтому ты почти не появлялся в больнице?

— Эти вопросы — полная фигня, Лили. У меня есть работа, ты же знаешь. Только потому, что ты слегка поранила голову, моя работа не остановилась. Ради всего святого, Лили! Иногда ты бываешь такой эгоисткой, — он спокойно смотрит в окно. — Иисус, — бормочет он сам себе.

Я делаю то, что и всегда, остаюсь тихой до конца нашей поездки домой.

Трент паркуется на нашем месте и выходит из машины. Он поднимается по ступенькам до тех пор, пока не доходит до нашей квартиры.

— Поторопись, — кричит он. — И не забудь свою сумку.

Я открываю багажник и достаю свою сумку, затем поднимаюсь по лестнице в нашу маленькую квартиру, дверь которой открыта, а Трент уже смотрит телевизор внутри. Я смотрю на дверь, и вижу, что ее заменили, и пытаюсь вспомнить день нападения на меня. Смотри вниз на свои ноги, замечаю новые босоножки, которые Трент, должно быть, купил для меня, чтобы носить дома, и осматриваю квартиру отсутствующим взглядом. Опять же что-то не сходится, но я не могу понять, что именно.

— Детка, принеси мне содовую, — говорит Трент, переключая каналы.

Я бросаю свою сумку возле двери и запираю замок, дважды проверяя, закрыта ли дверь. Голова идет кругом, и я не могу не думать о том, что, *если к нам вломились, то почему я не напугана, возвращаясь сюда? И что они взяли? Что-то не сходится.*

Я подхожу к холодильнику и вижу вмятину на двери. Вижу засохшую кровь на нем, и вдруг небольшой фрагмент всплывает в моей памяти. *Обувь.* Что-то связано с обувью.

Иду в нашу спальню, достаю свой дневник из укромного места и пролистываю записи, но там ничего не сказано про обувь.

Мой разум затуманен и похож на пазл, в котором все кусочки разбросаны по полу. Я вижу все детали, но они перемешаны. Мне нужно тщательно рассмотреть все и сложить их вместе, чтобы создать полную картинку.

— Принеси мне выпить, — кричит Трент.

Я кладу дневник в задний карман своих джинсов и скрываю его кофтой, потому что мне нужно внимательно его прочитать, чтобы узнать, есть ли там ключ к разгадке, способный помочь мне решить головоломку.

Возвращаюсь к холодильнику и открываю дверцу, наклоняюсь к нижней полке, чтобы взять содовую. Присаживаюсь на корточки, чтобы взять напиток, и вижу на полу крошечное сердечко, вырезанное из бумаги.

Подняв сердечко, я приношу его Тренту вместе с содовой.

— Что это? — спрашивает Трент, когда я протягиваю ему напиток.

— Я не уверена, — говорю я и верчу сердечко в руках.

Трент всматривается в мои руки, его глаза округляются и он вырывает сердечко из моих рук.

Из-за реакции Трента на сердечко воспоминания о случившемся в тот день накатывают на меня:

— ЭТО БЫЛ ТЫ! — кричу я, отступая от него. Мое тело дрожит от страха, а сердце колотится; я вспоминаю каждую секунду, каждый удар, которым Трент пытался убить меня. Я чувствую, как будто цунами нахлынуло на меня.

— Это был несчастный случай, — орет мне Трент, вставая и делая шаг ко мне. Он сжимает руки в кулаки, его лицо становится красным.

— Не трогай меня, — моя спина упирается в дверь, и я поворачиваю ручку, чтобы сбежать.

Трент меняется: его плечи распрямляются, а губы растягиваются в злой, ехидной ухмылке. Каждый волосок встает дыбом, мурашки внезапно покрывают кожу, когда мое тело узнает зло.

— И куда, черт возьми, ты собралась идти? Ты самый тупой и охуенно уродливый человек, которого я знаю, Лили. У тебя нет друзей, я убедился, чтобы твой единственный друг отдалился от тебя. У тебя нет семьи, тебе некуда идти. И позволь мне сказать тебе кое-что еще, теперь у тебя нет и работы. Я сказал мудаку Дейлу, одному из тех, кто всегда

пытался сделать тебя увереннее и поддерживал тебя, что ты много лет воровала деньги из магазина. Я убедил его не выдвигать против тебя обвинения, но ты же знаешь, что это значит, детка? — я качаю головой, не в состоянии осмыслить, что он говорит. — Это значит, что я, блядь, владею тобой, — он делает шаг ближе ко мне. Хватает меня за предплечья и сжимает их, напоминая мне, что я его, безмолвно сказав мне, что он может делать со мной все, что захочет.

В этот момент, именно в этой ситуации, я, наконец, понимаю, что если останусь, то в следующий раз не попаду в больницу, вместо этого я попаду в городской морг.

Хватит.

— Отпусти меня, — говорю я сквозь зубы. — У тебя больше нет власти надо мной.

Трент запрокидывает голову назад и смеется, усиливая хватку на моей руке.

— Ты — глупая девчонка, — фыркает он и, понижая голос, приближает ко мне свое лицо так, что его нос почти касается моего.

— Хватит, Трент. Я выйду за эту дверь, и ты больше никогда ко мне не приблизишься, — я выпрямляю спину и расправляю плечи.

Трент вздрагивает, его правый глаз подергивается, когда он обдумывает мои слова и кривит губы в отвращении.

— Я могу забрать твою жизнь, Лили, и никто никогда не узнает, всем будет плевать.

— Я веду дневник, — я не говорю ему, что дневник у меня, иначе он заберет его и убьет меня. — Он в моем шкафчике на работе. Ты, возможно, и позаботился о том, чтобы меня уволили, но если они откроют ящик, то найдут дневник.

— Ты блефуешь. Ты недостаточно умна, чтобы так хитро поступить.

— Ты действительно собираешься рискнуть всем, независимо от того, есть ли у меня дневник?

— Ты тупая сука. Я *достану* тебя.

— Тогда сделай это сейчас, потому что если я выйду за эту дверь, и ты пойдешь за мной, я расскажу полиции о том, что ты сделал со мной, — я вырываюсь из его хватки. Конечно, с его размерами он легко может меня одолеть, но беспокойства, отразившегося на его лице, достаточно, чтобы сказать мне, что он обдумывает всю серьезность моих слов. — Убей меня сейчас, Трент, или дай мне уйти.

Трент отступает на шаг назад, его плечи резко опадают.

— Если выйдешь за эту дверь, то никогда не вернешься, — я поворачиваю замок на двери и открываю ее. — Клянусь Богом, ты уйдешь, и мы расстанемся.

— Твое будущее, как врача, теперь в моих руках. Просто оставь меня в покое и никогда не подходи ко мне снова.

Я открываю дверь.

— Не смей, блядь, уходить! — приказывает он мне. Я перешагиваю порог и оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него через плечо. — Тащи сюда свою чертову тупую уродливую задницу, — он указывает на место перед собой. — СЕЙЧАС ЖЕ! — кричит он.

Я выхожу.

Спускаюсь вниз по ступенькам.

Я начинаю с... не знаю, с чего. Но это должно быть лучше, чем все это.

Слышу, как кричит Трент:

— Лили!

Я больше не буду чьей-то грушей для битья.

Я захожу в магазин, не имея ничего, кроме одежды, что на мне, и сандалий на ногах. Но, что самое важное, со своей свободой.

Дрожа, я направляюсь в заднюю часть магазина, где, знаю, будет Дейл. Я пытаюсь ввести свой код, чтобы открыть дверцу, но он не работает. Я иду в зал, чтобы найти Вивиан, начальника смены.

— Вивиан, Дейл здесь? — спрашиваю я, когда она находит замечает меня и осматривает.

— Боже мой, Лили, ты в порядке? — спрашивает она.

Я чувствую, как мои зубы стучат от мороза.

— Мне холодно, — отвечаю я и пытаюсь обернуть руки вокруг себя. На улице около тринадцати градусов, а все, что на мне — это джинсы, сандалии и легкий свитер.

— Дейл здесь?

— Вот, возьми, — Вивиан достает из-под прилавка свою куртку и накидывает мне на плечи. — Я попрошу Дейла спуститься, — она берет телефон, поворачивается спиной ко мне и спокойно говорит с Дейлом. Несколько секунд спустя она поворачивается ко мне и говорит, — он идет.

— Спасибо т-тебе, — я заикаюсь от холода. Сейчас, когда я перестала двигаться, холод ударил по мне, и ударил очень сильно.

— Лили, — говорит Дейл позади меня. — Иисус. Пойдем наверх, — он пропускает меня вперед, следуя за мной. Когда мы подходим к двери, он вводит свой код, и мы поднимаемся по лестнице в его кабинет. Он заходит внутрь, закрывает дверь, берет с вешалки свою куртку и накидывает ее на меня, поверх куртки Вивиан. Затем он возвращается к вешалке, берет свой шарф и оборачивает его вокруг моей шеи. — Что, черт возьми, происходит? — наконец спрашивает он, садясь за свой стол. — Присаживайся, — предлагает он, и указывает на стул.

Я вытаскиваю свой дневник из заднего кармана и кладу его на стол, когда сажусь. Я дышу глубоко и стараюсь успокоить свое тело, чтобы согреться.

— П-прости. М-мне очень х-холодно.

— Я приготовлю тебе чашку горячего кофе. Просто подожди, — вдруг он вскакивает, и бежит в комнату для персонала. Он так быстр, что я даже не успеваю сказать ему, что не люблю кофе. Но если он горячий и поможет мне согреться, то я приму его.

Через несколько минут Дейл приносит два кофе.

— Спасибо, — говорю я, когда он ставит одну чашку передо мной. Я оборачиваю ладони вокруг чашки с кофе, она такая теплая, что обжигает мои замерзшие пальцы. Но пальцы быстро согреваются, и я больше не считаю, что это неприятно. — Спасибо, что согласился встретиться со мной, — говорю я, отхлебнув кофе.

Взгляд Дейла останавливается на мне. Он пристально смотрит на меня и оценивает мой внешний вид.

— Что с тобой происходит, Лили? Я должен сказать, что когда мне позвонил Трент и сказал, что кто-то вломился в вашу квартиру, и что ты была ранена, я был в шоке. Но самый большой шок я испытал, когда он сказал, что ты ворующь здесь деньги. Я уволил тебя и

думал, что ты никогда больше не покажешься здесь.

Я слегка улыбаюсь, больше ироничной, чем настоящей улыбкой. Трент хотел изолировать меня ото всех, и ему удалось убедить человека, с которым я работала в течение многих лет, что я воровка.

— Я никогда ни у кого ничего не крада, — начинаю говорить я.

— Я не понимаю. Лили, которую я знаю, никогда бы не сделала того, что он сказал, но он был очень убедителен. Я не мог рисковать, оставляя тебя здесь, и допустить, чтобы это сказывалось на работе магазина. Не именно из-за тебя, а больше из-за проблем, которые мог вызвать Трент. Я все еще на распутье и пытаюсь собрать свои мысли воедино, чтобы понять, что происходит. Но я готов выслушать тебя и твою историю о том, что произошло, — говорит он и делает поток своего кофе. Кое-что о Дейле — он всегда был справедливым руководителем.

Дейл — пожилой джентльмен, возможно, больше пятидесяти лет, он самый невероятно терпеливый и справедливый человек, которого я знаю. Его волосы редеют, он довольно плотный, но привлекательный. Он всегда так хорошо говорит о своей жене и двух дочерях. Все, включая меня, относятся к нему с большим уважением.

— Трент сказал тебе, что я была в больнице?

Глаза Дейла округляются, и он сжимает свои губы.

— Нет, не говорил. Почему ты была в больнице? — спрашивает он.

— Меня избили, — говорю я самым тихим голосом. Я не говорю это с осуждением или злостью. Я говорю это без чувств. Потому что единственное чувство, которое я могу показать, но пытаюсь удержать, это смущение.

— Что? — шепчет он. — Избили? Что случилось? — он пытается оставаться невозмутимым, но по тому, как напряглась его челюсть, а глаза потемнели, могу сказать, что он, должно быть, думает, что я это заслужила.

— Меня избил... — Боже мой, это трудно сказать. — Меня избил... — начинаю я снова, пытаюсь сказать имя Трента, но не могу. Унижение проходит через меня и мешает мне сказать его имя. — Меня избил... — я начинаю плакать. Не могу справиться с этим. Я недостаточно сильна, чтобы сказать ему, не могу быть... хоть кем-то.

Я так слаба, так глупа, чтобы даже попытаться изменить что-то в своей жизни. Я ничто и не имею значения ни для кого. Я — пустая трата воздуха, и я не должна жить.

— Мне очень жаль. Я должна идти, — говорю я сквозь рыдания. Я встаю на ноги так же, как и Дейл.

— Ты никуда не пойдешь, Лили. Ты сядешь здесь и расскажешь мне, что, черт возьми, происходит, — он обходит стол и притягивает меня в объятия. Впервые за столько лет, когда я нуждаюсь в человеческом контакте, я получаю его. Он не душит меня и не топит в своем теле, он просто обнимает меня и предлагает комфорт.

Я рыдаю в его грудь, мои руки напряжены вокруг него.

— Мне так жаль, — повторяю я в грудь Дейла. Мои всхлипы, в конце концов, превращаются в небольшое икание, и я успокаиваюсь.

— Расскажи мне, что происходит, — он аккуратно пробует меня успокоить. Все еще обнимает меня. Это не сексуально или похабно, это похоже на то, как отец обнимает свою дочь, пока она плачет, потому что ее первая любовь разбила ей сердце. Он джентльмен, с по-настоящему прекрасной душой. — Все хорошо, Лили. В моем кабинете, на работе, ты в безопасности. Никто не сможет обидеть тебя здесь, — его тон низкий и успокаивающий, и я

знаю, что он имеет в виду то, что говорит.

Я отпускаю свой стыд и открываю рот. Нет, это не правильно, я не отпущу свой стыд, я до сих пор держусь за него, но рискую последствиями, рассказав Дейлу о том, что произошло. Я убираю свои руки от Дейла и отступаю, давая нам немного пространства и места. Я смотрю в его стареющие глаза и впервые замечаю морщинки и темные круги под ними.

— Все хорошо, — повторяет он и прислоняется к своему столу.

— Трент избил меня.

Глаза Дейла округляются, и он кривит рот так, что становится ясно, что он прикусывает щеку изнутри.

— Расскажи мне, что случилось, Лили.

Следующие полчаса я рассказываю ему о последнем случае, который отправил меня в больницу, включая то, что произошло, когда мы вернулись домой пару часов назад. Дейл сидит на краю стола, не двигаясь и ничего не говоря, но его лицо выдает все: то, как дергается его левый глаз, как напрягаются руки под рубашкой, всего этого достаточно, чтобы сказать мне, что у него внутри кипит гнев.

— Пожалуйста, не злись на меня, — говорю я, когда его челюсть напрягается, а лицо искажается от гнева.

— На тебя? Иисус, Лили, я совсем не злюсь на тебя. Я злюсь на себя за то, что был обманут таким варваром и манипулятором.

— Ты не злишься на меня? — спрашиваю я, удивляясь.

— Нет, — он делает глубокий вдох и говорит. — Где ты остановишься?

— Я собиралась спросить тебя, могу ли воспользоваться телефоном, чтобы позвонить своему другу Шейн?

— Конечно. И если он не сможет приютить тебя, в моей гостевой комнате ты будешь чувствовать себя комфортно.

Я улыбаюсь его гостеприимному предложению, и, честно говоря, немного потрясена, что он готов принять меня в своем доме.

— Шейн — девушка и моя лучшая подруга с давних времен. Ты не должен утруждать себя. Я уверена, что рядом есть приют, где я смогу остаться, если Шейн не сможет помочь мне.

— Ты не будешь жить в приюте. И точка. Теперь, когда ты ушла от него, ты ушла вот так? — спрашивает он, указывая на меня.

— Только я и мой дневник, больше ничего.

— Я найду для тебя другую униформу, и вот, возьми мою кредитку и купи какую-нибудь теплую одежду, — он берет свой бумажник и предлагает мне свою кредитную карточку. Но я не принимаю ее.

— Не нужно, мне просто нужно пойти в банк. Он управляет нашими финансами, и у нас есть более восьмидесяти тысяч долларов в банке. Мне просто нужно какое-нибудь удостоверение, чтобы пойти и снять немного денег. Но у меня ничего нет, я все оставила в квартире.

— У меня есть кое-что в твоём личном деле, еще с тех пор, когда ты впервые пришла на работу. Я могу дать тебе это и отвезти тебя в банк, если хочешь, — предлагает он.

— Да, пожалуйста. Мне нужна обувь и одежда.

Дейл встает.

— Я пойду в архив и посмотрю, что у меня есть для тебя. Но, пожалуйста, воспользуйся телефоном, чтобы позвонить своей подруге, — он оставляет меня в своем кабинете.

Черт, у меня нет номера Шейн, он в моей сумке в квартире. Я беру свой дневник, и начинаю листать, пытаюсь придумать, как связаться с Шейн. Я помню, что записала ее номер в дневнике, когда она дала мне его. Я листаю его до тех пор, пока не нахожу.

Беру телефон Дейла, нервно набираю номер и жду, когда пойдут гудки. Мое сердце бьется в горле, и беспокойство заставляет меня дрожать от страха и неопределенности.

— Алло, — отвечает Лиам.

— Привет, хм, Лиам.

— Да, кто это?

— Это я, Лили.

— Святое дерьмо. Какого черта? О, Боже мой! ШЕЙН! — кричит он.

Я отодвигаю телефон от своего уха, когда он зовет Шейн. Прижимая телефон обратно, слышу, как Лиам говорит Шейн, что звоню я.

— Лили, как ты? Ты в порядке? — она говорит это, даже не сделав вдох. Я опять начинаю рыдать, мне так стыдно, что приходится звонить Шейн и просить о помощи. — Боже мой, где ты, Лили? Я еду за тобой.

Я не могу заставить слезы остановиться, но сквозь неконтролируемые всхлипы мне, наконец, удастся сказать:

— Я на работе. В кабинете босса.

— Оставайся там, пока я не приду за тобой. Мы с Лиамом уже едем, — она бросает трубку раньше, чем я успеваю что-нибудь сказать.

Спустя несколько мгновений, Дейл возвращается в кабинет, держа папку.

— Вот, у меня есть некоторые твои личные данные, ты можешь использовать их в банке. Я пойду с тобой, если хочешь, — предлагает он.

— Шейн и ее муж Лиам едут сюда, чтобы забрать меня. Я поеду с ними.

— Все, что угодно, Лили. Теперь о работе.

— У меня все еще есть работа?

— Ну, на самом деле... нет.

Мои плечи опускаются.

— Ладно.

— Не внизу, но Кэндис, личный помощник генерального директора, увольняется в следующую пятницу, и я знаю, что Питер еще не нашел ей замену. Он велел мне присмотреться, и я думаю, что ты идеально подходишь на эту должность.

— Но я не знаю, что делать.

— Не беспокойся об этом сейчас, возьми выходные до конца этой недели. Позвони или приходи ко мне в пятницу, и мы поговорим об этом. Но сейчас, просто не беспокойся об этом. У тебя всегда будет работа здесь.

— Спасибо, Дейл.

Мы сидим и разговариваем. Я уверена, что Дейл пытается отвлечь меня от моей семейной ситуации. Он рассказывает мне о гостевой комнате и о том, как его дочери полюбят меня. Несмотря на то, как он старается меня отвлечь, Трент на первом месте в моих мыслях. Я боюсь его и его возможных действий. С большим опасением я попросила Шейн с помощью, не говоря уже о том, чтобы просить Дейла подвергнуть его жену и дочерей опасности.

Трент попытается убить меня. Я не сомневаюсь, что у него есть садистские наклонности и возможность, чтобы сделать это. Пока мой разум плавает в страхе перед Трентом, Дейлу звонят снизу и говорят, что два человека ожидают меня.

— Спасибо, — поднимаясь, говорю я.

Дейл встает из-за стола и одаривает меня еще одним объятием.

— Дай мне знать, если я могу тебе чем-либо помочь.

— Спасибо за все, — я выхожу из его кабинета и иду вниз к Шейн и Лиаму.

Шейн раскрывает свои руки сразу же, как только видит меня, и я лечу в них.

— Ты ушла от него, не так ли? — шепчет она. Я киваю головой, отвечая на ее вопрос. — Давай, пойдём домой.

— Сначала мне нужно в банк.

Она отпускает мои плечи и смотрит на меня.

— В банк?

— Я все объясню в машине, мне просто нужно в банк.

— Хорошо, мы пойдём с тобой.

Мы переплетаем наши руки вместе и идем в «Банк Америки». Лиам идет в четыре шагах позади нас, давая нам пространство. Когда мы заходим внутрь, Лиам садится на один из стульев у стены, а Шейн встает со мной в очередь.

Подходит моя очередь, я даю кассиру всю информацию о себе и говорю, что хочу снять некоторую сумму. Будет справедливо, если я возьму то, что, как думаю, принадлежит мне, поэтому сниму сорок тысяч долларов, а другую половину оставлю Тренту.

— Сколько бы вы хотели снять? — симпатичная молодая кассирша спрашивает меня.

— А какой баланс?

— Вот, — она поворачивает монитор и показывает мне баланс. Три тысячи пятьдесят восемь долларов и девяносто два цента.

— Что?! — почти кричу я, пораженная отсутствием денег.

— Какие-то проблемы? — спрашивает она, обеспокоенно глядя то на меня, то на экран.

— Там должно быть более восьмидесяти тысяч долларов.

— Я вижу недавнюю активность на счете. Позвольте мне посмотреть, — она стучит по клавиатуре, а затем говорит. — Вот, пожалуйста. Есть чек из автосалона на пятьдесят пять тысяч долларов, позвольте мне посмотреть, с какого именно автосалона, — она отворачивает экран. — Это дилерский центр «БМВ».

Я поворачиваюсь к Шейн, качая головой.

— Он купил машину.

— Есть еще одна операция из другого автосалона, вот, — она снова поворачивает экран, показывая подробности. — Чек на «Тойоту» за двадцать тысяч долларов.

— Он купил две машины, не одну, и все на мои проклятые деньги, — говорю я Шейн. Шейн ничего не отвечает, лишь качает головой. Я поворачиваюсь обратно к кассиру, и говорю: — Я снимаю все с этого счета и хочу вычеркнуть свое имя из него.

— Я должна позвать менеджера, чтобы сделать это, — говорит она. — Я вернусь через мгновение, — она закрывает окно и оставляет нас с Шейн стоять, ошеломленные и потеряв дар речи.

— Это невероятно, — говорю я и осматриваю банк, чтобы снова не заплакать. *Этот день может быть еще хуже?*

Приходит пожилой мужчина с лысиной в центре головы и представляется нам. Он ведет

меня в свой кабинет, и в течение пятнадцати минут мы удаляем мое имя из счета и открываем новый, только на мое имя. Когда мы заканчиваем, я выхожу из кабинета с суммой чуть более трех тысяч долларов на моем новом банковском счете и одеждой, что на мне. Я возвращаюсь на работу и даю Дейлу мои новые банковские реквизиты, а затем еду домой к Шейн и Лиаму.

Я начинаю свою жизнь с чистого листа.

— Эй, я сделала горячий шоколад, — говорит Шейн, входя в гостиную, и садится на кровать, которую я занимаю последние три дня. — Почему бы тебе не поужинать с нами?

Я смотрю на часы и понимаю, как поздно сейчас.

— Уже почти одиннадцать, и я просто хочу спать, — говорю я, поворачиваясь в кровати. Я ходила на работу и разговаривала с Дейлом и Питером, и они оба согласились, что я слишком ценный работник, чтобы работать в торговом зале.

Мне дали должность личного помощника Питера и прибавку в пять тысяч долларов в год. Питер сказал, что понаблюдает за моей работой в течение шести месяцев и назначит мне соответствующую зарплату.

— Очень плохо. Впервые я не знаю за сколько лет, моя лучшая подруга снова со мной, — говорит она, толкая меня, — и я не собираюсь упускать такую возможность.

Я улыбаюсь, потому что Шейн пристающая, иначе не бывает.

— Хорошо, подай мне мои... я имею в виду, *твои* тапочки, — я указываю на край кровати.

Она встает, усмехается и бросает их в мою голову.

— Вот *твои* тапочки, — она смеется, и я не могу не рассмеяться вместе с ней. — Теперь вытаскивай свою задницу из постели, или я сяду на твою голову и пукну, — я снова смеюсь, и она со смехом выходит из комнаты.

Я встаю и иду на их кухню. Лиам сидит на табуретке, попивая свой горячий шоколад, Шейн, садясь, тоже берет свою кружку.

— Почему это похоже на интервенцию? — спрашиваю я и смотрю в свою кружку. — Если это так, то думаю, мне нужно положить парочку зефирок.

— О, отличная идея, а завтра вечером мы пожарим зефир. Ты сможешь разжечь костер? — спрашивает она Лиам.

— Да, думаю, что смогу, если снег не пойдет.

— Снег еще не выпал, так что, наверно, его не будет и завтра вечером.

Лиам подходит к шкафу и, достав зефир, кладет его перед нами. Я беру две штучки и кладу их в свой горячий шоколад.

— Ты знаешь, что мы любим тебя, так ведь? — начинает говорить Шейн.

Это не к добру, когда кто-то начинает разговор с таких заявлений, а затем добавляет «так ведь?» в конце.

— Да, — говорю я, растягивая слова. — Но?.. — добавляю я, — всегда есть какое-то «но».

— Что ж, мы с Лиамом поговорили...

— Нет, милая, говорила ты, а я слушал, — вмешивается Лиам.

— Да, и это тоже, — Шейн игриво показывает Лиаму язык. — Мы с *Лиамом* поговорили, — она подчеркивает его имя. — Мы думаем, что ты должна вернуться в университет. Ты всегда хотела стать учителем английского языка. Теперь, я думаю, ты должна сделать это.

— Это все она, не я, я не имею к этому никакого отношения, — говорит Лиам, скидывая руки вверх в притворной капитуляции.

— Все нормально. Это отличная идея. Но я не могу. Мне нужно работать, и моя стипендия стала недействительной после того, как я бросила учебу.

— Ты можешь работать неполный рабочий день в супермаркете и, возможно, редактировать книги, как прибавку к своей зарплате, и взять курс или два, — взволнованно говорит Шейн, подпрыгивая на месте.

— Ты много думала об этом, — говорю я, наблюдая за ее энтузиазмом и тем, как она сияет.

— Боже мой, и правда! Я думаю, ты сможешь сделать это, Лили. Я на самом деле думаю, что ты сможешь. Ты самый умный человек, которого я знаю. И хотя это значит, что ты будешь очень занята, есть только один человек, который сможет сделать это, и это — ты, — она делает глубокий вдох и улыбается мне. — Я знаю, что ты сможешь это сделать, — она указывает на себя. — Он знает, что ты сможешь это сделать, — она указывает на Лиама, и он кивает с тупой улыбкой на лице. — И ты знаешь, что ты сможешь это сделать, — она указывает на меня. — Ты всю свою жизнь прожила в аду, теперь пора переезжать в рай, — она улыбается мне.

Чувствую, как слезы собираются в уголках глаз.

— Я не знаю, с чего начать, — говорю я. — Я никогда ничего не редактировала в своей жизни. Как я могу сделать что-то подобное? Я даже не знаю, где найти хоть кого-нибудь, чтобы узнать, смогу ли я поработать над их книгой.

— Ну... — начинает говорить Шейн и снова подпрыгивает вверх и вниз на месте. — Одна девушка, которая работает на нас, написала роман. И она ищет вторую пару глаз. Я всегда могу спросить ее. Я уверена, что она согласится.

Это ошеломляет. У меня и в мыслях не было заниматься чем-то подобным.

— Хм, полагаю, что могу попробовать, — говорю я, пожимая плечами. — Но что, если я облажаюсь?

— Ты не облажаешься. Ты будешь великолепна.

— Что, если она возненавидит то, что я делаю?

— Тогда она сможет найти кого-нибудь другого, чтобы все перепроверить.

Лиам усмехается, и я смотрю на него.

— Тебе нужно поверить в себя, Лили. На самом деле нужно. Что самое худшее, что может случиться? Ты будешь работать над ее книгой, если ей не понравится то, что ты делаешь, вы разойдетесь. Без обид.

— Я думаю, что могу попытаться.

— Ура! — Шейн хлопает в ладоши. — Я скажу ей утром, она будет очень рада.

— Я тоже думала кое о чем, — я смотрю вниз на свой горячий шоколад и избегаю глаз обоих, Лиама и Шейн. — Я подумала, что, возможно, было бы неплохо начать встречаться с психологом, возможно, он сможет помочь мне разобраться со всеми моими чувствами.

— Это самая лучший вечер на свете! — кричит Шейн и выпрыгивает из своего кресла, чтобы обнять меня. — Ты такая сильная, Лили. Я знаю это, я чувствую это своими костями, ты будешь лучшим редактором в округе. Запомни мои слова, ты будешь великолепна. И когда ты найдешь психолога, ты станешь еще сильнее.

— Спасибо, — говорю я, хотя у меня есть сомнения. Пока мы пьем горячий шоколад, Шейн и Лиам строят друг другу глазки, и вдруг я чувствую, что вторгаюсь в их личное время. Я допиваю шоколад и споласкиваю в раковине свою кружку. — Могу я взять твой ноутбук, пожалуйста? Я хочу узнать немного о редактировании и том, что в это входит.

— Конечно, Лютик, — говорит Лиам и подмигивает Шейн. Молчаливый флирт происходит между ними двумя, и я знаю, что определенно злоупотребляю их гостеприимством здесь, на кухне. Лиам встает и идет за своим ноутбуком, а я обнимаю Шейн и целую ее в щеку. — Он в твоей комнате, Лили, — говорит Лиам, когда заходит обратно и встает рядом с женой.

— Спокойной ночи, ребята. И... — я опускаю глаза, уставившись на свои розовые тапочки на ногах. — Спасибо за все.

— Не за что, — радостно восклицает Шейн. Я слышу шлепок, а когда поворачиваюсь, вижу Шейн, прыгающую с самой большой красивой улыбкой на лице. — Я могла бы включить какую-нибудь музыку, — говорю я.

— Хорошая идея. Потому что у нас будет дикий обезьяний секс, — игриво говорит Лиам.

— Лиам! — ругает его Шейн.

— Что? Это правда, — я смеюсь и тут же слышу, как Лиам шепчет, хотя больше похоже на то, что он умоляет. — Пожалуйста?

Я захожу в гостиную, закрываю дверь и сажусь на кровать. Ноутбук уже открыт, а поисковая система отображается на экране. Во-первых, я ищу все о редактировании и о том, что делает редактор. Я просматриваю много сайтов и понимаю, что редактор проверяет грамматику, орфографию, пунктуацию и формулировку слов. Какие-то сайты содержат больше информации, но когда я захожу во вкладку «еще», то перехожу на сайты художественно-технического редактирования, редактирования содержания и построчного редактирования. Всем этим вещам мне нужно научиться, чтобы стать успешной.

Утомившись от поисков информации о работе редакторов, я ищу психологов, специализирующихся на домашнем насилии. Как только я печатаю слова «ближайший психолог, специализирующийся на домашнем насилии» все становится таким реальным. Чудовищность ситуации поражает меня, как тонна кирпичей. Огромный груз опускается на грудь, и я начинаю часто дышать, отчаянно пытаюсь вдохнуть воздух в легкие. Руки трясутся и, похоже, что я не могу контролировать свое тело. Пот каплями стекает по шее, и, несмотря на холодную погоду за окном, я дрожу от волнения и нервозности. Мой взгляд затуманен, и я не в состоянии охладить кровь и успокоить свой пульс. Сделав несколько глубоких вдохов, я, наконец, достаточно успокаиваюсь, чтобы попытаться работать, несмотря на чертовщину, которая только что произошла. Я закрываю ноутбук на несколько минут, включаю радио, нахожу станцию, играющую успокаивающую музыку, и просто лежу на кровати, закрыв глаза. Когда мое тело полностью успокаивается, я чувствую, что напряжение полностью исчезло. Я сажусь в постели и снова включаю ноутбук. На странице поиска отображается список психологов, которые находятся недалеко от моей работы. Некоторые работают с детьми, другие с людьми с посттравматическим синдромом. Рыская по страницам и пытаюсь найти хоть кого-то, я натякаюсь на имя врача, в чьем объявлении говорится: «*Специализируюсь на женщинах, пострадавших от домашнего насилия*». Оно находится на третьей странице в поиске. Я нажимаю на ссылку и вижу ее фотографию. Ее зовут доктор Кэтрин Скотт, и она говорит, что единственная в своей практике. По неизвестной причине, ее фотография и сайт говорят мне, что она человек, который сможет мне помочь. Я открываю свою почту, копирую ее адрес и пишу ей сообщение.

Я сижу и смотрю на слова, которые набрала, затем удаляю их. Я пишу что-то другое, более детально рассказывая обо всем, и снова удаляю. Больше часа уходит у меня на то,

чтобы написать письмо и снова удалить его, пока, наконец, не пишу: «Мне нужна помощь». Слова жестоки, но просты и сказаны по существу. Я встаю с кровати и прохаживаюсь взад и вперед по комнате, останавливаясь, чтобы посмотреть на три маленьких слова, которые могут изменить мою жизнь. *Это глупо, Лили. Ты идиотка.*

Я захожу в гостевую ванную, чищу зубы, и просто, чтобы быть уверенной, чищу их еще раз. Возвращаюсь в комнату, смотрю на слова и надеюсь, что я волшебным образом написала там что-то еще. Что-то более содержательное, может быть, то, что заставит Кэтрин захотеть помочь мне.

Я сижу на кровати, закрыв ноутбук, и продолжаю слушать музыку. Те слова не дают мне покоя, и я мысленно возвращаюсь к тому, что написала.

Сделай это, Лили. Обуздай это.

Открыв ноутбук, я вижу слова, которые набрала. Они издеваются надо мной, дразнят, молча говоря, что я не нуждаюсь в помощи, я достаточно сильна, чтобы пройти через это самостоятельно. Постоянные унижение отца и Трента остались позади. *«Ты такая глупая»,* — говорили они. *«Ты такая уродливая».* Они всегда насмехались. *«Ты никому не нужна».*

Курсор мышки по-прежнему наведен на кнопку «Отправить». Я хочу послать письмо, но что, если она просто посмеется надо мной и скажет, что на самом деле у меня нет проблем? Что, если она отвергнет меня? Что, если она окажется права, и я могу справиться с этим самостоятельно? *«Ты самый тупой человек, которого я знаю».* Слова папы и Трента кружатся в моей голове. Я хочу кричать так сильно, как только могу, и рвать на себе волосы в отчаянии.

Поскольку волнение кружится в моей голове, момент абсолютной ясности приходит тогда, когда я чувствую себя наиболее потерянной и уязвимой. Всего несколько секунд, пока меняются песни на радио, нет никаких звуков. Мучительные звуки пытки, бушевавшие в моей голове, затихают. Не слышно ни единого звука. Ни радио, ни ноутбука, даже ни звука в моей голове.

И тогда я понимаю, что это один из самых важных моментов в моей жизни.

Я могу упасть, могу споткнуться и даже могу обратиться за помощью. Но я не слаба. Я сильнее, чем была когда-либо.

Это мой первый рабочий день в новой должности, и Питер за весь день ни разу не выходил из-за своего стола. Кэндис в свою последнюю рабочую неделю показывает мне все, что я должна делать, чтобы поспевать за ним. Питер курирует еще пять магазинов в этом районе, но работает он удаленно, из своего кабинета. Он почти не разговаривал со мной, но Кэндис заверила меня, что просто он такой, какой есть.

Несколько раз он выходил из кабинета и бубнил о том, что ему нужно, а Кэндис пошагово мне все объясняла, кратко расписав то, что будет в понедельник. Я неустанно делала заметки, потому что она также рассказала о том, что нужно выполнять ежедневно.

К обеду я проголодалась, а еще мне нужно пойти и купить себе новый телефон. Я воздерживаюсь от похода в кафе на обед и напрямик направляюсь в магазин четырьмя кварталами ниже по улице, чтобы купить себе предоплаченный телефон.

Я беру пальто, позаимствованное у Шейн, и иду к магазину. На улице холодно, и я делаю мысленную заметку — купить пальто. В субботу Лиам отвез меня в «Таргет», где я купила кое-какую одежду, но Шейн настояла, что одолжит мне свое запасное пальто, потому что сейчас все очень дорого, и нужно дождаться распродажи в конце сезона.

Когда прохожу мимо небольшого кафе недалеко от работы, я вижу Макса, сидящего за стойкой с кружкой. Я останавливаюсь и понимаю, что захожу в кафе, вместо того, чтобы пойти и купить телефон.

Сажусь через два места от него и жду, как гепард, когда же он посмотрит на меня. Я улыбаюсь про себя, потому что, взяв свою кружку и дважды отпив из нее, он по-прежнему не видит меня. Молодая официантка, обслуживавшая нас с Шейн в прошлый раз, подходит ко мне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Чем я могу вам помочь? — спрашивает она.

— Какой у вас суп дня? — спрашиваю я, глядя прямо на нее. Но боковым зрением вижу, как Макс поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, и его лицо расплывается в огромной улыбке.

— Сегодня их два. У нас есть томатный суп и куриный с лапшой, — говорит она и улыбается.

— Хммм, — хмурюсь я, обдумывая какой из них мне выбрать. — Я буду горячий шоколад с большим количеством зефира, и подумаю, какой суп взять.

Я улыбаюсь, потому что вижу, как Макс смотрит на меня и старается сдержать улыбку.

— Я с-слышал, ч-что т-т-томатный суп л-лучше, — говорит он, слегка наклоняясь ко мне.

— Правда? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и притворяюсь удивленной от того, что он сидит рядом. — Макс, — говорю я и улыбаюсь.

— Ты у-увидела меня ч-ч-через окно.

— Что? Нет, — дразню я.

— Я з-знаю, ч-что видела, п-п-потому что з-заметил, как т-ты остановилась, — он подмигивает мне поворачивается на своем сидении, такой самоуверенный от того, что поймал меня.

— Это нечестно. Ты не должен был знать.

— Я могу п-притвориться. Смотри, — он смотрит в противоположную сторону, а затем медленно поворачивает голову ко мне. Его глаза загораются, и он улыбается мне. — Лили, р-рад тебя в-видеть, — поддразнивает он, делая вид, что видит меня впервые.

— Хитрюга, — говорю я. Официантка приносит мой горячий шоколад и ставит его передо мной. — Я буду томатный суп. Слышала, что он великолепен.

— Он у нас самый популярный. Один томатный суп сейчас будет, — говорит она и уходит, чтобы вбить мой заказ в компьютер.

— Ты сегодня не работаешь? — спрашиваю Макса, пока жду свою еду. Я встаю, чтобы снять свое пальто, перчатки и шарф.

— П-пока нет, ч-чуть п-позже. У т-тебя п-перерыв на о-обед? — спрашивает он, глядя на мою униформу.

— Да. Я собиралась пропустить обед и купить тебе новый телефон, но увидела тебя через окно и решила зайти.

— Н-новый т-телефон? Что с-случилось со с-старым?

Я отвожу взгляд, избегая его глаз интенсивного карего цвета с зелеными вкраплениями.

— Гм, — бурчу я, не желая ничего ему говорить.

— В ч-чем дело? — спрашивает он глубоким заинтересованным голосом.

Я осматриваю кафе, чтобы убедиться, что меня никто не услышит, и шепчу:

— Я бросила Трента. Ушла, оставив все позади.

Глаза Макса загораются, и он произносит одними губами:

— Вау.

Подходит официантка и ставит тарелку томатного супа перед Максом.

— С-спасибо, — говорит он ей. Но он не берет свою ложку и не начинает есть, вместо этого просто смотрит на суп. — Т-ты б-бросила его? — спрашивает он, продолжая смотреть в свою тарелку.

Я просто киваю и ничего не говорю. Кажется, проходят часы, но, конечно же, прошло всего несколько мгновений, прежде чем Макс находит, что сказать, но в этот момент официантка ставит передо мной тарелку супа.

— Вот, пожалуйста, наслаждайтесь, — счастливо щебечет она и уходит.

Макс берет ложку и кладет ее в суп, прежде чем повернуться ко мне лицом.

— Ты д-действительно от н-него ушла? — он ест суп, ожидая моего ответа.

— Да, — я задерживаю дыхание, в ожидании его реакции. Но он продолжает есть, очевидно, обдумывая то, что я сказала. — Ты злишься? — спрашиваю я, когда молчание становится невыносимым.

— З-злюсь ли я? — спрашивает он, ставя локоть на стол и зажимая подбородок двумя пальцами. — Злюсь ли я? — снова спрашивает он, и я знаю, что в этот раз риторически. — Я д-далек от з-злости, — он наблюдает за моей реакцией. Я не уверена, что думать или говорить, поэтому молча ем свой суп. — В-вообще-то, я оч-очень горжусь т-тобой. Н-нужно б-быть очень с-сильной, ч-чтобы уйти.

— Спасибо, — тихо отвечаю я. — Но я не чувствую себя сильной сегодня. Возможно, несколько дней назад, но сегодня я чувствую себя уязвимой и очень глупой, пытаюсь сделать что-то самостоятельно.

— Нет п-причин, чтобы чувствовать себя так, — его заикание почти полностью исчезает. — Найти в себе с-силы, чтобы у-уйти — самый м-мужественный поступок,

который м-может сделать человек, п-переживший насилие, — он съедает последнюю ложку супа. — М-моя мама пыталась у-уйти, но п-продолжала возвращаться к н-нему. Ей б-было тяжело, потому что у нее б-был я. Она д-думала, что будет л-лучше остаться с ним, ч-чем сделать нас б-бездомными. В п-последний раз, к-когда она пыталась уйти, она сделала с-свой последний вдох.

— Боже мой, — говорю я, доедая свой суп. *Как может кто-то справиться с таким и пережить это?*

— П-прошло много лет, п-прежде чем я смог говорить об этом. У меня б-был врач, к-который однажды помог мне, к-когда я начал жить с папой. А еще я м-мочился в постель, — говорит он.

— Когда я спала, ты рассказывал мне о том, что сделал твой отчим. Я слышала каждое слово, что ты говорил, Макс.

Он глубоко дышит, избегая моего взгляда, и я уверена, что он пытается собраться с мыслями.

— Ты слышала все?

— Каждое слово. Но когда я проснулась, Трент убедил меня в обратном, сказав то, что, по его словам, он сделал. Я узнала, что он лжет, когда поняла, что ты был там со мной дольше, чем мой собственный муж.

— Я был т-там.

— Все в порядке, Макс. Я знаю почему. Это потому, что я напоминаю тебе твою маму, и ты не хочешь, чтобы я страдала так же, как она.

Макс поворачивает голову и смотрит на меня.

— Да, это так, — он встает и надевает свое пальто. — Ты з-закончила? — спрашивает он. Почему я вдруг чувствую, что разговор идет именно так, как хочет он? Как будто он нарочно меняет его.

— Да.

Макс берет мое позаимствованное пальто со стула между нами и придерживает так, чтобы я смогла надеть его. Когда официантка приносит нам наши чеки, Макс берет мой и протягивает официантке двадцатку:

— Этого д-достаточно? — спрашивает он, не глядя на чеки.

— Да, я сейчас принесу сдачу.

— О-оставьте с-себе, — отвечает он и мы идем к двери.

— Спасибо, — кричит она в спину Макса.

Мы выходим на улицу, и холодный воздух проходит через меня, окутывая и отдаляя от тепла кафе.

— Ты не должен был платить за мой обед. Но спасибо, я ценю это.

— Всегда пожалуйста.

— Извини Макс, мне пора идти. Я хотела купить телефон, но сейчас у меня нет времени. Мне нужно возвращаться на работу.

— Т-тебе нужно к-купить т-телефон. Особенно у-учитывая т-твои обстоятельства.

Я прыгаю с ноги на ногу, пытаюсь согреться в этом опалюще холодном воздухе.

— Я куплю завтра. Обещаю.

— Хорошо. Т-тебе лучше вернуться на работу, — говорит он мне.

— Хорошо. Ну... спасибо за обед. Думаю, мы еще увидимся.

— Б-береги себя, Лили, — Макс поворачивается и уходит, а я тороплюсь на работу.

Когда я поднимаюсь наверх, то нахожу Кэндис за столом, и она дает мне еще одно задание. Она показывает мне отчет, который нужно распечатать, и я записываю это в свой блокнот, чтобы знать, что нужно будет сделать в следующий понедельник, когда Кэндис уже не будет рядом.

День пролетает незаметно. Дейл приходит и встает перед столом, который я делю с Кэндис.

— Могу я одолжить Лили на десять минут? — спрашивает он Кэндис.

Рабочий день уже подходит к концу, и Кэндис хочет пойти выпить кофе.

— Все в порядке. Я вернусь через десять минут, — говорит она, доставая свою сумочку из нижнего ящика стола, и спускается вниз.

— Как дела, Лили? — спрашивает Дейл, садясь на стул Кэндис.

— Хорошо. Потихоньку разбираюсь со всем, шаг за шагом.

— Не появились ли какие-нибудь проблемы с Трентом?

Я качаю головой:

— Нет, я ничего не слышала о нем. Ничего вообще. Возможно, он двигается дальше, — пожимаю плечами, и добавляю, — я не знаю.

— Слушай, думаю, будет здорово, если ты запишешь мой номер телефона и возьмешь номер Питера, и если Трент с тобой свяжется, ты дашь нам знать. Мы должны защищать наших сотрудников, ему запрещено ошиваться тут.

— Я сомневаюсь, что он сделает что-то такое, что поставит под угрозу его карьеру врача. Трент ведь не пойдет так далеко, правда?

— Лучше иметь поддержку друзей, чем отсутствие всего этого, — он встает и направляется к двери. — Мы не терпим насилие, независимо от того, на кого оно направлено. Мы против издевательств и абсолютно точно против всех видов насилия, — он возвращается и записывает на листке бумаги свой номер телефона. — Не бойся звонить в любое время дня и ночи. Я написал мобильный и домашний номера, — он протягивает мне листок и улыбается.

— Спасибо, Дейл, — он уходит, а секундой позже заходит Кэндис, в одной руке держа кружку кофе, а в другой — завернутый подарок.

— Вивиан сказала, что это передали для тебя, — говорит она, протягивая мне коробку.

Мое сердце подпрыгивает к горлу, я быстро разворачиваю ее, опасаясь того, какой же извращенный подарок от Трента найду внутри. Он ничем не сможет удивить меня. Я срываю с коробки оберточную бумагу и обнаруживаю предоплаченный телефон. Я нахожу конверт под оберткой и открываю его:

«Очень важно, чтобы у тебя был телефон. А еще я вбил сюда свой номер. На случай, если ты когда-нибудь захочешь мне позвонить. Макс.»

Я улыбаюсь подарку и делаю мысленную заметку позвонить Максиму и сказать ему, что заплачу за телефон.

— Это подарок? — спрашивает Кэндис, делая глоток из своей пластмассовой чашки.

— Он был достаточно любезен, чтобы купить мне телефон, потому что у меня не было времени на это, — говорю я и кладу маленькую коробочку в свою сумку, вместе с номером Дейла.

— Ну, малышка, ты очень хорошо поработала сегодня. Вторники нагружены делами больше всего, в конце месяца ты начинаешь работать вместо меня. Так что постарайся быстрее во все это втянуться.

— Хорошо. Спасибо, что обучила меня и была такой терпеливой.

Кэндис встает и указывает головой на кабинет Питера.

— Мне нужно поговорить с Питером кое о чем, но ты можешь идти домой, и убедись, что будешь здесь завтра в восемь.

— Спасибо еще раз, — я надеваю пальто Шейн, перекидываю свою сумку через плечо и спускаюсь вниз.

Выйдя с работы, я иду к автобусной остановке, но Шейн тормозит передо мной.

— Садись, красотка, — зовет меня она, опуская окно в машине.

— Привет, я собиралась поехать домой на автобусе, — я сажусь внутрь и пристегиваюсь ремнем безопасности.

— Не нужно. Я как раз купила тут немного продуктов для ужина. Приготовлю пасту.

— Ммм, я голодная.

— Хорошо, тогда готовишь ты, — она хихикает, и я не могу удержаться, чтобы не посмеяться над ее саркастичным чувством юмора. — А если серьезно, угадай, что у меня для тебя есть.

— Что?

— Ты помнишь ту девушку, что работает на нас? У меня есть флешка с ее рукописью. Она спросила, сможешь ли ты вернуть ее к концу следующей недели?

Вау, это было быстро.

— Я могу попробовать.

— Отлично. Напомни мне, когда вернемся домой, отдать тебе ее.

— Кстати, о доме. Я хочу платить тебе арендную плату до тех пор, пока не смогу найти свое собственное жилье.

— Этого не будет. Мы с Лиамом уже обсудили это и решили, что ты не заплатишь нам ни одного доллара.

Я глубоко вздыхаю, потому что чувствую, будто пользуюсь их щедростью:

— Я должна заплатить тебе хоть что-то.

— Ну, уж нет, сестренка.

— Послушай, — начинаю говорить. С ней я могу быть честна и открыта.

Но Шейн перебивает меня и говорит:

— Ты бы взяла с меня деньги, если бы роли поменялись?

Черт побери, она использует трюк со «сменой ролей», чтобы доказать мне свою точку зрения.

— Прежде чем ответить на твой вопрос, вот что я скажу. Я не хочу приходить в твой дом, и чувствовать себя так, будто использую тебя, и хотя ты не видишь все в таком свете, я буду думать, что я бессильна. Поэтому, пожалуйста, позволь мне заплатить тебе хоть чуть-чуть, или, по крайней мере, платить за еду. Хоть немного, чтобы я могла сохранить чувство собственного достоинства.

Шейн смешно корчит рот, но я знаю, что она понимает, почему я хочу вносить свой вклад.

— Я поговорю с Лиамом.

— И отвечая на твой вопрос, нет, я бы так же, как и ты, не взяла бы денег. Но как только ты бы объяснила мне, как для тебя важно платить за себя, то да, я бы приняла твои деньги.

— Ты, Лили Андерсон, так легко можешь мной манипулировать, — я улыбаюсь и смотрю в окно. — Беру свои слова назад. Ты не будешь готовить сегодня. Если ты заставишь

нас брать твои деньги, то тогда я наказываю тебя своей стряпней.

Я смеюсь так же, как и Шейн. Она потрясно готовит. Каждое блюдо, что я у них ела, было самым вкусным, что я когда-либо пробовала.

— Договорились, — соглашаюсь я. — Угадай, что сегодня произошло?

— Что?

— Помнишь того парня, Макса? Я рассказывала тебе о нем.

— Ах, да, он заплатил за наш обед в том небольшом ресторанчике напротив твоей работы.

— Да, его. Я сегодня с ним обедала.

— Лили, — говорит Шейн, сердито вздохнув. — Ты думаешь, это хорошая идея, начать так быстро с кем-то встречаться после Трента?

— Что? Нет, ничего подобного. Мы просто обедали, ничего больше.

— Он спросил твой номер телефона? Или позвал на свидание? — спрашивает она «я говорила тебе» тоном.

— Нет.

— Нет? Ты просто отмазываешься?

— Нет, вовсе нет. На самом деле, я шла купить телефон, увидела его в кафе и зашла внутрь. Мы просто сидели и разговаривали, пока обедали. Я сказала ему, что мне нужно вернуться на работу, и что у меня не осталось времени на покупку телефона. Спустя пару часов мне принесли коробку, в которой был предоплаченный телефон, который он мне купил.

— Черт, Лили, он, должно быть, сделал что-то, чтобы выследить тебя, или другие странные штуки, которые обычно делают сталкеры.

— Он все еще в упаковке.

— Хммм, — фыркает она и смотрит в окно, заворачивая к дому.

— Да, я покажу тебе, когда мы придем домой, — я беру свою сумку, показывая телефон внутри.

— Что ж, тогда это довольно круто.

— А еще он написал записку и дал свой номер, сказав, что если мне что-нибудь понадобится, я могу позвонить ему.

— Девочка, не торопись прыгать в омут с головой.

Господи, последнее, что я хочу, это отношений.

— Я не буду, — я смотрю в пассажирское окно. — Мне еще через многое нужно пройти, Шейн. И самое главное — выяснить, кто я есть на самом деле.

Когда мы приходим домой, Шейн дает мне флешку с книгой своей подруги и кричит Лиаму, чтобы он принес свой ноутбук в мою комнату. Мне нужно купить компьютер, если я собираюсь стать редактором. Я не могу всегда использовать компьютер Шейн и Лиамы, и работа редактора больше не стоит под вопросом.

Я подключаю флешку и открываю рукопись. Книга называется «*Любовь — это совершенство*». Начинаю читать пролог и прежде, чем я это понимаю, история просто засасывает меня.

— Эй, ты идешь ужинать? — спрашивает Шейн, просунув голову в мою комнату.

— Да, я читаю книгу Микаэлы. Закончу эту главу и подойду. Начинайте ужинать без меня, я не знаю, насколько длинная эта глава.

— Хорошо, только не задерживайся, а то все остынет, — она хмурит брови и морщит

нос. — Ты слышала, что я сказала?

— Я смотрела прямо на тебя. Конечно, слышала, — шутя, говорю я.

— Хорошо. Скоро увидимся, — Шейн уходит, а я возвращаюсь к книге.

Книга очень интригующая, о девушке, чьи биологические родители бросили ее совсем маленькой, и она жила у тети. Тетя оказалась госпожой в дорогом секс-клубе. Пока девочка росла, ее учили, что секс — это сила, с силой секса у вас есть необходимый инструмент для торга. Я просто не могу перестать читать это, но знаю, что мой ужин остывает, так что я должна остановиться и пойти поесть. Быстро встаю и иду на кухню, но свет везде выключен, а на кухонном столе лежит записка: *«Я знаю, что твой нос застрял в книге на всю ночь. Твой ужин в холодильнике, просто разогрей его в микроволновке. Люблю тебя. Х»*. Я улыбаюсь, читая эту записку, и иду к холодильнику за своим ужином. Не могу поверить, что уже почти одиннадцать часов ночи, а все, что я хочу, это съесть свой ужин и вернуться к этой истории. Но мне нужно быть на работе к восьми утра, и я не смогу нормально работать, если не высплюсь.

Я быстро съедаю свой ужин, ставлю тарелку в посудомоечную машину и возвращаюсь в комнату, чтобы прочитать еще одну главу. Когда я начинаю читать, меня снова поглощает мир героев, созданных Микаэлой. Я добираюсь до конца главы и не могу удержаться от прочтения еще одной. Но мои глаза устали, и я зеваю. Иду спать.

Наконец, в час ночи я закрываю ноутбук с тридцатью пятью страницами, которые мне осталось прочитать. Я закрываю глаза и мечтаю. Мечтаю о времени, когда маленький светловолосый мальчик и я играли на лугу с цветами. Наши мама и папа сидят, прижавшись друг к другу, наблюдая за своими драгоценными творениями. Мной и моим братом.

Когда звенит будильник, впервые в жизни, сколько я помню себя, мне не хочется вылезать из кровати и идти на работу. Все, что я хочу сделать, — это остаться в теплой кровати и читать книгу Микаэлы. Но, конечно же, я встаю, одеваюсь и вовремя собираюсь, чтобы Шейн с Лиамом успели подбросить меня до работы. У меня даже хватает времени, чтобы активировать мой новый телефон.

Они оба настояли на том, чтобы отвозить и забирать меня с работы. Но я не могу быть их подопечной. Мне нужно научиться водить и купить себе машину.

В одиннадцать тридцать появляется Дейл перед моим столом, который я делю с Кэндис.

— Лили, могу ли я пригласить тебя сегодня на обед? — спрашивает он.

— Было бы здорово, спасибо. Буду готова через полчаса. Я могу спуститься за тобой, если хочешь.

— Я буду в торговом зале, поэтому можешь просто спуститься, — он поворачивается и уходит, а я остаюсь ждать еще полчаса до обеда.

— О, черт, Лили. Что это было? — спрашивает Кэндис, указывая в сторону двери, через которую только что вышел Дейл.

— Ничего, — я пожимаю плечами.

— Что ты натворила?

Неожиданно мои ладони становятся влажными, а сердце начинает судорожно биться в груди. Что, если он пригласил меня на обед, чтобы сказать, что они ошиблись, и я не подхожу для этой должности? Могут ли они на самом деле сказать такое после одного дня? Боже мой, теперь я так нервничаю. У меня начинает болеть живот так, как будто меня скоро вырвет. Если они уволят меня, мне некуда будет пойти, и я не смогу заработать себе на жизнь.

Черт. Черт. Черт.

Полчаса пролетают незаметно, и прежде, чем я это понимаю, Кэндис говорит, что мне пора спускаться к Дейлу. С большим напряжением, пробегающим по моему телу, я беру свою сумку, надеваю пальто и иду искать Дейла.

Он беседует с одним из менеджеров торгового зала и просматривает какие-то документы. Он видит меня и улыбается, подняв один палец, тем самым показывая, что освободится через пару минут. Мой желудок скручивается от нервного ожидания. Когда я иду к парадному входу, чтобы подождать Дейла, желчь медленно ползет вверх, останавливаясь в горле.

— Ты готова? — спрашивает он, когда подходит и встает рядом со мной.

Я смотрю на его высокую фигуру и замираю, мои плечи опускаются.

— Вы собираетесь меня уволить? — выпаливаю я, быстро прижимая руку ко рту. — Простите, я не знаю, зачем только что ляпнула это. Мне так жаль.

Дейл так громко и гортанно смеется, что некоторые покупатели оборачиваются в поисках создателя шума.

— Пойдем, я угощу тебя обедом. И нет, мы не собираемся тебя увольнять.

Я с облегчением выдыхаю, понимая, что у меня все еще есть работа. *Вот дерьмо, что,*

если Трент пытается устроить им проблемы, и они хотят, чтобы я с этим разобралась? Черт, черт, черт.

Дейл что-то говорит все время, пока мы идем до кафе, но я не обращаю внимания на то, что он говорит. Все, что я могу делать, — это думать о проблемах, которые мог бы вызвать Трент, и о том, что Дейл собирается мне сказать.

— Вот мы и пришли, дамы вперед, — Дейл открывает дверь и пропускает меня пройти первой. — Как насчет того, чтобы занять столик в дальнем углу?

О, Боже мой. Что сделал Трент? Если Дейл хочет занять столик в самом дальнем углу, значит, у меня совершенно точно неприятности.

— Ладно, — отвечаю я, хотя в действительности хочу, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. Моя личная черная дыра.

— Сюда, — Дейл выдвигает стул и ждет, пока я присяду, затем садится напротив меня. — Что ж, у меня есть причина, по которой я пригласил тебя на обед, и причина, почему захотел занять дальний столик, — он осматривается вокруг, и я осматриваюсь тоже, следуя за его взглядом.

— Да, конечно, этот столик уединенный, — говорю я, поднимая меню, и начинаю просматривать его.

— Они делают лучшие гамбургеры. Я уже знаю, что закажу. Не говори Бетси, она надерет мне задницу. Если она спросит, то я ел салат с двойной порцией салатной хрени, — он хихикает, и я не могу удержаться, чтобы не присоединиться к его смеху.

— Твой секрет в безопасности со мной, — я подмигиваю Дейлу.

— Привет, что я могу принести вам сегодня? — спрашивает официантка. Это та же девушка, что и вчера. Она смотрит на меня и улыбается, а затем дважды смотрит на Дейла, явно помня, что вчера я была здесь с Максом.

— Я буду бургер, луковые кольца и «колу». Не диетическую, а полноценную, хорошую «колу», — Дейл наклоняется ко мне и шепчет, — не говори Бетси.

Я морщу нос и снова подмигиваю.

— Тссс, — в подтверждение прижимаю палец к губам. — У вас есть куриный суп с лапшой?

— Да.

— Я буду куриный суп с лапшой и горячий шоколад с...

— Двойной порцией зефира. Я помню. Вернусь через минуту, — улыбаясь, она забирает наше меню, поворачивается и уходит.

— Итак, Лили, я привел тебя сюда потому, что поговорил с Питером о твоей ситуации, — я вздрагиваю, когда он говорит это. — Я должен был поговорить с Питером о том, что случилось с тобой и твоим мужем на случай, если на работе возникнут проблемы.

— Учитывая, что меня из-за него уволили, я надеюсь, что он не узнает, что я вернулась на работу, и не создаст мне никаких проблем, особенно на работе.

— Он может, и если он впутает во все это работу, то ты должна будешь прийти ко мне или к Питеру.

— Спасибо.

— Есть кое-что, из-за чего я переживаю о тебе. И об этом мне напомнил Питер во время нашей встречи насчет тебя, — мои щеки розовеют, и я чувствую себя глупой. — Не смущайся, Лили. Трент убедил меня, что ты воровала деньги. Вот что делают манипуляторы. Такие как он убеждают всех вокруг, что они святые, хотя на самом деле не что иное, как зло.

— Да, умом я понимаю, что ты прав, но...

— Нет никаких «но» в этой ситуации. Этот парень не хороший. Он весь прогнил, вплоть до своей души.

— Вот ваши напитки, господа, — говорит официантка и ставит их на стол. Сначала передо мной, а потом перед Дейлом.

— Спасибо, — говорит Дейл за нас обоих.

— Ваши блюда скоро будут готовы, — она поворачивается и идет обслуживать клиента за стойкой.

— Как я говорил, мы с Питером разговаривали о тебе и заметили кое-что. И с твоего разрешения, я бы хотел задать тебе вопрос, — он делает глоток колы.

— Конечно, спрашивай.

— Ты едешь на автобусе сюда и домой?

— Да. Но теперь моя подруга Шейн с мужем привозят меня на работу и забирают домой. Они не хотят, чтобы я ездила домой на автобусе по очевидной причине, — я имею в виду Трента, не произнося его имя.

— Ты слишком напугана, чтобы научиться водить?

— Господи, нет! Я хотела научиться водить с тех пор, как стала достаточно взрослой для этого, но Трент всегда говорил, что будет возить меня, куда бы мне ни понадобилось, и что мне не нужны права. Я просила так много раз, но он продолжал говорить «нет» и, в конце концов, я перестала спрашивать, — я беру свою кружку горячего шоколада и отпиваю немного, сосредоточившись на нем, а не на сочувствующем взгляде Дейла. — Пожалуйста, — шепчу я, — я не хочу твоего сочувствия.

— Я был бы человеком из стали, если бы не отреагировал на то, что с тобой произошло. Я, может, и мужчина, и, может быть, достаточно стар, чтобы быть твоим отцом, но у меня все еще есть сердце. И я уверен, то, что ты рассказала мне, вероятно, только верхушка айсберга.

Я киваю головой, ничего не говоря потому, что не уверена кто из них двоих был хуже: Трент или мой отец. Я не знаю, и это не то, на что я хочу тратить время, размышляя.

— Вернемся к тому, почему я пригласил тебя сюда.

— Хорошо. Почему ты пригласил меня сюда?

— Мы с Питером решили, что если ты хочешь посещать уроки вождения, то мы заплатим за них. Мы также одолжим тебе деньги, без процентов, на покупку автомобиля. Но на определенных условиях.

Я чувствую, как мой рот открывается, а брови хмурятся. У меня, должно быть, смешное выражение лица, потому что Дейл начинает смеяться.

— Вы хотите заплатить за мои уроки вождения и купить мне машину? — я повторяю то, что, я думаю, он сказал, и жду, когда он рассмеется и исправит меня.

— Да.

— Почему? — я ставлю локти на стол, наклоняясь вперед. — Я имею в виду, почему?

— Потому что ты работаешь на нас почти семь лет, и о тебе всегда хорошо отзывались. Каждый твой начальник пел тебе дифирамбы, и ты — ценный член нашей команды.

— О, — бормочу я и на секунду отворачиваюсь, чтобы осмыслить его красивые и обнадеживающие слова. Я подношу руки к лицу и закрываюсь ими, когда начинаю плакать. У меня никогда, за всю мою жизнь, не было никого, кто бы сделал для меня что-то хорошее, как то, что предлагает Дейл.

— Эй, прежде чем ты заплакала, я сказал, что это все произойдет на определенных условиях, — он старается звучать жестко, но надлом в его голосе подсказывает мне, что он тронут моими слезами и понимает, почему я плачу.

Я беру себя в руки и прикрываюсь волосами, которые падают мне на лицо, как щит, чтобы успокоиться и перестать плакать. После того, как вытираю слезы, я поднимаю голову и смотрю на Дейла. Черты его лица сочувствующие, и я действительно замечаю беспокойство.

— Какие условия? — спрашиваю я сразу же, как только начинаю себя контролировать.

— Во-первых, тебе нужно будет вернуть деньги за машину, со временем.

— И за курсы вождения, — прерываю его я.

— Нет, не включая курсы.

— Почему нет?

— Назовем это твоей семилетней премией.

— Моей чем?

Дейл смеется надо мной и откидывается на стуле.

— Твоей семилетней премией. Семь лет непрерывной работы дает сотруднику право на получение премии.

— Я никогда не слышала о семилетней премии, — острою я. Если они с Питером собираются сделать это для меня, то я верну им каждый цент, который они потратят.

— Не слышала? — он потирает рукой подбородок, а потом фыркает. — Ну, назовем это семилетней Рождественской премией.

— Я уже получала ее, вы не можете дать мне премию дважды.

— Боже, Лили. Дай мне передышку. Я недостаточно быстр, чтобы придумать что-то, чтобы это звучало правдоподобно.

Я смеюсь вместе с Дейлом.

— Как насчет этого? — начинаю говорить я.

— Чего?

— Вы можете заплатить за мои курсы вождения, но я все вам отдам. Каждый цент, что вы с Питером потратили на меня, я все верну.

— За машину, да.

— За все, включая курсы.

— Но мы хотим оплатить твои курсы вождения.

— А я хочу встать на ноги самостоятельно и однажды сказать, что все вернула, и что да, я смогла добиться того, что у меня есть, потому что мне помогли, но я была в состоянии заплатить по всем счетам.

Дейл качает головой, кряхтит и слышится неловкое «черт».

— Тогда ты сможешь вернуть нам деньги за половину курсов вождения. Рассматривай вторую половину, как подарок на свой день рождения. Который, как я знаю, был в прошлом месяце, а мы с Питером пропустили его.

— Тогда я верну вам деньги вместе со справедливыми процентами.

— Нет. И это не обсуждается. И могу ли я просто добавить, что ты должна стать адвокатом, потому что ты, черт возьми, хорошо споришь.

Я прыскаю со смеху, а Дейл сидит напротив меня, качая головой в недоумении.

— Спасибо, Дейл. Я согласна.

— Слава богу. Я думал, что ты заставишь меня подписать договор кровью. Фух, — он

фыркает. — Другое условие — автомобиль должен быть новым. Меня не волнует, какую машину ты купишь, но она обязательно должна быть новой, потому что так мы с Питером будем знать, что ты в безопасности.

— Совершенно новую? — неожиданно я начинаю паниковать, потому что, если куплю новую машину, а я знаю, что они довольно дорогие, то не хочу провести ближайшие десять лет, расплачиваясь за нее. — Я не думаю, что смогу позволить себе новую машину.

— Мы с Питером думали о чем-то надежном, например, о «Форд Таурус» или «Тойота Камри». Они обе надежные и безопасные машины, и у меня есть знакомый в центре «Форд», а Питер знает кого-то в «Тойоте». Если ты захочешь другую машину, например, «Хонду» или «Субару», то тогда придется заплатить полную стоимость автомобиля.

У меня, наверно, странное выражение лица, потому что для меня машина — это просто машина. Есть маленькие, большие, супербыстрые, но пока она безопасна, меня не очень беспокоит то, в какую машину я сажусь.

— Ладно, — медленно говорю я, пока Дейл изо всех сил пытается сдержать смех.

— Ладно, что?

— Я куплю «Тойоту» или «Форд».

— Какую из них? Или тебе нужно время, чтобы выбрать?

— Если ты говоришь, что они безопасные, тогда я куплю «Форд». Когда мы сможем пойти и посмотреть на машину? — теперь я не могу дождаться, когда получу новый автомобиль.

— Ха, ты поменяла свое мнение, — от волнения я чуть ли не подпрыгиваю на своем стуле. — Можем пойти в эти выходные, если хочешь.

— Да! — кричу я слишком громко, и Дейл снова надо мной смеется. Я начинаю думать, что похожа на ребенка рождественским утром. Я никогда не получала подарков без злого умысла. Все, что мне дарили, всегда было во благо того человека, кто мне его дарил. — В выходные — звучит хорошо, — я легкомысленно хлопаю в ладоши.

— Тогда в субботу утром я заеду за тобой, и мы поедем в дилерский центр «Форд».

— Ваша еда, — прерывает нас официантка и ставит перед нами суп и бургер Дейла.

— Спасибо, — я практически кричу ей, не в состоянии стереть с лица гигантскую улыбку.

— Я раньше никогда не видела, чтобы кто-то был настолько рад тарелке куриного супа с лапшой. На здоровье, — она широко нам улыбается.

— Я закажу еще десерт, — увлеченно говорю я ей.

— Тогда я сейчас вернусь с вашим заказом, — она, кажется, рада, что я в восторге.

Дейл набрасывается на свой бургер с таким аппетитом, будто думает, что его жена сейчас войдет и поймает его. Немного горчицы капает на его рубашку, но он даже не замечает этого. Я лучше напомню ему до того, как он доест. Не хочу, чтобы у него были проблемы с женой.

Дейл и Питер — хорошие люди, такие же, как и Макс. Я думала, что таких мужчин не существует. Я сижу здесь, счастливее, чем когда-либо. Не потому, что Дейл собирается финансировать покупку машины для меня, и не потому, что он пригласил меня на обед.

Я сижу здесь и улыбаюсь, потому что впервые в жизни у меня есть то, что всегда было скрыто от меня.

У меня есть контроль.

В пятницу вечером я сижу в гостиной Шейн и Лиам и смотрю на водительское удостоверение, которое сегодня получила. На моем лице самая большая и глупая улыбка, которая не сходит с моего лица с тех пор, как Шейн отвезла меня в управление регистрационной и экзаменационной работы этим утром. (*Примеч.: во многих штатах США аналог МРЭО*). Она на час отпросилась с работы, а Питер сказал мне, что если я пойду за правами, то могу прийти на работу позже.

Шейн пыталась успокоить меня до начала письменного теста. Я была на грани нервного срыва, но Шейн вселила в меня уверенность. И теперь у меня есть водительское удостоверение.

— Ты все еще улыбаешься? — спрашивает Лиам, проходя позади меня и взъерошивая мои волосы.

— Да, — подтверждаю я, глядя на него с улыбкой.

— Я научу тебя водить.

— Хм, я записалась на три урока вождения.

— О, — говорит Лиам высоким и писклявым голосом, качая бедрами. — Мисс Дай Посигналить хочет уроки вождения? Посмотрите на меня, я Лили, и я буду брать уроки вождения, — он делает жест, будто перекидывает волосы через плечо. — Лиам недостаточно хорош, чтобы научить меня водить, — он двигает головой так, будто бьет меня волосами. Мы оба смеемся, потому что хоть я и не трясусь так волосами, но мой голос он спародировал хорошо.

— Перестань изображать женщину, Лиам, — говорит Шейн, входя в комнату, и смотрит на меня, по-прежнему смеясь. — Ты можешь надевать женскую одежду только в спальне, — это заставляет меня смеяться еще больше.

Лиам разворачивается и смотрит на Шейн с открытым ртом.

— Ты обещала, что никому не скажешь, — игриво говорит он. — Здорово! Теперь ты, наверно, скажешь Лили, что еще я ношу кошачьи ушки и мяукаю для тебя.

И тут у меня по лицу начинают течь слезы.

— Я люблю вас обоих, — говорю я, пытаюсь вздохнуть сквозь истерический смех.

— Хорошо, потому что ты и должна, — говорит Шейн, заходя на кухню. — Ведь мы чертовски крутые, — кричит она оттуда.

Я встаю и иду за ней.

— Тебе помочь с ужином?

— Нет, я справлюсь. Но Микаэла спрашивала, когда, по твоему мнению, ты закончишь с книгой. Она также спросила, могу ли я дать ей твой номер, чтобы она могла позвонить тебе, и я сказала, что узнаю у тебя.

Мои плечи напрягаются, и я автоматически начинаю беспокоиться.

— Просто дай мне ее номер, и я позвоню ей, чтобы поговорить об этом. Я все еще читаю ее книгу, но думаю, что все воскресенье смогу потратить на нее.

— В моем телефоне есть ее номер, я принесу тебе его, — она идет к своей сумке, берет свой телефон и просматривает его. — Вот, нашла.

— Спасибо. Я позвоню ей в воскресенье. Пойду, часок почитаю перед ужином. Уверена,

что тебе не нужна помощь?

— Ага, конечно. Час. Это значит, что мне придется звать тебя, по крайней мере, раз пять, а ты все будешь повторять, что придешь через минуту, которые превратятся в три или четыре часа.

— Проблема номер один всех читателей — найти время поесть.

Шейн смеется и возвращается к приготовлению ужина. Лиам куда-то исчез, и я иду в свою комнату, открываю новый ноутбук, который купила после того, как получила водительское удостоверение. Я подключаю флешку и начинаю просматривать предыдущие пару глав с того места, где остановилась.

В истории героиня встречает героя и начинает терзаться, потому что у нее на самом деле есть чувства к нему, и она больше не хочет продавать свое тело в эскорте. В ее жизни есть взлеты и падения, люди которые возвращаются из ее прошлого, его прошлого, их родственники. Я не могу перестать перелистывать страницы, и с каждой заканчивающейся главой я хочу узнать, какой же сюрприз ждет меня в следующей главе.

— Ужин, — говорит Шейн, стуча в мою дверь.

— Приду через минуту, — кричу я в ответ.

— Хах, — саркастично добавляет она. Даже не видя ее, я могу сказать, что она закатила глаза и подумала: «Это займет Лили на весь вечер».

Я продолжаю читать и, конечно же, когда добираюсь до конца главы, начинаю читать следующую. Прежде, чем это понимаю, я заканчиваю читать книгу и смотрю на экран, задыхаясь. Не потому, что это было безумно сексуально, хотя некоторые моменты и были, а потому, что книга оставила меня жаждущей продолжения. Я отчаянно пытаюсь продлить рассказ, но это одиночная книга с гениальной концовкой, но я хочу еще.

Я смотрю на время в нижнем правом углу и ахаю от удивления. Вот черт, я знаю, что Шейн и Лиам уже поели и легли спать, потому как уже почти полночь. Как можно тише я открываю дверь своей комнаты и на цыпочках иду на кухню, нахожу записку, написанную на этот раз рукой Лиамы. Там написано: «Лентяйка. Звали тебя четыре раза, но все в порядке, мы знаем, что ты потерялась в книге. Ужин в холодильнике. Помни, что твой босс заедет за тобой в восемь, чтобы съездить и купить машину. Люблю тебя, куриная попка».

Понятия не имею, почему он называет меня «куриной попкой», но это его способ выражения любви. Лиам мне как брат, которого у меня никогда не было. А Шейн моя лучшая подруга, о которой я всегда мечтала. Они — моя семья, единственная настоящая семья, которая у меня когда-либо была. Так что, если Лиам хочет называть меня «куриной попкой», то пусть, я знаю, что он зовет меня так с любовью.

Я грею свой ужин, съедаю его и ложусь в постель. Завтра утром Дейл заедет за мной, и, надеюсь, до конца завтрашнего дня я буду обладателем новенькой машины.

***

Проснувшись еще до будильника, я вскакиваю с кровати и иду в душ. Я так взволнована и слегка нервничаю, ведь сегодня я куплю новую машину. Я сушу свои волосы, собираю их в хвост и одеваюсь.

— Ты проснулась, куриная попка? — зовет меня Лиам в коридоре возле моей двери. Он не понял, что я уже на кухне и ем мюсли. Я сижу тихо и слушаю, что он будет делать и говорить, беззвучно смеясь. — Ну же, Лили. Вытаскивай свою задницу из кровати, — я ем мюсли и ухмыляюсь. — Боже, ты — заноза в заднице, — бормочет он себе под нос. Он снова стучится и фыркает, потому что не получает от меня ответа. Сейчас я громко смеюсь, и не могу поверить, что он не слышал, как я хихикала подобно школьнице, застукавшей за поцелуем двух учителей. — Ладно, не просыпайся, ты все пропустишь, — он топает по коридору, а я прислоняюсь к кухонной стойке, стараясь изо всех сил не улыбаться. Он заходит на кухню и подпрыгивает при виде меня. — Ради Бога, Лили. Ты напугала меня, — он кладет руку на грудь и глубоко дышит.

— Ты так хорошо проводил время, пытаюсь разбудить меня, и я подумала, что просто оставлю тебя веселиться.

— Иисус. Ты могла бы и сказать мне, что проснулась.

— Кто я такая, чтобы лишать тебя развлечения? Я просто наслаждалась своим завтраком.

Лиам щурится на меня, и я не могу сдержать смех.

— Ты действительно куриная попка, — он начинает готовить завтрак. — Я делаю завтрак в постель, для Шейн, — говорит он, доставая из шкафчика сковородку и начиная готовить.

Я слышу стук в дверь, и знаю, что это Дейл.

— Я ухожу, — мою тарелку, ставлю ее на полку и целую Лиаму в щеку. — Увидимся, когда вернусь.

— Пока-пока.

Я открываю дверь и вижу, как Дейл идет к своей машине.

— Доброе утро, Лили. Ты готова? — спрашивает он, глядя на меня через плечо.

— Да. Просто дай мне секунду, чтобы взять сумку.

— Я подожду, — он садится в машину и заводит ее, пока я иду в свою комнату за сумкой.

— Пока, — кричу я Лиаму, когда пробегаю мимо него через входную дверь к машине Дейла.

Мы болтаем по дороге в автосалон, и Дейл знает, что я нервничаю. Мы уже разработали план выплат и купили страховку на машину, так что, если в автосалоне уже есть «Таурус», то домой я поеду на ней (или кто-нибудь другой). Договор об оплате более чем щедрый, и если я захочу, то могу попробовать удвоить платеж, чтобы ускорить время выплаты. Вместо четырех лет, о которых мы договаривались, я постараюсь выплатить все за два года.

— Ларри, рад тебя видеть, — говорит Дейл, когда мы выходим из машины возле автосалона.

— Вот человек, надирающий мне задницу на поле для гольфа каждый раз, когда мы играем. И теперь он здесь, чтобы надрать мне задницу еще и в моем салоне, — говорит мне Ларри, когда пожимает руку Дейла. — Ты, должно быть, Лили. Рад с тобой познакомиться, — он отпускает руку Дейла и протягивает ее мне.

— Я тоже рада познакомиться, сэр, — я пожимаю его большую теплую руку.

— Пффф, сэр — это мой прадед. Я — просто Ларри, — ему около шестидесяти лет, но он в хорошей форме и почти на голову выше Дейла. — Пойдемте в мой кабинет, — он ведет нас в свой кабинет, и на двери под его именем я замечаю надпись «Президент». — Что ж,

Дейл сказал, что вы ищите автомобиль. Какую машину ты бы хотела?

— Я сделала кое-какие исследования, и мне понравился «Таурус».

— Хороший респектабельный автомобиль. Какие характеристики ты хотела бы для него, чтобы я смог понять, какой тип сделки я могу тебе предложить?

Я начинаю говорить, но Дейл слегка касается рукой моей ноги и качает головой. Я закрываю рот и смотрю, как они говорят о бизнесе.

— Ты действительно хочешь попробовать эти чертовы приемы продавца на мне? Ларри, сколько лет я знаю тебя и Сью?

Губы Ларри сжимаются в очень контролируемую улыбку.

— Мне нужно знать, что хочет юная леди. Это честно.

— Она хочет самую лучшую машину модельного ряда. Самый мощный форсированный движок.

— Они стоят сорок тысяч долларов в полной комплектации.

— Сорок тысяч долларов цена для обычных людей. Не для меня, того, кто может сделать один телефонный звонок Сью и заставить ее дать тебе работу во дворе, даже при том, что сейчас лежит снег.

Ларри смеется и садится обратно в кресло, заложив руку за голову.

— Вот почему мы друзья. Ты должен работать на меня, Дейл. Я думаю, что ты бы хорошо справлялся в торговом зале.

— Я не работаю на сварливых старых ублюдков, как ты.

Я улыбаюсь и стараюсь не засмеяться в голос.

— Видишь, с чем мне приходится иметь дело, Лили? Видишь?

Я ничего не говорю, потому что Дейл здесь, чтобы договориться обо всем для меня.

— Она не поможет тебе, Ларри. Возвращаясь к автомобилю, теперь скажи мне цену на машину с форсированным движком.

— Сорок тысяч, — быстро говорит Ларри, не пропуская удар.

— Нет. Меня не волнует, потеряешь ли ты на этом деньги, которые, я знаю, ты не потеряешь. Я хочу ее не дороже, чем за двадцать тысяч.

— Что? Это смешная цена.

— Последние две машины Бетси я купил у тебя, и если ты хочешь, чтобы в следующем году я обновил свою машину у тебя, то ты лучше продай «Таурус» за двадцатку.

— Я не могу отдать тебе ее по такой цене. Это значит, что я буду в накладе.

Переговоры продолжаются в течение почти сорока минут. Туда и обратно, мелкие игривые оскорбления, угрозы позвонить женам друг друга и хвастливые речи о том, как плох другой игрок на поле для гольфа. Все это время я сижу спокойно и слушаю, смеясь над смешными оскорблениями.

— Лучшая цена, которую я могу предложить — двадцать восемь тысяч долларов. И ни долларом меньше.

— Сбрось цену до двадцати пяти, и мы заберем ее прямо сейчас.

— Этого не произойдет. Вообще. Ты можешь забыть об этом, — он качает головой, абсолютно серьезно говоря о цене. — Двадцать восемь — мое последнее предложение.

— Двадцать пять.

Напряжение в просторном кабинете довольно ощутимо, и я чувствую, как мои глаза округляются, но стараюсь оставаться невидимой.

— Двадцать семь, — наконец уступает Ларри.

— Двадцать пять. И я скажу тебе, почему ты отдашь мне эту машину за двадцать пять, — Дейл садится обратно в свое кресло, небрежно покачивая ногой вверх-вниз. — Потому что эта девушка пережила достаточно дерьма в своей жизни, и теперь ей нужно что-то, чтобы пойти своим путем. И это что-то — один из тех «Гаурусов», простаивающих у тебя во дворе. У тебя их там около двадцати? Скоро они станут прошлогодним товаром, и ты будешь умолять людей, чтобы их купили. Поэтому сделай одолжение себе и Лили, продай мне машину за двадцать пять тысяч долларов.

— Ненавижу таких людей, как ты! — моментально реагирует Ларри.

— Нет, не ненавидишь.

В большом кабинете воцаряется молчание. Невозможно услышать ничего, кроме громкого биения моего сердца, и полагаю, что оба, Ларри и Дейл, могут слышать его, потому что в комнате так тихо и напряженно.

— Пойдем выбирать цвет, юная леди, — говорит Ларри, поднимаясь и пожимая руку Дейла.

— О, Боже мой! — я вскакиваю с кресла и лечу в объятия Дейла. — Спасибо, спасибо спасибо! — я очень крепко его обнимаю. Тело Дейла напрягается, и я замечаю, что ему неудобно. Я отпускаю его, обхожу стол и обнимаю Ларри. — Спасибо, Ларри. Это много значит для меня.

— Не за что, — я делаю шаг назад, а Ларри смотрит на Дейла. — Тебе лучше позволить мне выигрывать в гольф в течение следующих шести месяцев.

— Без шансов.

Когда я отхожу от своего безумного восторга, я выбираю цвет, который хочу. Пара часов уходит на все оформления, и мы, наконец, можем поехать домой на моей машине.

— Спасибо большое, — снова повторяю я Дейлу.

— Я позвонил Бетси, она приедет сюда на такси, поэтому либо ты, либо она сможете отогнать машину к твоему дому, а потом мы поедем домой.

Прежде, чем я успеваю понять, Бетси отгоняет мою машину, а я сижу рядом на пассажирском сиденье и упиваюсь дурманящим запахом нового автомобиля. Дейл и Бетси уезжают практически сразу, а я иду в дом, чтобы найти Лиаму и Шейн. Они оба так счастливы за меня, и мы договариваемся, что Шейн будет учить меня водить, помимо уроков в автошколе.

Еще только полдень, а я истощена. Все эти волнения буквально оставили меня без сил. Но мне все еще нужно закончить книгу Микаэлы *«Любовь — это совершенство»*.

Я открываю ноутбук и начинаю исправлять ошибки, перестраиваю предложения для более плавной сюжетной линии. Около пяти я выхожу из комнаты и нахожу Шейн и Лиаму, любовно переплетенными на диване и смотрящими фильм.

— Эй, мне заняться ужином? Или хотите пиццу? — предлагаю я.

— Да, по-моему, звучит хорошо.

— Да, по мне тоже, — добавляет Шейн прежде, чем они оба возвращаются к просмотру телевизора.

Я заказываю пиццу. Звоню в местную пиццерию, и они говорят, что ее доставят через полчаса, поэтому оставляю деньги на кухонном столе и возвращаюсь к книге Микаэлы.

— Эй, пицца здесь, — говорит Шейн, открывая дверь в мою комнату и заходя внутрь. — Действительно хорошая? — спрашивает она, присаживаясь на край кровати.

— Боже мой, она фантастическая! Я обожаю ее. Микаэла хорошо умеет описывать

истории.

— Она будет рада услышать это. Но пойдём ужинать. И я не уйду до тех пор, пока ты не пойдёшь со мной.

— Подожди, я только сохраню то, что сделала и приду, — Шейн встает и кладет руку на бедро. — Я обещаю, что приду.

— Детка, я не уйду отсюда, пока ты не пойдёшь со мной.

Я нажимаю на кнопку сохранения и закрываю ноутбук. Мы выходим из комнаты вместе и наслаждаемся семейным ужином.

Я набираю номер Микаэлы и жду ее ответа.

— Алло, — говорит она.

— Привет, Микаэла, это Лили.

— Боже мой! Я так нервничаю с тех пор, как дала тебе свою книгу. Я не могу поверить, что ты согласилась прочитать ее. Она хорошая? О, Боже, она плохая, верно? Вот почему ты ничего не говоришь. Я растянула ее, это хреново, да? Боже мой, просто скажи мне. Все говорят, как она хороша, но ты можешь не верить им. Моя мама сказала, что книга превосходная. Она врет, не так ли? Боже мой, она паршивая.

Я пытаюсь прервать Микаэлу, но ее паническая тирада не позволяет мне вставить и слова до тех пор, пока я, в конце концов, не говорю:

— Просто помолчи минутку.

— О, — она резко вздыхает. — Прости. Я нервничаю.

— Все в порядке. Теперь я хочу поговорить с тобой о книге *«Любовь — это совершенство»*.

— О, Господи, — она мучительно стонет.

— Микаэла, книга действительно хороша. Тебе не о чем беспокоиться.

— Правда? — она визжит от удивления.

— Правда. Она фантастическая. Тебе нужно опубликовать эту историю, и как можно скорее. Я просмотрела ее и исправила очевидные ошибки, также добавила несколько примечаний. Есть пара мест, которые, думаю, могут протекать плавнее, и некоторые переходные сцены были слабоваты, поэтому я внесла несколько своих предложений. Ты, конечно же, не обязана принимать все, что я предлагаю, я просто выявила слабые места и несколько предложений и абзацев, которые можно сделать сильнее.

— О, Боже мой. Правда? Я думала, ты собираешься разорвать меня в клочья.

— Зачем мне это?

— Я слежу за независимым авторским сообществом, и некоторые люди просто любят рвать других на части. Логически, я знаю, что не всем понравится моя история, но надеюсь, что к ней будет больше любви, чем ненависти.

— Думаю, что у тебя на руках отличная книга, и я полностью втянулась в мир, который ты описала. Она действительно фантастическая, и ты должна гордиться ею. Я передам флешку обратно завтра вместе с Шейн.

— Спасибо огромное. Сколько я тебе должна?

Блин, я не думала о цене.

— Это бесплатно, но если ты захочешь еще раз поработать со мной, то мы должны будем договориться о цене.

— Могу я записать твой номер и позвонить тебе завтра, после того как просмотрю все, что ты сделала?

Черт.

— Хм, я предпочитаю не давать свой номер, но дам тебе адрес моей электронной почты. Просто напиши мне, и я позвоню тебе сразу, как только вернусь домой с работы.

— Спасибо огромное, Лили. Я с нетерпением жду, чтобы посмотреть то, что ты

сделала.

— Не стоит благодарности.

Я как раз собираюсь повесить трубку, когда Микаэла говорит:

— Я хочу упомянуть то, что ты сделала. Как твоя фамилия, чтобы я смогла написать о тебе в благодарности?

Я не хочу давать ей свою фамилию, потому что вдруг Трент так найдет меня? Я начинаю быстро думать и вспоминаю, что в школе моим самым любимым учителем была миссис Ричардс, мой учитель английского.

— Лили Ричардс, — говорю я. Мне нужно опасаться Трента.

— Ну, спасибо тебе, Лили. Я действительно не могу дождаться того момента, когда увижу, что ты сделала с моим детищем, — когда она говорит «детищем», я не могу удержаться и представляю, как она обнимает книгу в мягкой обложке и танцует, кружась по полу и держа ее. И я улыбаюсь. Это мило, когда у кого-то есть такая сильная страсть.

— Пока, — говорим мы вместе и одновременно вешаем трубки. Я так счастлива, что все идет хорошо. Просто надеюсь, что ей понравятся изменения, предложенные мной, и работа, которую я выполнила.

Я лежу в постели и смотрю на часы. Через два часа у меня урок вождения, а сейчас я вроде как хочу позвонить Максу. Когда я активировала телефон, то отправила ему сообщение с благодарностью, а он в ответ прислал смс с текстом: «Не стоит благодарности». Кроме этого короткого обмена смсками, я не разговаривала с ним после нашего совместного обеда на прошлой неделе.

Я пролистываю тот небольшой список номеров, что у меня есть, и набираю его номер. Слышится три гудка, прежде чем он отвечает:

— Лили, ты в п-порядке?

— Да. Я просто хотела поговорить с тобой и узнать, как ты.

— Я р-работаю прямо сейчас. К-как ты?

— Извини, не буду отвлекать тебя, — я сажусь на кровати, скрестив ноги.

— Нет, н-не надо. У м-меня есть п-пара минут. Как ты?

— У меня все хорошо. Я просто хотела поблагодарить тебя еще раз за телефон. Было очень мило с твоей стороны купить его для меня.

— Не за что. Я з-заканчиваю р-работать в п-пять ч-часов. Н-не хотела бы т-ты в-выпить с-со мной с-сегодня или п-пообедать? — он заикается еще больше, когда нервничает. Я это запомнила.

— У меня уроки вождения через два часа.

— О, — говорит он, и я слышу разочарование в его голосе. — Т-тогда, м-м-может б-быть, в д-другой раз.

— Я говорю, что мне бы хотелось пойти, но я освобожусь только ближе к вечеру.

— Это п-прекрасно. П-потому что когда я з-закончу р-работать, ты тоже д-должна освободиться, — его речь становится лучше, и я слышу нотки энтузиазма в его голосе.

— Отлично. Где встретимся?

— Я м-могу з-заехать за тобой.

— Гм, — опять же, я не хочу, чтобы он знал, где я живу, потому что хочу сохранить это в секрете. Мне нужно быть умнее и защищать себя до тех пор, пока я на сто процентов не буду уверена, что люди, которых я впустила в свою жизнь, собираются остаться.

— Я понял. Все в порядке. Я п-по-понимаю. Как насчет того, чтобы встретиться.

скажем, в с-семь?

Мы договариваемся встретиться у ресторана в центре города, а затем Макс говорит мне, что должен возвращаться к работе. Я выхожу из комнаты, чтобы найти Шейн и рассказать ей, что происходит.

— Шейн? — зову я, направляясь в кухню, и не нахожу ее.

Лиам выходит из их комнаты.

— Эй, Шейн просто спит. Ты в порядке?

— Ах да, я просто хотела отдать ей флешку, чтобы вернуть Микаэле, и дать вам знать, ребята, что собираюсь сегодня поужинать с Максом.

Лиам выдвигает два стула из-за стола и предлагает мне сесть на одно из них. Я знаю, что он хочет поговорить со мной.

— Лили, мы с Шейн действительно любим тебя. Ты мне как сестра, и я знаю, что Шейн любит тебя, словно ты ее плоть и кровь. Но в прошлый раз мне пришлось собирать ее по кусочкам, она не слишком хорошо справилась с тем, что ты исчезла и не отвечала на ее письма. Она была буквально опустошена, и я не смогу смотреть на то, как это происходит снова.

Я вздыхаю, потому что понимаю, о чем он говорит.

— Макс просто друг. И ты знаешь, что я не получала никаких писем от Шейн. Трент, должно быть, выбрасывал их.

— Хорошо, сейчас я это знаю. Но послушай, Лили, если Макс просто друг, ты должна сказать ему об этом. Потому что он, может быть, ходит вокруг да около, надеясь, что станет больше, чем другом.

— Он знает.

— Нет, он не знает. Поверь мне. Он — парень, я — парень. Я знаю, как мы думаем. Я знаю, что ты не будешь водить его за нос, но скажи ему все, как есть, будь честной с ним. Если он хочет быть твоим другом, то это здорово. Приведи его к нам, чтобы мы с Шейн познакомились с ним. Но если он хочет большего, то ты должна поговорить с ним. Потому что это нечестно по отношению к нему, так же, как и нечестно по отношению к тебе, если он начнет ожидать от тебя определенных вещей.

Черт, Лиам давит на нужные точки. Сегодня вечером я поговорю с Максом, чтобы он знал, где я нахожусь эмоционально, и что не ищу отношений. Я не могу дать ему то, что он может захотеть, и абсолютно точно не могу дать то, что ему нужно.

— Я поняла тебя, и это имеет смысл.

— Мы не хотим, чтобы тебе снова причинили боль. С тех пор, как ты с нами, за это короткое время ты стала другой. Ты больше улыбаешься и ты на самом деле смеешься и выглядишь счастливее. Ты можешь оставаться здесь так долго, как только захочешь. Лили, тебе всегда будут рады здесь. Для тебя всегда будет место в нашей семье.

Я не могу удержать слезы.

— Спасибо, — шепчу я.

Лиам встает и обнимает меня. Он целует меня в голову и говорит:

— Повеселись сегодня. Я отвезу тебя туда и заберу обратно.

— Нет, ты останешься с Шейн, а я возьму такси.

— Хорошо. Да, пока не забыл, повеселись на уроке вождения тоже.

— Спасибо.

— Просто не забудь свои ключи, и дай мне знать, когда пойдешь на свое не-свидание с

Максом.

— Непременно.

Я возвращаюсь в комнату и начинаю готовиться к своему первому уроку вождения.

***

— Итак, я слышала, что ты идешь на не-свидание с Максом, — говорит Шейн, сидя на моей кровати и наблюдая за тем, как я пытаюсь найти в своем ограниченном гардеробе, что бы надеть.

— Да. И я собираюсь сказать ему, что в моей жизни есть место только для друга.

— Если он хороший человек, а, судя по твоим словам, так и есть, то он будет более чем доволен. Я имею в виду, зачем ему сидеть около тебя в больнице, если он не уважает тебя?

Я пожимаю плечами и продолжаю смотреть на свое малое количество одежды.

— Что же мне надеть? — спрашиваю я вслух, но не жду ответа.

— О, подожди, надень свои черные брюки, у меня есть очень милый свитер, который будет хорошо на тебе смотреться. И ты можешь обуть мои черные сапоги.

— Твои черные сапоги? Они на каблуках. Я не могу ходить в этих сапогах на сумасшедше высоком каблуке.

— Подожди, — говорит она и бросается вон из комнаты, затем через пару мгновений возвращается, держа в руке потрясающий красный свитер и сапоги на низком каблуке. — Вот, попробуй эти. Но теперь, думаю, ты не можешь надеть те черные брюки, они не подойдут, — она протягивает мне свитер и сапоги и снова выскакивает из комнаты. — Вот, — она кладет пару узких черных джинсов на кровать. — Они больше подойдут, и ты будешь выглядеть сексуально.

— Я не могу выглядеть сексуально, это не свидание. Просто двое друзей идут поужинать.

— Ты будешь выглядеть сексуально для себя, не для Макса. Чтобы ты ни делала, ты должна делать это для себя. И если другие люди хотят быть рядом с тобой, то они должны чувствовать себя избранными, что ты позволяешь им это. Ты хороший человек, Лили, и не забывай, что у тебя золотое сердце. Но ты должна убедиться, что ты счастлива, прежде чем пытаться сделать счастливым кого-то другого.

— Спасибо, — говорю я, отводя взгляд, хотя, в действительности, не готова принять ее слова. — Я договорилась о встрече с психологом, — обрушиваю это на Шейн.

— Правда? Я так счастлива, Лили. Боже мой, это огромный шаг. Я так горжусь тобой. — она обнимает меня, а я продолжаю смотреть вниз на одежду на моей кровати. — Боже, я просто... — она продолжает качать головой, по-прежнему широко улыбаясь. — Я действительно горжусь тобой.

— Спасибо. Теперь уходи, чтобы я могла переодеться, — я не могу справиться с еще большим потоком эмоций на сегодня. Я разрыдаюсь, а я этого не хочу. Я хочу быть счастливой.

Шейн выходит, и я переодеваюсь. Я зову ее обратно, чтобы она сказала мне, как выгляжу.

— Девочка, ты хорошо выглядишь. Могу я сделать тебе макияж?

— Макияж?

— Да, макияж. И я могу слегка по-другому уложить тебе волосы.

— Я не знаю, — я начинаю чувствовать себя куклой Шейн. — Наверно, просто уложи мне волосы. Не беспокойся о макияже.

Счастливая она хлопает в ладоши и выбегает из комнаты, только чтобы вернуться с тем, что она называет выпрямителем для волос. Я озадаченно смотрю на нее, ведь мои волосы и так прямые.

— Я просто слегка завью кончики. Будет красиво.

— Хорошо, — говорю я и сажусь на кровать, а она подключает его к розетке и включает.

Когда Шейн заканчивает, я вижу, что кончики моих волос завиты и теперь волосы доходят до середины спины, и это очень хорошо выглядит. Я вызываю такси, и они говорят, что приедут примерно через пятнадцать минут. Заканчивая одеваться, я беру свое одолженное пальто и выхожу в гостиную, где Шейн с Лиамом смотрят телевизор.

— Хорошо проведи время, и твой комендантский час — полночь, — говорит Лиам, подражая голосу отца.

— Увидимся завтра утром, — я целую их обоих, а затем слышу гудок клаксона. Я выглядываю в окно и вижу желтое такси у подъезда.

Я выхожу, сажусь в такси и нервно ерзаю на месте до тех пор, пока мы не подъезжаем к ресторану. Макс стоит у входа, глядя по сторонам. Когда такси подъезжает, Макс бросается к машине и открывает для меня дверь. Прежде чем у меня появляется время заплатить водителю, Макс уже протягивает ему двадцать долларов и спрашивает, достаточно ли этого, затем закрывает дверь, а когда водитель говорит, что должен отдать ему сдачу, то он отвечает:

— Оставьте ее себе, — Макс говорит эти слова, совершенно не заикаясь. — Ты выглядишь п-п-п-п... — он делает глубокий вдох, очевидно, успокаиваясь, — прекрасно.

— Спасибо, Макс. Ты тоже выглядишь очень привлекательно.

— Ты г-голодна? П-потому что я х-хотел бы с-сначала сходить к-кое-куда. И н-наш столик з-заказан на в-восемь тридцать.

Я начинаю паниковать и отступаю на шаг от Макса.

— Гм...

— В-все в порядке, мы м-можем просто п-посидеть в баре и п-поговорить, — но он выглядит задетым моей реакцией.

— Что еще ты задумал?

— Я х-хочу сводить т-тебя в одно место чуть дальше по улице. Но я пойму, если ты не хочешь.

Я оцениваю все, что знаю о Максе, и ничего не кричит «беги». Это просто моя естественная реакция из-за того, что я пережила в прошлом.

— Все нормально, мы можем пойти.

— Отлично, — мы начинаем идти, а погода морозная. Я чувствую себя снеговиком, пока мы медленно идем в направлении, в котором Макс ведет нас. На моих руках перчатки, а руки в карманах моего, то есть Шейн, пальто. У меня есть шапочка и шарфик, но я все еще чувствую, как холод проникает через все слои одежды. Сейчас начало декабря, и скоро пойдет снег. Было пару дней, когда снег слегка припудрил все, но это только вопрос

времени, прежде чем тротуары станут ледяными, и везде появятся сугробы.

Разговор легкий и непринужденный. Я рассказываю Макс, что являюсь счастливым владельцем новенького «Форд Таурус» и про уроки вождения. Макс поздравляет меня и говорит, что когда я получу права, он ждет, что я буду его шофером, а он — принцем в кортеже.

Мы останавливаемся, когда доходим до парка, который залили и превратили в большой ледовый каток.

— Мы пришли, — радостно сообщает он, указывая на лед.

— Катание на коньках?

— Да.

— Я ни разу в жизни не каталась на коньках. Я не хочу делать этого.

— Ты должна. Это обряд посвящения для каждого американца, — я смотрю на него, он ни разу не заикнулся.

— Это правда?

— Да, — подтверждает он. — Давай, я н-научу тебя. Я не д-дам тебе упасть, — он берет меня за руку и тянет за собой, пока идет к человеку в будке на краю катка и платит за нас обоих, чтобы взять коньки на прокат. Мы оба говорим ему наш размер обуви, и парень выдает нам коньки. Макс ведет нас туда, где мы можем сесть и надеть их.

Я обуваю свои, и едва ли в состоянии стоять на них. Медленно иду за Максом к катку.

— Это очень в-весело. Позволь я п-покажу тебе, — он показывает, как стоять и кататься, отталкиваясь одной ногой, удерживая баланс на другой ноге.

— Выглядит очень просто, — дразню я, пока он катается на противоположной стороне катка. Он заполнен людьми, которые скользят на коньках так, будто они профессиональные фигуристы. Но под этим я подразумеваю то, что никто не падает на задницу. — Да, очень легко, — бормочу я себе под нос.

— Давай. Я буду держать тебя за руку, так что ты не уп-падешь, — он протягивает мне руку, и я смотрю на нее, обдумывая, стоит ли мне ее брать.

Я решаю, что не могу просто стоять в сторонке в течение следующего часа или около того, я должна попробовать. Наконец, я принимаю его руку, и Макс оборачивает другую вокруг моей талии, пытаясь удержать меня в вертикальном положении. У него не получается. Я продолжаю спотыкаться о свои ноги, пытаюсь ходить, а не кататься.

— Ты должна оттолкнуться ногой. Вот так, — он пытается показать мне как, все еще поддерживая меня.

Я начинаю смеяться, потому что, должно быть, выгляжу смешно для любого простого прохожего, наблюдающего за мной со стороны. Моя левая нога едет в одну сторону, а правая в другую и, в конце концов, я падаю на Макса. Он смеется, но ловит меня, не давая упасть на лед.

— Вот так, — говорит он, и в сотый раз показывает мне, как кататься на коньках. Я, наконец, схватываю, и мы начинаем кататься вместе по кругу катка. Ладно, может, я немного привираю, по большей части я только пытаюсь не упасть.

— Это весело, — говорю я, отъезжая от Макса. Он отпускает меня и мне удается проехать более трех метров, не упав при этом.

— Так и есть, когда ты отпускаешь все и просто едешь, — я оглядываюсь на него и спотыкаюсь о собственные ноги. Они снова разъезжаются в разных направлениях и, в этот раз я падаю на задницу.

У меня истерика, потому что я не веселилась так уже очень давно. Я смеюсь так сильно, что слезы начинают катиться по моим щекам.

Макс подъезжает ко мне и опускается на колени.

— О, Боже мой. Тебе б-больно?

Я качаю головой, пытаюсь встать. Мои ноги не слушаются и разъезжаются в разные стороны. Я смеюсь так сильно, что даже не могу подняться. Макс помогает мне, но я такая неуклюжая, что переплетаю наши ноги вместе и сбиваю его. Я снова падаю на задницу, смеюсь так сильно, что не могу себя контролировать, а Макс оказывается у меня на коленях. Он в ужасе и пытается сдвинуться, но лед делает это невозможным.

— Я не очень хороша в этом, — удается сказать мне между приступами смеха.

— Так и есть, — подтверждает он. Макс, наконец, слезает с меня и протягивает мне руку. — Сейчас позволь помочь тебе.

Я беру его за руку и, наконец, поднимаюсь с его помощью, и мы направляемся к скамейке, где стоит наша обувь.

Я сажусь, снимаю коньки и начинаю снова смеяться.

— Я не создана для катания на коньках. У меня нет координации на льду.

— Хммм... — бормочет Макс. — Ты действительно у-ужасна в этом, — он искоса смотрит на меня и качает головой.

И это все, что необходимо, чтобы я успокоилась. Мы подходим к парню, возвращаем наши коньки и идем обратно к ресторану.

— Спасибо, Макс. Хоть я и ужасна, но это было очень весело.

— Ты н-научишься.

— Я не сделаю этого снова. Думаю, мне повезло, что я не потеряла палец. Так что я уйду, пока на пике славы.

— Я дождусь лета и отведу тебя кататься на роликах.

Я улыбаюсь его словам. Тот факт, что он планирует остаться рядом со мной, заставляет меня улыбаться. Но от этого я также становлюсь грустной.

— Макс, — тихо говорю я. Боже, я не хочу водить его за нос, поэтому должна быть с ним как можно более честной.

— Да?

Остановившись под фонарем в квартале от ресторана, я поворачиваюсь к нему лицом.

— Я не могу быть с тобой.

Макс наклоняет голову, вопросительно глядя на меня:

— Я не понимаю.

— Я не готова состоять в отношениях, я слишком сломлена, чтобы быть в состоянии дать тебе какую-нибудь часть себя. Я не смогу дать тебе то, что тебе нужно. Это нечестно по отношению к тебе, если ты думаешь, что это, — я указываю на себя, затем на него, — зайдет куда-то дальше. Я не похожа на других девушек. Я никогда не буду функционировать правильно. У меня слишком много проблем, с которыми мне нужно разобраться, и я не хочу, чтобы ты надеялся, что однажды стану достаточно хороша для тебя. Потому что не думаю, что когда-нибудь стану нормальной.

— Ты приняла это решение?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты говоришь мне уйти. Оставить тебя, как сделали другие мужчины.

— Они никогда не оставляли меня.

— Нет? — спрашивает он. — Они мысленно оставили тебя и физически оскорбили. Но я — не они. Пожалуйста, не принимай решения за меня. Позволь мне решать то, что я хочу, — его речь плавная, или, может, я просто уже не слышу его заикания. — Я должен быть достоин тебя, Лили, а не наоборот.

Он должен быть достоин меня?

Холодок поднимается по моей спине. Не потому, что холодно, а потому, что мне говорят, что я гораздо больше, чем просто уродливая, глупая, несчастная девушка.

— Хорошо, — говорю я, не уверенная в том, с чем согласилась.

— Теперь мы можем пойти поесть?

— Шейн и Лиам хотят познакомиться с тобой, — выпаливаю я, как будто у меня словесный понос. — Они хотят познакомиться с моими друзьями. Они — моя семья.

Он улыбается мне и прячет руки в карманы пальто.

— Я хочу встретиться с ними.

И вот так я принимаю Макса, как друга. Он — хороший парень, а мне нужен хороший парень в моей жизни.

Я обедала с Максом неделю назад, и с тех пор мы ужинали с ним еще несколько раз. Рождество уже почти наступило. После урока вождения мне нужно пойти купить подарки для всех, кто мне дорог.

Сейчас утро четверга, и я только что пришла на работу. Сегодня очень загруженный день, так же, как и все предрождественские дни декабря каждого года. Я сижу за своим столом и открываю список дел на сегодня, когда звонит мой телефон. Достав его из сумки, вижу широко улыбающееся лицо Шейн, смотрящее на меня.

— Ты только что высадила меня, почему звонишь? Все в порядке?

— Мне только что позвонила Микаэла и попросила тебя ей перезвонить.

— О, хорошо, спасибо. Я позвоню ей через пару минут, как только составлю план на день.

— Ладно. Что ж, ты уверена, что тебя не нужно подбросить в торговый центр?

— Нет, я возьму такси. Но спасибо.

— Ловлю на слове, малышка.

Я кладу трубку и смотрю на график. Питера еще нет, но это потому, что этим утром он покупает подарки для своей семьи. Он человек, у которого есть честь и достоинство. Когда я вошла в его кабинет, чтобы поблагодарить за все, в том числе за финансирование покупки моей машины, он просто кивнул и сказал: «Просто продолжай усердно работать на нас, Лили». Питер немногословен, но он — человек, которого все останавливаются послушать, когда тот говорит. Он управляет своими магазинами тщательными и хорошо отработанными методами управления. Нет такой ситуации, произошедшей в зале, о которой бы он не знал. Когда он идет по магазину, все сотрудники трясутся от страха, но они все уважают его.

Я пролистываю первую часть отчетов, которые мне нужно посмотреть и, пока их распечатываю, звоню Микаэле.

— Алло? — отвечает она.

— Микаэла, это Лили. Шейн сказала, тебе нужно поговорить со мной.

— О, Боже мой! Я просто хотела сказать тебе несколько вещей. Во-первых, я внесла все изменения, предложенные тобой, и ты была права насчет всего, что говорила. Во-вторых, книга пошла в печать сегодня утром, — она почти кричит и визжит одновременно.

— Поздравляю, я надеюсь, что это хорошо повлияет на тебя.

— Я должна сказать тебе, что вышли копии обзоров книги и уже начали попадать в сеть. «*Любовь — это совершенство*» получает безупречные отзывы. Спасибо за все, Лили. Твои коррективы сделали мою книгу лучше.

— Не за что.

— Пока я писала книгу, у меня появилось несколько друзей, и одна из них ищет редактора. Я могу дать тебе ее контактные данные и, возможно, ты свяжешься с ней через социальные сети и поговоришь с ней об этом. Я рассказала ей о твоей отлично проделанной работе над моей книгой, и она действительно заинтересована в разговоре с тобой.

— Это здорово, спасибо.

— Она спросила, сколько ты берешь, и я ответила, что ты сама назначишь ей цену. Она тоже написала роман, но думаю, что ее книга больше моей.

— Твоя книга была намного больше, чем просто роман. И ты заслуживаешь весь успех, что она принесет тебе.

— Я буду счастлива, если продам хотя бы десять экземпляров кому-нибудь за пределами моей семьи, — она смеется над собственной шуткой, и я не могу не улыбнуться этому.

— Я уверена, что все будет хорошо. Держи меня в курсе о ее успехе.

— Хорошо. Я напишу тебе на электронную почту, или я... — она замолкает, и я уверена, что она хочет, чтобы я дала ей свой номер. Но этого не будет.

— Письмо будет идеальным вариантом. Просто дай мне свой адрес электронной почты, и я напишу тебе письмо, чтобы у тебя был мой адрес, — я хочу создать новую почту с именем Лили Ричардс вместо Лили Андерсон. Хотя я еще не развелась, нет никаких причин, чтобы продолжать использовать фамилию Трента.

— Хорошо. И спасибо еще раз, Лили, — она диктует адрес своей электронной почты, и я записываю его. Мы прощаемся, и я возвращаюсь к работе. Когда у меня появляется несколько свободных минут, я создаю новый аккаунт и пишу Микаэлу. Она отвечает мне улыбающимся смайликом, и я знаю, что теперь у нее есть мой адрес.

Уже почти наступает время обеда, когда заходит Питер, сжимая в руках несколько пакетов из разных магазинов.

— Ты провел время с пользой? — спрашиваю я, когда он проходит мимо моего стола.

— Почему люди всегда оставляют рождественские покупки на последнюю минуту? Из-за этого нам трудно пойти и сделать рождественские покупки в последнюю минуту, — он ворчит, входя в свой кабинет.

— Кофе может помочь? — спрашиваю я, когда встаю и иду за ним в его кабинет. — И, разве это не означает, что ты должен был сделать рождественские покупки вместе со всеми этими людьми, на которых ты жалуешься?

— Прекрати использовать на мне женскую логику. Моя жена пытается это сделать. Мои дочери пытаются, черт, даже мои внучки начали. Мне не нужно это еще и здесь, — его губы расплываются в улыбке, и я знаю, что он просто шутит. — Как проходят твои уроки вождения?

— Хорошо. У меня следующее занятие, когда закончу здесь. Это уже третье. В начале января я могу попробовать получить права.

— Ты можешь сделать это, Лили. Верь в себя, — слова встряхивают меня так, будто он имеет в виду не только вождение. — Сейчас мне нужен кофе.

Питер — мужчина. Он прямолинеен, когда говорит, и невероятно справедлив. Но он не часто использует такие слова, как «пожалуйста» или «спасибо». Но это нормально, потому что он прямо высказывает свою точку зрения. Хотя я работаю в этой должности всего пару недель, я знаю, что сильная репутация Питера распространилась и в торговом зале. Прежде, чем попала сюда, я была одним из тех сотрудников, которые боялись его. Теперь я знаю, что он просто требует совершенства и награждает его, когда находит.

— Я сделаю его для тебя, — я спускаюсь вниз, покупаю пачку любимого печенья Питера и возвращаюсь в комнату для персонала, чтобы сделать ему кофе, кладу два печенья на блюдце и отношу все это Питеру. — Вот, пожалуйста, — я ставлю кофе и печенье на стол.

— Я сегодня получу только два? Я разозлил тебя? Или ты ждешь, чтобы я дал тебе рождественскую премию? — шутит он.

— Пожалуйста, Питер, не нужно премий, я на самом деле надеюсь, что ты просто

пошутил. И нет, ты получишь только два, потому что в понедельник ты пришел и сказал, что твоя жена назвала тебя «аппетитный», и я думаю, что, возможно, добавляю «аппетитности», давая тебе печенье.

— Пфф... — он пренебрежительно машет на меня рукой, и я улыбаюсь. — Я не аппетитный.

Он такой. Очень.

— Ладно, это были последние два печенья в банке.

— Правда? — он вопросительно приподнимает брови. Затем поворачивается, идет к своему заваленному столу и садится. — Значит, то, что ты только что сбегала вниз и купила печенье, не имеет к этому никакого отношения? — он указывает на маленькую тарелку.

Он не пропускает ничего, ни одной вещи.

— Виновата.

— У меня полно работы, и я надеюсь, что ты уйдешь сегодня пораньше, чтобы сделать то, что делает каждый второй псих, включая меня, и купишь рождественские подарки.

— Да, Питер, совершенно верно.

Он машет на меня рукой, и это знак мне, чтобы уйти и закрыть дверь в его кабинет.

Следующие два часа пролетают незаметно, поскольку я выполняю всю оставшуюся на день работу. К тому времени, как мне нужно уходить, у меня остается лишь немного недоделанной работы.

Я смотрю на время и понимаю, что если хочу успеть на урок вождения сегодня днем, то мне пора идти. Я хватаю свое-Шейн пальто и мчусь вниз. Такси стоит в половине квартала от меня, и когда я подбегаю к нему, то вижу еще два ожидающих такси.

У меня плотный график и нужно купить подарки для Шейн, Лиама, Макса, Дейла и Питера. Сначала мне нужно заехать в «Таргет» и купить новое пальто, чтобы отдать Шейн ее одежду. В итоге, я нахожу точно такое же пальто, поэтому решаю поменять его на новое и отдать Шейн. Затем я пытаюсь найти для нее подарок на Рождество, но ничего не нахожу. И пока я гуляю, мне в голову приходит замечательная идея. Как способ сказать «спасибо», я отправлю ее и Лиама куда-нибудь отдохнуть на выходные. Небольшой отпуск, подальше от зимы и от меня.

Затем я иду в винный магазин и покупаю две бутылки скотча хорошей выдержки для Дейла и Питера. Я покупаю им обоим одинаковый скотч, потому что они были невероятно добры ко мне.

Но с подарком для Макса я испытываю затруднения. Не знаю, что подарить ему, потому что не хочу купить что-то слишком личное, чтобы не подать намек, что готова для интимных отношений. Но я также хочу подарить что-то, что скажет ему, как сильно я ценю его за то, какой он есть.

Я брожу вокруг и не знаю, что подарить ему. В конце концов, я добираюсь до стойки с парфюмом. Я нахожу очень притягательный аромат мужского одеколona. Хотя он и стоит больше ста долларов, я покупаю его для Макса, надеясь, что ему понравится.

Подарок для Шейн и Лиама я сделаю, когда вернусь домой. Я могу зарезервировать все онлайн. На такси я доезжаю до дома, надеваю новое пальто на плечики и вешаю его на ручку двери в комнату Лиама и Шейн. Затем быстро переодеваюсь и готовлюсь к уроку вождения.

Подойдя к дому, вижу машину Шейн и Лиам, стоящую рядом с моей, и понимаю, что они дома. Я захожу внутрь с улыбкой на лице.

— Эй, как прошел урок вождения? — спрашивает Лиам, когда я вхожу через парадную дверь.

— Очень хорошо. Инструктор сказал, что я уверенно веду себя на дороге и буду готова к тесту в начале января. Он удивлен, как далеко я смогла продвинуться всего за пару уроков.

— Молодец, куриная попка. У тебя есть эта красивая машина на подъездной дорожке, и скоро ты сможешь ею управлять. Я очень горжусь тобой.

— Спасибо. Эй, могу я приготовить сегодня ужин, или вы с Шейн уже начали его готовить?

— Шейн начала. Ты знаешь, как сильно она любит готовить.

— Знаю, — я улыбаюсь и иду на кухню, чтобы найти Шейн, крутящую задом и напевающую песенку самым ужасным голосом. Она любит танцевать, пока готовит. — Привет, нужна помощь?

— Ты можешь налить нам вина и рассказать мне, откуда взялось это сексуальное пальто.

Я беру три бокала и наливаю в каждый вино, бутылка уже стояла открытой на столешнице. Я отношу Лиаму его бокал, а затем возвращаюсь на кухню и сажусь на один из табуретов.

— Ну, я ходила в «Таргет» и нашла его там. Оно точно такое же, как то, что я одолжила у тебя, поэтому купила его и отдала тебе. Разве это не здорово? — я медленно потягиваю вино.

— Нет, не здорово. Я возьму то, что дала тебе, а ты возьмешь себе новое, — она размещивает блюдо, которое готовит.

— Я носила это пальто уже какое-то время, и будет честно, если ты возьмешь новое, а я оставлю себе твое.

— Да... нет... Я хочу именно мое пальто обратно.

— Почему? Это просто пальто.

Шейн поворачивается ко мне лицом и говорит:

— Ты заслуживаешь новое, а не обноски. У тебя и так уже была куча обносков. Поэтому сейчас ты будешь носить только новое, — она поворачивается и продолжает готовить.

Я задыхаюсь. Не уверена, что смогу что-то ответить ей без содрогания и слез.

— Хорошо, — киваю я.

— Вот и ладненько. Ужин скоро будет готов. Микаэла сказала, что счастлива от того, что ты сделала с ее книгой. Она даже сказала, что знает кого-то, кто заинтересован в работе с тобой.

— Она сказала мне сегодня. Мне нужно определиться, какую плату я собираюсь брать.

— Микаэла сказала, что то, что ты сделала, стоит довольно много. Ты сделала то, что делает редактор. Не то чтобы я понимала, о чем она говорит, но она сказала, что заплатила бы тебе пять сотен за то, что ты сделала. Она также сказала, что другие берут намного большие суммы.

— Да, но я уверена, что у тех, других, более высокая квалификация.

Шейн качает головой.

— Она сказала, что есть люди, которые являются простыми читателями, просто говорят, что они редакторы и запрашивают слишком высокую цену. Некоторые из них даже отвратительны в этом. Ну, это то, что она говорит. Я в этом не разбираюсь, — она пожимает плечами.

— Я не знаю. Пятьсот долларов, кажется, слишком много.

— Эй, первое правило бизнеса — никогда не недооценивай свой продукт. Если ты это сделаешь, то люди будут думать, что это хрень, и не купят его. Это то, что я узнала в магазине по продаже шин. Ты должна ценить то, что предлагаешь.

— Это имеет смысл, — говорю я, поднимая свой бокал, и допиваю вино. — Думаешь, пятьсот долларов — это разумная цена?

— Что ж, как насчет первоначальной цены в триста пятьдесят долларов. Потом, если твоими услугами воспользуются снова, то ты можешь поднять цену до пятисот. Затем, если они порекомендуют тебя кому-то, то человек, который это сделал, получит скидку в пятьдесят долларов на свою следующую книгу?

— Это может быть слишком запутано для них. Но мне нравится идея низкой цены для первой книги.

— Микаэла сказала, что большинство редакторов и корректоров берут плату за каждое слово, так что пятьсот долларов это вполне разумная цена, особенно если книга большая.

— Хмм... — я сосредотачиваюсь на кастрюле, в которой Шейн что-то перемешивает, и начинаю по-настоящему задумываться о разумной цене.

— В любом случае, ужин скоро будет готов.

— Ладно, я вернусь через секунду. Просто возьму свой ноутбук, — я иду в свою комнату, беру ноутбук и возвращаюсь на кухню, садясь за стойку. Открыв его, пока Шейн готовит, кликаю на место отдыха, которое я выбрала для них. Я так взволнована и знаю, что они будут в восторге.

Затем я открываю свою почту и нахожу там сообщение от кого-то неизвестного мне, там сказано, что она подруга Микаэлы и у нее есть книга, на которую она хочет, чтобы я взглянула.

Я отвечаю ей и говорю, что первоначальная цена за мои услуги составляет четыреста долларов, предоплата пятьдесят процентов, остальная сумма выплачивается после завершения книги. Она мгновенно мне отвечает и просит дать ей мои банковские реквизиты для оплаты. Она также пишет, что будет готова выслать мне книгу в начале следующей недели.

— Шейн, она просит мои банковские реквизиты.

— Кто?

Я объясняю ей, что меня порекомендовали, и что она хочет оплатить, поэтому просит мои банковские реквизиты.

— Используй PayPal, — говорит она. (*Примеч.: PayPal — электронная платежная система*).

Я смотрю на нее, запрокинув голову, не понимая, какого черта она говорит.

— Что?

— Вот, — она обходит вокруг меня и вбивает в поиск PayPal. — Следуй инструкциям, все очень просто.

Я вхожу, регистрируюсь, и прежде, чем успеваю понять, у меня появляется счет на PayPal.

— Это было просто. Я получу оплату в PayPal, а затем переведу деньги на свой банковский счет.

— Совершенно верно. А теперь пойдём ужинать.

— Подожди, дай мне отправить ей номер счета, и я приду, — я создаю счет-фактуру и отправляю ей. В течение нескольких секунд я получаю уведомление об оплате. — Вау, — говорю я, улыбаясь.

— Что случилось?

— Мне только что заплатили. Двести долларов.

— Молодец, девочка. Держи, — она ставит тарелку на стол, берет тарелку для себя и Лиамы и несет их в гостиную.

Я убираю свой ноутбук, чувствуя себя на вершине мира. На самом деле, я просто в восторге. Мне только что заплатили за редактирование книги. Поправка, мне только что заплатили половину суммы за книгу. На самом деле, кто-то хочет, чтобы я, *Лили Андерсон*, она же *Лили Ричардс*, работала над книгой.

Когда я возвращаюсь из своей комнаты, то на самом деле немного пританцовываю.

До Рождества остается четыре дня, и я очень загружена. Посещаю уроки вождения и редактирую книгу, за которую мне заплатили. Уже пора уходить домой, но здесь куча работы. Завтра последний рабочий день Питера перед двухнедельным отпуском. Дейл будет временно заменять Питера, пока того не будет. Мои рождественские подарки для них обоих надежно спрятаны на работе, потому что я хочу подарить их завтра на праздничном ужине для персонала.

Питер устраивает ужин для всех сотрудников офиса. Он пообещал дать всему штату премию вместо пикника. Он действительно отличный босс, под его руководством все отлично работает, он вдохновляет меня работать лучше.

Я начинаю закрывать все окна на компьютере, и у меня остается несколько минут, чтобы проверить свою почту. Там есть письмо от Микаэлы, в котором она говорит, что ей очень срочно нужно поговорить со мной. Паникуя, я набираю ее номер.

— Алло?

— Микаэла, ты в порядке? Что происходит?

— Боже мой! — кричит она очень громко. Так громко, что мне приходится убрать телефон от уха. — Лили! О, Боже мой! — снова кричит она. Впрочем, по тону ее голоса я слышу, что она не пострадала, и взволнована не из-за боли.

— Что случилось?

Она начинает говорить с такой скоростью, которая немыслима для человека. Я улавливаю некоторые слова такие, как «бестселлер» и «издатель», но по-прежнему не понимаю, о чем она говорит.

— Микаэла, остановись и сделай глубокий вдох. Ничего не говори, просто вдохни и выдохни, — я слышу ее тяжелое дыхание, когда она делает то, что я прошу. — Ты успокоилась?

— Да, — ее тон по-прежнему наполнен радостью.

— В чем дело?

— Ладно. Угадай, что случилось? *«Любовь — это совершенство»* попала в списки бестселлеров по версии New York Times и USA Today. Книга дебютировала в первой десятке обоих списков. УРАААА! — кричит она.

— О, Боже мой. Поздравляю! Это просто фантастическая новость. Я действительно счастлива за тебя.

— Со мной связался издатель и сказал, что они хотят договориться о контракте, — она говорит эту фразу с такой скоростью, что звучит все неразборчиво.

Мне удастся быстро расшифровать ее слова и сказать:

— Вау, это просто феноменально. И это ведь твоя первая книга. Какой удивительный успех!

— На самом деле, я не собиралась писать вторую книгу, это была просто история, которая пришла мне в голову, и которую я должна была рассказать. Спасибо, Лили. Я знаю, ты не писала мою книгу, но благодаря твоим предложениям она стала намного лучше, чем была изначально.

— Это все ты, Микаэла, я просто подправила ее. Ничего больше. И не за что, — я

удобнее усаживаюсь на стуле и улыбаюсь, потому что я действительно очень рада за Микаэлу и ее успех.

— Хм... — она хочет сказать что-то еще, но, кажется, запинается в словах.

— В чем дело?

— Я хочу заплатить тебе. Симон сказала, что ты берешь четыреста долларов за книгу, и я захочу заплатить тебе столько же.

— Не нужно. Мы уже обсуждали это, — хотя ее предложение щедрое, я не возьму назад свои слова, взяв деньги сейчас, когда она — автор мирового бестселлера.

— Пожалуйста, я действительно очень хочу заплатить тебе.

— Нет. Считай, что это мой рождественский подарок тебе.

— Тогда я заплачу тебе за свою следующую книгу. Но ты должна будешь взять с меня пять сотен за это, — я смотрю на телефон, как будто она сумасшедшая. Кто так делает? Настаивать на оплате и платить больше, чем было запрошено.

— Просто напиши следующую книгу, и мы обсудим это, когда все будет сделано, — говорю я. Я не хочу, чтобы она платила мне пятьсот долларов, я возьму с нее ту же оплату, что и со всех остальных. Во всяком случае, мой успех с ее книгой мог быть случайностью. Возможно, я не так хороша, как она предполагает. Уверена, что Трент согласился бы со мной, что я не так хороша, как она думает.

— Хорошо, договорились. Я начинаю писать книгу сразу после Рождества. С Рождеством, Лили.

— Тебя тоже, — счастливая я вешаю трубку. Такое чувство, что улыбка навсегда запечатлелась на моем лице. Она также дает мне силы, чтобы, по возвращении домой, закончить с рукописью, над которой я сейчас работаю.

— Завтра у нас обед для персонала. Ты ведь будешь там, не так ли? — Питер спрашивает меня, останавливаясь возле моего стола по пути домой.

— Да. Мне нужно сделать для тебя что-то еще?

— Ты зарезервировала кафе, что вниз по дороге?

— Да, проверила и перепроверила.

— Подготовила все премиальные чеки?

— Да.

— И ты сказала всем внизу, что нас всех не будет на работе пару часов?

— Да, я попросила Карла последить за залом, на всякий случай. И убедилась, что у нас есть дополнительный персонал, который прикроет все, пока нас не будет, на случай, если мы будем заняты, как обычно это бывает за три дня до Рождества. Я уже трижды проверила список приглашенных и предупредила кафе. Они были только рады закрыть его для широкой публики на те пару часов, что мы будем там.

— Ты действительно превосходно работаешь, Лили. Увидимся утром.

— Пока, — говорю я, когда он уходит.

В этом весь Питер. Вы не услышите от него «спасибо», но он всегда сделает вам комплимент за проделанную работу.

Я заканчиваю все дела и выхожу к стоянке такси, чтобы поехать домой. Идет снег, и приходится прокладывать себе дорогу через него.

В сумке начинает звонить мой телефон. Я вынимаю его, но не успеваю ответить на звонок. Вижу пропущенный вызов от Макса и перезваниваю ему.

— Лили, как ты сегодня? — последние пару недель я довольно часто виделась с

Максом. Я даже не слышу его заикания, так что не уверена, заикается ли он сейчас или я уже настолько к нему привыкла, что не замечаю этого.

— Я очень хорошо, а ты как?

— Ты говоришь так официально.

— Как и ты, — он усмехается, и я улыбаюсь. У него очень глубокий и хриплый смех, и я люблю слушать его. — Чем я могу вам помочь, мистер Макс?

— Мистер Макс? Ты смешишь меня. Ты можешь звать меня мистер Стерлинг. Так звучит намного лучше, чем мистер Макс. Мистер Макс звучит, как будто я сумасшедший.

Я громко смеюсь.

— Что ж, скажи мне, чем я могу быть тебе полезна сегодня?

— Не хочешь присоединиться ко мне за ужином? Я думал сходить в новый суши бар в центре города.

— Хм, у меня еще осталась работа на сегодня. Я хочу закончить рукопись, которую получила. Ой, угадай что?

— Что?

— Помнишь ту первую книгу, которую я редактировала?

— Да.

— Она попала в лучшую десятку бестселлеров по версии New York Times и USA Today.

— Вау. Это была и ее первая книга, не так ли?

— Да. Эй, водитель такси только что остановился возле дома, я перезвоню тебе через несколько минут, хорошо?

— Жду с нетерпением.

Я плачу водителю, захожу внутрь и нахожу дома только Лиам, Шейн куда-то вышла.

— Привет, куриная попка. Ты дома позже, чем обычно, — на работу и с работы я езжу на такси, потому что мне, наконец, удалось убедить Лиам и Шейн, раз Трент не пытается со мной связаться, то, скорее всего, он этого не сделает. Мне нужно начать жить и ничего не бояться. Моя встреча с Кэтрин назначена за день до Рождества. Это было самое ближайшее свободное время в ее расписании. И хотя до этого еще несколько дней, я очень нервничаю.

— Я просто не торопилась. Где Шейн? — спрашиваю я.

Лиам направляется в душ все еще в своей рабочей одежде.

— Я не уверен, она сказала, что ей нужно сходить в магазин. Наверно, чтобы купить мне рождественский подарок. Я также не знаю, что у нас сегодня будет на ужин.

— Эй, думаешь, будет нормально, если я приглашу на ужин Макса? Может быть, я куплю китайской еды, и вы, ребята, сможете с ним познакомиться.

— Я, определенно, «за». Я уже говорил, что хочу встретиться с этим парнем. Позвони Шейн, посоветуйся с ней. А я пойду и быстренько приму душ.

Я иду в свою комнату, сажусь на кровать и звоню Шейн. Почему я так нервничаю, спрашивая ее? Может, потому, что ее мнение очень важно для меня? Что, если они увидят в нем то, что не разглядела я? Что, если они увидят в нем то, что он не показывает мне? Что, если он хочет контролировать меня или поднять на меня руку?

Мое сердце почти вырывается из груди, и я вешаю трубку прежде, чем Шейн отвечает на звонок. Меня трясет от нервов, а на лбу собирается пот. Капли влаги скатываются вниз по моему позвоночнику, и внезапно такое чувство, будто слон сидит на моей груди.

Звонит мой телефон, и я знаю, что это Шейн мне перезванивает. Но я не могу успокоить свое сердце, чтобы ответить на звонок. Черные пятна пляшут перед моими глазами, и я не

могу контролировать свое тело.

Что, если он, действительно, не тот, кем кажется?

Что, если он хочет навредить мне?

Что, если?..

— Лили? — Лиам барабанит в мою дверь. — Лили! — кричит он. Но я не могу ему ответить, я не могу ничего сказать, потому что шнуры затягиваются вокруг моего горла и блокируют мое дыхание и голос. — Лили, я вхожу.

Я сворачиваюсь калачиком возле кровати и раскачиваюсь взад-вперед, стараясь сосредоточиться на Лиаме, который опускается на колени рядом со мной.

— Я не знаю, что делать. Она сжалась калачиком и раскачивается. Она не отвечает мне, — взволнованный Лиам сидит рядом со мной. Когда он кладет руку на мою ногу, я начинаю кричать:

— Он трогает меня. Он трогает меня, — это все, что мне удастся сказать.

Логическая часть моего мозга кричит на меня, чтобы я успокоилась и ничего не говорила. Но есть и другая часть, которая ушла в полный режим падения. Они говорят, убегай или сражайся, и, хотя я не убегаю, я с трудом с этим справляюсь.

— Лили, Шейн хочет поговорить с тобой. Я просто включу громкую связь и положу телефон вниз. Я буду стоять здесь.

Я чувствую, как Лиам отходит от меня, и слышу голос Шейн:

— Привет, малышка. Что происходит?

— Он трогал меня.

— Расскажи мне о книге, над которой ты работаешь, — я прекращаю раскачиваться и поворачиваю голову к телефону. Я начинаю медленно говорить с ней и чувствую, как успокаиваюсь. Через несколько минут я отпускаю ноги, поднимаю телефон и выключаю громкую связь.

— Сейчас я в порядке.

— Что случилось?

— Я запаниковала.

— Почему?

— Я хотела спросить у тебя, не будешь ли ты против, чтобы я пригласила Макса на ужин. Но я начала волноваться, подумав, что он не так хорош, как я думаю. Что, если я познакомлю вас, а он обидит тебя или Лиаму? Что, если он обидит меня? — на заднем плане я слышу шум машины и понимаю, что она едет домой.

— Я думаю, что это замечательная идея. Пригласи его сегодня вечером.

— Что, если...

— Тогда мы разберемся с этим. Позвони и пригласи его. Лиам говорил что-то о китайской еде?

— Я собиралась заказать кое-что, — я встаю с пола и иду к двери, где стоит Лиам. Я обнимаю его и молча благодарю за то, что он самый лучший брат, которого только можно представить. Он целует меня в лоб, затем слегка толкает меня обратно, подмигивая. Затем он уходит.

— Я буду пельмени и кисло-сладкую свинину. Лиам скажет тебе сам, что хочет. Я буду дома через двадцать минут, дороги скользкие, поэтому я не тороплюсь.

Я выхожу из комнаты в поисках Лиамы.

— Эй, спасибо за это.

— Не за что, куриная попка. Так мы заказываем китайскую еду или что?

Я улыбаюсь и снова обнимаю его.

— Да. И я собираюсь позвонить Макс, узнать, хочет ли он прийти.

— Хорошая идея. Вот меню нашего любимого ресторана, но сначала позвони Макс, — он подходит к тумбочке на кухне и достает меню. Я оставляю его телефон на столешнице и иду в комнату за своим.

Я вижу пропущенный звонок от Макса и перезваниваю ему.

— Приветик, Лили. Необычно слышать тебя сегодня вечером.

— Мне интересно, не хотел бы ты прийти сегодня вечером к нам на ужин? Лиам и Шейн хотят познакомиться с тобой.

— С удовольствием, — мы болтаем несколько минут и вместе вешаем трубки. Он и понятия не имеет, что меньше, чем полчаса назад, я психанула. Если Шейн и Лиам готовы его впустить, чтобы узнать, хороший ли он парень, то почему я так паникую?

***

Я заказываю китайскую еду, а Шейн возвращается домой и сунет мне в руку маленький пакетик, тихо прошептав, чтобы я спрятала его в моей комнате. Я улыбаюсь и прячу подарок Лиам. Ну, я предполагаю, что это для него. Я надеюсь, что она ничего мне не купила.

В дверь звонят, и я понимаю, что это либо привезли еду, либо это Макс. Я перевожу дыхание и украдкой смотрю на Шейн, которая открывает вино и улыбается мне. Она ободряюще смотрит на меня, как бы говоря: «Все в порядке. Мы здесь и поддержим тебя». Я слегка улыбаюсь и иду к двери. Когда я открываю, морозный ночной воздух окутывает меня, и я сражена наповал высоким мужчиной, что стоит передо мной.

— Привет, Лили, — говорит Макс глубоким хриплым голосом. В руках он держит две вещи: букет желтых роз в одной руке, а в другой — бутылку белого вина.

— Макс, — говорю я, отступая в сторону и пропуская его.

— Это тебе, — он протягивает мне желтые розы и наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Спасибо, они прекрасны, — я подношу их к носу, чтобы понюхать. Я даже не знаю, можно ли купить розы зимой, поэтому не имею ни малейшего представления, как он их достал.

— Пожалуйста, — знаю, что он нервничает, и так же напряжен, как и я.

— Проходи, пожалуйста, познакомься с Шейн и Лиамом, — я веду его через гостиную к ним на кухню. — Шейн, Лиам, это Макс.

— Приятно познакомиться, — говорит он, протягивает руку и наклоняется поцеловать Шейн в щеку, затем пожимает Лиаму руку.

К тому времени, как они заканчивают знакомиться, раздается еще один звонок в дверь, и я направляюсь забрать китайскую еду, которую заказала. Когда я лезу в карман, чтобы достать наличные, из ниоткуда возникает рука с деньгами. Я поворачиваюсь и вижу Макса, стоящего рядом со мной с дерзкой улыбкой на лице.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, пытаюсь заплатить своими деньгами водителю

доставки за еду. — Не смейте брать его деньги, — рычу я на водителя.

— Несправедливо, чтобы красивая женщина платила за мою еду. Возьмите деньги, молодой человек, — говорит он глубоким хриплым голосом.

Парнишка смотрит на меня, затем на Макса. Решив, что Макс выглядит более устрашающим, он берет его деньги, а мне, в качестве утешительного приза, дарит слабую улыбку:

— Простите, леди. Я не могу нарушить мужской кодекс, — говорит он, отдавая мне еду.

— Ты никогда не позволяешь мне заплатить. И к тому же, ты — мой гость. Ты не должен платить за еду, — я беру пакеты и закрываю дверь.

Макс забирает их из моих рук и идет на кухню к Шейн и Лиаму.

— Ужин, дамы и господа, — говорит Макс, ставя пакеты на столешницу.

— Отнеси их в столовую, мы поедем там, — говорит Лиам, неся миски, палочки и вилку для меня.

Макс выдвигает мой стул и ждет, пока я сяду, а затем садится рядом со мной. Шейн шлепает Лиамом по груди и говорит:

— Вот видишь, как джентльмен ухаживает за дамой. Он выдвигает ей стул и ждет, пока она сядет, прежде чем даже подумать о том, чтобы шевельнуться. Выдвини мне стул, — я посмеиваюсь, глядя на их стеб друг над другом, и вижу, что Макс тоже еле сдерживается.

— Спасибо, дружище. Следующее, что мне придется делать — открывать перед ней дверь машины. Спасибо, — с сарказмом говорит Лиам, закатывая глаза.

— Чертовски верно, — добавляет Шейн.

Лиам и Макс открывают контейнеры с едой, которую я заказала, а Шейн кисло-сладкую свинину, пельмени и ставит все перед собой.

— Ты собираешься всем этим поделиться? — спрашивает Макс, многозначительно глядя на еду.

— Никогда не становись между женщиной, ее пельменями и кисло-сладкой свининой, — она щиплет кончиками своих палочек, словно клешнями, на Макса.

Макс поднимает руки в знак капитуляции и говорит:

— Прошу прощения.

Лиам открывает бутылку вина, разливает по бокалам и мы сидим за столом, непринужденно беседуя. Макс без усилий вписывается в нашу компанию. Он не старается слишком сильно и открыто говорить с Шейн и Лиамом. Я улучаю минутку и осматриваю сидящих за столом. Меня окружают семья и друг.

— Я сделаю кофе, — говорит Шейн в конце ужина и начинает собирать тарелки и контейнеры.

— Я помогу тебе с уборкой, — предлагает Макс.

— О нет, ты останешься здесь, с Лиамом. Лиам, проводи Макса в гостиную и поговори с ним о чем-нибудь. Я должна рассказать Лили, что думаю о Максе, — Шейн выбалтывает правду.

— Шейн, — возмущаюсь я громким шепотом.

— Он знает, что мы будем говорить о нем. Для него было бы оскорбительно, если бы я солгала и сказала, что мне требуется помощь на кухне. Поэтому я могу сказать правду. Теперь помоги мне, чтобы мы могли посплетничать.

Я опускаю голову вниз и смотрю на улыбающегося Макса.

— Мне очень жаль, — говорю я тихо, хотя мои извинения не имеют смысла. Он знает

это, и я знаю это.

— Иди и расскажи мне потом, что она думает. Возможно, мне придется поднять ставки, — говорит Макс так же громко, как и Шейн.

— О Боже, теперь их двое, — говорю я, глядя на Лиама.

— Эй, я женился на одной из них, так что если я соглашусь, это не сулит мне ничего хорошего. Поэтому я ничего не скажу, — говорит Лиам и встает. — Давай, Макс, позволь мне рассказать тебе несколько секретов о нашей куриной попке.

— Вот дерьмо, — вздыхаю я.

Шейн берет несколько тарелок, я беру остальное, и мы идем на кухню.

— Малышка, он хороший, — говорит Шейн, выбрасывая все в мусорное ведро.

— Он очень милый.

— Он довольно сильно заикается. Сначала мне пришлось сосредотачиваться на том, что он говорит, просто чтобы понять его, но чем больше он говорил, тем легче я его понимала.

— Да, действительно, — я прекращаю делать то, что делала, и смотрю на Шейн. — Разве это не интересно? Я больше не слышу его заикания. Как по мне, так он говорит так же, как мы.

— Правда? Потому что его трудно понять. Он заикается практически на каждом слове. Интересно, почему он не ходит к логопеду, чтобы исправить это. Интересно, почему он заикается, — она не спрашивает меня, она просто говорит вслух. Конечно, я знаю причины, но это не то место, чтобы говорить об этом.

Я обнимаю Шейн. Она для меня целый мир.

— Спасибо, — шепчу я. — Просто спасибо.

Шейн готовит кофе и несет его в гостиную, где Лиам и Макс смеются над чем-то.

— Что смешного? — спрашивает Шейн, протягивает Лиаму кофе, и садится к нему на колени.

— Ничего, что касается вас, дамы, — парирует Лиам. Шейн приподнимает брови и наклоняет голову. — Ладно, Макс рассказывал о том, как один парень попал в больницу, потому что хорек укусил его за... — он указывает на свой член.

— Что, черт возьми, хорек делал рядом с... этим? — спрашивает Шейн, морща нос от отвращения.

— Хорек спал в постели вместе с ним, а парень спит голым.

— Сомневаюсь, что хорек продолжит спать в его постели, — бормочу я. И все говорят «фуууу» от одной мысли об этом.

После того, как мы выпиваем кофе, Макс встает и говорит, что должен идти домой, потому что завтра у него ранняя смена в больнице. Шейн и Лиам прощаются с ним и говорят, что двери их дома всегда открыты для него в любое время. Они оба уходят, позволяя нам с Максом побыть наедине, прежде чем он уйдет.

— Спасибо, Лили. Я наслаждался компанией твоей семьи.

— Они были рядом со мной в худшие дни, и они действительно оберегают меня.

— И я понимаю, почему, — Макс идет к входной двери. — Но они мне понравились, и я надеюсь, ты не против, если я снова приду на ужин.

— Только, если ты позволишь мне заплатить.

— Как будто это когда-нибудь случится, — он закатывает глаза. — Прежде чем уйду, могу я узнать, что ты делаешь на Рождество?

— Хм, Шейн и Лиам пригласили меня в гости к его маме, но я думаю, что просто

останусь здесь. Я никогда не праздновала Рождество.

— Но дом так красиво украшен, и я удивлен, что у тебя нет рождественского настроения, — он оглядывается вокруг: зеленые и красные цвета повсюду.

Я качаю головой и смотрю вниз на свои сцепленные руки.

— У меня никогда не было причин. И я не готова делать все эти большие семейные штучки. Я просто останусь здесь и буду лентяйничать.

— Понятно. Тогда я настаиваю на том, чтобы присоединиться к тебе в процессе «лентяйничанья». Как насчет десяти утра? Я принесу какие-нибудь фильмы, а ты можешь приготовить что-нибудь?

То, каким способом он это говорит, не дает мне возможности сказать «нет». Мне нравится мысль, что я не буду одна, но мне также не хочется нарушать его планы.

— Я не могу просить тебя отказаться от своих планов.

— Я собирался попросить тебя провести этот день со мной.

— Правда?

— Конечно.

Улыбаясь, я отвечаю:

— В десять звучит замечательно.

— Отлично. Увидимся двадцать пятого в десять утра, — он наклоняется и нежно целует меня в щеку. — Спокойной ночи, Лили.

— Пока, — говорю я, открываю дверь и выпускаю его. Я смотрю, как он идет к своей машине, садится в нее и уезжает.

Направляясь в свою комнату, я вижу, что Шейн и Лиам уже легли спать. Улыбаясь сама себе, я признаю, что сегодняшний вечер прошел замечательно. Возможно, у меня и был приступ паники, но я сумела взять себя в руки и поужинать с самыми важными людьми в моей жизни.

Я беру свою пижаму в ванную, раздеваюсь, чищу зубы и готовлюсь ко сну. Возвращаясь в комнату, завожу будильник на раннее утро, чтобы успеть принять душ, выключаю свет и заползаю в кровать.

Улыбка расплывается на моих губах. И когда я закрываю глаза, мгновенно всплывают образы маленькой Лили и светловолосого мальчика по имени Уэйд. Я люблю эти сны. Они напоминают мне, что однажды я буду так же счастлива, как во сне. И я знаю, что прямо сейчас я на пути к счастливой жизни.

До Рождества остается один день, и сегодня моя первая встреча с Кэтрин, моим психологом. Я не знаю, чего от нее ожидать, и не знаю, что произойдет за полтора часа нашей беседы.

Я выполняю всю работу на два дня вперед и еду к ней в офис. Он в центре города, примерно в получасе езды от дома. Я не возражаю против поездки к ней на такси, потому что так у меня есть время подумать о событиях нескольких последних дней.

На рождественском обеде для сотрудников Питер раздал каждому по конверту с премиями и отдал один мне. Я не ожидала этого, поэтому засунула его в сумку с твердым намерением вернуть Питеру, когда мы останемся одни. Я ни на секунду не хотела показаться неблагодарной, поэтому во время обеда, пока все весело разговаривали, я пыталась сформулировать свой отказ.

Когда обед был закончен, и мы все, не торопясь возвращались на работу, я пошла вперед и положила конверт Питеру на стол. Мгновением позже он зашел в свой кабинет и позвал меня.

— Да, Питер? — спросила я, стоя у двери.

— Что это?

— Это моя рождественская премия. Вы с Дейлом сделали для меня более чем достаточно, даже оплатили мою машину. Я не могу принять от вас что-то еще.

— Хмм, — сказал он, сидя в своем кресле.

Я почувствовала вкус победы, потому что он не собирался обсуждать это со мной или пользоваться служебным положением и сказать, чтобы я взяла этот конверт.

— Тебе нужно еще что-нибудь?

— Мне? Нет, — он покачал головой. — Но ты можешь взять этот конверт и отнести его в местную церковь, — он толкнул по столу конверт ко мне. Мои плечи поникли, и я начала обдумывать то, что он предлагает. — Кто-нибудь оценит это там, а если нет, ну и ладно.

— Подожди, — я почувствовала, что начинаю сомневаться в своем решении.

— Да? — он посмотрел на меня без капли осуждения.

— Могу я забрать конверт обратно?

— Ты можешь поступить с ним, как тебе угодно.

Я подошла и взяла конверт.

— Я уверена, что они пригодятся местному женскому приюту к Рождеству.

— Это только твой выбор. Никто не может сделать его за тебя. Ты можешь делать с этим конвертом все, что захочешь. Если хочешь оставить его себе, оставь. Если хочешь пожертвовать его — это твой выбор, — он указал на конверт и улыбнулся.

Несколько мгновений я обдумывала это.

— Если я оставлю его себе...

— Значит, ты считаешь себя достойной этого, — сказал он. От этих слов я прослезилась. С того дня я часто вспоминаю о них.

Я опускаю взгляд на свою сумку, кладу туда конверт, гляжу на него и решаю, что же с ним делать. Я еще не открывала его. Мне не нужно знать, что внутри, потому что и так понятно, что Питер и Дейл расщедрились.

Такси подъезжает ко входу в магазин, рядом с которым расположена лестница, ведущая к офисам наверху. Я вижу имя Кэтрин Скотт, написанное на одной из табличек на домофоне, и начинаю привычно нервничать.

— Алло, — отвечает дама хриплым голосом.

— Э-э, у меня встреча с Кэтрин... э... я имею в виду доктором Кэтрин... э-э...

— Поднимайтесь, дорогая, — она открывает дверь, и я поднимаюсь наверх в поисках ее офиса. Когда я нахожу его и открываю дверь, меня встречает пожилая дама около шестидесяти лет, сидящая за стойкой регистрации. — Вы, должно быть, Лили Андерсон. Кэтрин немного задерживается. Не могли бы вы заполнить эти формы, чтобы Кэтрин могла лучше вас понять?

Она дает мне планшетку с несколькими листами на нем. Некоторые вопросы там общие, а некоторые более личные. Прежде чем я успеваю закончить, ко мне подходит леди и встает передо мной.

— Лили? — спрашивает она.

Я смотрю вверх и вижу пожилую даму с растрепанными каштановыми волосами, одетую в стиле «нью эйдж» и улыбающуюся мне. (*Примеч.: англ. New Age, буквально «новая эра», религии «нового века» — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера*).

— Гм, да, — я встаю и слеую за ней в ее кабинет.

— Все, что обсуждается здесь, остается конфиденциальным, — она садится на стул, скрестив ноги, и взмахивает рукой, предлагая мне сесть. Я осматриваю ее кабинет и замечаю кресло-мешок, обычный стул и диван, но предпочитаю устроиться на диване, прижав свою сумку ближе к себе.

— Итак, Лили, скажи мне, когда это началось?

Я впадаю в шок. Теперь я понимаю, что, возможно, должна была тщательнее проверить Кэтрин. Но то, как она смотрит на меня, улыбаясь, предлагая излить душу, ломает меня. Я начинаю рыдать. Неконтролируемые слезы льются из моих глаз. Тяжесть, что всегда была в моей груди, вдруг поднимается, и все эмоции, что у меня были, выходят наружу.

Океан стыда, смущения, обиды и слабости выплескивается из меня. Слезы — мой способ справиться с многолетним издевательством, угнетением и беспомощностью. Следующие девяносто минут проходят в полнейшем оцепенении, полном мучительной боли, которую я чувствовала много лет. Мы не обсуждаем ничего конкретного, но мне кажется, будто Кэтрин знает обо всем по тому, как я реагирую на ее слова.

Полтора часа пролетают, а мы не сдвинулись с мертвой точки. Или мне так кажется. В конце концов, Кэтрин спрашивает меня:

— Кто-нибудь может отвезти тебя домой? — я качаю головой. — Ты не можешь быть одна сейчас.

— Шейн с Лиамом сегодня вечером останутся у его родителей, так что я одна.

— Лили, я хочу, чтобы ты пришла ко мне сразу после Рождества. На самом деле, я верю, что ты готова отпустить все и двигаться дальше, жить своей жизнью. Но сегодня тебе нужна горячая ванна и бокал вина, — она подмигивает, и мне едва удается выдавить из себя слабую улыбку. — Ты уверена, что не можешь никого попросить отвезти тебя домой?

— Хм, может быть. Мне нужно позвонить ему и спросить.

— Я дам тебе минутку, а когда закончишь, подойди к моей маме на ресепшн, чтобы

назначить дату следующего приема.

Ее маме? Я не знаю, почему, но чувствую себя спокойнее от мысли, что ее мама работает здесь. Может быть, потому, что они семья, а у меня в жизни не было ничего подобного.

Сделав несколько глубоких вдохов, мне, наконец, удастся успокоиться. Я все еще ранена, не физически, а эмоционально. Но сейчас я больше похожа на себя, чем раньше. Знание того, что мне есть, с кем поговорить, что есть тот, с кем я уже установила связь, расслабляет и даже очищает.

Я беру свой телефон и нахожу номер Макса. Раздается пара гудков, прежде чем он отвечает:

— Лили, какой замечательный сюрприз.

— Не мог бы ты забрать меня, пожалуйста, — мой голос дрожит, даже я это слышу.

— Ты в безопасности? — сразу спрашивает он.

— Да, я у своего психолога, и мне нужно...

Что сказать? Что мне нужно? Мне нужно больше, чем просто подвезти домой, мне нужен *кто-то*.

— Я выезжаю. Какой адрес? — я диктую ему адрес и говорю, что буду ждать его на улице.

— Ты не будешь ждать меня на улице, я зайду внутрь. Я скоро приеду.

— Спасибо, Макс, — мы вешаем трубки, и я выхожу к Кэтрин и ее маме.

— Как ты, дорогая? — спрашивает меня ее мама.

— Такое чувство, будто меня переехал поезд. Голова все еще кружится, и не могу успокоить сердцебиение.

Кэтрин желает мне удачного вечера и хорошего Рождества и говорит своей маме, чтобы она назначила мне следующую встречу в начале следующей недели, сразу после того, как они откроются после Рождества.

— Ты знаешь, — начинает говорить ее мама, опуская очки на кончик носа, глядя в компьютер, — Кэтрин всегда все делает правильно.

Я вопросительно смотрю на нее, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— Хорошо, — говорю я и плачу деньги за сеанс.

— Увидимся на следующей неделе, дорогая. Чудесного тебе Рождества, — говорит ее мама. Мне остается лишь догадываться, что же значит ее загадочное «Кэтрин всегда все делает правильно».

Раздается сигнал домофона, и я слышу, как Макс говорит маме Кэтрин, что пришел забрать меня.

— Спасибо. Счастливого Рождества, — говорю я, когда уйду.

Спустившись вниз, я вижу Макса, ждущего меня на обочине. Когда я вижу его, каждый чувствительный, оголенный нерв вспыхивает, и снова начинают литься слезы. Он притягивает меня в свои объятия, полностью окутывая меня, нежно гладит мои волосы и говорит:

— Все будет хорошо.

Мы долго стоим на уединенной улице. Начинает идти снег, и его хлопья мягко приземляются на нас и вокруг нас. Ухом я прижимаюсь к груди Макса, его руки крепко обнимают меня. Я слышу размеренный стук его сердца, и мое дыхание совпадает с легким ритмом подъема и падения его груди. Когда сильная резкая боль, наконец, ослабевает, я

отпускаю Макса и делаю шаг назад, чтобы посмотреть на него.

— Спасибо, — выдыхаю я и пытаюсь найти правильные слова. — Мне это было нужно.

Он улыбается, и рукой в кожаной перчатке убирает снежинки с моего лица.

— В любое время, — он наклоняется и целует меня в лоб, а затем ведет нас к своей машине.

Мы едем в тишине, и когда подъезжаем к моему дому, Макс не пытается зайти внутрь, он оставляет машину заведенной и ждет, пока я возьму инициативу на себя.

— Я действительно... — я фыркаю и нервно смотрю вниз на свои руки. — Шейн и Лиам ночуют в доме его родителей, и я не думаю, что провести ночь в одиночестве хорошая идея для меня.

— О, — говорит Макс и удивленно приподнимает брови. — Хм...

Я подбираю слова, которые должна сказать:

— Макс, я была одинока всю свою жизнь. Когда я жила с папой, с родителями Трента, и даже когда была замужем, я была одна. У меня никогда не было семьи, и я не чувствовала, что она у меня есть. Но сейчас она у меня есть, и сегодня я просто хочу почувствовать, что кто-то, кто заботится обо мне, рядом. Я не говорю о сексе. Я даже не знаю, буду ли когда-нибудь готова к этому. Мне просто нужно знать, что кто-то, с кем у меня есть связь, рядом со мной.

Глаза Макса загораются, и он слегка кивает, он понимает, что я имею в виду.

— Я тут думал, насколько удобным может быть твой диван, — говорит он, разрушая напряженность витавшую вокруг нас. Он глушит машину, открывает бардачок и достает небольшой подарочный пакет. — Я приберег его на завтра, и это не значит, что ты получишь его сегодня, — говорит он сразу же, как только замечает, что я рассматриваю рождественский подарок.

— Пойдем, — зову его я, выходя из машины, и направляюсь к входной двери.

Макс идет за мной. Он снимает пальто и садится на диван.

— Ты ела? — спрашивает он.

— Нет, у меня не было времени. Но у меня ужасно болит голова, и мне нужно просто принять ванну и лечь спать.

— Как насчет того, чтобы я приготовил что-нибудь поесть? — он поднимает руки вверх, как будто сдается. — Не слишком обольщайся, я имел в виду что-то вроде омлета, ничего особенного.

Когда он упоминает о яйцах, мой живот начинает внезапно урчать, и я чувствую себя голодной.

— Спасибо, это было бы замечательно. Я только положу вещи и захвачу свой ноутбук. Тебе нужна помощь, или ты справишься?

Он проходит на кухню, поворачиваясь ко мне:

— Я справлюсь. Иди и делай то, что тебе нужно, а я приготовлю нам омлет.

Я поднимаюсь в свою комнату, кладу сумку, снимаю обувь и беру ноутбук. Я буквально чувствую, что могу лечь на кровать и проспять всю жизнь. Моя голова разрывается, но боль, что постоянно сидит у меня в груди, становится слабее.

Макс готовит, а я сажусь за кухонный стол и включаю свой ноутбук. Проверяя почту, вижу одно письмо от Микаэлы, в котором говорится, что ее книга переместилась в пятерку лучших бестселлеров по версии New York Times и USA Today. Она также пишет, что порекомендовала меня трем авторам.

Второе письмо от автора, чью книгу я редактировала за деньги, она желает мне счастливого Рождества. Ей понравилось все, что я сделала с ее книгой, и она приняла все правки, что я ей предложила. Она сказала, что отправит книгу между Рождеством и Новым годом.

Третье, четвертое и пятое письма были от тех, кому меня порекомендовала Микаэла. Самое главное, что эти три книги будут закончены в разное время, так что я смогу взяться за каждую из них. Я отправляю им ответы с моими ценами и рождественскую картинку, которую нашла в интернете, затем закрываю компьютер.

Я заканчиваю как раз тогда, когда Макс ставит перед каждым из нас тарелки с омлетом. Мой желудок благодарен за запах горячей еды и прекрасно приготовленные яйца.

— Выглядит хорошо, — я беру вилку и начинаю есть. Хотя, думаю, поглощать — более удачное слово.

— Притормози. У тебя заболит живот, — говорит он, наблюдая, как я поглощаю омлет.

— Когда я была ребенком, у меня постоянно болел живот. Не потому, что я быстро ела, а потому, что голодала.

— Как так? — прищурившись, он хмурит брови.

— Моя мама умерла, когда я была маленькой. Покончила с собой. Ну, я полагаю, что передозировка наркотиками это самоубийство. Все, что я о ней помню, это как она говорила мне, насколько я ужасна, но она произносила невнятно свои слова. Ее глаза были темными, она сильно похудела, а кожа была очень бледной. Больше я ничего не помню.

— Зачем ей говорить такие вещи? Сколько тебе было лет?

— Мне было девять, когда она умерла. Я не знаю, зачем она говорила это, я знаю только, что она ненавидела меня.

— Господи, — он ковыряет свой омлет.

— Отец был не намного лучше. Сначала он просто говорил то же самое, что и она. Затем, когда мама умерла, стало хуже. Иногда он избивал меня, иногда оставлял в полном одиночестве. В первое время побои были не такими уж сильными...

Макс прерывает меня:

— Любое избиение — это плохо.

Я киваю, понимая, о чем он говорит.

— Ты прав, — я отвожу взгляд от его напряженных карих глаз, потому что вижу, как в них зреет гнев. — Он начал больше пить и стал пренебрегать такими вещами, как еда.

— Он был алкоголиком.

— Функционирующим алкоголиком. Он ходил на работу, а когда приходил домой, пил до беспамятства. На самом деле... — я иронично усмехаюсь, — иногда он и вовсе не приходил домой. Мне оставалось есть только то, что было в доме. Иногда я голодала пару дней, иногда меньше или больше.

— Как социальные службы или школа не увидели эту проблему?

— Потому что я научилась самостоятельно ходить в школу и обратно. Я много работала и училась. Я так привыкла быть голодной, что, в конце концов, мне удалось преодолеть это и сосредоточиться на учебе.

— Иисус, Лили. Я просто не понимаю, как никто этого не заметил.

— Потому что я сумела это скрыть. Не буквально, но я сливалась со стенами и забивалась в щели. Я никогда не жаловалась и никогда никому не говорила. Пока не встретила Шейн на своей первой работе, у меня никогда не было друга.

Плечи Макса опускаются, и он кладет вилку на тарелку.

— У меня нет слов, я в шоке от того, что ни один человек не постарался узнать тебя.

— Я никогда не хотела, чтобы кто-то знал меня, поэтому воздвигла барьер и пряталась за ним.

— И все это началось, когда умерла твоя мама?

— Нет, это началось до этого, но я не могу сказать, когда именно. Ты знаешь, когда тебе постоянно говорят, как ты уродлив, глуп и бесполезен, то ты начинаешь верить в это.

Макс берет вилку и начинает возить еду по тарелке.

— Но это не правда.

Я качаю головой и смотрю на капли, падающие из кухонного крана. Сосредотачиваюсь на чем-то другом, кроме Макса. Я пожимаю плечами и чувствую, как начинаю глотать слезы.

— Это можно понять по-разному.

— У тебя никогда не было нормальных, здоровых отношений. Но сейчас у тебя есть Шейн, Лиам и я.

Я доедаю последние несколько кусочков омлета и смотрю на Макса.

— Не думаю, что когда-нибудь смогу понять, что такое любовь. Или даже, что есть другая связь, кроме дружбы. Я разрушена, разбита и сомневаюсь, что все мои кусочки можно найти, и еще меньше, что их можно исправить.

— Это не правда, Лили. Это просто не правда. Ты действительно... подожди, — он выскакивает из комнаты и возвращается с небольшим рождественским пакетом. — Вот, — говорит он, протягивая мне пакет.

— Рождество только завтра. И, кроме того, ты не должен тратить на меня свои деньги.

— Я делаю все, что мне вздумается с моими деньгами. И, к тому же, я уверен, что ты тоже мне что-то купила, — я отчаянно пытаюсь скрыть эмоции, но огромная улыбка расплывается по моему лицу. — Ага, вот видишь, — он игриво хлопает меня по носу. — Пожалуйста, открой его, но сначала прочитай открытку.

— Спасибо, я уже люблю его, — говорю я, глядя на маленький золотой пакетик.

— Ты не знаешь, что это. Ты можешь возненавидеть это.

— Ну, уж нет. До тех пор, пока я не бросила *его*, мне никогда не дарили ничего, если только с каким-нибудь условием, или это было то, что хотел сам даритель. Поэтому, спасибо тебе, я уже люблю это, — повторяю я, вынимая из конверта открытку. Я смотрю на нее, это самодельная золотая открытка с одной красивой и идеальной снежинкой.

Я открываю ее и читаю надпись:

«Моей Снежинке. Я желаю тебе счастливого Рождества и с нетерпением жду большего. Макс».

— Снежинка? — спрашиваю я с любопытством. — Я не понимаю.

— Ты — самый уникальный, красивый и интересный человек, которого я знаю. И так же, как нет двух одинаковых снежинок, также никогда не будет другой Лили. Не для меня. Не сейчас и никогда.

— Но я только половина снежинки. Я никогда не буду целой и никогда не буду идеальной.

— Я не поверю в это, Лили. Никогда. Ты можешь быть повреждена, и я говорю, повреждена, а не разрушена, потому что ты сама выбираешь, как тебе жить. И если бы ты была разрушена, ты бы отказалась от жизни, так что ты не такая.

Вау, каким напряженным может стать воздух?

— Спасибо, — говорю я, затем достаю из пакета небольшую коробочку и открываю ее. Я вижу великолепный изысканный золотой браслет с маленькой очаровательной снежинкой на нем. — Макс, — восклицаю я от счастья. — Он великолепен! Спасибо. Пожалуйста, помоги мне надеть его, — я вынимаю его, и Макс застегивает браслет на моей руке.

— Пожалуйста, Лили.

Я застываю на мгновение, любуясь самой прекрасной вещью, которую когда-либо видела. Он такой тонкий, но потрясающий. Я не могу перестать улыбаться.

— Спасибо, — еще раз говорю я, обнимая Макса.

Мы стоим обнявшись некоторое время, затем он отодвигает меня и смотрит на свои ноги.

— Я устал, Лили. Мне нужно поспать. И, кстати, завтра утром у нас будут блинчики. А я, как известно, делаю самые лучшие *мэнкейки* на свете (*Примеч.: в США существует мужской День Отца, и в этот день им готовят Mancakes (мужские «пирожные, запеканки, торты, лепешки», cake имеет много переводов)*).

— Хах, — дразню я. — И кто сказал, что эти *мэнкейки* лучшие? — я показываю кавычки в воздухе.

— Ха, это просто. Я так сказал, — мы оба улыбаемся, и тишина наполняет комнату.

— Спокойной ночи, Макс. Спасибо за то, что ты здесь. Мне действительно нужно было все, что ты сегодня для меня сделал. От еды и до твоей компании. Принесу тебе подушку и одеяло, — я иду к шкафу в коридоре и достаю несколько одеял и подушку. — Вот, держи, — я приношу их в гостиную.

— Спокойной ночи, Лили. Сладких снов.

Сегодня я отказываюсь от вечернего душа, потому что у меня просто нет сил, чтобы его принять. Я раздеваюсь, надеваю свою пижаму и заползаю в кровать. Сон манит меня к себе. Так же, как и Уэйд, мама и папа.

***

От сладкого запаха блинчиков мой живот урчит и будит меня ото сна. Я потягиваюсь в кровати и улыбаюсь, потому что знаю, что у меня есть друг, который, заботясь обо мне, на кухне печет для меня блинчики и ждет, когда я проснусь.

Прошлой ночью я прошла через эмоциональную мясорубку. Груз все еще в моей груди, но, кажется, он стал легче. Это как если бы я снова смогла дышать, освободив перетянутые легкие. Может пройти несколько месяцев или даже десятилетий, прежде чем я снова позволю кому-либо занять место в моем сердце.

Лежа в кровати, глядя в совершенно белый потолок, я решаю начать бракоразводный процесс в начале следующего года. Я не могу оставаться замужем за Трентом. Мне нужно разорвать с ним все связи, в том числе ту, что мы установили, когда поженились.

Я выползаю из постели и чищу зубы, прежде чем отправиться на кухню, где аромат горячих блинчиков сильнее и соблазнительнее.

— Доброе утро и счастливого Рождества, — говорю я Макс, переворачивающему блин.

Он поворачивается, улыбаясь, и когда видит меня, его рот распахивается в изумлении, а глаза округляются так, что почти вываливаются из орбит.

— О, мой Бог, — говорит он, глядя на меня.

Я все еще в пижаме и с растрепанными волосами. Я скрещиваю руки на груди и пчусь назад из кухни.

— Мне очень жаль. Я, должно быть, ужасно выгляжу, — быстро говорю я и отворачиваюсь.

— Нет, не уходи, — окликает он меня. Повернувшись обратно, я вопросительно смотрю на Макса. — Извини, у меня просто перехватило дыхание. Ты такая красивая.

Я улыбаюсь его комплименту, хотя для меня, как правило, сложно даже принять это, не то, что слышать. Но я знаю, что Макс искренен, и он имеет в виду то, что говорит. Он поворачивается обратно и продолжает готовить блинчики.

— Если мадам изволит занять свое место, я подам ей горячий шоколад, что приготовил для нее, и положу побольше зефира, который я нашел. И подам ей завтрак, — говорит он с очень богатым и необычным акцентом.

— Что ж, спасибо, сэр, — говорю я, присаживаясь за кухонную стойку и наблюдая за Максом.

Он мурлычет себе под нос и, конечно же, начинает петь песню «Jingle Bells», а затем «Олененок Рудольф».

— Ваш завтрак, мадам, — говорит он с показным акцентом и ставит передо мной стопку блинов и стопку для себя рядом со мной. Затем он приносит мой горячий шоколад. — Наслаждайтесь, — говорит он, кланяясь.

Он такой дурашливый, но я счастлива.

— Спасибо.

Он садится рядом, наклоняется и целует меня в висок.

— С Рождеством, Лили, — и начинает есть.

Как только мы заканчиваем завтракать, я иду в свою комнату, чтобы забрать подарок для него. Когда я возвращаюсь, он убирается на кухне и складывает посуду в посудомоечную машину.

— Я могу сделать это, — говорю я, ставлю его подарок на стойку и иду помочь ему.

— Уходи, я сделаю это сам, — он игриво щелкает языком. Макс замечает подарок, а затем смотрит на меня. — Что это? — он выпячивает подбородок в сторону пакета, стоящего на стойке.

— Ну, есть один парень, которого я знаю. Он, вроде как, клевый, и я подумала, что хочу подарить ему рождественский подарок, — дразню я.

— Хах. Парень, которого ты знаешь, говоришь?

— Да. Хочешь пойти со мной и подарить ему подарок чуть позже?

Он шутливо брызгает в меня водой.

— Я думаю, что это для меня.

Я ахаю и подношу руку к груди, потрясенно глядя на него.

— Что? Зачем мне дарить тебе подарок?

Он вытирает руки кухонным полотенцем и шутливо щелкает меня по носу.

— Потому что я — твой друг. Но погоди, — он выскакивает из комнаты и возвращается с конвертом. — Если я возьму это, — он указывает на подарок, стоящий на столе, — тогда ты должна будешь взять это, — он протягивает мне простой белый конверт.

Настроение быстро меняется, и теперь оно серьезное, а не игривое, как было раньше.

— Но ты уже подарил мне кое-что.

— А это кое-что дополнительное. Оно не большое — маленькое. Кроме того, я получил удовольствие, покупая тебе это. Я смеялся, пока думал об этом; смеялся, когда ехал покупать его, смеялся, представляя, что твоя реакция на это не будет... хм, это будет интересно.

Он заинтриговал меня. Я с трудом приняла тонкий золотой браслет в подарок, но это действительно возбудило мое любопытство. И, кроме того, я хочу, чтобы у него был одеколон.

— Хорошо. Я должна признать, что хочу узнать, что же заставило тебя так смеяться, — я беру в руки конверт.

— Откроем их вместе?

— На счет три? — он кивает. Он берет свой подарок, выглядя, как ребенок в кондитерской. Ну, я предполагаю, что именно так выглядит ребенок в кондитерской. — Раз, — я делаю паузу, и он отрывает бумагу с одной стороны подарка. — Два, — он стоит так, что, кажется, будто он вот-вот стартует. — Три! — я открываю конверт и достаю то, что лежит внутри. Но я наблюдаю за тем, как он разрывает оберточную бумагу и очищает от нее коробку.

— Вау, — рычит он от счастья. — Спасибо, Лили. Мне нравится! — он опускает одеколон на стол и притягивает меня в медвежьи объятия. — Теперь открой свой, — он ставит меня обратно на ноги и отходит назад, чтобы видеть меня. Я читаю то, что написано внутри, и начинаю смеяться.

— Тебе нравится? — выражение его лица бесценно. Интересно, дети выглядят так же, когда дарят мамам ожерелье из макарон?

— Ты такой наглец, — говорю я. Внутри находится сертификат на пять уроков катания на коньках. — Действительно наглец, — добавляю я. — Спасибо, — я тоже обнимаю его.

— Счастливого Рождества, Лили, — он целует меня в макушку.

— Счастливого Рождества, Макс.

Прошлая неделя была подобна урагану. Я вручила Шейн и Лиаму их подарок и попросила открыть его рождественским утром, после чего Шейн позвонила мне с воплями и сказала, что они не могут дождаться, чтобы воспользоваться их подарком. Я купила им четырехдневную поездку в Диснейленд с проживанием в отеле Диснейленда. Они подарили мне iPad и сказали, что на нем я смогу читать все свои книги. В него уже была загружена копия Артура Миллера «Суровое испытание». Когда Макс ушел поздней рождественской ночью, я залезла в ванну, взяв с собой свой новенький iPad и читала «Суровое испытание». Это был прекрасный день.

Еще я взяла дополнительный урок вождения, и инструктор сказал, что в течение недели или двух я буду готова сдать тест. Поэтому я увеличила количество уроков до двух раз в неделю; мне не терпится получить свои права и не полагаться на других. Я всегда этого хотела, но мне никогда не позволяли.

У меня была еще одна встреча с Кэтрин, и полтора часа сеанса растянулись до двух. Я снова была эмоционально опустошена и совершенно обессилена. Но она сказала мне кое-что, что завладело всеми моими мыслями. Я рассказала ей, что избиения случались только тогда, когда я не могла сделать Трента счастливым, и она остановила меня, не дав сказать ничего больше.

Она посмотрела на меня со всей серьезностью и сказала:

— Прекрати сейчас же, Лили. Прежде, чем ты скажешь еще хоть слово, ты должна осознать кое-что. У большинства жертв домашнего насилия уходит много времени, чтобы полностью понять это.

— Что это? — спрашиваю я, сидя на диване и глядя на нее с любопытством.

— Ты не ответственна за его поведение.

От этих простых слов мурашки пошли по всему моему телу. От кончиков моих пальцев и до макушки головы, лавина эмоций покалывала мою кожу. Я не могла ответить, не могла произнести ни слова, потому что это ее предложение не имело никакого смысла, но меня глубоко поразило, насколько точны были ее слова. Когда я, наконец, смогла говорить, то лишь прошептала:

— Я не ответственна за его поведение.

Лицо Кэтрин не отражало ничего, пока она смотрела на меня и на мою реакцию на ее слова. Около двух часов у меня ушло на осмысление ее слов, и сегодня, в канун Нового года, я все еще потрясена тем, какими значимыми были ее слова.

Пока я сижу в своей комнате за компьютером, мне приходит письмо. Автор первой книги, за которую мне заплатили, желает мне счастливого Нового года и сообщает, что ее новая книга будет дописана в конце января, и спрашивает, может ли она забронировать меня уже сейчас. В своем письме она также говорит, что ее книга попала в «Топ-100 лучших книг на Amazon» и что ее попросили приехать на автограф-сессию в Техас в середине следующего года.

Я пишу ей свои поздравления и говорю, что смогу поработать над ее книгой и отправляю ей счет на часть оплаты. С тех пор, как начала редактировать, я успела поработать над девятью книгами и была полностью поражена положительными отзывами от

авторов.

Я закрываю ноутбук и начинаю готовиться к вечеринке в честь Нового года, на которую Шейн и Лиам пригласили несколько друзей. Макс тоже к нам присоединится. Я переодеваюсь в новое синее платье и надеваю черные сапоги. Наношу очень простой макияж и выпрямляю волосы.

Выйдя из комнаты, я нахожу Лиама и Шейн на кухне, они оба готовят закуски для фуршета.

— Ребята, вам нужна помощь? — спрашиваю я.

— Конечно. Возьми эти кукурузные чипсы и разложи их в те миски, — Шейн указывает на стойку, где стоят чипсы и тарелки. — Мы делаем крылышки Баффало, и они должны быть скоро готовы. Еще мы заказали две почти двухметровые сабы (*Примеч.: сабы — булочки для сэндвичей*), которые Лиам скоро пойдет забирать. И еще в холодильнике в гараже есть напитки, не могла бы ты принести их и положить в этот холодильник? Еще у нас есть вино и шампанское. Хм... — она замолкает и осматривает кухню, как будто что-то ищет.

— Все будет отлично, Шейн, — говорит Лиам, наклоняясь и даря Шейн поцелуй. — Еще один год, детка. Может быть, в этом году? — он поигрывает бровями, и я точно знаю, о чем он просит.

Я отворачиваюсь, давая им некоторую уединенность, и перекладываю чипсы в миски. Звенит дверной звонок, и я иду открывать.

— Привет, — говорит Макс, стоя у двери. — Вау, прости, Лили, но от тебя з-з захватывает дух, — впервые за долгое время я замечаю, что он заикается. Должно быть, он по-настоящему сильно нервничает, раз даже я слышу его заикание.

— Спасибо, Макс. Могу я взять твою пальто? — его волосы покрыты снежинками, которые он стряхивает, прежде чем зайти.

Он протягивает мне пальто и целует в щеку. Макс также дает мне бутылку шампанского, и судя по бренду, оно дорогое.

— Для нас, чтобы насладиться им в полночь, — говорит он, вручая мне бутылку.

— Шейн с Лиамом на кухне, — говорю и веду его в сторону кухни.

— Макс, рад тебя видеть. Я как раз собираюсь съездить и забрать парочку сабов, которые заказал, — говорит Лиам, пожимая руку Макса.

Как только они пожимают друг другу руки, Макс направляется к Шейн и целует ее в щеку.

— Я пойду с тобой, — говорит Макс Лиаму, который уже берет ключи от машины. — Мы можем взять мою машину.

— Вот, — я быстро бегу в комнату, достаю из кошелька пятьдесят долларов и вручаю Максусу.

Он смотрит на деньги, усмехаясь, и качает головой.

— Я не возьму их, — уверенно говорит он.

— Вот, — я протягиваю деньги Лиаму.

Он тоже качает головой.

— Если он не взял их, то и я тоже не возьму, — Лиам указывает на Макса, а затем добавляет, — пойдём, пока они не решили, что нам нужно купить что-то еще.

— Шапки. Не забудьте надеть шапки, — кричит мальчишкам Шейн.

— Шапки, понял, — а затем я слышу, как Лиам шепчет, — быстрее уходим, пока она не заставила нас скупить весь магазин.

Я остаюсь на кухне с Шейн, и мы продолжаем готовить.

— Ты знаешь, — говорит она, проверяя крылья. — Он действительно не похож на Трента. Должна признаться, что у меня были сомнения по поводу него, но он мне нравится. Он один из немногих людей, про которых я говорю *хорошие люди*. И независимо от того, что произойдет между вами двумя, думаю, что он должен быть в твоей жизни.

— Он — хороший человек и не давит на меня. С ним так легко разговаривать.

— Как ты понимаешь его речь, загадка для меня. Даже когда он сказал Лиаму, что пойдет с ним забирать сабы, я пыталась расшифровать его слова.

— Я не слышу его заикания. Для меня он — просто Макс, идеален такой, какой есть.

— Ооооо, Лили влюблена, — она бросает в меня кукурузную чипсину.

— Я не влюблена, — отвечаю я.

— Все нормально, если так, это даже вполне понятно. Никто не собирается тебя за это осуждать. Макс очень хороший парень. Просто убедись, что у тебя было достаточно времени, чтобы решить для себя, что это тебе действительно необходимо.

Кстати говоря, это тяжело. Шейн и Лиам так много для меня сделали.

— Примерно в феврале или марте я хочу снять собственную квартиру.

— Что? — Шейн кричит. — Ты не можешь.

— Ты сама сказала, что мне нужно понять, чего хочу, а я не могу сделать это здесь. Я не говорю, что вы ограничиваете меня, потому что это не так. Но вам с Лиамом нужно время, чтобы побыть вдвоем, и рано или поздно вы захотите полноценную семью, что означает — мне нужно уйти. И, кроме того, первые семнадцать лет своей жизни я прожила с человеком, который издевался надо мной, а следующие семь я жила с дьяволом. Мне нужно время, чтобы найти себя.

— Ты не можешь себе этого позволить. Что насчет твоей платы за машину?

— У меня очередь из восьми авторов на редактуру, и я постоянно получаю много запросов. И не забывай, что меня повысили на работе до личного помощника Питера. Я не могу пока себе этого позволить, потому что буквально начинаю жизнь с нуля, но к марту смогу купить себе немного мебели.

— Кому нужна мебель? — спрашивает Лиам, входя вместе с Максом с сумками в руках.

— Лили собирается переезжать.

— Что? Нет. Она не может, — Лиам поворачивается ко мне. — Ты не можешь.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но Шейн идет к Лиаму, дотрагивается до его руки и тихо говорит:

— Пора.

Лиам смотрит на меня, затем на Шейн, затем снова на меня. Но Макс прерывает его и спрашивает:

— Это мудрое решение?

— Я перееду в безопасный дом.

— Хм, — бормочет он, кладет пакеты и выходит из кухни.

Я смотрю на Шейн, которая пожимает плечами, а Лиам говорит:

— Иди, поговори с ним.

Выйдя из кухни, я нахожу Макса в гостиной, стоящим спиной ко мне.

— Эй, ты в порядке?

— Мы можем пойти куда-нибудь поговорить, пожалуйста?

— Конечно, мы можем пойти в мою комнату, — я веду его к себе и закрываю дверь. —

Что случилось?

— Я волнуюсь, Лили. Ты только что бросила своего мужа...

— Почти два месяца назад, — перебиваю я его.

— Я понимаю, но ты не знаешь, что он может сделать. Я просто чувствовал бы себя лучше, если бы ты осталась с Шейн и Лиамом. По крайней мере, я бы знал, что у тебя есть кто-то, на случай, если что-то произойдет.

Сидя на своей кровати, я просто смотрю на него.

— Я не могу *не* делать чего-то только потому, что боюсь Трента. Если я буду бояться, то никогда не выйду из этой комнаты.

— Я понимаю, правда. Но думаю, что тебе еще слишком рано жить одной.

— Макс, я готова исцелиться. Узнать, что я из себя представляю. И я не смогу сделать этого, если кто-то постоянно будет рядом со мной. Я не сказала, что не хочу видеть Шейн, Лиам и даже тебя в своей жизни, я просто говорю, что мне нужно многое узнать о себе. Мне стукнет тридцать прежде, чем я это узнаю, и у меня не будет никакого жизненного опыта за пределами чьего-то контроля.

Макс сидит рядом со мной в раздражении. Он проводит рукой по подбородку, затем по волосам, все это время не глядя на меня.

— Тогда у меня есть решение проблемы, при котором ты будешь свободна и независима, и я буду знать, что ты в безопасности и не буду волноваться.

— Какое?

Боже, только не проси меня переехать к тебе, потому что это будет то же самое, как если я останусь здесь.

— Я владею квартирным комплексом. Он находится в лучшей части города и совершенно безопасен, в каждой квартире установлена собственная сигнализация. Ты можешь въехать в одну из этих квартир. В итоге, ты получишь собственную квартиру, и я буду знать, что ты в безопасности.

— Ты владеешь квартирным комплексом?

— У меня их несколько, — выражение моего лица, должно быть, кричит «какого черта?», потому что он усмехается мне. — Я никогда не говорил тебе, чем занимался мой биологический отец до того, как умер.

— Нет, не говорил.

— Он владел третьей по величине рекламной компанией в Америке.

— Правда?

— Да, и когда умер, он все оставил мне. В том числе рекламную компанию, которая сейчас вторая в Америке по величине. Он также оставил мне несколько, шесть, если быть точным, квартирных комплексов, разбросанных по Америке, один из которых находится здесь.

— Ты никогда не говорил мне об этом, — *вау*. — Ты не рассказывал мне об этом раньше, потому что думал, что я могу охотиться за твоими деньгами?

— Мне нужно быть осмотрительнее с тем, кому я про это рассказываю, потому что, к сожалению, много людей готовы напасть и потребовать денег. Но нет, это не та причина. Я никогда ничего не говорил, потому что не было случая. И я знал, что ты никогда не станешь моим другом только из-за денег.

— Но ты такой нормальный. Ты даже дорогую машину не водишь.

Макс взрывается громким хохотом, запрокидывая голову назад, и хватается за живот.

— Нормальный.

— Подожди, почему ты не работаешь в рекламной компании?

— Папа дал мне работу, и я даже проработал там несколько лет, но мне было некомфортно. Из-за моего заикания людям было трудно меня понимать, и из-за этого они смеялись надо мной. Не пойми меня неправильно, это не беспокоит меня, но я предпочитаю простую жизнь. Мне не нужно ходить в постоянном напряжении, и люди не смеются надо мной. Я работаю в больнице, потому что счастлив от того, что приношу людям еду, и они смотрят на меня с такой благодарностью. Они могут поблагодарить вслух, а могут и не делать этого. Но когда я — Макс — парень с едой, я доволен и счастлив. Это также дает мне возможность узнать, кто нуждается в помощи, и предоставить ее ему.

— Как тогда, когда ты сидел со мной?

— Нет, ты первый человек, рядом с которым я сидел. Ты просто привлекла меня и пленила, — мои губы невольно растягиваются в улыбке от его добрых слов. — Я помог одной даме, которой отказали в праве выкупа дома, ее муж сбежал с молодой женщиной, и еще она проходила химиотерапию. Я оплатил ее ипотеку на два года вперед и заплатил по всем ее больничным счетам.

— Ты сделал это? И что она сказала?

— Я не говорю людям, что помогаю. Я просто помогаю.

— Людям? Так ты делал это раньше?

— И до сих пор делаю.

— Что? — я подвигаюсь на кровати и сажусь, слегка приподняв ногу, но не слишком высоко, потому что я в платье. — Кому еще ты помог?

— Однажды я помог молодой девушке, вернее, ее родителям. Они поступили в больницу в панике, что она не дышала, а их медицинскую страховку закрыли, потому что отец потерял работу. В конечном итоге, девушке потребовалась операция, чтобы исправить порок сердца, о котором ее родители не знали. Операция бы обанкротила их и оставила жить на улице. Я оплатил ее.

— Ты — святой, — выпаливаю я.

— Нет, я не святой. Но у меня больше денег, чем мне нужно. Я ничего не хочу взамен. Я просто отдаю их, где могу.

— Вау. Говоря о благотворительности, у меня есть премиальные деньги с работы, и я бы хотела отдать их в местный приют для женщин, которые сбежали от домашнего насилия, — я встаю и достаю из сумки конверт.

— Сколько там? Я вложу такую же сумму.

— Я не знаю, — отвечаю я.

— Как ты можешь не знать, сколько там денег? Ты открывала конверт?

Я бросаю конверт на кровать рядом с ногой Макса и сажусь рядом с ним.

— Я не открывала его.

— Как насчет того, что я не только вложу такую же сумму, но и удвою ее. Мы пойдем в ближайший приют для жертв домашнего насилия и отдадим конверт им прямо сейчас.

— Но скоро придут гости Шейн и Лиама.

— Что для тебя важнее, Лили?

Он прав. Я слишком долго держалась за прошлое.

— Договорились, — говорю я, пожимая его руку.

— Давай посмотрим, что в конверте, — он поднимает его и протягивает мне. —

Подожди, прежде чем ты откроешь его, как ты думаешь, сколько в нем?

— Я не знаю, правда. Я думала, что если они финансировали мне покупку машины, то это и есть моя премия. На самом деле, я не ожидаю многого. Знаю, что самая высокая премия — пять тысяч, и ниже.

— А какая самая маленькая?

— У кассиров. Они получили по сто долларов каждый.

— Хорошо. Значит здесь сумма между ста долларами и пятью тысячами.

— Я не хочу, чтобы тут было пять тысяч. Ни за что.

— Открой его.

Я разрываю конверт и достаю пачку стодолларовых купюр. Мы начинаем считать деньги. Сто, двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот... Досчитав до тысячи долларов, я смотрю на Макса. Я продолжаю считать: одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать... и беру последнюю стодолларовую купюру — две тысячи долларов.

— О, Боже мой, — говорю я, не в состоянии сказать большего.

— Неплохая работа, Снежинка, — я смотрю на него, и он подмигивает. — Мне нужно зайти домой и взять деньги, потому что у меня с собой всего пара сотен. Мы сможем пойти в приют, когда я вернусь.

— Подожди, — говорю я, когда мы встаем. — Я могу пойти с тобой.

— Не хочу, чтобы тебе было неудобно, я могу вернуться и забрать тебя.

— Ты спал на диване и был идеальным джентльменом. Я уверена.

— Ладно, пошли.

Я выхожу из комнаты и говорю Шейн о том, что мы собираемся сделать. Она целует меня в щеку и говорит поскорее возвращаться, потому что Микаэла хочет встретиться со мной.

Мы с Максом едем к нему домой, и когда он подъезжает на нужную улицу, я тут же узнаю ее, потому что это здание он описывал ранее.

— Ты тут живешь?

— Да, пойдем. Я покажу тебе свою квартиру, — он обходит машину и открывает для меня дверь, затем кладет руку на мою поясницу и ведет меня ко входу, возле которого стоит молодой человек в фуражке и костюме.

— Добрый вечер, мистер Стерлинг. Мэм, — он наклоняет фуражку в мою сторону и открывает дверь.

— Чарли, — говорит Макс и кивает.

Мы заходим в фойе, где за стойкой консьержа сидит охранник и смотрит на что-то вниз. Но он сразу же встает, когда мы с Максом подходим к нему. Все кажется таким богатым и до неприличия роскошным. Пол выстлан серой плиткой, и весь вестибюль роскошно украшен в зеленые и красные цвета.

— Мистер Стерлинг, вам навверх? — спрашивает охранник, вынимая небольшую пластиковую карточку, и проводит ею вдоль черной коробочки рядом с лифтом.

— Да, но мы спустимся через несколько минут.

Двери лифта открываются, и я почти отступаю из-за четких и чистых линий лифта. Я оглядываюсь вокруг в полном недоумении.

— Я никогда не видела ничего подобного прежде. Это так... — я теряюсь в словах, которые хочу сказать. Я качаю головой, пытаюсь все это осмыслить. — Ошеломляюще.

Лифт поднимается на самый верхний этаж и распахивает двери прямо в гостиную размером с дом Лиамы и Шейн. В квартире панорамные окна от пола до потолка, из которых открывается вид на город. Меня влечет к окну, как будто захватывающим лучом.

— О, Боже мой, — говорю я, глядя на город. — Почему у твоих родителей ничего не вышло?

— Что? — Макс кричит... откуда-то из глубины этих хором.

— Почему у твоих родителей ничего не вышло?

— Раньше я задавался тем же вопросом, — говорит он, когда подходит и встает рядом со мной, глядя на город. — У меня ушло много времени на то, чтобы понять, что некоторым людям просто не суждено быть вместе. Мама и папа были такими разными. Но только перед своей смертью отец рассказал мне правду, что он не знал о моем существовании до тех пор, пока судьи не нашли его и не сказали, что у него есть сын.

— Что? — я поворачиваюсь в неверии.

— Он не хотел, чтобы я знал, что мама скрывала меня от него. У них был короткий роман, длиной в пару месяцев.

— Вау, — шепчу я, поворачиваясь обратно, чтобы посмотреть на сверкающие огни и мягкий снегопад. — Просто вау.

— Ты готова идти? — он кладет руку на мое плечо.

— Это тот дом, о котором ты говорил, не так ли?

— Виноват, — застенчиво отвечает он. — Нам нужно идти, чтобы успеть вернуться к Лиаме и Шейн.

Мы спускаемся на лифте вниз, садимся в машину и едем в сторону города.

— Ты знаешь, куда нужно ехать?

— Я кое-что узнал об этом какое-то время назад, на случай, если ты исчезнешь, и мне нужно будет найти тебя.

— Ты знаешь, что они не впустят тебя внутрь? Это убежище для женщин и их детей. И то, что там будет мужчина, может разрушить доверие женщин к администрации приюта.

— Да, я в курсе. Я подожду тебя около приюта. Припаркуюсь и посмотрю, как ты заходишь внутрь. Я буду мерять шагами улицу, терпеливо ожидая тебя.

— Ты будешь терпеливо вышагивать?

— Хм, хорошее замечание. Просто терпеливо подожду.

— Макс, это тот дом, о котором ты говорил, верно? — он кивает головой. — Я никак не могу позволить себе платить за машину и за аренду такой квартиры.

— Хмм, я вижу, в чем проблема, — он на секунду замирает, и я вижу дерзкую ухмылку, расплывающуюся по его лицу. — Но, к счастью для тебя, я знаком с хозяином и уверен, что смогу выбить для тебя хорошую цену.

— Макс.

— Нет, выслушай меня. У тебя будет тот же договор об аренде, что и у остальных жильцов. Но я сам составлю его и не смогу нарушить его. Это просто означает, что я буду знать, что ты в безопасности. И если тебе понадобится чашка сахара, то ты уже будешь знать одного из жильцов.

— Ты имеешь в виду владельца.

— И это тоже. Пожалуйста, Лили? Это для моего спокойствия, чтобы я знал, что ты в безопасности.

Я громко выдыхаю, как бы говоря «мне не нравится это» и говорю:

— Я подумаю об этом.

— Это все, о чем я могу просить.

Мы подъезжаем к приюту. Макс паркует машину и наблюдает за тем, как я вхожу внутрь.

Я стучу в дверь, и меня досматривают, чтобы убедиться, что я не представляю угрозы. Я говорю с леди через дверь и рассказываю, что хочу пожертвовать крупную сумму. Это мои две тысячи долларов и конверт, который дал мне Макс. Его конверт больше чем мой, ведь он мог положить туда сумму двадцати или пятидесятидолларовыми купюрами.

Дама приглашает меня в свой кабинет, и мы разговариваем несколько минут.

— Вот здесь пожертвование в две тысячи долларов от меня, и мой друг просил передать это пожертвование от него.

Она открывает мой конверт и быстро заглядывает в него, затем, глядя в конверт Макса, говорит:

— Нет, я думаю, здесь ошибка, — она протягивает мне его конверт обратно. Я заглядываю внутрь и вижу толстую стопку стодолларовых купюр, тут не меньше пяти тысяч долларов.

— Здесь нет никакой ошибки, — говорю я.

Она обнимает меня, плачет и говорит, что здесь есть дети и женщины, которым помогут эти деньги. Я знаю, что мы должны были соблюсти необходимые процедуры и сделать это официально, потому что мы с Максом могли бы получить налоговые вычеты из-за этого. Но мне на это плевать. Я просто хочу помочь людям, находящимся в той же ситуации, что и я была два месяца назад. Уходя, я абсолютно уверена, что все сделала правильно.

— Мы можем ехать, — говорю я Макс, возвращаясь к нему.

— Ты в порядке? — спрашивает он, открывая мне дверь.

Пока мы едем, я молча сижу, не отвечая ему. Когда мы подъезжаем к дому, я кладу руку поверх его и улыбаюсь ему.

— Мне повезло, что я смогла уйти. Некоторые не такие везучие. То, что мы им дали, лишь небольшая сумма денег, но она, по крайней мере, даст кому-нибудь из них шанс. Так что да, я в порядке.

— Давай, Снежинка, пойдем наслаждаться новогодним вечером.

Мы заходим внутрь, где уже собралось несколько человек. Я не могу с собой ничего поделаться и стараюсь быть ближе к Макс.

— О, Мой Бог, — я узнаю этот голос из моих телефонных бесед с ней. — О, Боже мой Ты — Лили! — эта невысокая, чернявая, слегка полноватая женщина заключает меня в объятия. — Я — Микаэла, — говорит она, продолжая меня обнимать.

— Приятно познакомиться. А это — Макс, мой хороший друг.

— Привет, Макс, — говорит она, снова глядя на меня. — У меня для тебя кое-что есть. Банально, знаю, но ты мне так помогла, и я хочу подарить тебе кое-что, — она протягивает мне красиво завернутую коробку. — Пожалуйста, открой ее.

Я разрываю бумагу, открываю коробку и вижу внутри копию ее книги, которую она подписала для меня. Еще здесь есть кружка, закладка и брелок.

— Спасибо большое. Это сувениры, связанные с моей книгой. И моя первая книга с автографом автора бестселлера по версии New York Times и USA Today. Это все — промо-материал, все, кроме книги в мягкой обложке. Это называется — промо-материал.

— Спасибо, я буду хранить это.

— Не за что. В любом случае, мне нужно возвращаться к мужу. Рада была познакомиться, Лили. И с тобой, Макс.

— Мое почтение, — дипломатично говорит Макс. — Вау, она была воодушевлена, как торнадо, — шепчет он, усмехаясь.

— Пойду, положу все это в свою комнату. Вернусь через минутку.

— Поторопись, а то пропустишь обратный отсчет. Я принесу нам шампанского.

Мы направляемся в разные стороны, а затем встречаемся в задней части гостиной. Вокруг все стоят, смотрят телевизор и ждут обратного отсчета с площади Тайм Сквер.

— Вот, держи, Снежинка, — он протягивает мне бокал с шампанским.

— Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять... — Макс обвивает свою руку вокруг моей талии, прижимая ближе к себе, к своему теплу. — Один... С Новым годом! — кричат все.

На долю секунды я ничего не слышу и не вижу, кроме Макса:

— С Новым годом, Снежинка, — он наклоняется и прижимается своими губами к моим. Поцелуй так сладок; тепло его губ остается на моих, и медленно он открывает рот, мягко спрашивая разрешение поцеловать меня. Это больше, чем просто поцелуй, больше, чем все, что я когда-либо чувствовала раньше. Он крепко прижимает меня к себе, осыпая поцелуями от губ до мочки уха. — Ты ошиблась, знаешь ли, — говорит он, целуя меня за ушком, и отступает назад, чтобы посмотреть на меня. Мое сердце бешено бьется, и пульс стремительно стучит. Его карие с крапинками глаза полны необузданной страсти.

— Насчет чего? — говорю я, теряясь в насыщенном цвете его глаз.

— Ты не половинка снежинки. Ты цельная и идеальная для меня, — он наклоняется и снова целует меня. Чувствую, как слезы катятся по моим щекам. Я закрываю глаза и наслаждаюсь чистотой человека, стоящего передо мной.

Теперь я могу ездить везде сама. Две недели назад я сдала экзамены. Январь пролетел в мгновение ока, и сейчас уже последняя его неделя.

Я работаю над всеми книгами, которые мне присылают, и не могу поверить, что ко мне выстроилась очередь авторов до конца февраля. Я беру новых клиентов, и половину этих денег мне удастся откладывать на то время, когда я перееду. Другую половину отдаю Дейлу, оплачивая свою машину, и сегодня я отдам ему еще тысячу долларов.

Я иду к его кабинету и стучусь в дверь. Он смотрит на меня и улыбается.

— Входи, Лили. Закрой дверь.

Я закрываю дверь и сажусь напротив него.

— У меня есть еще немного денег для тебя, — я кладу конверт на стол и двигаю его к нему.

— Правда? — он достает журнал, в котором отслеживает платежи. После того, как я отдаю ему деньги, он дает его мне на подпись и расписывается сам.

— Сколько здесь?

— На этот раз тысяча, — гордо говорю я, улыбаясь.

— Хах, — бормочет он, открывая конверт, и пересчитывает десять стодолларовых купюр, лежащих в нем. Он останавливается и начинает суммировать все платежи. — Ты купила машину девять недель назад, и выплачиваешь мне сто семьдесят пять долларов в неделю, как мы и договаривались. Кроме того, ты дала мне три тысячи четыреста долларов. Это значит, — он дважды проверяет свои записи, — ты выплатила четыре тысячи девятьсот семьдесят пять долларов, — он запрокидывает ручку за ухо и откидывается в своем кресле. — Мне стоит волноваться?

— Что? Почему ты должен волноваться?

— Потому что я знаю, сколько ты зарабатываешь. И этого недостаточно, чтобы заплатить лишние три штуки.

— У меня есть еще одна работа, благодаря которой у меня есть дополнительные деньги. Я хочу попытаться расплатиться за машину до конца года.

— Ну, судя по всему, ты расплатишься гораздо раньше. Чуть больше, чем за два месяца ты уже оплатила почти одну пятую часть.

— Мне повезло. Я живу без арендной платы со своей лучшей подругой и ее мужем. Но собираюсь переехать в ближайшие пару месяцев, а перед этим хочу накопить немного денег.

— Вероятно, тебе потребуется больше денег, Лили.

— Нет. Все в порядке, правда. Но я бы хотела расплатиться за машину к концу года.

— Расскажи мне о второй работе, — он берет бутылку воды и отпивает из нее.

— Я корректирую книги для нескольких авторов. На самом деле, это больше похоже на редактуру. Я всегда любила английский язык и хотела стать учителем. Но, по правде говоря, я действительно наслаждаюсь редактурой и редактированием книг.

— За это хорошо платят?

— Если сравнивать с моей зарплатой здесь, то наравне. За книгу я получаю четыреста долларов.

— Четыреста? Независимо от ее размера?

— Да, это не имеет значения.

— А ты узнавала, сколько получают другие редакторы?

— На самом деле, нет. У меня есть хорошая клиентская база, и она увеличивается с каждым днем. Ко мне выстроилась очередь до конца февраля. Некоторые мои авторы попали в список бестселлеров со своими книгами.

— Правда? — спрашивает он, разминая шею и наклоняя ее из стороны в сторону.

— Со своим самым первым автором я работала бесплатно. Это был ее дебютный роман, он вошел в десятку лучших книг по версии New York Times и USA Today. Он по-прежнему там.

Глаза Дейла округляются, и он улыбается:

— Должно быть, у тебя есть талант.

Я пожимаю плечами и смотрю вниз на свои сцепленные руки, лежащие на коленях.

— Я не знаю.

— Насколько велики книги, над которыми ты работаешь?

— Они разные. В самой маленькой было всего шестьдесят пять тысяч слов, а в самой большой — чуть больше ста пятидесяти тысяч.

— И за все ты берешь четыреста долларов?

— Да.

— Если ты востребована, значит, у тебя есть талант к работе, которую ты делаешь. Не недооценивай себя.

Я улыбаюсь его словам.

— Шейн говорит то же самое.

— Ты должна брать плату за страницу, а не фиксированную цену за всю книгу. Потому что, если ты назначишь стандартную цену, скажем, в три доллара за страницу при одинаковом количестве слов на ней и одинаковом шрифте, то это будет более справедливо по отношению к тем, кто написал меньше, в отличие от тех, кто написал книгу больше.

— Хмм, — бормочу я, обдумывая его слова.

— И назначь минимальное количество страниц, над которыми ты будешь работать, так это будет справедливо и для тебя тоже.

Я пытаюсь подсчитать кое-какие цифры в своей голове, но я всегда была лучше подкована в английском, нежели в математике.

— Я подумаю об этом, спасибо, — я встаю, чтобы уйти, ведь и так уже отняла достаточно его времени.

— Прежде, чем ты уйдешь, — говорит он, жестом показывая мне снова присесть. — У тебя были какие-либо проблемы с мужем?

— От него ничего не слышно. Я подала на развод. А еще я нашла психолога, который помогает мне справляться со всем, что произошло в моей жизни.

— Правда?

— Да, и я просто счастлива, что он не оспаривает развод. Я не стала раздувать шумиху из-за денег, которые он забрал или из-за того, что он делал со мной. Мне просто хочется оставить все это позади.

— И это прямо в тебе, — он указывает на меня, и волоски на моих руках встают дыбом. — Именно то, что в тебе, Лили, делает тебя очень успешной в жизни. Возможно, с тобой чудовищно обходились, но ты готова бороться за будущее, которого заслуживаешь, а не того, которым тебя наградили.

Вау, просто вау. Он такой наблюдательный и вдохновляющий.

— Спасибо.

— А теперь выметайся отсюда, — игриво говорит он с самой большой дурацкой усмешкой на лице. — Но продолжай в том же духе.

Я выхожу из его кабинета и направляюсь к своему столу. Но не успеваю сесть, как Питер вызывает меня к себе в кабинет.

— Питер, тебе что-нибудь нужно? — я прокручиваю все в своей голове, пытаюсь вспомнить, не забыла ли я чего-то.

— Вот, — он протягивает мне конверт.

Я подхожу к его столу и беру конверт. Питер опускает взгляд, продолжая делать свою работу.

— Что это?

— Мне дали пару билетов на кинопремьеру, но я ненавижу кинотеатры. Они всегда переполнены маленькими детьми.

— Хорошо. Кому ты хочешь, чтобы я их передала?

— Возьми их себе. Если не хочешь смотреть этот фильм, каким бы он ни был, отдай их кому-нибудь еще. Меня не волнует, кто возьмет их.

— Спасибо, Питер, — я открываю конверт и вижу, что в нем лежат не просто билеты в кино — это торжественная премьера нового фильма с Джошем Харлоном. Джош — один из самых сексуальных романтических актеров на свете. Фильм *«Любовь и Оружие»*, вероятно, самый лучший его фильм и вокруг него сейчас много шумихи. — Питер, — наполовину шепчу я и смотрю на билеты.

— Да?

— Ты уверен, что не хочешь отдать их одной из твоих дочерей? Или, может быть, дочерям Дейла? Это очень редкие билеты и, по-видимому, актер лично будет там присутствовать. Я могу отдать их Дейлу, чтобы он передал их своим дочерям.

Питер оставляет работу и смотрит на меня. Он делает что-то забавное, еле уловимое, своими губами, и прищуривается, глядя на меня. У меня проблемы.

— Если бы я сказал, что купил их для тебя, чтобы ты вышла в свет, ты бы отказалась. Я сказал, что мне их подарили, и ты все равно их отвергаешь. Ты усердно работаешь, и я хочу дать тебе что-то взамен.

— Но ты уже дал мне две тысячи на Рождество.

— Я всем дал премию. Все получили то, что заслужили.

Я наклоняю голову набок, по-прежнему глядя то на билеты, то на Питера.

— Они предназначались мне?

— Да.

— Вы с Дейлом продолжаете делать все эти вещи для меня, у меня никогда не было ничего подобного прежде.

— Закрой дверь, Лили, — он встает и обходит свой большой уродливый рабочий стол. Я закрываю дверь, а когда поворачиваюсь, он указывает мне сесть на стул напротив него. — Лили, ты знаешь, почему мы с Дейлом делаем все это?

— Нет, сэр.

— Моя дочь связалась с парнем, которого мы считали потрясающим. У него была хорошая работа, на которой он усердно работал, и он был лучшим мужчиной, которого она могла бы встретить. И он действительно таким был. Он очень хорошо о ней заботился. И

когда у них появилась дочка, моя внучка, он и ее обожал. Он был потрясающим мужем и потрясающим человеком.

— Звучит так, будто она одна из самых везучих людей на свете.

— Она и была. Пока все не изменилось.

— Как это изменилось? Он начал обижать ее?

Питер качает головой.

— Нет, вовсе нет.

Я прищуриваю глаза и почесывая голову, не уверенная, к чему он ведет.

— Я не понимаю.

— Моя дочь хотела похудеть и она услышала, что употребление кристалла подходит для этого. Чего она не знала, так это того, что на него подсаживаются. (*Примеч.: кристаллическая форма кокаина*).

— Боже мой, — шепчу я. Внезапно тошнота подступает к горлу, и я не уверена, что справлюсь с тем, что он скажет дальше.

— Поначалу она была всегда счастлива и всюду ходила вприпрыжку. Никто не подозревал, что она подседа на что-то. Она отлично справлялась с Джоджо, моей внучкой, и все шло хорошо. Пока наркотики не завладели ей. Шон возвращался домой с работы и видел, что по дому ничего не сделано, а Джоджо весь день проводила в грязном подгузнике и плакала от голода. Когда это случилось в первый раз, он забрал Джоджо и привез к нам.

— Боже мой!

— Она жила у нас, и мы заботились о ней, пока он заботился о нашей дочери. Не пойми меня неправильно, мы тоже участвовали в этом. Но Джоджо нужен был дом, наполненный любовью, а моя дочь не могла ей этого дать из-за своей зависимости. Шон, моя жена и я решили, что окажем финансовую поддержку, чтобы помочь нашей дочери, но мы также дали Джоджо всю любовь и заботу, которую она заслуживает.

Я не могу ничего сказать, только ахаю, у меня действительно нет слов.

— Шон пытался помочь ей самостоятельно, но затем она стала неконтролируемой. Он знал, что всему виной наркотики, и это не ее вина, что она стала нападать на него и бить.

Я прикрываю рот ладонью, пока он продолжает свой рассказ.

— Видишь, Лили. Домашнее насилие затрагивает всех, и когда я знаю, что оно затрагивает прекрасного человека, как ты, я должен помочь. Ради моей дочери, ради моего зятя и ради каждого, кто выжил.

Я сижу молча, пока вспоминаю его слова, которые он произнес в самом начале своего рассказа:

— В начале своего рассказа ты сказал, будто думал, что твой зять был потрясающим человеком, а почему только думал?

— Потому что теперь мы знаем, что он намного больше, чем просто потрясающий. Он — ее спаситель. Она нуждалась в спасении, и он был тем самым святым, который сделал это. Он так сильно ее любит и рискнул всем, именно так он смог получить ее снова здоровой. И мы все поддерживали его. Как по мне, он не ошибся.

Я делаю несколько глубоких вдохов и обдумываю все, что только что сказал мне Питер.

— Могу я спросить, как у них дела сейчас?

— Она чиста уже два с половиной года. И они вместе, их брак даже прочнее, чем прежде.

— Я очень рада это слышать.

— Суть в том, Лили, что никто не отказался от нее. И я не откажусь от тебя.

Я расслабляю плечи, позволяя тяжести прошедшего разговора пройти через себя.

— Спасибо, — говорю я, когда встаю и беру билеты. — Я уверена, что смогу взять с собой Шейн. Ей понравится.

— Не за что, — Питер снова обходит свой стол, садится за него и продолжает работать.

Я выхожу из его кабинета, сажусь за стол и кладу конверт в сумку, лежащую в нижнем ящике стола. Затем беру свой телефон и пишу сообщение Шейн:

«Освободи 27 февраля. У меня есть сюрприз. Целую».

Она сразу же отвечает:

«Скажи мне прямо сейчас, я ненавижу сюрпризы».

Я пишу:

«Скажу сегодня вечером».

Ее ответ:

«Ему лучше быть хорошим, девочка».

«Так и есть».

Как только я нажимаю «отправить», мне тут же звонит Макс.

— Привет, — отвечаю я.

— Привет, Лили. Знаю, ты на работе, а я буду свободен только до вечера. Ты не хочешь пообедать вместе?

— С удовольствием. Я уйду на обед в двенадцать тридцать.

— Встретимся внизу.

— Хорошо, пока.

Мы кладем трубки, и я возвращаюсь к работе, оставляя волнения сегодняшнего дня в стороне, и сосредотачиваюсь на том, что мне нужно сделать.

***

Я хватаю свое пальто и спускаюсь вниз. На улице по-прежнему холодно и лежит снег, но уже не так, как раньше.

Я вижу Макса возле кассы, ждущего меня. Его глаза загораются сразу же, как он меня замечает, и он подходит ко мне.

— Привет, Снежинка, — говорит он, наклоняется и дарит быстрый поцелуй в губы. — Как работа? — спрашивает он.

— Сегодняшний день нереальный, — говорю я, когда мы направляемся в кафе.

— Как так? — он переплетает наши пальцы вместе, отчего я на мгновение вздрагиваю. — Могу я держать тебя за руку, это ведь нормально? — спрашивает он, глядя на меня, пока мы медленно идем к кафе.

Почему меня это не беспокоит? Потому что мне комфортно с Максом, и я знаю, что он никогда не причинит мне зла?

— Все в порядке, — говорю я, и он усиливает хватку на моих пальцах. — Ты не работаешь до вечера?

— Да, я работаю с четырех до девяти вечера, — мы подходим к кафе, и он открывает

дверь, пропуская меня вперед. Я захожу внутрь, и он ведет нас к столику, который мы уже стали называть своим. Макс выдвигает для меня стул, я сажусь, а он напротив меня. — Итак, мне нужно тебе кое-что сказать.

— Привет, Лили, привет, Макс, — говорит Кэти, официантка, обычно обслуживающая наш столик, когда подходит к нам. — Горячий шоколад и кофе? — она знает, что мы обычно заказываем.

— Да, пожалуйста, — отвечаем мы с Максом в унисон.

Затем я добавляю:

— Я буду цыпленка с майонезом и листом салата на пшеничной булочке.

— А я буду бургер и картошку фри, — говорит Макс.

— Скоро вернусь, — говорит Кэти и уходит.

— Так что ты хотел мне рассказать?

Макс тянется к моим рукам и начинает поигрывать моими пальцами.

— Одна из квартир на первом этаже освободилась. Она еще не сдастся, но будет через пару недель. Она твоя, когда ты будешь готова переехать.

— Ого, вау, — я смотрю вдаль.

— Ты не выглядишь счастливой. Я уже говорил, что не собираюсь мешать тебе. Никогда.

— Дело не в этом.

Господи, я чувствую себя глупо, просто думая об этом, и еще глупее от того, что должна сказать ему.

— Тогда в чем? Потому что я могу заверить тебя, что это самое безопасное здание в городе.

— Дело не в этом, — да, я чувствую себя очень глупой. — У меня еще нет мебели. Я не уверена, что смогу позволить себе купить холодильник, не говоря уже обо всем остальном, возможно, смогу приобрести только через месяц или около того. У меня есть несколько авторов, ждущих своей очереди на редактуру, но пока они не заплатят мне, сомневаюсь, что смогу переехать, — я делаю глубокий вдох. Хотя я очень хочу переехать, потому что там безопасно, но хочу сделать это правильно. — Просто сдай квартиру в аренду, будет несправедливо по отношению к тебе, если ты будешь ждать, пока у меня появятся деньги обставить ее.

— Не нужно беспокоиться об этом. Все квартиры укомплектованы холодильниками, стиральными машинами и сушилками, барными стульями для кухни, а также телевизорами и DVD-плеерами. Кухня оборудована всем, чем нужно, включая тарелки. Все, что тебе нужно — диван и мебель в спальню.

— На кухне уже все есть? Как такое возможно?

— Когда арендатор въезжает, он подписывает эту часть договора. Я предоставляю ему определенное количество посуды, столовых приборов, тарелок, стаканов и так далее. Когда они съезжают, мы жертвуем ее разным благотворительным организациям и заменяем новой. Это часть платы, которую они вносят.

— Я никогда не слышала ни о чем подобном, — это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Или он вешает мне лапшу на уши, потому что думает, что я неженка? — Ты серьезен со мной? Потому что я никогда о подобном не слышала.

Он смотрит в потолок и улыбается.

— Это правда. И это одна из причин, почему у меня такая арендная плата. Так же, как я

предлагаю безопасность входной двери и гаража ниже. Это одна из вещей, которую я включил в контракт. Слушай, я останусь здесь, а ты можешь прямо сейчас пойти и спросить жильцов. Я гарантирую тебе, что это правда и так во всех квартирных комплексах, которыми я владею.

— Хах, — выдыхаю я. Кэти приносит нам наши напитки и ставит их на стол. — Что ж, тогда я согласна, спасибо, — говорю я, когда она уходит.

— Квартиру еще нужно покрасить и заменить ковер, когда съедет арендатор. Поэтому, думаю, что примерно через шесть недель она будет готова.

Кэти возвращается через несколько секунд, неся нашу еду. Она ставит ее на стол, мило нам улыбается и уходит.

— Я хотела тебе кое-что сказать, — я беру свой сэндвич и откусываю.

— Что? — он начинает есть свою картошку.

— Я подала на развод, и он должен быть завершен в конце февраля, если Трент не будет возражать.

— Ты занимаешься этим самостоятельно?

— Нет, я обратилась к адвокату, и он начал бракоразводный процесс. Я не жду больших проблем, потому что ничего не слышала от Трента. Ничего. Ни единого звука. Все выглядит так, будто он исчез.

— Будем надеяться, что он никогда не подойдет к тебе снова. Потому что, честно говоря, Лили, я не уверен, что он будет в восторге от последствий, которые его ждут, если он сделает это.

— Что это значит? — спрашиваю я, откусывая еще один кусочек от своего сэндвича.

— Это значит, что если кто-то обижает человека, которым я очень дорожу, он не знает, во что ввязался. Абсолютно.

Остаток обеда мы проводим за разговорами о билетах в кино, книгах, которые я редактирую, и просто обо всем и ни о чем.

Но слова Макса *«человека, которым я очень дорожу»* находятся на первом месте в моих мыслях. Они не беспокоят меня, на самом деле. Мне нравится, что Макс заботится обо мне.

Нужно кое о чем поговорить с Кэтрин сегодня вечером после работы.

Не могу поверить в этот последний месяц. Трент не доставил мне ни единой проблемы. Развод прошел гладко, и с этой частью моей жизни покончено. Я, наконец, могу дышать. Честно говоря, я ожидала, что что-нибудь случится: телефонный звонок, сообщение, неприятности на работе. Но ничего не случилось. Мой адвокат позвонил и сказал, что бракоразводный процесс завершен, и Трент ничего не оспаривал. Теперь я официально разведена.

Какое облегчение! Кажется, будто солнце, наконец, пробилось сквозь черные тучи и показало мне свои ласковые лучи. Вообразите себе, что вы посреди сильнейшей засухи на земле, и вдруг вода льется с неба и наполняет все возможные резервуары. Это было самое большое чувство облегчения, которое я когда-либо чувствовала.

Я официально снова стала Лили Андерсон.

После того, как мой адвокат сказал мне, что я стала свободной женщиной, ночью, лежа в постели, я пыталась думать обо всем хороших временах, что были у нас с Трентом. Оглядываясь назад, мне кажется, что я смотрю на жизнь человека, которого не знаю. Это почти как если бы я была посторонним человеком, наблюдающим за издевательствами над животным, и была бессильна вмешаться и помочь. Я не могу прикоснуться к ней, могу только смотреть и чувствовать все, что происходит со сломленной раненой девушкой по другую сторону.

Конечно, каждый счастливый момент с Трентом был омрачен болью, которую он мне причинял. Болезненнее всего было оглянуться назад и вспомнить это. Я была такой хрупкой, такой слабой, но в то же время сильной. Единственную грусть, которую я чувствовала и чувствую до сих пор, это мама Трента, Лина. Теперь я вижу, что она такая же жертва домашнего насилия, какой была и я, и задаюсь вопросом, могу ли ей хоть чем-нибудь помочь. Но Кэтрин сказала, что, в первую очередь, я должна помочь себе и прежде узнать, кто я. Я понимаю ее точку зрения и знаю, что она имеет в виду. Надеюсь, однажды Лина захочет спастись, и я буду рядом, чтобы помочь ей.

В ту ночь я уснула, завершив одну главу моего прошлого. Но кое-что продолжало крутиться в моей голове. Я ворочалась всю ночь и вместо окончательного освобождения от Трента ощутила зияющую дыру от вопросов, на которые у меня не было ответов.

Почему мама, а затем и папа так плохо ко мне относились? Что такого случилось, из-за чего они стали обижать своего единственного ребенка? Я не приблизилась к ответам. Я и по сей день не знаю, почему они чувствовали так много ненависти и враждебности по отношению ко мне.

Я почти заканчиваю работу, когда Макс говорит, что хочет со мной прогуляться. Наши отношения развиваются с черепашной скоростью, но я не готова перевести их на более интимный уровень, дальше поцелуев и держаний за ручки. Это безумие, я знаю. Вот она я, не готовая к интимным отношениям в двадцать пять лет.

Макс — самый прекрасный и терпеливый человек, которого я знаю. У него собственная борьба со своим заиканием. Он не очень любит бывать в общественных местах, где ему приходится разговаривать со многими людьми. Я, конечно, уже не слышу его заикания. Для меня он говорит так же, как и все вокруг, но я знаю, другим людям трудно его понять. Макс

стал постоянным гостем у нас дома, и Шейн с Лиамом говорят, что он самый милый парень, которого они знают. В конце марта они оба поедут в отпуск, который я подарила им на Рождество, и я надеюсь, что к этому времени смогу переехать в собственную квартиру.

Сейчас конец рабочего дня, и я заскакиваю в кабинет Дейла, чтобы отдать ему еще одну тысячу долларов. Я прислушалась к его совету и изменила тариф на свои услуги. Я получаю несколько писем в день от тех, кто хочет нанять меня. Я беру не больше двух книг в неделю и уже забронировала квартиру на апрель.

— Привет, Дейл, есть минутка? — спрашиваю я, легонько постучав в его дверь.

— Конечно. Проходи, садись, — он встает и идет к маленькому холодильнику в кабинете. — Воды? Содовой? — спрашивает он, хватая себе содовую. — Не говори Бетси, — шепчет он, держа содовую и оглядывая кабинет.

— Не буду. Я не могу остаться, но у меня есть для тебя немного денег. Тысяча, — я протягиваю ему конверт.

— Ты невероятна, Лили. Ты действительно хорошо справляешься. Ты понимаешь, что, считая сегодняшнюю тысячу, ты заплатила за машину уже почти семь тысяч долларов?

— Да. Я тоже слежу за платежами. Я горжусь собой.

— А ты и должна, — он берет деньги, пересчитывает их прямо передо мной, а затем записывает все в тетрадь. — Вот, подпиши это, — он подталкивает ко мне книгу, и я расписываюсь в строке, где говорится, что я отдала ему еще денег. — Как машина? По-прежнему наслаждаешься ей?

— Боже мой, она великолепна! Хотела бы я еще раз поблагодарить тебя, чтобы это не прозвучало жалко и плаксиво. Я действительно ценю это.

— Я знаю, Лили. Даже, если ты не скажешь ни слова, я буду знать, что ты серьезна и ценишь это, потому что ты уже проделала в ссуде удивительную брешь, — я широко улыбаюсь Дейлу. — Ладно, а теперь выметайся отсюда. У меня по-прежнему много работы.

— Спасибо, — говорю я, покидая его кабинет.

Я возвращаюсь к своему столу и заглядываю в кабинет Питера.

— Тебе нужно что-нибудь еще, Питер? Я уйду до конца дня и хочу убедиться, что ты в порядке.

— Да, да. Я буду в порядке. Завтра день рождения моей внучки, и поэтому мы весь день будем делать то, что она хочет. И под «она» я имею в виду Джоджо. Она диктует нам, что мы все будем делать весь день, и мы все согласны с этим.

— Так мило, что вы делаете это. Желаю тебе хорошего дня. Я поощряю территорию, — я игриво подмигиваю.

— Я оставлю несколько заданий на твоём столе, если у тебя возникнут проблемы с ними, либо попроси помочь Дейла, либо отложи их, и я объясню тебе все, когда вернусь на работу.

— Я могу задержаться, и ты все объяснишь мне.

— Нет, нет. Ты можешь идти. Увидимся через пару дней.

— Повеселись завтра.

Я беру свою сумку, спускаюсь к машине и отправляюсь домой. Когда я приезжаю, Шейн уже дома, а Лиаму пришлось задержаться на работе и доделать несколько вещей.

— Эй, мы с Максом собираемся пойти поужинать, не хочешь присоединиться к нам? — спрашиваю я, когда захожу внутрь и застаю Шейн за просмотром телевизора.

— Нет, Лиам скоро будет дома, и, думаю, мы пойдем в пиццерию, а потом в кино. Эй,

было так весело на той премьере фильма на прошлых выходных, правда? Так жаль, что ты не сможешь снова достать такие билеты, — она пьет немного воды.

— Да, было безумно весело. Кто знает, может, мы сможем повторить это. В любом случае, пойду и переоденусь, потому что Макс скоро будет здесь. Впустишь его, если он придет, пока я буду в душе?

— Нет, я оставляю его ждать снаружи, — она смеется над собственным саркастичным чувством юмора. — Да, конечно, я впущу его.

— Спасибо, — я иду в свою комнату, быстро хватаю одежду, а затем иду в душ.

***

— Вау, это отличный ресторан. Я только один раз была в подобном месте, и это не очень хорошо закончилось, — шепчу я Максиму.

Метрдотель показывает нам наш столик, отодвигает мой стул и ждет, пока мы сядем, прежде чем встать рядом с нашим столом и с правильным произношением сказать:

— Ваш официант подойдет через минуту. Винная карта, сэр, — он отдает Максиму меню, кивает мне и уходит.

— Поправка, я никогда не была в таком милом месте, как это, — я чувствую себя здесь неловко и ерзаю на стуле, пока Макс смотрит в меню и улыбается.

— Ты хочешь красное вино или белое? — в ответ я пожимаю плечами. — Тогда я закажу оба.

— Макс, я с удовольствием выпью воды. Пожалуйста, не нужно заказывать вино. Ты за рулем, а мне завтра нужно работать, — умоляю я. — Пожалуйста?

— Никакого вина, — он закрывает винную карту и кладет ее на стол. — Ты уже знаешь, что хотела бы съесть?

Я просматриваю меню, все выглядит так аппетитно.

— Ты уже бывал здесь прежде?

— Да, несколько раз.

— Может, тогда ты закажешь для меня? Я не знаю, что выбрать, все так хорошо выглядит.

— Хорошо, — он продолжает просматривать меню.

Когда подходит официант, и Макс начинает говорить ему наш заказ, я замечаю, как он замедляет свою речь, чтобы его было легче понять. Впервые слышу, как разговаривает Макс за пределами своей зоны комфорта.

Официант забирает меню и уходит.

— Знаешь, я только сейчас поняла, как мало о тебе знаю, — говорю я Максиму.

— Спрашивай, что угодно, я — открытая книга.

— Сколько тебе лет? — спрашиваю я, делая глоток воды, которую только что принес официант.

— Четырнадцатого сентября мне исполнится тридцать три.

— Ты всего лишь на семь лет старше меня?

— Не будь настолько удивленной. И спасибо за повышение моей самооценки, — он

отводит взгляд и хватается за грудь в притворной боли.

— Извини, — бормочу я, хотя на самом деле смеюсь. — Ты был женат?

— Нет, никогда. Хотя один раз был близок к этому, но обнаружил, что она больше заинтересована в моих деньгах, нежели во мне. Помимо этого, у меня были две постоянные подруги.

— Что с ними случилось?

— Мы отдалились друг от друга. Мы хорошо закончили наши отношения, просто пошли в разные стороны. И у меня была одна девушка, с которой мы раньше были друзьями. Мы решили попробовать и узнать, сможем ли быть парой, но это продлилось недолго, потому что оказалось, что нам лучше в качестве друзей.

— И ты все еще дружишь с ней? — удивленно спрашиваю я.

— Да. Она работает на меня.

Я отвожу взгляд и чувствую, как от его заявления во мне начинает формироваться множество вопросов.

— Хм, — я не уверена, с чего начать.

— Она руководит одним из филиалов фирмы, — я не знаю, как отнестись к этой информации. Я чувствую какую-то тревогу в животе, ощущение чужое и мне совсем не известное. — Эй, не волнуйся. Сейчас она замужем, уже больше года.

— Волноваться? — спрашиваю я, но мой трескучий голос сбивает с толку нас обоих.

— Ты выглядишь обеспокоенной. Может быть, даже ревнивой, — это то, что я чувствую? Ревность? — Должен признать, это довольно сексуально.

— Я никогда не чувствовала ничего подобного раньше.

Что это? Ревность? Потому что мне хочется визжать и орать, и сказать ей, чтобы она отвалила.

— Да, похоже, ты ревнуешь меня.

— Хмм, — стону я. Потому что это совершенно неудобно. Эта физическая реакция логически глупа. Он не с ней, и у меня нет никаких обязательств перед ним, так же, как и у него передо мной, поэтому это кажется безосновательным.

— В любом случае, расскажи мне, как прошел твой день? — Макс берет свой стакан и пьет воду.

— На самом деле, я тут кое о чем подумала.

— О чем же?

— Мне нужно расставить все точки над «i» в отношении своих родителей. В большей степени отца. Моя мама умерла, когда я была маленькой, поэтому я не смогу от нее ничего узнать, но отец, он — большая часть моей жизни до Трента, которую я помню. И я действительно хочу знать, что случилось, из-за чего он начал так ужасно ко мне относиться.

— Ты пробовала спросить у него?

— Я не уверена, что могу встретиться с ним. И к тому же я ушла, когда мне было семнадцать, и никогда не оглядывалась назад. Я даже не знаю, кто был хуже: он или Трент.

— Ты знаешь, где он живет?

— Я знаю, где он жил раньше, и понятия не имею, там ли он все еще. Я ничего не знаю. Прошло столько лет, с ним могло случиться все, что угодно.

— Я могу помочь, если хочешь?

— Как?

— Я могу нанять частного детектива, чтобы он нашел твоего отца, и мы узнаем всю

информацию, которую он сможет достать.

Приходит официант и ставит перед нами наши блюда. Он спрашивает, не хотим ли мы молотого перца, а когда мы оба отказываемся, он оставляет нас.

— Я могу подумать об этом? Хотя я и готова закрыть эту дверь в мое детство, я просто не готова узнать то, что они говорили и делали все эти вещи только потому, что не хотели меня. Я имею в виду, что они могли бы избавиться от меня, они могли бы отдать меня на удочерение или подбросить в пожарную часть. Мне просто нужно немного времени, чтобы обдумать твое предложение.

— Мое предложение бессрочно. И как только найду частного детектива, я могу попросить его или ее связаться с тобой, чтобы с ним общалась непосредственно ты, а мне рассказала только то, что считаешь нужным.

Я разрезаю свой сочный стейк и вздыхаю.

— Ты действительно невероятный.

— А сейчас могу я задать тебе вопрос? — я киваю, наслаждаясь нежным, сочным куском мяса. — Ты хочешь детей?

Вопрос застаёт меня врасплох. Учитывая мое прошлое и количество выкидывшей, которые у меня были, я не уверена, что снова смогу перенести такую нагрузку на свое тело и разум.

— Я была беременна. Много раз. Пять, если быть точной. Но... — я кладу нож и вилку и чувствую, что начинаю плакать. — Он бил меня, и я теряла каждого ребенка.

— Я знаю про одного.

Конечно, он знает. Он сидел возле моей кровати и кормил меня.

— Я выросла не в любящей среде. Я не знаю, что это такое. Я не понимаю этого. Хочу ли я ребенка? Не уверена, что смогу показать ей или ему, что такое любовь, потому что я не знаю, как передать это. Я даже не уверена, смогу ли снова заняться сексом. Трент был моим первым, и он был не очень нежен со мной, — я улыбаюсь, хотя знаю, что нет никакой радости в той боли, что я показываю.

— Я хочу быть твоим последним, Лили, — Макс тянется и берет меня за руку. — Я хочу показать тебе, что такое любовь, каково это — любить и быть любимой. Я хочу быть тем, с кем ты будешь просыпаться всю свою оставшуюся жизнь.

— Уже прошло несколько месяцев, а мы только целовались и держались за руки.

— Меня это не волнует.

— Но? — добавляю я, ожидая условия. Например: «Тебе лучше быть готовой поскорее, иначе я найду это в другом месте».

— Но что?

— Твоя уловка с «меня это не волнует», что это? Ты дашь мне время до Рождества, а затем пойдешь искать это в другом месте?

— Я не Трент, Лили. Если тебе потребуется пять жизней на то, чтобы просто лежать со мной в одной постели, то я подожду эти пять жизней. Я не хочу никого другого. Я даже не заинтересован ни в ком другом. Я не бабник. И никогда им не был. Я хочу семью, хочу жену. И все это я хочу с тобой.

— Ты хочешь жениться на мне? — *что, черт возьми, происходит?*

— Не прямо сейчас, но, в конце концов, да. Тебе предстоит пройти долгий путь, но я буду рядом с тобой на каждом шагу, который ты сделаешь.

Он самый милый человек, которого я когда-либо знала, и, сидя здесь, ужиная, я

продолжаю смотреть на него.

— Ты, и правда, совершенен, — говорю я.

— Как и ты, Снежинка.

Погода становится теплее, и я переезжаю. Не могу поверить, что уже середина марта, и сегодня — день моего переезда. Я купила диван, спальную мебель и договорилась, чтобы их доставили сразу в мою новую квартиру.

Шейн в моей комнате, помогает упаковывать мою одежду и обувь.

— Вы с нетерпением ждете следующих выходных? — спрашиваю я Шейн, когда она перекладывает мою одежду из комода в позаимствованный у нее чемодан.

— Боже, да! Отец Лиамы сказал, что хочет купить еще один магазин автошин и отдать его нам с Лиамом.

— Но вы едва справляетесь с тем, что есть у вас сейчас.

— Да, но, видимо, это была проверка, чтобы посмотреть, как мы со всем справимся. Он сказал, — она понижает голос и выпячивает грудь, — «вы, детишки, доказали мне, что можете управлять магазином и получать прибыль. Я хочу купить вам свой собственный магазин, что скажете»? Боже, Лили! Это хорошо, ты знаешь? Но, в то же время, я не хочу проходить через все напряжение по восстановлению ветхого здания и начинать все с нуля.

Мы с Лиамом можем сделать это, потому что мы хорошо работаем вместе, но знаешь... — она замолкает и смотрит на меня. Я киваю, поддерживая ее. — Мы пытались завести ребенка некоторое время назад, но не можем забеременеть. И если он покупает нам захудалую мастерскую и ожидает, что мы начнем все с нуля, я не уверена, что смогу справиться с таким напряжением, — она перестает складывать одежду и садится на кровать.

— Ты должна поговорить с ним, Шейн. Скажи ему, что ты чувствуешь, — я никогда не видела Шейн такой уязвимой. Она никогда не выставляла напоказ свои чувства.

— Не знаю, — задумчиво говорит она. — Я не хочу его разочаровывать, ведь он так много сделал для нас с Лиамом. Но в то же время, я на том этапе, когда хочется создать семью. Мне хочется, чтобы до тридцати пяти лет у меня появился ребенок, потому что время слишком быстротечно. Я имею в виду, что, казалось, только вчера я жила в переоборудованном гараже и подрабатывала няней. А сегодня я сижу в спальне со своей лучшей подругой и плачу, потому что не могу иметь детей.

— Шейн, — говорю я и подвигаюсь ближе, обнимая ее. Всего на мгновение, положив голову на мое плечо, она плачет. Нет ничего, что я действительно могу сказать, чтобы ее успокоить, а если и есть, то я не знаю нужных слов.

— Как глупо, а? Меня бросила мама, которая не хотела меня, потому что ее новому мужу не нравилось, что она пришла с прицепом. И сейчас все, что я хочу, — иметь ребенка, чтобы я могла показать ей, как много она для меня значит, как сильно я ее люблю.

— Твои чувства не глупые. Вы с Лиамом заслуживаете счастья.

Шейн обнимает меня в ответ, выпрямляется и вытирает слезы с глаз.

— Я такая эмоциональная. Моя лучшая подруга сегодня переезжает от меня, и мне кажется, будто я теряю часть себя. Я знаю, куда ты переезжаешь и что ты будешь счастлива, но ты прожила с нами пять месяцев, и мне нравилось, что ты была здесь каждый день, — она наклоняется и снова меня обнимает.

— Я никогда не смогу отблагодарить тебя за то, что ты сделала для меня. Ты открыла мне свое сердце, свой дом, даже после всех этих лет, что мы не общались.

— Ты не должна благодарить меня, малышка. Это то, что мы делаем друг для друга.

Черт. Я обещала себе, что не заплачу. Но это обещание было забыто, и теперь мы с Шейн рыдаем, как дурочки.

— Боже мой, кого я должен избить? — говорит Лиам, стоя в моей комнате. — Мы с Максом можем преподать кому-то урок.

Мы с Шейн вытираем слезы и смеемся.

— Мы просто девочки, — говорит Шейн. — Ты не должен никого избивать.

— Хорошо, — Лиам бьет кулаком в ладонь. — Потому что я бы это сделал.

— Давай, нам нужно все упаковать. У меня есть квартира, в которую нужно переехать.

— Позовете, когда все будет готово, и я отнесу вещи в твою машину, — говорит Лиам, выходя из моей комнаты.

— Знаешь, — начинаю говорить я, пакуя вещи из шкафа. — Вы с Лиамом будете замечательными родителями, — я смотрю на Шейн, которая сияет улыбкой. Ее улыбка очень яркая, а глаза сверкают.

И прежде, чем мы понимаем, я упаковываю свою жизнь в два чемодана и три коробки. Это все, что у меня есть. Но у меня есть еще моя жизнь. Уверена, если бы я осталась с Трентом, то вряд ли была бы еще жива. Глядя на свою загруженную машину, я нормально отношусь к тому факту, что у меня практически ничего нет. Поскольку у меня есть моя свобода.

— Ах да, — начинает Лиам. — Не забывай писать и приходить домой на все праздники и выходные, — поддразнивая, говорит он, сгребая меня в свои объятия. — Ты была хорошим ребенком, куриная попка. Играй хорошо с другими детками и убедись, что приходишь на занятия вовремя, — он оставляет поцелуй на моем лбу. Но я знаю, что сарказм — его защитный механизм.

— Хорошо. И еще я не буду ходить ни на какие вечеринки в кампусе, — я отпускаю его и направляюсь прямо в объятия Шейн.

Она плачет, и я тоже начинаю плакать.

— Здесь твой дом в любое время, когда захочешь или когда тебе будет нужно.

У меня начинаются все эти ужасные вещи, сопровождающие рыдания. Из глаз постоянно льется, и, кажется, что я не в состоянии правильно дышать. Мы с Шейн обе громко плачем, держась друг за друга.

— Я так сильно тебя люблю.

— Я люблю тебя, малышка.

Наконец, я отпускаю Шейн и отхожу. Лиам подходит и обнимает ее, утешая, пока она прижимается к его груди. Я подхожу к своей машине и улыбаюсь.

— До конца своей жизни, — шепчу я. Как только сажусь в машину и уезжаю, то понимаю, что это правильный шаг для меня. Я оставалась в доме Шейн и Лиам так долго, как могла, а сейчас пришло время подтолкнуть себя и двигаться дальше.

Я направляюсь в свой новый дом и не смотрю в зеркало заднего вида. Не потому, что не хочу расстраиваться снова, но если оглянусь, то на этом все и закончится. А мне нужно продолжать смотреть вперед и жить.

Я раскладываю часть одежды в свой новый комод, и как только заканчиваю с этим, развешиваю в шкаф вещи, которые нужно держать на плечиках. Не могу поверить, что на распаковку у меня ушло меньше трех часов. У меня остается время посидеть, расслабиться и заняться книгой, над которой я продолжаю работать.

Макс сдержал свое слово и вообще не вмешивался. Он не пришел помогать мне с переездом и еще ни разу не приходил в мою квартиру. Я отправляю ему сообщение, давая знать, что въехала и, спрашиваю, не хочет ли он присоединиться ко мне за ужином. Он как будто ждал у телефона, потому что сразу же отвечает мне улыбающимся смайликом и говорит, что скоро придет.

На ужин пицца. Потому что мне все еще нужно закончить финальную часть книги и отправить ее клиенту. И, если смогу, то хочу начать работать над новой рукописью, которая у меня уже есть. Я беру ноутбук, открываю его и сажусь на диван, купленный на свои собственные деньги, и продолжаю с того момента, на котором остановилась. Прежде, чем я осознаю, мой телефон начинает звонить.

— Макс? — отвечаю, зная, что это он, потому что его имя высветилось на экране.

— Я должен ждать снаружи всю ночь?

— Черт, — я встаю и иду к двери, где Макс стоит, облокотившись на противоположную стену с бутылкой «Дом Периньон Роуз». — Прости, ты долго стучал?

— О, всего лишь полчаса, — дразнит он. — На самом деле всего лишь несколько минут, — он протягивает мне бутылку. — Добро пожаловать в наш комплекс, — говорит он, заходя в мою квартиру и направляясь напрямиком на кухню.

— Шампанское и пицца хорошо подходят друг другу. Но я сомневаюсь, что ты приветствуешь каждого нового жильца бутылкой «Дом Периньон».

— Попался, — он поворачивается и оглядывается вокруг. — Но мне не нравится каждый арендатор так же сильно, как ты, — он подмигивает мне. — Мне нравится то, что ты сделала с этим местом, — он указывает на мой новый диван. — К сожалению, это одна из самых маленьких квартир, все большие арендуют уже несколько лет. Прости, она такая маленькая.

Я осматриваюсь вокруг и задаюсь вопросом, о чем, спрашивается, он говорит. Она такая же большая, как и квартира Лиама и Шейн.

— Хм? Что? Моя спальня больше, чем та, что была дома у Шейн и Лиама.

— Несмотря на это, жаль, что это не одна из самых больших квартир. Главное, чтобы ты распаковалась и устроилась.

— Что я и сделала. Но я не могу найти свой дневник.

— Он где-то должен быть. Возможно, он остался у Шейн и Лиама.

— Да, через неделю я схожу и поищу его. В любом случае, давай закажем пиццу.

— Я угощаю, — заявляет Макс, подсакивая. — Учитывая, что сегодня твоя первая ночь здесь, я не ожидаю, что мой арендатор будет покупать пиццу сам себе после всех трудов переезда.

Я закатываю глаза на слова Макса и встаю, уперев руки в бедра.

— Ты когда-нибудь позволишь мне заплатить?

— Нет, — он обнимает меня и дарит крепкое объятие. — Никогда, — он целует меня в нос, затем нежно в губы. — Я действительно очень рад, что ты здесь, — добавляет он.

— Я счастлива быть здесь.

— Пицца. Я закажу, — он отпускает меня, достает свой телефон из кармана джинсов и идет во вторую комнату, которую я, в конце концов, преобразую в кабинет, и заказывает пиццу.

Когда он возвращается, то спрашивает, может ли он посидеть на диване, а затем берет пульт от телевизора и начинает щелкать по каналам. Я сижу с ноутбуком на коленях и заканчиваю книгу, над которой работаю. Охранник снизу звонит в тот момент, когда я отсылаю автору свои финальные правки и открываю новую рукопись.

— Должно быть, это пицца. Я принесу ее, — Макс встает и идет к двери, ожидая доставщика. — Иди сюда, — кричит он из кухни. Он раскладывает обе пиццы, берет две тарелки и наливает два бокала шампанского. Мы сидим за барной стойкой, он держит свой бокал с шампанским, готовый произнести тост. — За новое начало и новые воспоминания. Чтобы лучшее из твоего прошлого стало худшим в нашем будущем, — он чокается своим бокалом с моим.

Я улыбаюсь, потому что от меня не ускользнуло, что он сказал «наше будущее», а не «твое будущее». И мне нравится то, что он сказал.

— За наше будущее, — говорю я и делаю еще один глоток. Мы начинаем есть, и я хочу поговорить с Максом о своем отце. — Я обдумала твое предложение и неоднократно обсудила его с Кэтрин. Я хочу принять его.

— Какое предложение? — он откусывает большой кусок пиццы и жует.

— О том, чтобы нанять частного детектива и найти моего отца, независимо от того, что им удастся узнать.

Макс кивает один раз и говорит:

— Считай, что уже сделано. Я передам тебе номер того, кого найму, и ты сможешь сама с ним все обсудить.

— Я предпочитаю, чтобы ты был рядом со мной, если им действительно удастся что-то найти.

— Твое желание должно быть удовлетворено. А теперь ешь, пока горячее.

Все верно. Моя жизнь на самом деле хороша.

— Спасибо, Макс, — он кивает, а потом засовывает больше пиццы в рот.

Сейчас середина апреля, и погода, конечно, сделала всем нам подарок. Ночи прохладные, но вот дни просто фантастические. Макс проводит большую часть своего свободного времени в моей квартире, возвращаясь к себе, только чтобы переночевать. А у меня в очереди несколько рукописей, ожидающих, когда я уделю им свое пристальное внимание.

Сегодня пятница, и это последний рабочий день недели. Он близится к концу, но прежде, чем уйти, я проверяю свою почту и вижу письмо от шестой по величине издательской компании в мире. Они находятся в Нью-Йорке, у них подписан контракт с очень многими популярными авторами. Письмо написано заманчиво. В нем говорится, что они хотели бы связаться со мной, и что я могу позвонить им в ближайшее удобное время. Мне нужно связаться с Джолин Грейс, она будет ждать моего звонка.

Да!

Я иду в кабинет Питера. Он стоит у большого окна, уставившись в пол.

— Питер, я помешала?

Он круто разворачивается на пятках и смотрит на меня:

— Вовсе нет. Входи, пожалуйста.

— Я не отниму много времени. Эмм... это прозвучит странно, но я получила письмо от издательства, в котором говорится, что они хотят, чтобы я связалась с ними. Ты не возражаешь, если я воспользуюсь кабинетом Дейла и позвоню оттуда? Я знаю, что Дейла сегодня нет, но хотела бы сначала узнать, не против ли ты.

— Конечно, вперед, — он машет мне рукой, как бы говоря «валяй».

Я иду в кабинет Дейла с номером и именем женщины, с которой собираюсь поговорить, закрываю дверь и сажусь за стол. Я не совсем уверена в том, что происходит, но так нервничаю: сердце бешено бьется, а руки трясутся. Такое ощущение, что у меня неприятности, хотя это не так.

Леди поднимает трубку и называет компанию.

— Здравствуйте, могу ли я поговорить с Джолин Грейс? — спрашиваю я.

— Я могу узнать, кто звонит? — она звучит так корректно и высокомерно.

— Меня зовут Лили Ричардс. Она ждет моего звонка, — мой голос звучит так тихо, как будто я жду, что меня сейчас отругают за что-то.

— Ах, да, мисс Ричардс, Джолин ждет. Я вас соединю.

Черт возьми, что делать? Если я брошу трубку сейчас, то она точно не сможет накричать на меня. *Прекрати, Лили.*

— Лили Ричардс, я так рада, что, наконец, смогу с вами поговорить.

— Правда? — вдруг бабочки в животе исчезают, и я оглядываю кабинет в поисках чего-то, сама не знаю чего.

— Вы, юная леди, были самой обсуждаемой темой в последнее время.

— Я?

Я нервно нажимаю пальцем на стол.

— О, Боже мой, да. Мы все очень заинтересованы во встрече с вами.

— Вы?

Почему я отвечаю на все вопросом?

— Мы. И я хотела бы лично пригласить вас в наш офис в Нью-Йорке. На выходных. Все расходы будут оплачены.

— Почему?

Джолин громко смеется в трубку, но сейчас я смущена больше, чем когда получила ее письмо.

— Мы наблюдали за несколькими новыми авторами и заметили, что у них всех есть кое-что общее — вы. Видите ли, мы подписали контракт с двумя из ваших клиентов и поговорили еще с тремя. Когда мы спросили, кто вычитывал их книги, они назвали одно и то же имя — ваше. Когда мы спросили, кто редактировал их книги, они все назвали только ваше имя. Вы делаете все, что между собой мы зовем «большой графический редактор». У нас есть корректоры, у нас есть редакторы, но нам нужно большее. И ваше имя все продолжает всплывать.

— Но у меня нет никакого официального образования. И на самом деле, автор делает всю основную работу.

— О да, я согласна. Но вот в чем дело, автор может написать самую потрясающую на свете историю, но если она не вычитана и не отредактирована правильно, то о ней вскоре забудут. Редактор шлифует и заставляет историю сиять, заставляет ее выделяться и делает ее легкой для запоминания людьми. Вы крайне важны для читателей, страдающих книжным похмельем.

— Я делаю это?

— Авторы, с которыми вы работали, невероятно талантливы, но вы, мой друг, также добавили много силы в их слова. И поэтому мы хотели бы, чтобы вы прилетели сюда, неважно, в какой точке страны или мира вы находитесь. Мы хотим поговорить с вами о том, чтобы вы работали на нас.

Это неправильно, что я хочу прыгать вверх-вниз и кричать от счастья? *Возможно, я сделаю это, когда повешу трубку.* Я слышала, что большие компании охотятся за теми, кто лучший в своей области, предлагая им абсурдную плату и побуждая их работать на них. Но я просто я.

— Ага, — говорю я, слишком счастливая, чтобы сформулировать нормальное предложение.

— Могу я договориться обо всем для вас? Скажем, на следующие выходные?

— Гм, я, гм. Гм... — *черт, что я говорю?* — Могу я подумать об этом и сообщить вам ответ завтра?

— Лили, я с нетерпением буду ждать вашего звонка.

— Спасибо, — мы обе кладем трубки, и я откидываюсь в кресле Дейла, оглядывая кабинет так, будто это самое нереальное, что со мной только что произошло. Думаю, что это самое невероятное, что случилось со мной.

Меня. Меня уже заманивают! Я не могу в это поверить. Наконец, когда до конца осознаю этот звонок, я возвращаюсь к своему столу в сказочном состоянии.

— Лили, — зовет меня Питер. Когда я подхожу к его двери, он оглядывает меня и хмурит свои брови. — Все в порядке? — спрашивает он.

— Я не уверена. Это было странно, нереально, но в то же время эйфорически.

— Что случилось? — обеспокоенно спрашивает он.

— Думаю, что мне предложили работу в издательстве.

— Ты думаешь? Что они сказали?

— Они хотят, чтобы я прилетела в Нью-Йорк для переговоров. Все расходы будут оплачены.

— Вау, — Питер так протяжно говорит «вау», что по моей коже бегут мурашки, и я начинаю улыбаться. — Какая возможность. И заниматься тем, что ты любишь. Ты должна поехать.

— Что?

— Ты должна поехать. Возьми с собой того симпатичного молодого человека, того, который заикается, и езжай в Нью-Йорк. Если по-другому никак, то просто, чтобы выслушать их, — я смотрю на Питера. Я всегда говорила, что босс держит руку на пульсе, и упоминание о Максе доказывает, что он многое знает.

— Она предложила встретиться на следующих выходных.

— Правда? У тебя как раз выходной в следующую пятницу и понедельник, — с уверенностью говорит он.

— Нет, у меня их нет, — я качаю головой, мысленно воспроизводя свой график. Но мои рабочие дни с понедельника по пятницу.

— Я даю их тебе. У тебя выходные со следующей пятницы по понедельник. Ты не можешь упустить такой шанс. Это может быть тем, чего ты хочешь, а может и не быть, но ты должна поехать и выяснить это.

— Но как же моя работа здесь?

— Ты издеваешься надо мной, Лили? Ты, без преувеличений, самый лучший личный ассистент, что у меня когда-либо был, но это место не для тебя. И никогда не было. Ты должна делать то, что любишь.

— Но я должна Дейлу деньги.

— Да, и судя по тому, что он сказал мне, ты уже почти покрыла долг за машину. Ты все равно будешь оплачивать ее, тебя не освободят от твоих обязательств. И к тому же, Дейл вышвырнет твою задницу из офиса в следующую пятницу, как только узнает, что тебе предложили такую возможность.

— Что делать, если мне не понравится то, что они скажут?

Питер встает из-за стола и подходит ко мне. Он кладет свою большую руку в морщинах на мое плечо и улыбается:

— Тогда ты скажешь: «Спасибо, но нет», и вернешься обратно. Но не делай этого только из-за страха перед тем, что может случиться. Потому что ты всегда будешь оглядываться назад и спрашивать себя «что, если». Твоя работа здесь в безопасности, она никуда не денется. Но, честно говоря, Лили, тебе пора начать делать то, что ты любишь.

Я чувствую, как слезы бегут по моим щекам, и просто киваю головой.

— Спасибо, Питер.

— Не за что. А теперь отправляйся домой. Увидимся в понедельник, когда ты войдешь сюда с самой красивой улыбкой, какая у тебя когда-либо была, потому что твоя рабочая неделя будет короткой, и ты поедешь в Нью-Йорк.

Всю свою жизнь я была окружена мужчинами, которые никогда не заботились обо мне, лишь только в своих собственных интересах. Сейчас я окружена джентльменами. Они не только заботятся обо мне, но и заставляют меня стать лучше, не беспокоясь о собственной выгоде.

— Я так горжусь тобой, — говорит Макс, поднимая меня на руки и кружа после того, как я рассказала ему о телефонном звонке. — Ты же поедешь, так ведь? — он ставит меня на ноги и проводит вверх-вниз своими руками по моим.

— Питер говорит, что я должна, хотя бы просто для того, чтобы выслушать их.

— Умный человек твой босс. Подожди, я заказал тайскую еду.

— Спасибо. Я не знаю, как ты думаешь, мне нужно ехать? — я подхожу к дивану и сворачиваюсь калачиком на краю, поджимая под себя ноги.

— Конечно, я думаю, что ты должна поехать. Может быть, это возможность всей жизни. Возможно, это шаг к чему-то большему, или, в конце концов, это может оказаться просто поездкой в Нью-Йорк на выходные. Но, в любом случае, ты не должна упускать такой шанс.

Я глубоко вздыхаю и смотрю на город. Мы в квартире Макса, и вид просто захватывает дух. Я раздражена и все еще не уверена в том, как поступить.

— В чем проблема? Что тебе мешает?

Я пожимаю плечами.

— Думаю, что это неизвестность. Что, если все закончится тем, что я не смогу этого сделать?

— Вполне понятное чувство. Но посмотри на это с другой стороны. Как долго ты этим занимаешься? С декабря? Сейчас апрель, и четверо из твоих авторов попали в список бестселлеров. *Четверо*. И один из них попал туда со своим дебютным романом. И если бы издатели не обратили на них внимания, то они бы не увидели твоего имени со словами благодарности в их книгах. И это заставляет их принять к сведению и задуматься об этом, ведь они считают, что ты улучшишь рукописи, над которыми будешь работать, и принесешь им прибыль. Значит, ты уже явно делаешь что-то правильно.

Я открываю бутылку воды и делаю глоток.

— Логично, — *я не могу не согласиться*.

— Что самое худшее, что может произойти? Ты начнешь работать на них, из этого ничего не выйдет, и тебе придется вернуться в супермаркет. У тебя по-прежнему будут авторы, которые не сотрудничают с издательством, и ты по-прежнему будешь заниматься любимым делом. Так что, на самом деле, я не вижу риска.

— Ты поедешь со мной? — спрашиваю я.

Челюсть Макса дергается, и я могу сказать точно, что он пытается сдержать улыбку.

— Ох, да, я могу поехать, — небрежно говорит он. Я знаю, что он играет мной и хочет, чтобы я попросила его еще раз.

— Тебе не обязательно это делать. Я могу поехать одна, — дразню я его.

Он вскакивает с дивана, подхватывает меня на руки и крепко обнимает.

— Я хотел бы поехать, Снежинка. Спасибо, что спросила, — его телефон начинает звонить, и он отпускает меня, чтобы достать его. — О, — говорит он в трубку серьезнее, чем выглядит. — Я вернусь через минуту, — он исчезает в коридоре и закрывает дверь.

Я иду на кухню, беру пару тарелок, вилок, ложек и подготавливаю все к ужину. Когда я заканчиваю, Макс возвращается. Он выглядит довольно взволнованным.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, подходя к нему.

— Это был частный детектив. Она уже едет сюда. Она сказала, что у нее есть для тебя пакет, содержание которого ты должна прочесть.

— Пакет?

— Слышно было не очень хорошо, Лили. Как будто что-то случилось. Я позвонил в службу безопасности и сказал им, чтобы они пропустили ее наверх. Она скоро будет здесь.

Неожиданно мой аппетит исчезает, и кажется, будто невидимые пальцы сжимаются вокруг моего горла, не позволяя мне нормально дышать.

— Хорошо, — говорю я, хотя вопроса задано не было.

Я снова сажусь на диван и пялюсь в никуда. Ни слова, ни картинки. Абсолютно ничего не имеет смысла.

— Лили, ты в порядке? — я медленно пожимаю плечами. Я не уверена. — Она скоро будет здесь.

— Хорошо, — бессмысленно говорю я.

— Я могу остаться здесь, пока ты будешь открывать то, что она тебе даст, или могу уйти.

— Нет, — говорю я слишком энергично. — Ты нужен мне здесь. Пожалуйста, не уходи.

— Значит, я не уйду, — он утешает меня, садится рядом со мной и притягивает в защитном жесте к своему боку.

После недолгого ожидания двери лифта открываются, и женщина входит в фойе. Я разглядываю ее и удивляюсь ее внешнему виду: она носит готическую одежду, на лице много пирсинга, и вся она покрыта татуировками. Мы оба встаем и подходим к ней.

— Макс, вот, держи, — она протягивает ему толстый желтый конверт, затем смотрит на меня и улыбается. — Ты очень красивая, — говорит она. Я не уверена, говорит она это, чтобы ослабить эффект того, что лежит внутри желтого конверта, или действительно думает, что я красивая.

Я пристально смотрю на конверт, мои глаза сосредоточились на нем. Чувствую, как кровь превращается в лед, как она проносится по всему телу, а кожа покрывается мелкими мурашками. Каждый волосок на теле встает дыбом, и часть меня хочет разорвать конверт и заглянуть внутрь него.

— Спасибо, — наконец, я могу выдавить ответ на ее комплимент. Я слышу, как Макс ее благодарит, а затем раздается сигнал лифта, что означает ее уход. Не уверена в том, что будет дальше, знаю только, что Макс ведет меня за собой, и мы садимся на диван.

— Ты готова? — спрашивает он. Конверт, который он кладет на стол, на первый взгляд безобиден, но я уверена, что он изменит мою жизнь.

— Готова, — шепчу я, расправляю плечи и сажусь прямо. Макс передает мне конверт, и я его разрываю.

Вытаскиваю стопку бумаг и пролистываю их, пытаюсь прочесть как можно больше. Но все, что вижу, это газетные заголовки: «несчастный случай» и «передозировка», «семья скорбит». Здесь так много бумаг, но ничего из этого не привносит ясности. Я смотрю на Макса, закрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов. Если я хочу все узнать, то должна начать с самого начала и дойти до конца. Только так я смогу понять.

— Я готова, — говорю я вслух. Может быть, во благо Макса, а, возможно, и для моего собственного. Я открываю глаза и смотрю на первый лист бумаги.

Это копия свидетельства о смерти моего отца. Он умер от тяжелого заболевания печени, вызванного хроническим злоупотреблением алкоголя. Умер четыре года назад. Он

не появлялся на работе пять дней, и они пришли к нему домой, чтобы узнать, что случилось. Они нашли отца, разлагающимся в его любимом кресле.

Дальше идут выписки из трудовой книжки отца, его полная медицинская история и все о нем. Я тут пролистываю большую кучу статей о папе, скрепленных скрепкой, и беру другую кипу бумаг. Здесь все о маме.

В заключение патологоанатома сказано, что она умерла от передозировки снотворным. В ее организме было найдено много лекарств, но, по сути, именно снотворное стало причиной ее смерти. И это признали «случайностью». Записи о моей маме уводят назад в прошлое и даже рассказывают о том, что мама с папой любили друг друга еще со школы.

Я продолжаю листать стопку и узнаю, что она любила английский язык так же, как и я. Она хотела стать учителем в начальной школе, но после двух с половиной лет учебы забеременела первым ребенком — Лили Андерсон — мной. Но мои глаза задерживаются на строчке с надписью «первый ребенок».

Если я была ее «первым ребенком», то должен был быть и второй. Но я не помню, чтобы был кто-то еще. В моих снах у меня был брат по имени Уэйд, но пока росла, я не слышала о нем ни единого упоминания и не видела ни одной его фотографии. Поэтому я всегда думала, что он был просто мечтой, фантазией, которую я создала, чтобы помочь себе справиться со всеми плохими временами.

Я проверяю остальные записи о маме, ищу что-нибудь, что рассказало бы мне о втором ее ребенке, но ничего не нахожу. Следующая пачка бумаг обо мне, но я не заинтересована в себе. Мне нужно узнать, что там есть еще.

На последней пачке газетных статей крепится заголовок: *«Малыш погиб в результате несчастного случая»*. Я бросаю оставшиеся бумаги и сосредотачиваюсь только на этой статье.

«Душераздирающая авария оставила семью скорбеть, когда трехлетний Уэйд Андерсон был сбит автомобилем возле собственного дома. При катастрофическом стечении обстоятельств его отец, Стэнли Андерсон, был именно тем, кто убил своего сына. Он ехал домой с работы, а Уэйд выбежал прямо перед автомобилем. Мистер Андерсон, не сумев вовремя остановить транспортное средство, сбил и мгновенно убил собственного сына».

Я смотрю на газетную статью в поисках чего-нибудь еще.

— Ты в порядке? — спрашивает Макс, сидя рядом со мной. Я слышу его и знаю, что он задал мне вопрос, но мозг не может понять его вопроса, и я не могу ответить.

Я смотрю вниз, на газетную статью: *«Лиана Андерсон, мать Уэйда, забежала внутрь, чтобы проверить свою старшую дочь, Лили, которая упала и позвала свою маму»*.

— Боже мой, — я бросаю бумаги и подношу руки к своим губам. — Я помню. Я все помню.

Будто фильм проигрывается в моей голове, я вспоминаю каждый момент, каждый звук, каждый запах, как будто проживаю это прямо сейчас. Я встаю с дивана и машинально иду к окну с видом на город. Огни города внизу красиво мерцают, так же, как суровая реальность возвращает воспоминания, играя ими в моей голове.

— Мы с мамой и Уэйдом были на улице, но мне нужно было сходить в туалет. Мы играли на заднем дворе. Папа сделал нам песочницу, и Уэйд, мама и я были там и строили замки из песка, — я улыбаюсь, вспоминая, какой капризной я становилась, когда Уэйд рушил мои замки. Вспоминаю тепло солнца на моем лице, и как мама смеялась каждый раз, когда он проводил свою маленькую ручку и ножку через мой замок. — Я зашла внутрь и

пошла в туалет, а мама осталась снаружи с Уэйдом. Когда я закончила мыть руки, то поскользнулась в ванной, потому что расплескала воду на пол. Стала звать маму, потому что ударилась локтем. Она быстро примчалась ко мне и когда промывала порез, мы услышали визг тормозов машины, — машинально я начинаю потирать локоть, вспоминая боль.

— Вот черт, — говорит Макс. Я удивленно смотрю на него, пораженная на мгновение, что он все еще здесь.

Затем я оборачиваюсь обратно к городским огням.

— Мама побежала во двор, я пошла следом за ней. Уэйд лежал под машиной, а папа стоял на коленях и плакал. Мама начала кричать и плакать, а я просто стояла и не понимала, что происходит. Соседи вышли из своих домов, чтобы посмотреть, из-за чего шумиха. Прежде чем я поняла, приехала полиция и скорая помощь.

— Как он выбежал с заднего двора на передний?

— Боковые ворота были на защелке, и если ее слегка подвинуть вправо, то они открывались. Папа всегда хотел отремонтировать их, но так и не сделал этого. Та ночь была самой худшей в моей жизни. Они сказали мне, что Уэйд умер. Несколько дней спустя мы похоронили Уэйда вместе с его любимым плюшевым мишкой, и я отдала ему свои любимые носочки. Он всегда хотел носить их. В эту ночь дома все изменилось.

— Сколько лет тебе было, Лили?

— Мне было шесть.

— Как все изменилось?

— Мы сидели за столом, ужинали, и мама была в ужасном состоянии. Я помню, что ее глаза были всегда красными от слез. Но в ту ночь мама сказала мне: «Если бы ты не позвала меня тогда, он был бы по-прежнему жив. Это ты должна была умереть. Отныне мы будем кормить тебя, но не думай, что когда-нибудь снова тебя полюбим». Когда она сказала мне все это, то перестала плакать и с этого дня больше со мной не разговаривала.

— Боже мой.

Следующее, что я чувствую, это тепло тела Макса рядом со мной. Он обнимает меня, поддерживая так, как может.

— С тех пор, как мне было шесть, и до недавнего времени я никогда не была частью семьи. Меня никогда не любили, меня никогда не хотели.

— Это потому, что они не были достойны твоей любви. Это был душераздирающий несчастный случай, они не должны были обращаться с тобой так, как они это делали. Ты была всего лишь ребенком, и это не твоя вина.

— Я знаю, — я плачу у него на груди. — Но как я могу справиться с этим теперь, когда все вспомнила? — я смотрю на Макса, в его сочувствующие карие глаза, проникающие в мою душу.

— Мы справимся с этим вместе. Позвони Кэтрин и договорись с ней о встрече, я пойду с тобой.

Я снова кладу голову ему на грудь и еще сильнее обнимаю его тело.

— Спасибо, Макс. За все.

Он целует меня в макушку и обнимает еще крепче. Ужин уже давно забыт, а мы остаемся в объятиях друг друга.

— Могу я поспать сегодня здесь? — спрашиваю я.

— Конечно, у меня есть комната для гостей. Ты можешь занять мою кровать, а я буду спать в гостевой комнате.

— Нет, не сегодня, мне нужно, чтобы ты был близко ко мне. Мы можем поспать в одной кровати, пожалуйста?

Он наклоняется и целомудренно целует меня в губы.

— Все, что угодно для моей Снежинки.

— Мы можем пойти в кровать прямо сейчас? Не думаю, что созрела для остальной части. Мне просто нужно все осознать.

Макс молча ведет меня в свою спальню, достает футболку и боксеры для меня и указывает на ванную комнату. Я раздеваюсь и просто стою под горячими струями воды в душе. Все еще с туманом в голове я выхожу, сушусь и переодеваюсь в одежду, которую он мне дал.

Макс лежит в кровати без футболки, в одних только боксерах. Его грудь покрывают замысловатые татуировки, но я все еще в оцепенении. Я даже не пытаюсь разобраться, что на них изображено и какой у них смысл. Просто заползаю под одеяло в объятия Макса и закрываю глаза.

Мои сны сегодня несчастны. Они не о светловолосом маленьком мальчике. В них нет никакой радости. Мой ночной кошмар сегодня обо мне, лежащей живой в призрачном гробу, пытающейся выцарапать себе выход наружу. Но моя мама набирает полную лопату земли, бросает в меня и говорит: «Я рада, что это ты».

***

Я толком не спала. Дремала и ворочалась, но не спала.

Наконец, в третьем часу ночи я вытаскиваю себя из постели. Макс храпит, и при этом довольно громко. Я иду в гостиную и просматриваю бумаги, которые существенно изменили мою жизнь. *Или, может быть, нет.*

Беру ту кипу бумаг, которая, как я знаю, никак на меня не повлияет. Мою. Снимаю скрепку и просматриваю все бумаги. Здесь все: мой брак с Трентом, трудовая история и прошлое в школе. Внизу пачки я нахожу запечатанный конверт, на котором черными чернилами написано мое имя. Я беру конверт и кладу все остальное рядом с собой на диван. Открываю конверт и достаю письмо.

Дорогая Лили.

Это самое трудное, что мне когда-либо приходилось делать. И я надеюсь, что однажды ты найдешь в своем сердце прощение для меня и твоей матери за то, как мы с тобой обращались.

Смерть Уэйда была вторым самым худшим несчастьем, которое случилось с нашей семьей. Первым было то, как мы обращались с тобой, нашей дочерью. Мы держались за нашу ненависть к тебе, потому что были слишком слабы, чтобы возложить вину на тех, кто действительно это заслужил — на твою маму и меня. Я должен был починить ворота, я знал, что они легко открываются. Но так этого и не сделал.

Твоя мама винила тебя, потому что ты позвала ее, но она знала, что не должна была оставлять Уэйда одного. Она начала пить, глотать таблетки, а затем принимать более

тяжелые наркотики, чтобы справиться с этим. Мой выбор зависимости пал на алкоголь. Ты знаешь, что чаще я выплескивал злость на тебя тогда, когда пил.

Я не мог справиться с тем, что сделал с Уэйдом. Я не видел, как он выбежал, и сбил его. Когда я вышел из машины, он плакал и звал тебя. Последнее слово, слетевшее с его губ, было «Лили», и я держал его на руках, пока он умирал. Я не мог с этим справиться и хотел забыть, но каждый раз, когда пил, единственное, что делал, это вспоминал то, как он сделал свой последний вдох на моих руках. Боюсь, что «прости» будет недостаточно за все, что я сделал с тобой. И никогда не будет достаточно. Потому что ни один отец не должен обращаться с дочерью так, как я обращался с тобой. Я не мужчина, Лили, даже не монстр. Я ниже этого.

К тому времени, как ты это прочтешь, я буду мертв. Как и должен был быть. Хочу, чтобы ты знала, что, хоть я и обвинял тебя, в этом никогда не было твоей вины. Ты никогда не должна была подвергаться всему тому ужасному, через что я заставил тебя пройти.

Я слышал сплетни, что ты теперь замужем и живешь в другом штате. Не уверен, насколько это правда, но надеюсь, что так и есть, и надеюсь, что ты счастлива. Я не пытался искать тебя, чтобы умолять о твоем прощении, потому что я не достоин твоего снисхождения.

Но я хочу сказать тебе вот что. Я сожалею. И я люблю тебя. Ты никогда не была глупой. И ты, определенно, не уродлива. Но самое главное, ты достойна. Ты достойна любви, достойна уважения и достойна счастья.

Я люблю тебя, Лили.

Папа.

P.S. Ты достойна.

Слезы падают на постаревшую, пожелтевшую бумагу, и я перечитываю письмо снова и снова. Теплая рука ложится на мое плечо, и я утыкаюсь в нее носом. Максимум не нужно ничего говорить. И я тоже не хочу говорить ничего.

Вместо этого я сижу на диване, скрестив ноги, и смотрю в окно.

Я еще не покидала квартиры Макса. Оставшись, я все время лежала на диване или в кровати, свернувшись калачиком. Макс пригласил к себе Шейн и Лиаму, и они пришли во вторник вечером. Шейн прочитала досье и все, что я слышала с ее стороны — были либо периодические вздохи, либо редкие «черт».

Макс позвонил Питеру и сказал, что меня не будет на работе в течение недели и объяснил причину. Питер предложил зайти проведать меня, но Макс дипломатично отказался.

Прошлым вечером Макс привел Кэтрин, чтобы она со мной поговорила. Она была здесь в течение нескольких часов, и Макс вел себя как истинный джентльмен, коим он и является. Он оставил нас одних, уйдя в мою квартиру, а затем, когда Кэтрин ушла, принес мне еды. Сегодня я снова начала есть. Наконец, после напряженного разговора с Кэтрин, я смогла начать осознавать все это.

— Я все еще хочу поехать в Нью-Йорк, — говорю Макс, который готовит мне что-то поесть.

— Мы можем поехать на следующей неделе.

— Нет, — я встаю с того места, где лежала, — мы поедем на этих выходных, — говорю я и вижу, как губы Макса расплываются в улыбке. — Я собираюсь позвонить Джолин.

— Хорошо, но я не путешествую вторым классом. Если они не могут купить нам билеты в первый класс, то я сам заплачу за них. И скажи ей... а знаешь, просто скажи ей, что я сам позабочусь о перелетах и проживании.

— Хорошо, — говорю я и направляюсь в спальню Макса, куда он принес мой ноутбук на случай, если мне захочется немного поработать.

Я захожу в электронную почту, быстро записываю номер Джолин, затем звоню ей. Администратор сразу же соединяет меня с ней.

— Лили, я думала, что вы не заинтересовались, — говорит Джолин, отвечая на мой звонок.

— Мои искренние извинения, у меня возникли некоторые семейные проблемы. Но сейчас все в порядке, и теперь я бы хотела принять ваше предложение приехать в Нью-Йорк, чтобы поговорить с вами. Да, и я сама позабочусь обо всех расходах на перелет и проживание.

— Отлично. Как думаете, вы сможете прийти к нам в офис в субботу?

— Да, смогу.

— Ладно. Как насчет десяти утра?

— Было бы замечательно, спасибо.

— Я пришлю вам адрес и список отелей поблизости.

— Спасибо, — мы вешаем трубки, я выхожу из комнаты и нахожу Макса, смотрящим телевизор. — Я сказала ей, что мы сами позаботимся о перелете и жилье.

— Отлично, я все устрою.

— Она отправит мне письмо с адресом и списком ближайших отелей.

— Хорошо. Подойди, присядь здесь, — он похлопывает по дивану рядом с собой, берет пульт и выключает телевизор. — Ты выглядишь лучше, — я подхожу и устраиваюсь у него

под боком.

— Я чувствую себя лучше, почти нормально. Во всяком случае, теперь я знаю, что не сделала ничего плохого. Но я хочу увидеть их могилы. Думаю, это нужно мне, чтобы оставить ту часть моей жизни в покое.

— Когда ты хочешь поехать?

— Сейчас, после того, как приму душ, — я встаю с дивана и потягиваюсь. Беру бумаги, где написан адрес кладбища.

— Я тоже пойду собираться. Но ты же понимаешь, что это добрых пять часов пути? — он встает и идет в сторону своей спальни.

Я киваю.

— Я вернусь в свою квартиру. Мне нужно помыться, переодеться и просто начать чувствовать себя самой собой.

— Хочешь немного подождать, и я пойду с тобой?

— Нет, я должна пойти и сделать это самостоятельно. Завтра утром я встречусь с Кэтрин, и хочу быть в состоянии сказать, что была там. Я не могу продолжать держаться за это, мне нужно двигаться дальше, — я наклоняю голову набок и поднимаю брови. — Или, по крайней мере, начать двигаться вперед.

— Независимо от того, что ты решишь, я буду здесь, — он целует меня в висок и позволяет уйти.

***

Я стою и смотрю на три небольших надгробия, испорченных граффити. Макс обнимает меня за талию.

— Это странно, — говорю я, продолжая смотреть на три могилы. — Я никогда не знала их любящими или даже действительно одним целым, но я чувствую что-то.

— Что ты чувствуешь?

— Как будто мое сердце разбито, как если бы часть меня была разодрана в клочья, и я больше не могу соединить ее воедино. Это странно, ведь я даже их не знаю, особенно Уэйда, но я люблю его.

Макс по-прежнему молчит, но прижимает меня ближе к себе, позволяя использовать свое тело для успокоения. В конце концов, я сижу на траве и просто смотрю. Макс отходит, давая мне уединение, позволяя сделать все, что нужно, чтобы справиться со всей этой ситуацией.

— Я никогда не знала тебя, Уэйд. На самом деле, никогда не знала никого из вас. Я жила с тобой, мамой и папой, но теперь знаю, что версия о тебе, с которой я жила, на самом деле не соответствует тому, кем ты действительно должен был быть.

Я вытираю безвольно скатившуюся слезу из глаз и продолжаю смотреть на надгробия.

— Ты снишься мне, — я издаю невеселый смешок. — Я вижу сны обо всех вас. Обычно мы устраиваем пикник и играем. Вы с папой гуляете, а мы с мамой сидим и играем среди высоких полевых цветов. Тебе нравится играть с моими волосами, мама. Ты всегда прикасаешься к ним и заплетаешь их, — я улыбаюсь, вспоминая свои прекрасные сны. —

Уэйд, вы с папой уходите и находите разные штучки, а когда возвращаетесь, ты всегда зовешь меня.

Я вытираю больше слез, льющихся из глаз.

— Я помню некоторые вещи. Например, как твои светлые волосы светились на солнце, как если бы у тебя был нимб. Помню, что ты не мог выговорить «Л» в моем имени, поэтому всегда звал меня Виви. Во сне я люблю слышать твой смех, и теперь я знаю, что это все не только мой сон.

Я приподнимаюсь, садясь на колени, и начинаю выдергивать сорняки с их могил.

— Теперь я знаю, то, что случилось с тобой, Уэйд, было несчастным случаем. Ты, как предполагалось, не должен был выбегать на улицу, и папа не хотел тебя убивать. В этом никто не виноват. Ни я, ни мама, ни папа, и совершенно точно в этом нет твоей вины.

Я делаю глубокий вдох и собираюсь с мыслями, чтобы сказать им то, что должна.

— Всю свою жизнь я считала себя никчемной. Когда я оставила тебя, папа, то ушла жить с Трентом. Он оказался чудовищем. Я думала, что была сломлена до того, как встретила его. Думала, что он нужен мне, чтобы сделать меня цельной. Но, в итоге, он разрушил меня. Сломил мой дух и разорвал мою душу.

Я смотрю вверх на темнеющее небо и вижу, как быстро надвигаются облака. Небо сереет, и солнце прячется за горизонт.

— Но я не виню вас, мама и папа. Я хотела... хотела бы сказать, что это из-за вас я была затянута в насильственные отношения. Но не могу. Это не ваша вина. Мы все пострадали от того дня, и все пострадали по-разному. Ты потерял свою жизнь, Уэйд. Мама и папа потеряли свой разум, а я потеряла себя. Но сейчас пришло время мне двигаться дальше, потому что из нас четверых я единственная, кто все еще дышит и имеет шанс двигаться вперед. Я не совершу ту ошибку, которую допустили вы, мама и папа. Я не позволю этому поглотить меня, пока оно окончательно не заявит на меня свои права. И за это я благодарю вас. За ценный урок, который вы мне преподали.

— Лили, мы здесь уже несколько часов, нам нужно возвращаться, — говорит Макс, опускаясь на колени рядом со мной.

— Еще пару минут.

Он кивает и целует меня в губы.

— Я буду ждать у машины.

Я поворачиваюсь и снова смотрю на их простые надгробия и решаю, что сделаю то, что они никогда не могли. Я собираюсь почтить их смерть и отдать им дань уважения, как последний оставшийся в живых член семьи.

— Я хочу, чтобы вы знали, не важно, что вы делали со мной, я всегда вас любила.

Встав с земли, я отряхиваю рыхлую землю и травинки с колен.

— В следующий раз, когда вернусь, я позабочусь о том, чтобы у вас были достойные надгробия. Пока, мама, папа и Уэйд, — я шлю им воздушный поцелуй. — Жаль, что я не знала всех людей, которые погибли в тот день.

Повернувшись, я направляюсь к Макс, по моему лицу бегут слезы.

— Ты готова ехать домой? — спрашивает Макс, провожая меня обратно к машине.

— Да, но я хотела бы сделать им достойные надгробия, а не эти маленькие и ничтожные.

— Я могу договориться об этом для тебя. Как только они будут готовы, мы можем вернуться, если хочешь.

— Спасибо. Не уверена, что смогла бы справиться с этим без тебя.

— Смогла бы, потому что ты самый сильный человек, которого я знаю, — он открывает дверь и ждет, пока я сяду, затем обходит машину. Макс забирается внутрь и сидит молча, глядя на меня. Думаю, он проверяет, в порядке ли я. Спустя несколько минут он заводит двигатель, и мы уезжаем.

Несмотря на то, что ничего не делала с прошлой недели, я морально измотана и истощена. Всю пятичасовую поездку я проспала.

— Проснись, Снежинка, — нежно толкает меня Макс.

— Мммм, — бормочу я, не в состоянии открыть глаза и держать их открытыми. Неожиданно я чувствую невесомость, как будто меня несут. Я обвиваю руками шею Макса и утыкаюсь в нее носом. — Спасибо, — шепчу я, глубоко вдыхая и укутываясь в его чудесный запах.

— Шшшш, Снежинка. Я держу тебя, — он тихо вздыхает. — Я держу тебя.

Я знаю, что мы в квартире Макса, потому что чувствую огромную разницу в размерах между его кроватью и моей. Его матрас плотнее, а кровать самая большая, которую я когда-либо видела. Хотя я и борюсь с дремотой, со сном, но вдруг неожиданно просыпаюсь.

Странно, да, я знаю. Я где-то между бодрствованием и сном, это то место, в котором вы оказываетесь, когда закрываете глаза, а ваш разум начинает гонку. Но если вы держите глаза открытыми, то все, что вы хотите делать — это спать.

Макс снимает мою обувь и ставит ее рядом со своей.

— Ты хочешь принять душ? — спрашивает он.

— Я бы хотела принять ванну, — говорю я, проводя руками по голове.

— Пойду, приготовлю ее для тебя, — он идет в свою огромную ванную, и я слышу, как течет вода. Он возвращается, берет футболку и боксеры, а затем несет их в ванную. Я наблюдаю за тем, как он делает все это для меня.

Когда ванна готова, он приходит и садится на кровать рядом со мной, поглаживая мое лицо.

— Твоя ванна готова. Я приглушил свет и включил спокойную музыку для тебя. Еще я хочу, чтобы ты что-нибудь поела. Так что могу сделать тебе какие-нибудь тосты или заказать еду с доставкой?

Я смотрю на него и восхищаюсь им. То, как он на меня смотрит, нежность его прикосновений и характер защитника, его желание заботиться обо мне — все это подталкивает меня в зону любви. Он действительно идеален.

— Спасибо тебе, Макс. Я знаю, что уже говорила тебе это прежде, но спасибо. Ты действительно идеален.

Он наклоняется и целует меня.

— Ты — моя Снежинка, и я сделаю все, что угодно для тебя.

— Я понимаю, как много ты отдаешь мне себя.

— И я хочу дать тебе намного больше. Но сейчас я хочу, чтобы ты пошла и насладилась своей ванной, — он протягивает мне руку и помогает встать с кровати. — Я приготовлю тост, — добавляет он, хотя я так и не ответила ему. Но тост подходит замечательно, потому что это единственное, что я могу переварить.

Я вхожу в ванную комнату, раздеваюсь и погружаюсь в огромную ванну. Теплая вода окутывает меня и успокаивает. Почему томление в теплой воде с успокаивающей музыкой и приглушенным светом так хорошо ощущается? Я понятия не имею, но упиваюсь

расслабленностью и комфортом этого момента.

Когда я выхожу, то чувствую себя намного более расслабленной и спокойной, как если бы каждая проблема была стерта, и у меня осталось теплое, воздушное чувство, которое можно определить как счастье. Я захожу на кухню, где Макс готовит тосты и горячий шоколад.

— С двойной порцией зефира, — говорит он, глядя на одну из чашек горячего шоколада.

— Спасибо, как раз то, что мне нужно, — я сажусь на табурет за барной стойкой и смотрю на Макса, намазывающего на два тоста арахисовое масло. — Спасибо, — говорю, когда он ставит тарелку передо мной.

— Я бы хотел, чтобы ты больше съела. С тех пор, как мы получили тот конверт, ты ела не так уж много, и я начал волноваться.

— У меня есть ты, чтобы позаботиться обо мне.

Он усмехается мне, и мы едим в тишине, просто отдыхая под тихую мягкую музыку, которая звучит по всей квартире Макса. Когда мы заканчиваем, то решаем оставить все, как есть, и отправляемся спать. Почистив зубы, мы забираемся в постель вместе. Как только мои глаза начинают закрываться, Макс прижимает меня ближе к своему теплому телу.

— Когда-нибудь ты расскажешь мне о своих татуировках? — спрашиваю я, кладу свою голову ему на грудь, и он нежно проводит своей рукой сквозь мои волосы.

— Тут нечего рассказывать. Я хотел их, и я их сделал. Тигра набил потому, что нахожу его сильным и благородным животным. Феникса сделал потому, что мне нравится, как он может восставать из пепла и быть сильнее, чем прежде.

— Вау. Для тебя все дело в силе.

— Силе духа. А теперь, шшш, тебе нужно рано вставать завтра утром. Ты встретишься с Кэтрин, а затем мы улетим в Нью-Йорк.

Мои глаза уже закрыты, и я едва могу разобрать любые звуки. Усталость сегодняшнего дня одолевает меня. Я засыпаю и сплю самым мирным сном, который у меня был за долгое время.

— Я люблю тебя, — говорит мне Макс в моем сне.

— Я люблю тебя, — отвечаю я.

— Как прошла твоя встреча с Кэтрин? — спрашивает Макс, пока я пытаюсь устроиться в своем кресле.

— Гм, — я так взволнована. Впервые в жизни я нахожусь в самолете. — Ты уверен, что все это безопасно? — спрашиваю я, совершенно забыв о том, что Макс задал мне вопрос. Логически я понимаю, что вероятность крушения практически равна нулю, но это не мешает нервам танцевать чечетку у меня внутри.

— Расслабься, все будет хорошо, — Макс хватается меня за руки. — Ты дрожишь, — говорит он, сильнее сжимая мою руку.

Я осматриваю самолет, подмечая все выходы, и смотрю выше, чтобы узнать, где находится мой спасательный жилет.

— Я никогда раньше не летала в самолетах.

— Возможно, это твой первый раз, но он точно не будет последним. Успокойся. Когда самолет взлетит, я возьму тебе выпить.

Мой взгляд мечется по салону.

— Хорошо, — говорю я, и, наконец, усаживаюсь на своем месте.

— Дамы и господа, пожалуйста, приготовьтесь к взлету, — говорит командир по громкоговорителю.

Я бурно реагирую на его сообщение. Чувствую, что меня сейчас стошнит, сердце выпрыгивает прямо из груди, и ком размером с Техас застрял в моем желудке.

— Тебе нужен гигиенический пакет? Ты выглядишь очень бледной, — предлагает мне Макс и зовет стюардессу.

— Я думаю, это отличная идея. Я не в лучшей форме, — говорю я.

— Сэр, чем я могу вам помочь? — говорит Макс милая блондинка.

— Воздушную подушку, пожалуйста.

Она смотрит на Макса, прищурившись, как будто он говорит на древнем языке. В такие моменты я понимаю, насколько сильно может заикаться Макс. Она не понимает, что он говорит, в то же время я больше не слышу его заикания.

— Меня сейчас стошнит, — говорю я, прежде чем Макс снова все повторит и неловко себя почувствует из-за того, что она изо всех сил пытается его понять.

Стюардесса возвращается с двумя очень плотными белыми пакетами и вручает их мне.

— Я могу помочь вам чем-нибудь еще? — участливо спрашивает она. Я качаю головой и возвращаюсь к концентрации дыхания.

Через несколько минут самолет взлетает, и я цепляюсь за руку Макса так, будто мы падаем. Мы взлетаем и начинаем парить в воздухе, и прежде, чем я это понимаю, мои уши ужасно закладывает. Я зеваю и зеваю, пробую все. Наконец, зажав нос и сжав губы, я выдыхаю воздух, и уши отпускает.

— Так-то лучше, — говорю я с облегчением от того, что в голове снизилось давление.

Макс сидит рядом со мной, безмолвно страдая от того, как мои ногти впиваются в него, и наблюдает за мной, пока я пытаюсь акклиматизироваться к давлению в салоне самолета. На его лице, конечно же, лукавая ухмылка, и выглядит он очень удивленным моей абсолютной неопытностью в полетах.

— Лучше? — спрашивает он, когда у меня больше не закладывает уши.

— Да. Но не помешало бы чего-нибудь выпить. Немного воды.

Макс нажимает кнопку вызова и, когда стюардесса подходит к нам, я заказываю воды для нас обоих. Она довольно быстро возвращается, я открываю свою бутылку воды и выпиваю практически половину за раз.

— Хочешь пить? — Макс многозначительно смотрит на мою бутылку воды.

— Нервничаю, — отвечаю я.

— А сейчас расскажи мне о Кэтрин. Как все прошло?

— Очень хорошо. Я рассказала ей обо всем, показала письмо, которое написал мой отец. Она сказала, что я хорошо справляюсь, и знаешь, что? Я чувствую, что это на самом деле так. Она говорит, что это потому, что я готова двигаться дальше, но просто нужно немного помощи на моем пути. Я не думаю, что когда-нибудь смогу обойтись без встреч с ней, но мне кажется, что я, возможно, смогу справиться со всем этим, не видя ее каждую неделю. Но сейчас я, правда, думаю, что нуждаюсь в ней и в том, как она помогает мне все понять.

Макс отпивает своей воды.

— Но ты всегда была старше своих лет. Возможно, этот день наступит скорее раньше, чем позже.

Я почти смеюсь и оглядываюсь вокруг себя. Места в первом классе расположены не слишком близко друг к другу, но достаточно близко для того, чтобы другие люди услышали все, если мы будем говорить обычным тоном. Я понижаю голос и отвечаю:

— Это потому, что я была вынуждена повзрослеть и стать настолько самостоятельной, насколько могла в столь юном возрасте. Я, может быть, и зрелая, но пропустила очень много всего. До сих пор я никогда не летала на самолете, и на лодке, кстати говоря, не каталась, и даже на поезде не ездила. Я никогда не была в парке аттракционов, в театре и даже музее. Я никогда не ходила на экскурсии в школе и не была на своем выпускном балу. Я никогда не делала тех вещей, которые формируют из нас тех взрослых, какими мы являемся. Вместо этого я сама готовила себе обед в шесть лет. После смерти Уэйда мама отвезла меня в школу, а потом сказала, чтобы я сама нашла себе путь домой и обратно в школу. Когда в восемь лет у меня появились вши, ими заразились все в школе, я сама подстригла себе волосы, потому что не знала, как их вывести. У меня была одна и та же зубная щетка в течение многих лет, и, наконец, я получила новую, когда умерла моя мама, потому что я взяла ее щетку. Ребенок не должен был проходить через все это, но я прошла.

Макс поднимает руку и, обхватив мое лицо, нежно проводит большим пальцем под левым глазом. Я закрываю глаза и погружаюсь в его мягкие, теплые прикосновения.

— Ты такая сильная, Снежинка.

— Спасибо.

Открыв глаза, вижу его горячий, потемневший пристальный взгляд, сосредоточенный на мне.

— Я рад, что ты попросила меня поехать. Потому что я тоже кое-что запланировал, что мы будем делать на выходных. Нью-Йорк красивый и вечно занятой город. Ты не видела ничего подобного прежде. Везде люди и желтые такси и, Боже мой, они везде, куда ни глянь. Я распланировал несколько насыщенных дней для нас. Но сегодня, когда мы доберемся до нашего отеля, все будет легко и приятно. Только массаж, а затем ужин.

Я улыбаюсь Максиму.

— Ты будешь делать мне массаж?

Макс ерзает в кресле, ему явно неудобно.

— Аааа... нет... я записал тебя к массажисту в отеле. Я не уверен, что смог бы так прикасаться к тебе, — открыто признается он мне.

— Извини, — говорю я.

— В любом случае, я запланировал кое-что для нас.

— Спасибо.

***

Вчерашний массаж был самым лучшим, что я когда-либо испытывала в жизни. Женщина, я забыла ее имя, обладает волшебными руками. Когда она начала разминать мою спину и плечи, я закрыла глаза от удовольствия. Затем она перешла к моим ногам, и клянусь, что я заснула.

Вернувшись в наш номер, я дрейфовала на волнах блаженства. Я полюбила это, каждый момент. И хотя Макс забронировал столик в ресторане отеля, в итоге мы заказали обслуживание в номер и рано легли спать. Макс забронировал нам номер-люкс с двумя комнатами и двумя отдельными кроватями, сказав, что не хотел, чтобы я подумала, будто он пользуется ситуацией.

А теперь мы сидим и ждем встречи с Джолин, чтобы познакомиться. Макс предложил остаться в отеле, но я чувствую себя лучше, зная, что он здесь, рядом со мной. Мы ждем в конференц-зале на пятнадцатом этаже, и я нервничаю. Я вытираю вспотевшие руки о брюки, затем беру воду, которую нам предложили, и делаю глоток.

— Все будет хорошо, — ободряюще говорит Макс.

— Я знаю, я просто нервничаю и, вроде как, слегка взволнована.

Эта крошечная женщина не больше офисных полутораметровых кулеров. У нее строгая стрижка боб и очки в красно-синей оправе.

— Вы, должно быть, Лили. Я так рада с вами познакомиться, — говорит она, когда подходит ко мне и протягивает руку в приветствии.

Я встаю и пожимаю ее руку.

— Джолин? — спрашиваю я.

— Так приятно с вами познакомиться. А кто же этот очень симпатичный молодой человек? — говорит она, разглядывая Макса. Она, возможно, и не высокая, но она — сила, с которой нельзя не считаться. Ей около шестидесяти лет, но могу сказать точно, что она из тех людей, которые ничего не боятся.

— Макс Стерлинг, мэм, — представляется он медленно и осторожно.

— О, он мне нравится, он называет меня «мэм». Продолжайте в том же духе, молодой человек, — она садится рядом со мной и кладет файл на стеклянный стол. — А теперь о вас, Лили. Вы моложе, чем я думала.

— О, хм, ладно, — я кошусь на Макса, не зная, как реагировать. — Спасибо? — это больше вопрос, чем утверждение.

— Это хорошо, очень хорошо, — она открывает файл и начинает читать его. Опять же, я

не знаю, что думать. Чудно — слово, которое я бы, несомненно, использовала. — Это список ваших книг, да? — она протягивает мне бумаги, и я вижу их все.

— Это мои книги, вернее, книги, над которыми я работала, — поправляю я себя.

— Все эти книги вошли в список. И я подмечаю, когда вижу одно и то же имя в благодарностях за вычитку и редактуру. И кажется, что это ваше имя.

— Мне повезло. Все мои клиенты были исключительными.

— Видите ли, вот что я делаю. Я выискиваю тех, кто собирается стать звездой: авторов, редакторов, художников-оформителей, как вы их называете. Смотрю и изучаю. Теперь возьмите Микаэлу. Ее первая книга стала бестселлером, и я уверена, что вы уже закончили работу над ее второй книгой, верно?

— Да, мэм.

— Это то, что я знаю. Мы заключили с ней контракт, и она подписала все документы. На самом деле, она улетела только две недели назад. Я попросила у нее оригинал рукописи, прежде чем она отправила его вам, затем попросила ваши правки по обеим книгам. Она была очень рада предоставить мне их. Я просмотрела ее рукопись, ваши правки, и вот на что обратила внимание. Ее книга была хорошим материалом, но то, что вы сделали с ней, предложения, которые вы внесли, были потрясающими, и, честно говоря, я нашла одну ошибку, которую вы допустили.

— Вы нашли ошибку? — спрашиваю я в ужасе. — Боже мой, — я прижимаю руку к лицу, мне моментально становится стыдно.

— Все хорошо, — шепчет Макс, сжимая мое колено под столом.

— Ха, — Джолин смеется. — Дорогой Макс, это больше, чем хорошо. Потому что мы бы отправили рукопись как минимум трем редакторам, двум корректорам, и иногда там все равно могут оставаться ошибки. Вы сделали все это одна, а это требует большого таланта.

Улыбаясь, я говорю:

— Спасибо.

— О нет, дорогая, вы так просто не отделаетесь. Я думала, что вам это удалось совершенно случайно, поэтому я попросила свою команду разгромить все книги, над которыми вы работали. Я должна была убедиться, что если предложу вам работу, то вы будете так же хороши, как я думаю. У меня были все книги, над которыми вы работали, они все были полностью разобраны. Каждая строчка, каждое слово.

Волосы у меня на затылке встают дыбом, и я чувствую себя плохо. Неожиданно появляется чувство, что поездка в Нью-Йорк была не лучшей идеей.

— О, — говорю я, не в силах произнести что-то более приемлемое.

— И вот, что я нашла. Во всех этих книгах, — она указывает на бумаги на столе, — в общей сложности, вы допустили пятнадцать ошибок.

— Как неловко, — шепчу я.

— Вовсе нет. Это фантастически! Это значит, что у вас зоркий глаз на детали, и что вы проделали отличную работу. Я работаю в этой отрасли уже давно, если вы не заметили, и видела, как все неожиданно меняется. Все постоянно развивается, но единственное, что неизменно редко можно встретить — это редактора с зорким глазом на детали и умением направлять историю, чтобы изменить ее от хорошей до исключительной. И именно поэтому я хочу вас. Я готова вести переговоры.

— Вы?

— Да. Поэтому скажите мне, Лили Ричардс, чего вы хотите?

— На самом деле, это не мое имя. Лили — да, а Ричардс — нет. Мне пришлось взять псевдоним, — это единственный способ объяснить все, не вдаваясь в подробности, почему я не использую свое настоящее имя.

— В этом есть смысл, потому что когда я искала информацию о Лили Ричардс, то ничего не нашла. Что приводит нас к тому, почему вы здесь. Где бы вы ни работали сейчас, я предлагаю вам на десять процентов больше того, что вы зарабатываете на данный момент.

— Я — личный помощник.

Джолин закатывает глаза и встряхивает рукой.

— И ваш талант тратится там впустую. Я хочу вас, Лили. Я хочу, чтобы вы работали на нас и делали то же, что вы сделали здесь, — она дважды стучит по стеклянному столу по верху списка книг.

— Но у меня нет образования, чтобы быть редактором.

— У вас, моя дорогая Лили, есть нечто более ценное, чем образование. То, что не может быть выучено или усвоено. У вас есть элементарное понимание истории и то, где ее можно улучшить. Итак, чего же вы хотите? Я дам вам отдельный кабинет и личного помощника.

— Подождите, я не перееду сюда, — говорю я, резко падая с небес на землю. Потому что я ни за что не перееду. — Простите, наверное, я неверно поняла наш первый разговор, но в нем ничего не говорилось о переезде.

Джолин расслабляется и небрежно закидывает левую руку на спинку стула.

— Я думала о том, что раз вы не местная, о чем узнала от Микаэлы, то можете отказаться переехать сюда. Думаю, что могу придумать альтернативу. Вы можете делать все по телефону и электронной почте, прилетать сюда раз в месяц, таким образом, мы сможем контактировать, и здесь для вас у меня будет ваш личный помощник, — она торжествующе мне улыбается.

— Это очень щедрое предложение. Если я приму его, смогу ли редактировать книги, не связанные с вашей компанией, я имею в виду, выполнять работу, которая не будет помехой моей работе здесь.

— Нет. Вы будете работать на нас, и вся ваша работа будет проходить через нас.

— Понятно, — говорю я. — Спасибо за ваше предложение. Думаю, мне понадобится немного времени, чтобы все обдумать.

Я встаю, Макс следом за мной, а затем и Джолин.

— Если вам предложит работу кто-то еще, обязательно вернитесь ко мне и сообщите об этом предложении, — она протягивает руку и пожимает сначала мою, а потом руку Макса.

— Спасибо.

— Спасибо, — говорит Макс, и мы уходим.

Мы выходим на улицу, и я делаю глубокий вдох.

— Вау, — говорю я, обращаясь к Макс, пока мы возвращаемся в наш номер в отеле.

— Как ты к этому относишься? — спрашивает он.

— Честно говоря, мне было довольно трудно слушать комплименты. И ее предложение было хорошим.

— Просто хорошим?

Я пожимаю плечами, когда мы идем по тротуару.

— Она предлагает на десять процентов больше того, что я зарабатываю сейчас, и я не смогу брать какую-либо дополнительную работу лично для себя. Поэтому, думаю, что, в конце концов, заработок получится меньше, чем я зарабатываю сейчас.

— Я чувствую одно «но».

— «Но» — это то, что я буду заниматься любимым делом. И тем, к чему, по ее мнению, у меня есть талант.

— Тогда попроси больше денег.

— Я не могу.

— Пойдем выпьем кофе. Или, в твоем случае, горячий шоколад, — Макс указывает на небольшой буфет и открывает для меня дверь. Мы находим столик в задней части, и пока Макс идет к прилавку, чтобы заказать наши напитки, я сижу и смотрю на город.

Сегодня субботнее утро, и улица выглядит переполненной людьми, снующими повсюду. Пока жду Макса, размышляю о том, смогу ли я переехать сюда. Очевидно, что возможностей здесь больше, но смогу ли я на самом деле собраться и оставить единственную семью, которую знаю, и переехать?

— Пенни за твои мысли, — говорит Макс, ставя на стол кружки на вынос. — У них нет зефира.

Я смотрю на него так, будто он говорит на иностранном языке.

— У кого нет зефира для горячего шоколада? — спрашиваю я, забирая чашку и дуя в нее, прежде чем отпить. — Я думала о том, что Джолин предложила мне работу здесь, в Нью-Йорке. И задалась вопросом: смогла бы я на самом деле переехать?

Лицо Макса не дрогнуло, хотя уверена, что он не был счастлив услышать это.

— Смогла бы? — спрашивает он, размешивая свой кофе.

Я качаю головой.

— Потому что здесь очень суетливо?

Я снова качаю головой.

— Нет, хотя я не очень заинтересована тем, каким беспокойным все тут кажется. Я имею в виду, что мы в буфете всего пару минут, а я уже устала смотреть на то, как все торопятся. Но нет, это не та причина.

— Тогда в чем причина? — он поднимает кружку и пробует свой кофе. — Боже, он отвратителен.

Я улыбаюсь и затем отвечаю.

— Потому что у меня никогда не было семьи. А сейчас, когда она у меня есть, я не хочу ее отпускать. У меня есть Шейн, Лиам и ты.

Макс наклоняется и накрывает мою руку своей.

— Спасибо, — говорит он.

Я улыбаюсь ему и поворачиваюсь к окну, чтобы наблюдать за суетой города, который никогда не спит.

***

Немного вздремнув после обеда, я понежилась в ванной в нашем номере. Макс спустился вниз, потому что ему «нужно кое-что сделать» и сказал, что вернется через час или около того. Воспользовавшись этим, я приняла ванну.

Вернувшись, он был необыкновенно тих, сам на себя не похож. Но я не приставала к

нему в попытке выяснить, в чем дело. Изучив Макса, я знала, что он бесподобен в общении, и если ему нужно что-то сказать, то он скажет. Подталкивание его сказать мне, что случилось, приведет к тому, что он скажет, что с ним все в порядке.

— Пошли, мы опаздываем, — говорит он. Я выхожу, и глаза Макса загораются, когда он видит меня. — Ты прекрасна, — он подходит ко мне, выглядя достаточно изысканно в своем сшитом на заказ костюме.

— Спасибо.

— У тебя есть пиджак или кардиган, который можно взять с собой?

Я надела черные брюки, туфли на низком каблуке и топ, который Шейн убедила меня купить, потому что он «выглядит на тебе очень горячо». Это черный корсет с красной лентой.

— Да, подожди, я возьму его.

Я надеваю его и возвращаюсь к Максиму.

— Ты уверен, что я хорошо выгляжу?

— Ты выглядишь намного лучше, чем просто хорошо, — он наклоняется и целует меня в губы. — Давай, Снежинка, пойдём.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, когда мы входим в лифт и спускаемся вниз.

— Я не могу сказать этого, но тебе понравится.

Он выводит меня через центральный вход, и мы переходим улицу, где нас ожидает конный экипаж. Человек в цилиндре и костюме держит дверь кареты открытой.

— Добрый вечер, мистер Стерлинг, мисс Андерсон. Я надеюсь, вам понравится Центральный парк.

— Центральный парк? — визжу я от восторга, слегка подпрыгнув, чтобы забраться в карету.

— Центральный парк, — подтверждает Макс, забираясь в карету и садясь рядом со мной.

Поездка начинается, и мои глаза широко открыты, пока я осматриваю все достопримечательности. Внешняя петля Центрального парка безумно захватывающая. Я чувствую себя принцессой, когда Макс наливает нам шампанское, а лошади рысью бегут вперед в своей величественной красе.

— Я никогда не видела ничего подобного прежде, — говорю я в восхищении.

— Это самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел, — я поворачиваюсь, чтобы увидеть, на что смотрит Макс, и это я. — Я хочу сказать тебе кое-что, Лили. И хочу сказать тебе это сейчас, потому что так я буду знать, что ты запомнишь это до конца жизни.

— Что?

— Я люблю тебя. Думаю, что полюбил тебя с того момента, как впервые увидел, а, возможно, даже и раньше. Ты совершенна, прекрасна и уникальна. Точно так же, как снежинка, — я провожу рукой по его щеке, чувствуя пробивающуюся щетину. Я открываю рот, но Макс поднимает руку вверх. — Пожалуйста, не говори ничего. Я просто хочу, чтобы ты знала, что я чувствую, — он наклоняется и нежно меня целует.

Я понимаю, о чем он говорит. Он знает, что я через многое прошла и понимает, что я не готова сказать эти три важных слова. Потому что, как только я скажу это, то это на всю оставшуюся жизнь.

— Спасибо, — шепчу я.

— Мы идем в театр посмотреть «Матильду», а потом я приглашаю тебя на ужин.

(Примеч.: «Матильда» — мюзикл, основанный на сказках Роальда Даля).

— Это будет не слишком поздно?

— Это не школьный вечер, — он усмехается и целует меня в висок.

Я облакачиваюсь на Макса, наблюдая за городом, и знаю, что я счастливее, чем когда-либо была.

— Лили, — Питер вызывает меня в свой кабинет.

— Питер, я нужна тебе?

— Два вопроса. Ты приняла решение по поводу Нью-Йорка? И еще, внизу стоят два полицейских, которые хотят встретиться с тобой.

Холод мгновенно окутывает меня, и неожиданно я чувствую себя плохо.

— Что? — говорю я, быстро отступая и прижимаясь к стене.

— Боже мой, Лили. Присядь, — говорит Питер, выбегая из-за стола и помогая мне сесть на стул напротив него. — Хочешь воды?

— Полиция? Почему они здесь? О, Боже мой, Макс, мне нужно позвонить ему и убедиться, что все в порядке. И Шейн, и Лиаму, — я начинаю паниковать, не могу поверить в то, как бурно реагирую.

— Успокойся. Все в порядке. Я могу позвать их и побыть здесь с тобой.

Я решительно киваю головой, не в состоянии что-либо сказать. Питер обходит стол вокруг и берет телефонную трубку.

— Дейл, внизу возле касс стоят двое полицейских, которым нужно поговорить с Лили. Не мог бы ты пойти позвать их и принести бутылку воды? В моем холодильнике нет ни одной, все закончилось, — он слушает секунду, а затем добавляет, — через минуту.

— Чего они хотят? — спрашиваю я Питера.

Конечно, мой вопрос бесполезен. Я знаю, что он ничего не знает, иначе он бы мне сказал.

— Лили, ты хочешь, чтобы я позвонил твоему парню и попросил его приехать?

— Он работает, но что, если это из-за него? Что, если что-то случилось? О, Боже, мне плохо, — я хватаюсь за живот и часто дышу, поскольку сжимаю живот слишком сильно.

— Лили, это детектив Харрис и детектив Джонс, они хотят задать тебе несколько вопросов, — представляет Дейл двух женщин-полицейских. — Питер, — Дейл кивает головой, говоря Питеру уйти.

— НЕТ! — кричу я слишком громко. — Пожалуйста, им не нужно уходить, не так ли? — спрашиваю я детективов Харрис и Джонс.

— Мэм, если вам будет удобнее, чтобы они остались, то все в порядке. Но мы должны сказать, что это весьма деликатный разговор, — говорит та, что представилась как Харрис.

— Они могут остаться, — я смотрю на Питера и Дейла и прошу их. — Пожалуйста, вы можете остаться?

— Конечно, — говорит Дейл и идет в противоположный угол комнаты. Питер садится в кресло, и двое полицейских проходят внутрь.

— Не хотите ли вы закрыть дверь? — спрашивает Джонс, глядя позади себя.

— Никто не приходит сюда, кроме меня и Лили. И иногда Дейла, — отвечает Питер.

— Хорошо. Лили, вы в порядке? Вы очень бледная.

— С Шейн, Лиамом и Максом все в порядке?

Две женщины смотрят друг на друга, а затем на меня.

— Мы сожалеем, но мы не знаем, кто это.

Мгновенно я расслабляюсь. Мои плечи опускаются, и я делаю глубокий вдох.

— Пожалуйста, продолжайте, — говорю я после нескольких секунд, которые мне понадобились, чтобы успокоиться.

— Вы знаете Трента Хэкли? — спрашивает одна из них.

И так же быстро, как я расслабилась, каждый мускул в моем теле напрягся снова.

— Он мой бывший муж, — говорю я, глядя в пространство между ними.

— Лили, ты в порядке? — спрашивает Питер. Я киваю, хотя чувствую себя плохо.

— Вы можете рассказать нам об отношениях, которые у вас были с Трентом?

Я начинаю качать головой прежде, чем она заканчивает вопрос.

— Я не хочу, — шепчу я. — Я не могу... проходить через это снова.

— Проходить через что, мисс Андерсон? — Харрис садится на корточки передо мной и спрашивает мягким голосом.

— Почему вы спрашиваете меня о нем?

— Нам нужно узнать некоторые детали, потому что это поможет нам с расследованием.

— Расследованием? — спрашиваю я, глядя на Питера, потом на Дейла. — Я — часть этого расследования? Я сделала что-то не так?

— Нет, вовсе нет. Трент втянул себя в неприятности, и нам нужно знать, каким он был с вами.

Я качаю головой и пожимаю плечами.

— Я не понимаю. Что он сделал?

Я не буду говорить им ничего, что может смутить меня еще больше, не зная, что они на самом деле делают здесь.

Харрис поворачивается, чтобы посмотреть на Джонс, и та ей слегка кивает.

— Трент избил свою жену.

— Подождите. Что? Жену? Мы развелись около двух месяцев назад. Кто... как? — мои вопросы больше похожи на мысли вслух. На самом деле, я не жду на них ответа.

— Вы знаете Одри Миллер, ныне Одри Хэкли? — спрашивает Харрис.

— О, Боже мой, — мне плохо. — Я знаю ее со времен средней школы, — я подозревала, что у них с Трентом был тогда роман. — Она вышла за него замуж?

— Они были вместе уже несколько лет. Она переехала сюда, чтобы быть с ним.

— Пока мы еще были женаты, — шепчу я, когда все части головоломки начинают вставать на свои места.

— Да. Мне жаль, — говорит Харрис с другого конца комнаты.

— Лили, все, что вы можете рассказать нам о Тренте, поможет нам в нашем расследовании против него.

— Что он с ней сделал? — тихо спрашиваю я, глядя детективу прямо в глаза.

— Он сломал ей челюсть, таз, разодрал руку и разбил голову так, что ей потребовалось накладывать швы.

— Не говорите мне больше ничего, — шепчу я. — Я не могу слышать о том, что он сделал, — мгновенно меня бросает в воспоминания о том, как он избил меня в последний раз, как продолжал бить меня головой о холодильник. Поднимая руку, я касаюсь места на голове, где были швы. — Мне плохо, — говорю я, встаю и бегу в уборную.

— Лили, — Питер окликает меня. Но я продолжаю качать головой, пока бегу в уборную, открываю туалетную кабинку, и меня рвет в унитаз. Меня рвет снова и снова. И, когда в моем желудке ничего не остается, я сажусь на пол, сворачиваюсь клубочком и начинаю плакать.

— Лили, — говорит тихо Джонс, подходя к уборной.

— Уходите, дайте мне пару минут, — успеваю сказать я, пока рыдаю.

— Я просто хочу рассказать вам историю. Это нормально, если я сделаю это?

Сквозь слезы я шепчу:

— Да.

— Я хочу рассказать вам о девушке, которая еще в средней школе влюбилась в спортивную звезду школы. Он был популярен и хорош собой, все девушки хотели с ним встречаться, и, как говорится, все парни хотели быть им. Но он положил глаз на эксцентричную девушку, и они оказались вместе.

— Это красивая история, — говорю я через дверь, когда беру себя в руки и сажусь на крышку унитаза.

— Была, пока он не решил, что хочет, чтобы она делала то, чего не хочет сама.

— Что он хотел от нее?

— Он хотел, чтобы она продавала свое тело. Он думал, что так она сможет заработать для него больше денег.

— Боже мой, — говорю я, выходя из кабинки, и иду умыться лицо и руки. — Что с ней случилось?

— Она начала делать это, потому что думала, что так он будет любить ее больше. Но когда она не зарабатывала для него достаточно денег, он ее избивал, чтобы заставить работать усерднее.

— Боже мой, — говорю я, поднимая взгляд на нее.

— Но после нескольких лет запугиваний и избиений она, наконец, поняла — то, что он делал, было далеко от любви.

— Вы спасли ее? — спрашиваю я, вытирая руки и опираясь на стену уборной.

— Нет, Лили, я не спасла ее. Она сама себя спасла. Она приняла осознанное решение изменить свою жизнь, принять свое прошлое и двигаться дальше — в будущее. Она также, наконец, поняла, насколько она сильна как женщина и заявила на этого жалкого сукина сына. Она пошла в суд на слушание его дела, встала с расправленными плечами и гордо поднятой головой и дала показания против него.

— Вау, — я смотрю на ее обувь, избегая смотреть ей в глаза. — Что с ней случилось?

— Почему вы не спрашиваете, что случилось с ним?

— Потому что верю, что с ним разобрались в судебном порядке.

Уголки ее губ приподнимаются в полуулыбке, и она говорит:

— Вы смотрите на нее.

Мои руки покрываются мурашками, и я застываю, восхищенная ею.

— Вау.

— Вы можете сделать это, Лили. Если есть что-то, что вы можете рассказать мне, что поможет мне засадить его за решетку, то, пожалуйста, мне нужно, чтобы вы были храброй.

Я открываю дверь и иду обратно в комнату, где все ждут, пока мы с Джонс вернемся.

— У меня есть, что рассказать, но у меня также есть кое-что, что может быть даже лучше.

— Что это? — спрашивает Джонс.

— У меня есть дневник, который я вела. Но он в доме моей лучшей подруги, и мне нужно забрать его.

— Дневник? Как журнал? — я киваю. — В нем есть подробности?

— Я могу рассказать вам некоторые подробности, — прерывает Дейл. — Лили появилась здесь занемевшая от холода с синими губами, потому что ушла от него, не имея ничего, кроме одежды, что была на ней. Я все записал и сохранил записи на случай, если бы возникли негативные последствия.

— Ты это сделал? — спрашиваю я Дейла.

— Да, прости, Лили. Я не хотел обманывать тебя, но я все это записал.

— Ты защищал меня. Я не злюсь.

— Пойду принесу их, — Дейл выскакивает из кабинета и возвращается через несколько минут с конвертом. — Я сделал копию для себя, но вот оригинал.

— Лили, когда вы сможете принести свой дневник?

— Я могу сходить туда сегодня после работы и забрать.

Мы договорились, что завтра утром я приду в полицейский участок и отдам им дневник. Они также сказали, что если мне нужно будет давать показания, то они поговорят с окружным прокурором и узнают, могу ли я сделать это посредством видеозаписи, чтобы мне не пришлось сталкиваться с Трентом. Когда они уходят, я молча остаюсь сидеть в кабинете Питера.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я качаю головой, а затем киваю:

— Не знаю. Я чувствую оцепенение.

— Слушай, давай я позвоню твоему парню и попрошу его забрать тебя. Отдохни оставшуюся часть дня, а завтра утром отправляйся в полицейский участок. Просто зайди ко мне после этого.

Я киваю, но не уверена, на что конкретно.

— Хорошо, — отвечаю на автомате.

Все подобно размытой туманности: слышу, как разговаривают Питер и Дейл, но я полностью отключена и не уверена, что происходит. Я просто сижу в кабинете Питера, уставившись в никуда.

Мой разум все кружится и кружится. Я оцепенела и к тому же запуталась. Не уверена, как долго я здесь сижу, потому что сейчас здесь тихо. Я никого не слышу. Может быть, они разговаривают, а, может, и нет. Я застряла в подвешенном состоянии где-то между адом и землей. Каждая эмоция, каждое чувство — все кипит прямо над поверхностью. Как действующий вулкан, ожидающий извержения.

— Лили, — спокойный глубокий голос Макса зовет меня.

Безучастно я смотрю в его темно-карие с зелеными вкраплениями глаза. Он что-то говорит? Он на самом деле здесь?

— Лили, — снова повторяет он, поднимая меня с кресла и обнимая.

— Он снова это сделал, — безжизненно говорю я. — Он причинил боль кому-то еще.

— Я знаю, Снежинка. Питер сказал мне. Я приехал сразу же, как он позвонил мне.

— Они хотят мой дневник. Мне нужно дать им мой дневник. Мы должны идти, — внезапно я чувствую крайнюю степень безотлагательности, вырываюсь из рук Макса и иду к своему столу, чтобы взять сумку.

Макс идет рядом со мной, сопровождая к моей машине. Но я не в том состоянии, чтобы сесть за руль.

— Вот, — говорю я, передавая ему свои ключи.

— Я на машине. Мы можем вернуться позже и забрать твою. Хорошо? — я киваю

головой, засовываю ключи обратно и иду к машине Макса.

— Шейн уже дома? — спрашивает Макс. — Чтобы она могла впустить нас.

— У меня остались ключи. Они сказали мне, когда я уезжала, что могу оставить их себе, потому что их дом всегда будет моим домом, — я сажусь в машину и не вижу ничего, все размыто. Прежде, чем мы достигаем дома Лиамы и Шейна, Макс звонит им и рассказывает что случилось.

В изумлении я смотрю в окно, действительно не постигая того, что происходит вокруг. Я чувствую себя такой неуверенной во всем. Запутавшейся. Но ощущаю прилив волны силы, которая рассеивает неуверенность и мучения.

— Я должна сделать это, — говорю я сама себе. — Если я этого не сделаю, то у него всегда будет возможность навредить кому-то еще. Он не должен думать, что имеет на это право.

Мы останавливаемся у дома Лиамы и Шейна. Заходим внутрь и идем в комнату, которую я занимала. Я ищу везде и не могу найти дневник.

— Это бесполезно, он выйдет сухим из воды, потому что я не могу найти этот дневник.

Макс обнимает меня и слегка потирает мою спину руками вверх и вниз.

— Лили, когда в последний раз ты в нем писала? — спрашивает он своим красивым, гипнотически успокаивающим голосом.

Мгновенно его поглаживание полностью меня успокаивает.

— Это было, когда закончился развод, — автоматически отвечаю я, закрывая глаза.

— И где ты сидела, когда писала в нем?

Я думаю, и мгновенно изображение вспыхивает в моем сознании.

— На моей кровати. Я положила дневник вниз и легла спать. Боже мой, — кричу я. — Он под кроватью, — опускаюсь на четвереньки и заглядываю под кровать. Он лежит там, с комками пыли на нем, прямо под спинкой кровати. — Спасибо.

Макс приподнимает кровать, я хватаю свой дневник и вытираю пыль.

— Ну вот, — говорит он, широко улыбаясь мне. — Тебе просто нужно было расслабиться.

— Мы можем сейчас поехать домой? Мне просто нужно отключиться и не думать ни о чем.

Он берет дневник, переплетает наши пальцы и ведет меня к машине.

— Я думаю, что тебе нужна ванна, ужин и очень глупая комедия, чтобы заставить тебя смеяться.

— Давай не беспокоиться о моей машине сегодня. Ванная звучит отлично.

Он открывает для меня дверь и бросает дневник на заднее сиденье. Пока мы едем домой, я продолжаю оглядываться на него.

— Не волнуйся об этом, — говорит Макс, очевидно, ощущая, как вес содержимого дневника довлечет надо мной.

— Я ничего не могу поделать. То, что у меня есть, может отправить его в тюрьму.

— Нет, ты не можешь смотреть на это таким образом. Если он и сядет в тюрьму, то из-за того, что он сделал, а не из-за того, что ты написала.

Он прав. Не я избивала Одри. Не я сделала с ней все те ужасные вещи. Он сделал это. И поэтому должен ответить за содеянное.

— Готова? — спрашивает Макс, когда мы стоим на тротуаре перед полицейским участком. Я киваю. — У меня есть дневник. Я сделал копии каждой страницы. Ты можешь сделать это, Лили. Я рядом с тобой на всем пути.

Я смотрю на здание и улыбаюсь. Мы заходим внутрь и идем к стойке администратора, за которой работают два человека.

— Чем я могу вам помочь?

— Я здесь, чтобы увидеться с детективами Харрис и Джонс.

Они осматривают меня сверху вниз, затем один поднимает телефонную трубку и просит их обеих спуститься вниз.

Мгновение спустя, в то время, как мой пульс быстро гудит по всему телу, я слышу:

— Лили, — говорит Харрис, приближаясь к нам. — Пойдемте со мной, — она ведет нас в кабинет и закрывает дверь. — Сегодня вы выглядите лучше, чем вчера. А вы? — она переключает внимание на Макса.

— Макс Стерлинг.

Она слегка кивает ему, а затем снова смотрит на меня.

— Вы принесли дневник?

— Я принес. Вот, — Макс протягивает ей мой дневник. — Я также снял копии с каждой страницы, на случай, если что-нибудь случится.

— Ничего не случится. Мы прочтем его и снимем копии того, что нам нужно. Как только закончится суд над Трентом, мы вернем его вам.

— Могу я задать вам вопрос о Тренте? — я смотрю на Харрис и безмолвно умоляю.

— Если я смогу ответить на него, то да. Есть вещи, которые, очевидно, я не могу с вами обсуждать.

— Когда он избил Одри?

— Три дня назад.

— Он в тюрьме?

— Он был освобожден под залог.

Я дрожу при мысли, что он рядом и может прийти за мной.

— Должна ли я запросить постановление о защите от него?

— Было бы неплохо, учитывая, что его отпустили под залог, и что у нас есть кое-что, что доказывает, что он постоянно совершает преступления.

Я смотрю на Макса, и он кивает в знак согласия. Уверена, он хочет, чтобы я получила постановление.

— Хорошо, как я могу его получить?

Она объясняет мне все и говорит, что в нынешних условиях у них должно получиться уговорить судью довольно быстро принять решение. Мы с Максом уходим сразу после заполнения всех документов на судебный запрет, и Макс отвозит меня на работу.

— Ты уверена, что не хочешь провести день дома? Может, позвать массажиста или кого-нибудь, чтобы сделали тебе маникюр и педикюр? — спрашивает он.

— Нет, я буду в порядке. Я должна занять себя чем-нибудь, и мне нужно позвонить Джолин и поговорить с ней. В субботу я должна была сказать ей, что отказываюсь от

работы. Я не хочу переезжать, хотя и хочу делать то, что люблю.

— Хорошо, это твой выбор. Я работаю допоздна сегодня. Меня не будет дома примерно до восьми или девяти.

Он подъезжает к парадному входу магазина и наклоняется, чтобы поцеловать меня.

— Увидимся вечером, — говорю я.

Поднявшись наверх, я останавливаюсь возле кабинета Питера. Дейл здесь, они пьют кофе и смеются.

— Лили, заходи, — говорит Питер. Дейл встает со стула, отходит и опирается на небольшое пространство стены между большими окнами с видом на торговый зал.

— Я просто хотела, чтобы вы были в курсе того, что происходит.

— И что же это? — спрашивает Дейл.

Я кратко рассказываю им все, что произошло этим утром, и они оба говорят, как рады, что Трент, наконец, ответит за свои деяния.

— А еще я хотела сказать спасибо вам обоим. Вы не только показали мне доброту, но и были терпеливы во всем. Я действительно ценю это.

— Питер сказал мне, что у тебя было собеседование в издательстве, — говорит Дейл, меняя тему разговора. *Очевидно, им обоим так же трудно принимать комплименты, как и мне.*

— Да, но я собираюсь отклонить их предложение.

— Что? — они оба почти кричат на меня. — Почему? — снова говорят они в унисон.

— Сначала они хотели, чтобы я переехала в Нью-Йорк и работала в офисе, но я сказала им, что не перееду. Поэтому они предложили мне работать по телефону, электронной почте и летать в Нью-Йорк раз в месяц. Но я не хочу делать и это.

— Деньги предложили хорошие? — спрашивает Дейл — человек цифр.

— На десять процентов больше, чем я зарабатываю здесь, но уловка в том, что я не смогу иметь личных клиентов.

— Десять процентов маловато, — говорит Питер, а Дейл кивает.

— На самом деле, я отказываюсь от этого по нескольким причинам.

— Ты еще не отказалась? — спрашивает Дейл.

— Из-за того, что случилось вчера, у меня не было шанса.

— А ты хочешь принять предложение? — спрашивает Питер, допивая кофе.

— Я хочу это сделать, но, в то же время, мне нравится здесь. И у меня все расписано на ближайшие три месяца, и еще пять человек ждут своей очереди. Поэтому они мне не очень то и нужны, но было бы неплохо делать то, что я люблю.

— Знаешь, Лили, — начинает Питер. — За тобой охотилось одно издательство. Я могу гарантировать, что тебе поступит еще больше предложений, — я смеюсь, вспоминая слова Джолин. — Что смешного? — он недоуменно смотрит на меня.

— Джолин, дама, которая предложила мне работу, просила, чтобы я сообщила ей о полученных предложениях. Она была милой, и, скорее всего, я не получу еще одно предложение, как у нее.

— Начинается, — бормочет Дейл про себя, но, очевидно, достаточно громко, чтобы я услышала.

— В чем дело, Дейл?

— В тебе, Лили. Ты все еще не понимаешь?

— Понимаю что?

— Ты стоишь в миллион раз больше того, что она предложила. Она хотела встретиться с тобой, потому что ты, моя дорогая Лили, стоишь этого. Каждого цента, каждого доллара. И ее предложение не будет последним. Это только вопрос времени, когда кто-то даст тебе то, что ты хочешь, и ты будешь ценным активом для их компании так же, как ты драгоценна для нашей.

— Спасибо, — говорю я, принимая его красивые слова. — Но я отвергну это предложение, потому что, честно говоря, авиаперелеты и я — не лучшие друзья.

Питер и Дейл оба смеются, понимая, что я имею в виду.

— Сегодня нам потребуется помощь в подсчете оставшихся запасов. Ты сможешь задержаться и помочь? — спрашивает Питер.

— Конечно. Как ты думаешь, во сколько примерно я освобожусь? Мне нужно сказать Максу.

— Не позднее восьми или восьми тридцати.

— Отлично. Я сообщу Максу.

Я встаю и иду к своему столу. Первое, что я делаю — звоню Максу и сообщаю ему, что буду работать допоздна, он просит дождаться его на работе, потому что он заберет меня и отведет поужинать. Поскольку больница находится рядом, мне нет смысла ехать домой, поэтому так мы сможем встретиться и поужинать.

Затем я звоню Джолин и отклоняю ее предложение. Она пытается предложить мне еще десять процентов, но я уже приняла решение. Самый большой недостаток для меня — невозможность работы с новыми клиентами, которые потенциально могут попасть в списки бестселлеров.

***

— Я заканчиваю в восемь, поэтому просто дождись меня, хорошо?

— Ладно, мы, в любом случае, заняты инвентаризацией. Когда мы закончим, мне просто нужно будет взять свитер из своей машины.

— Хорошо, увидимся, когда я приеду, — Макс вешает трубку, а я спускаюсь вниз, чтобы начать помогать с переучетом.

Время летит незаметно и прежде, чем я понимаю, Питер сообщает, что Макс ждет меня перед магазином. Он говорит мне отправляться домой и благодарит за помощь.

— Эй, — говорю я Максу, подходя к нему. — Мне нужно взять кардиган из машины. Она припаркована с тыльной стороны.

— Я пойду с тобой.

— Как насчет того, чтобы ты подъехал на машине на задний двор? А я пойду прямо туда, увидимся через несколько минут.

— Ладно.

Вытянув ключи от машины из сумки, я отдаю ее Максу и направляюсь к заднему выходу, в то время как он идет к своей машине. Я иду к своему автомобилю, припаркованному на задней стоянке. В это время ночи здесь очень тихо и изолировано. Когда я добираюсь до машины и снимаю блокировку с брелока, то слышу один

демонический голос, который, я знаю, никогда не забуду:

— Лили.

Я поворачиваюсь и получаю удар кулаком в лицо. Напуганная, я падаю назад, на машину.

— Трент, — кричу я.

Он наносит второй удар мне в живот, от него я сгибаюсь пополам. Приседаю от боли, пытаюсь кричать, но он выбивает весь воздух из меня. Вместо этого я отчаянно пытаюсь вдохнуть воздух, почувствовать что-то еще, кроме боли в моих легких. Он хватает меня за затылок и бьет головой об дверь.

— Помогите! — кричу я.

— Просто не надо было лезть не в свое дело, сука. Но ты должна была дать им свой сраный, незрелый, тупой маленький дневник.

— Помогите! — кричу я, пытаюсь вырваться. Я начинаю размахивать руками, и мне удается ударить Трента по лицу.

— Я должен был сделать миру одолжение и убить тебя, когда у меня была такая возможность. Похоже, мне придется сделать это сейчас.

— Помогите, — кричу я, продолжая отбиваться от Трента.

Внезапно его отрывают от меня, и я вижу, как его бросают на землю, словно мусор.

— Убери от нее свои чертовы руки, — кричит Макс и наносит несколько быстрых ударов в бок Трента.

— Блядь, ты сломал мне ребро, — визжит Трент от боли, держась за бок.

— Ты в порядке? — Макс берет в ладони мое лицо и затем целует меня в лоб. — Полиция уже в пути.

— Макс, — бормочу я, глядя, как Трент корчится от боли на бетонной площадке.

Макс смотрит на него и закрывает мне обзор.

— Не смотри на него, — говорит он, стоя со мной, защищая.

Обнимая Макса, я смотрю на его широкие плечи. Макс едва коснулся Трента. Однако крутой парень Трент извивается так, будто его избili до полусмерти. Почти так же, как он избивал меня, и больше похоже на то, как он избил Одри.

Полиция приезжает через несколько секунд, и Трент кричит о том, как Макс избил его.

Питер выходит узнать, зачем на его заднюю парковку приехала полиция и скорая помощь.

— Что случилось? — спрашивает он, когда один из офицеров полиции разлучает нас с Максом и принимает его заявление.

— Трент напал на меня и сказал, что собирается меня убить.

Хотя я вижу, что Трент лежит на земле, я ничего к нему не чувствую. Он катается, орет и плачет, но я ничего к нему не чувствую. Я не чувствую узлов в животе, которые чувствовала раньше, когда он бил меня. Я даже не чувствую, как пульс бьется в моих венах в ожидании очередного удара. Я полностью охладела к нему. У меня нет никакого желания подходить к нему, чтобы убедиться, в порядке ли он. Он — ничто для меня, именно это я и чувствую в отношении его. *Ничего.*

— Как голова, Лили? Твой глаз плохо выглядит.

Я уже чувствую, как отекает мой глаз, и знаю, что в течение часа или двух станет хуже.

— Бывало и похуже.

— Больше никаких страданий, — он подходит к офицеру полиции, который

арестовывает Трента, и что-то говорит ему. Он пожимает ему руку, а затем возвращается ко мне.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Посмотри туда, — Питер указывает на заднюю часть здания, и я смотрю в нужном направлении. И я вижу их. Ряд камер. — Ты видишь их?

— Да, — говорю я, улыбаясь и качая головой.

Макс заканчивает разговаривать с офицером полиции и подходит ко мне.

— Тебя нужно осмотреть, — говорит он, указывая на мой глаз.

— Не нужно. Все не так уж плохо, — говорю я. — Но Питер только что сообщил мне хорошие новости.

— Какие? — он поворачивается к Питеру и спрашивает. Питер просто указывает на камеры, и у Макса вырывается смешок. — Но тебя все еще нужно осмотреть. Пойдем, я отвезу тебя в больницу.

— А как же полиция?

— Мы можем заехать к ним после того, как тебя осмотрят, и ты дашь свои показания, — Макс ведет меня к своей машине, а Питер уже ведет еще одного офицера обратно, в сторону магазина.

— Я буду рада, когда сегодняшний день закончится, — говорю я, расслабляясь на мягком черном сиденье автомобиля Макса.

— Как и я, — добавляет Макс, пока мы едем в больницу.

Так много изменений за месяц.

Как оказалось, Трент ничего мне не сломал. Однако Максуду удалось сломать ему два ребра. Благодаря записям с камер наблюдения позади магазина и тому, что наговорил мне Трент, его арестовали за покушение на убийство.

У него развалилась вся жизнь. Одри выдвинула против Трента обвинения, и он потерял должность в больнице, где работал. Они не захотели, чтобы у них работал преступник. Суд над ним состоится только в конце года, а до тех пор его заключили под арест.

Кэтрин была неотъемлемой частью моего выздоровления. Она активно со мной работала, и мне удалось пройти через все это.

Питер и Дейл оказались правы. В конце концов, я получила еще три предложения от издательских компаний. И через час мы с Максом собираемся встретиться с тем из них, чье предложение заинтересовало меня больше всего.

— Ты нервничаешь? — спрашивает Макс, когда приносит мне горячий шоколад.

— Знаешь, что? На самом деле, нет. Ко мне обратились множество издательств, мне либо придется много ездить в командировки, либо отказаться работать с собственными клиентами. Но если я не получу работу ни в одном из них, то, что ж, у меня достаточно работы, чтобы уйти из магазина, если захочу. Меня забронировали на три месяца вперед, и еще двадцать человек находятся в списке ожидания. Так что нет, я не нервничаю.

— Я так рад видеть тебя счастливой, Снежинка.

— Ты должен подумать о летнем имени для меня и менять их по мере смены сезонов, — я ставлю ноутбук на колени, завершая работу над последней главой, которую читала перед тем, как отправить заказчику.

— Ты слышала, что я сказал? — спрашивает Макс.

— А? Ты говорил?

Макс встает и идет на кухню.

— Мы опоздаем, — говорит он, указывая на настенные часы над телевизором.

— Черт, — кричу я, ставлю вниз свой ноутбук и бегу в комнату, чтобы переодеться. Куда делись эти сорок минут? Я переодеваюсь и выхожу в гостиную, где Макс, посмеиваясь про себя, стоит, прислонившись к кухонной стойке.

— Пошли, хватит стоять столбом, — дразню я, направляясь к двери. Макс следует за мной, смеясь над моей полной неразберихой.

Мы спускаемся в гараж, и Макс устремляется вперед, открывает передо мной дверь и ждет, пока я сяду. Потом оббегает вокруг, и мы выезжаем с парковки.

— Не надо нервничать.

— Я не нервничаю, — *но на самом деле я нервничаю.*

— Ха. Ты могла бы обмануть меня. Ты ерзаешь и продолжаешь укладывать волосы. Ты прекрасно выглядишь, и я уверен, что это будет подходящий для тебя вариант, — я равнодушно пожимаю плечами так, будто это не очень важно. — Ты снова это делаешь, притворяешься, что тебе все равно.

Я смотрю на него и ухмыляюсь.

— Когда ты успел так хорошо меня узнать? — это риторический вопрос. Макс смеется и

повторяет за мной, пожимая плечами. — Да, да, — бормочу я себе под нос.

Мы подъезжаем по адресу, который мне дала Мириам, и я осматриваю небольшое здание. Это издательство действительно очень маленькое. Оно состоит из Мириам — директора, одного редактора, одного корректора и личного помощника.

— Ты готова?

— Да.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой? — спрашивает Макс. Я молча киваю. — Тогда давай сделаем это.

Когда мы входим внутрь, нас встречает личный помощник. Ее зовут Зена, она молода и полна жизни. Ее волосы окрашены в разные оттенки розового, и у нее пирсинг над губой. Она спрашивает, не хотим ли мы чего-нибудь выпить, но мы с Максом оба отказываемся.

— Лили, — говорит сравнительно молодая женщина, подходя к нам.

Мы с Максом встаем.

— Да, здравствуйте, я Лили, а это мой партнер — Макс.

— Рад с вами познакомиться, мэм, — говорит Макс, протягивая ей руку.

Мириам смотрит на Макса и улыбается.

— Я тоже рада, — прямо сейчас я смотрю на нее, тупо уставившись. Я без проблем понимаю Макса и его заикание, но знаю, что все новые люди сначала борются с этим, поэтому он предпочитает не представляться самостоятельно. Но Мириам ответила Макс, и ответила так, будто поняла его. Или, может быть, она действительно поняла его. В любом случае, ее реакция уже возводит ее на вершину моего списка.

— Пожалуйста, пройдемте в мой кабинет, — она делает паузу и смеется. — И в мой зал заседаний, — она снова останавливается, оборачивается и смотрит на меня веселым взглядом. — И в нашу комнату для персонала.

— Все в одном. Удобно, — говорю я, осматриваясь вокруг и замечая стопку бумаг, лежащую на другом конце стола для заседаний.

— MML Publications довольно небольшая компания, по сравнению с теми, что в первой пятерке. Но я расширяюсь и нам всегда нужны редакторы. Однако мне нелегко их нанимать. У нас только один редактор и один корректор в издательстве.

— Я кое-что изучила и видела список ваших авторов.

— Правда? — спрашивает она, наклоняя голову, и смотрит на меня. — А она умная, — говорит Мириам Макс.

— Определенно, — соглашается он.

— Я тоже кое-что изучила и поэтому обратилась к вам. Я отслеживала книги, которые вы редактировали, и каждая из них попала в список бестселлеров. И это впечатляюще. Вот, что я могу вам предложить.

Я поднимаю руку, чтобы остановить ее.

— Прежде чем вы озвучите свое предложение, я скажу, чего хочу я.

Мириам смотрит на Макса и подмигивает ему.

— Что вы хотите, Лили?

— У меня была куча предложений, и я отвергла каждое. Но вот мои условия. Я хочу, чтобы вы удвоили плату по сравнению с тем, что я получаю сейчас, работая личным помощником в магазине, и чтобы я могла работать со своими клиентами независимо от моей работы здесь.

— Я могу согласиться с последней частью, — прерывает Мириам.

— Вот в чем дело, Мириам, — я изящно скрещиваю ноги, переплетаю свои пальцы и кладу их на стол. — Если я буду продолжать редактировать самостоятельно, то тогда смогу следить за новыми авторами. И ведь никогда не знаешь, где можно найти следующую стоящую книгу. Вы сами сказали, что каждая книга, над которой я работала, попала в какой-нибудь список бестселлеров. Разве вы не хотели бы, чтобы я приносила их вам, чтобы вы смогли развить свою компанию и попасть в список «большой пятерки»? — я показываю в воздухе кавычке на «большой пятерке», а затем откидываюсь в своем кресле и слежу за ее реакцией.

Я вижу, как она с трудом сглатывает.

— Это единственное ваше условие?

— Когда захочу, я буду работать из дома, и через каждые шесть месяцев мы будем заново обсуждать мою зарплату.

— Что ж, это определенно не то, что планировалось. Вот, что я хотела предложить. Я бы удвоила ту зарплату, что вы получаете сейчас. Вы бы работали в этом кабинете с понедельника по пятницу, вам бы не разрешалось брать работу на стороне и мы бы пересматривали вашу зарплату раз в двенадцать месяцев.

— Хмммм, — говорю я, кивая. — Кажется, вы найдете способ соответствовать моим условиям, — внутри я нервничаю как никогда. Но Питер, Дейл и Макс продолжают говорить мне, что я достойна большего и могу об этом попросить, поэтому я буду придерживаться своих условий и не дрогну. И если я не подхожу MML Publications, тогда впишусь в какое-нибудь другое место.

Мириам встает, подходит к двери, открывает ее и говорит Зене:

— Принеси приветственный пакет со всеми необходимыми формами, — я исполняю внутренний танец и изо всех сил пытаюсь сдержать улыбку. — Добро пожаловать в MML Publications, — говорит она, протягивая руку в поздравительном рукопожатии.

Закончив разговор, мы с Максом выходим и направляемся домой.

— Боже мой, ты можешь поверить в это? — говорю я, сидя в машине и до сих пор пребывая на седьмом небе от счастья.

— Конечно. Это должно было случиться, — он кладет руку мне на бедро, и я накрываю его руку своей. — Сегодня вечером мы отпразднуем это.

— Куда мы едем? — спрашиваю я.

— На самом деле, когда мы придем домой, я хочу, чтобы ты переделалась во что-нибудь удобное, потому что мы зайдем кое-куда перед ужином.

— Куда? — спрашиваю я взволнованно.

— Не скажу, но я даю тебе пятнадцать минут.

Мы заезжаем в гараж, и я выхожу из машины прежде, чем Макс даже попытается поднять ручной тормоз вверх. Нажимаю на кнопку лифта, захожу внутрь и сквозь закрывающуюся дверь вижу, как Макс бежит к лифту. Я слышу, как он кричит:

— Ладно, тогда я подожду здесь.

Надев джинсы, футболку и кроссовки, я спускаюсь в гараж, где, облокотившись на машину, стоит Макс — очень привлекательный, высокий и широкоплечий. Неожиданно я вижу в нем гораздо большее, чем то, что видела прежде. Он всегда был величественным, идеально высеченным из мрамора римским или греческим богом. Но сейчас я полностью сражена его непринужденным и невероятно сексуальным видом.

— Ты готова? — спрашивает он бархатистым голосом.

— Да, — отвечаю я. Чего не могу сказать, так это того, что я готова к гораздо большему, чем просто к прогулке, на которую он меня ведет. Я готова для него. — Куда мы идем? — спрашиваю я, вдруг в полной мере осознавая, что рядом со мной сидит красивый мужчина. Не поймите меня неправильно, я всегда чувствовала влечение к нему, но сейчас я готова вывести это на новый уровень. Но понятия не имею, как ему об этом сказать.

— Куда-то, где по твоим словам ты никогда не была.

— Хах, позаботишься о том, чтобы дать мне еще одну подсказку?

— Не-а, — говорит он, и начинает насвистывать.

Примерно через двадцать минут пути Макс подъезжает к небольшому, похожему на сарай домику. Снаружи висит хлипкая старая вывеска, на которой написано «Музей Клубники». Конечно, я не могу не засмеяться.

— Музей, — говорю я, выходя из автомобиля и закрывая дверь. Он помнит, что я сказала в Нью-Йорке.

— Я хотел отвезти тебя в Лувр, но поскольку он находится в пяти тысячах километров от нас и тебе придется сесть в самолет, то я привез тебя во всемирно известный «Музей клубники», — радостно говорит он, указывая на табличку, подобно тем девушкам из телевизионного игрового шоу. — Пойдем, давай посмотрим все клубничные штучки.

Мы заходим внутрь рука об руку и осматриваем крошечный музей. Под крошечным я подразумеваю старый дом, преобразованный в музей. В его задней части есть выход на открытый внутренний двор, где растут высокие деревья и цветы, а цветочные кадки заполнены клубничными саженцами.

— Ты когда-нибудь нюхал что-то настолько сладкое, как это? — спрашиваю я, когда аромат клубники настигает нас на улице. — Пахнет так, будто они готовят клубничный джем. Запах сахара, приготовленного с клубникой, бесспорно, один из самых благоухающих ароматов, который я когда-либо вдыхала.

— Как насчет того, чтобы подкрепиться клубничным пломбиром? — я не успеваю ничего сказать, а Макс уже направляется к кафе, чтобы купить его.

Мы здесь единственные посетители, и поэтому я выбираю лучшие места, где солнечные лучи касаются моей кожи, и самое ближайшее к плантации клубники.

— Девушка все принесет, когда будет готово, — Макс садится напротив меня и осматривается. — Я кое-что поискал о музеях, и этот — один из самых непонятных, которые я смог найти. Либо этот, либо музей зубных щеток.

— Есть музей зубных щеток? — я морщу нос, думая о том, что может быть представлено на этой выставке. Использованные зубные щетки?

— Да, но когда я увидел, что у них есть клубничное мороженое, это вернуло меня назад, во времена, когда папа водил меня есть мороженое, когда я только начал с ним жить. Это был его способ вывести меня на разговор. И я хотел поделиться с тобой своими чувствами, когда ребенок делает что-то с тем, кто его любит.

Я опускаю глаза и чувствую, как наворачиваются слезы. Но это слезы счастья. Я чувствую себя такой живой, и, наконец, спустя двадцать семь лет, я начинаю понимать себя.

— Я люблю тебя, Макс, — я смотрю вверх и вижу, что он уставился на меня. — Мне потребовалось некоторое время, чтобы позволить себе чувствовать это и понять, что я достойна быть любимой. Но я знаю, что люблю тебя всем своим существом. Я никогда не знала любви раньше. Однажды я думала, что получила ее, но сейчас поняла, что это было просто инструментом для выживания. Ты был рядом со мной и ничего не просил взамен, а,

наоборот, подарил мне так много себя.

— Снежинка, — шепчет он, сводя вместе брови.

— Мне потребовалось много времени. Но теперь я знаю, что достойна любви, и я люблю тебя, Макс

Он молчит пугающе долго.

— Это все, что я когда-либо хотел услышать, — говорит он.

— Что я люблю тебя?

Он качает головой.

— Нет, Снежинка. Услышать, что ты этого достойна.

Я вглядываюсь в его жаждущие, любящие глаза и ломаюсь.

***

Мороженое-пломбир было самым вкусным из всех, что я когда-либо ела. Не потому, что оно было сладким и липким. Не потому, что там было изобилие клубники и клубничного соуса. А потому, что я поделила его с мужчиной, которого люблю.

Мы едем домой, отказавшись от ужина в каком-то ресторане, решив заказать еду на вынос. Мой мобильный телефон звонит, и я достаю его из сумки.

— Девочка, ты сидишь? — говорит Шейн, прежде чем я успеваю поздороваться.

— Мы с Максом едем домой, так что да, мэм, я сижу.

— Поставь меня на громкую связь, я хочу сказать кое-что вам обоим.

— Подожди, — говорю я и поворачиваюсь к Максиму. — Шейн хочет, чтобы я поставила ее на громкую связь, она хочет что-то сказать нам обоим, — Макс согласно кивает. — Ты на громкой связи, Шейн, — говорю я, держа телефон между собой и Максом.

— Помнишь ту поездку в Диснейленд, что ты подарила нам с Лиамом на Рождество?

— Да, — отвечаю я.

— Ты знаешь, что мы с Лиамом провели там лучшее. Время. В СВОЕЙ ЖИЗНИ? — кричит она.

— Да, знаю. Ты присылала мне фотки с той поездки. И даже ту, где ты пыталась облапать Принца Чарминга.

Макс смеется, как и я.

— Да, черт возьми, малышка. Тот парень был Х.О.Р.О.Ш.

— Я прямо здесь, знаешь ли, — я слышу, как ворчит Лиам на заднем плане.

— Тише ты, — игриво говорит она Лиаму. — В любом случае, ты знаешь, что там у нас с Лиамом был сумасшедший обезьяний секс?

Я хлопаю рукой по лбу и качаю головой.

— Да, я помню те сообщения, в которых ты рассказывала, сколько раз вы занимались сексом с Лиамом.

Макс снова смеется.

— Кажется, в один из тех раз получилось.

У меня уходит доля секунды, даже меньше, чтобы понять, о чем она говорит. Неожиданно я начинаю бесконтрольно кричать. Шейн тоже начинает кричать, и Макс

съезжает на обочину.

— Боже мой, — говорю я сквозь истерические слезы и крик. — Поздравляю.

— Поздравляю, Шейн. И тебя, Лиам, — говорит Макс, выхватывая телефон прежде, чем я уроню его от волнения.

— Короче. Барбекю, наш дом, следующее воскресенье, — успеваешь сказать Шейн после того, как перестает кричать. — Ты будешь лучшей тетушкой в мире, Лили.

— Мы придем, — отвечает Макс за нас обоих.

Затем осознание этого бьет по мне. Я буду тетушкой. Не для ребенка моего брата, но для ребенка моей лучшей подруги.

— Да, мы придем, — говорю я, вкладывая в слова столько счастья, сколько могу.

— Пока, ребят, — говорит Шейн и вешает трубку.

— Ты в порядке? — спрашивает Макс и кладет телефон между нами. Я улыбаюсь и киваю, а затем мой кивок превращается в качание. — В чем дело?

— Я так счастлива, что у них будет ребенок. Правда. Но она сказала, что я буду тетей. Как я могу ею быть? Я...

Макс двигается, берет мое лицо в свои большие ладони, нежно поглаживая мою щеку большим пальцем.

— Ты будешь лучшей тетей в мире для этого ребенка. Знаешь, почему? — я качаю головой. — Потому что ты была избрана, — я чувствую, как мои губы растягиваются в легкой улыбке. — И однажды, ты, возможно, даже захочешь подарить их маленькому сыну или дочке кузена, чтобы играть, — я быстро моргаю.

— Я достойна, — я, наконец, выдыхаю.

— Да, — он наклоняется и целует меня.

Такое чувство, что мы часами сидим, обнявшись, но я знаю, что это не так.

— Я голодная, — наконец, говорю я.

— Позволь мне отвезти мою Снежинку домой и накормить ее.

Когда приезжаем домой, мы идем в мою квартиру, где Макс заказывает ужин.

Мы сидим на диване, прижавшись друг к другу, и не смотрим на экран, даже практически не разговариваем, а просто наслаждаемся компанией друг друга. Привозят ужин, и мы едим, смотря телевизор.

— В понедельник на работе мне нужно сказать Питеру и Дейлу, что я увольняюсь.

— Они будут счастливы.

Я смотрю на Макса, и он начинает смеяться, поедая свои спагетти. Его смех переходит в приступ удушья, и я хлопаю его по спине, чтобы помочь.

— Это был самый забавный взгляд, которым ты одаривала меня, — говорит он после того, как сделал пару глотков содовой. — Но я имею в виду, что они будут счастливы, ведь ты будешь делать то, что любишь.

— Я знаю, что ты имел в виду. Я просто пошутила.

Закончив ужинать, я говорю Максиму, что иду в душ.

— Я все уберу, — говорит он, забирает мою тарелку и несет ее на кухню.

Стоя под горячими струями воды, бьющими меня по спине, я думаю о сегодняшнем дне. Похоже, что сегодня — самый замечательный день в моей жизни, не считая дня, когда я ушла от Трента.

За такое короткое время я, наконец, поняла, кто я и чего хочу от своей жизни. Но одно чувство не ослабевает — желание и любовь к Максиму, которую я чувствую. Он всегда был там,

мой луч надежды, с того первого раза, когда я увидела его в магазине, и до этого момента, когда он моет наши тарелки. Он всегда был там и всегда будет.

Я выхожу из душа, вытираюсь и иду в свою спальню, где на кровати лежит Макс.

— Ты принял душ? — спрашиваю я.

— Я сбегал наверх и быстренько принял душ, потому что хотел быть здесь, когда ты выйдешь.

Я забираюсь в кровать и прижимаюсь к Максиму.

Мое сердце быстро бьется, и я чувствую, как возбуждение подобно вихрю бабочек кружится в животе. Я хочу перейти на следующий уровень, но не знаю, как сказать об этом. Приподнимаясь на локте, я целую красивые полные губы Макса. Медленно обвожу их языком и рисую тонкую линию вокруг его рта. Он отвечает на мой страстный порыв, и вскоре я оказываюсь лежащей на спине, а он нависает надо мной.

— Ты уверена, Снежинка? — спрашивает он.

Я киваю и провожу рукой по его волосам.

— Я уверена, — шепчу я.

— Присядь, — просит он. Я делаю так, как он сказал, он захватывает подол моей футболки и снимает ее через голову. На мне только трусики и ничего больше. Жадным взглядом он пробегает по моей обнаженной груди. — Ты так красива, — шепчет он, опускаясь вниз, и обводит своим нетерпеливым языком круги вокруг моих сосков.

С жадностью он сосет мой правый сосок, и когда я жаждуще притягиваю его голову, он перемещается к левой груди. Внутри меня что-то происходит. Чистый восторг начинает закипать внутри меня. Медленно Макс касается пальцами моего живота, останавливаясь, чтобы очертить круг вокруг пупка, а затем спускается вниз к линии белья. Он отрывает свои теплые губы от моей груди и смотрит на меня.

— Можно? — спрашивает он, слегка оттягивая трусики.

Затаив дыхание, я говорю:

— Да.

Он перемещается на кровати, подцепляет трусики большими пальцами с обеих сторон и стягивает их вниз по моим ногам.

— Я был прав, — говорит он, глядя на мое тело. — Прекрасна, — и прижимается губами к моему животу. Он лижет его, прокладывая путь вниз, до тех пор, пока не оказывается между моих ног. — Просто расслабься и чувствуй меня.

Откинувшись на спину, я закрываю глаза, наслаждаясь Максимумом и тем, что его язык делает со мной. Все мысли исчезают. Только радость и удовольствие струятся по моим венам. Я чувствую обжигающее тепло по всему телу, затрагивающее каждую частичку меня, возбуждая те уголки, о которых я даже не знала. Дыхание становится прерывистым, и тихие стоны слетают с моих губ. *Что со мной происходит?* Боже, это блаженство. Мое тело начинает неудержимо сотрясаться, и глубокие всхлипы вырываются из глубин моего горла.

— Боже, — выдыхаю охрипшим голосом. Мои бедра непроизвольно извиваются, пытаюсь получить больше великолепных ощущений ото рта Макса. — О, Боже, — наполовину кричу, хватая Макса за волосы, и в неистовстве пытаюсь прижаться ближе к его лицу. — Ааааа, — вырывается в экстазе, когда мое тело сокращается мощными спазмами, реагируя на этого мужчину и его умелый рот.

Макс поднимается ко мне по кровати и, когда достигает моего лица, его темные глаза говорят все, что мне нужно знать. Он скользит в меня, и я выдыхаю, принимая его.

— Я так сильно люблю тебя, — говорю я.

***

Мы с Максом лежим, обнявшись, и он рисует узоры на моей спине.

— Заниматься с тобой любовью всегда будет так хорошо? — спрашиваю я, целуя его грудь.

— Нет, — *черт, что?* — Будет лучше, — он наклоняется и целует меня в макушку.

Я улыбаюсь, зная, что он прав.

— Я тут кое о чем подумала, — говорю я, закидывая на него ногу, и поворачиваюсь так, что мой подбородок оказывается на его груди.

— О чем? — спрашивает он, жадно всматриваясь в мои глаза.

— Я нашла другое жилье и собираюсь отказаться от своей квартиры.

Челюсть Макса дергается, и я вижу, как он напрягся.

— Ага, — говорит он, приподнимая бровь. Я уже совершенно уверена, что он недоволен моим переездом. — Где это место? Оно безопасное?

— Это не слишком далеко отсюда. Думаю, тебе понравится, — говорю я, наклоняясь и оставляя поцелуи на его груди.

— Не пытайся отвлечь меня, Лили. Где конкретно находится это «не слишком далеко отсюда» место?

— Серьезно, Макс. Ты должен быть счастлив, что я переезжаю.

— С чего бы это? — в его голосе слышатся отчетливые нотки боли и зарождающегося разочарования.

— Потому что я переезжаю в твою квартиру.

Его взгляд автоматически смягчается, и он прилагает огромное усилие, пытаясь сдержать свою широкую улыбку.

— Что же мне с тобой сделать? — спрашивает он, переворачивая нас, и утыкается мне в шею.

— У меня есть парочка идей, — говорю я, раздвигая ноги, чтобы его большое тело удобно разместилось.

Прошло два года с тех пор, как Трент предстал перед судом и был осужден; он имеет право на условно-досрочное освобождение через восемь лет. Мне разрешили дать показания по видеосвязи, чтобы не пришлось сталкиваться с ним в зале суда, но я решила, что должна посмотреть своим страхам в лицо.

Я вошла в зал суда с высоко поднятой головой, расправленными плечами, прямой спиной и со всем хладнокровием опытного хирурга, готового сделать операцию президенту. Хотя внутренне я молилась, чтобы оставаться спокойной и выполнить свою задачу. Я нервничала и плохо себя чувствовала, но когда приблизилась к свидетельской стойке, и Трент шепотом назвал меня шлюхой, именно тогда я все и решила. Чтобы двигаться дальше, я должна встретиться со своим прошлым и показать ему средний палец.

И это именно то, что я сделала. Я смотрела на адвокатов, задававших мне вопросы, и отвечала им всем. Из своего дневника я читала обо всех тех ужасных вещах, которые он сделал со мной. Как только я закончила читать отрывки из своего дневника, то увидела, что некоторые присяжные вытирали слезы. Когда я была освобождена от дачи свидетельских показаний, я вышла так же, как и вошла. С высоко поднятой головой, с расправленными плечами. Мне нечего было стыдиться. Он заставил меня пройти через ад, промыл мне мозги и держал в заключении в моем собственном разуме, убедив, что я никчемная. Присяжным не понадобилось много времени, чтобы вынести вердикт и осудить его.

Когда проходила мимо него, я повернулась, улыбнулась и кивнула ему. Затем я вышла, оставив свое прошлое именно там, где оно и должно быть.

Макс вышагивал по коридору, ожидая меня возле зала суда, и как только я вышла за двери, рухнула в его ожидающие объятия. Это была самая трудный, но освобождающий поступок, который я когда-либо делала.

Я посмотрела на человека, который избивал меня, и сообщила суду, что он со мной сделал.

***

— Эй, Снежинка, ты собираешься сегодня вставать? — спрашивает Макс, пока я все еще лежу в постели, вспоминая о судебном деле.

— Я подумываю об этом, — говорю я, потягиваясь, и смотрю в окно нашей спальни на прекрасный город, раскинувшийся под нами. Золотой браслет, который Макс подарил мне, улавливает искры света, и я улыбаюсь, вспоминая и уважая наше прошлое.

Макс ставит мой горячий шоколад на тумбочку и ложится рядом со мной. Он наклоняется и целует мой все время растущий животик.

— Ты знаешь, малыш, мамочка и я не можем дождаться, когда ты решишь присоединиться к нам, — говорит Макс моему животу и снова целует его.

Я поднимаю руки и, положив их под голову, наблюдаю, как Макс разговаривает с моим

пузиком. Как только я сказала ему, что мы беременны, он начал искать лучшего гинеколога в штате. К счастью, на втором месте был кто-то, кого Макс знал через больницу. Было очень мило то, как он автоматически переключился в режим защитника. Защищал меня и нашего сына.

— Думаю, что хочу оставить работу, как только родится Уэйд, — говорю я Макс. Когда мы обдумывали имена, первым выбором Макса было имя Уэйд. Конечно же, я расплакалась.

— Я говорил тебе то же самое с тех пор, как ты сказала, что мы беременны, — он встает и помогает мне сесть в постели. Макс протягивает мне мой горячий шоколад и начинает переодеваться. — Я думаю, ты должна написать книгу. Мириам может помочь с ней, — он поворачивается и дерзко подмигивает мне.

MML Publications утроила свои продажи за последние два года и у нее появились самые горячие, самые талантливые новые авторы. Я нашла несколько исключительных экземпляров, смогла познакомить их с Мириам и получить их подпись на контракте.

Я пью свой горячий шоколад и слежусь взглядом за крепкими линиями мышц Макса, пока он снимает пижамные штаны и натягивает джинсы и футболку.

— Перестань так на меня смотреть, — поддразнивает он. — Я должен ехать к Лиаму и помочь ему с подготовкой ко дню рождения Софии. Бедолаге Лиаму достается от Шейн, видимо, она довольно тяжело переносит эту беременность, — он смеется, а затем быстро добавляет. — Не говори ей, что я сказал это. Не хочу, чтобы у него или меня были неприятности.

Я улыбаюсь ему.

— Не скажу.

— В любом случае, тебе действительно следует подумать о написании книги. Подумай об этом.

— На самом деле, уже подумала, — отвечаю я, изо всех сил пытаюсь встать и пойти за мужем, чтобы поцеловать его на прощание.

— Я вернусь забрать тебя через пару часов, — он целует меня в губы. — Так ты думала о книге? Действительно? Ты ничего мне об этом не говорила.

Я ковыляю на кухню, где Макс оставил блинчики, приготовленные для меня.

— *Мэнкейки*, — говорю я, приступая к ним.

— Да, я знаю, как сильно ты их любишь. Но расскажи мне об этой книге, — он прислоняется к кухонной стойке и берет свою кружку.

Я заканчиваю жевать.

— Ну, думаю, что у меня есть название.

— Да? Какое?

— Я назову ее... «Уродина».

* КОНЕЦ *

Больше книг на сайте - Knigolub.net